

РОССИЙСКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

РОССИЙСКОЕ СЕЛО
В УСЛОВИЯХ
ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Коллективная монография

Уфа 2014

УДК 316.334.55

ББК 60.546.22

Р76

Рецензенты:

А. А. Ахмадеев, д-р филос. наук, профессор
М. М. Ишмуратов, д-р экон. наук, профессор

Авторский коллектив:

В. И. Староверов (предисловие, глава 1, глава 2); **Н. К. Долгушкин** (глава 2);
О. В. Нечипоренко (глава 3); **А. А. Разин** (глава 4); **А. А. Хагуров** (глава 5); **В. В. Папиорковский**,
А. Е. Крухмалев, **В. В. Пациорковская** (глава 6); **П. П. Великий**,
А. В. Доинская (глава 7); **И. В. Попова** (глава 8); **Г. С. Широкалова** (глава 9);
И. В. Староверова (глава 10); **З. И. Калугина** (глава 11); **А. М. Сергиенко** (глава 12);
Ч. И. Ильдарханова (глава 13); **В. В. Самсонов** (глава 14); **О. П. Фадеева** (глава 15);
М. Р. Зазулина (глава 16); **Р. Р. Салахутдинова**, **С. А. Ларцева** (глава 17); **Е. А. Лаврухина** (глава 18); **М. Ю. Мореханова** (глава 19).

Российское село в условиях глобальных вызовов : коллектив.

P76 моногр. / под общ. ред. В. И. Староверова. – Уфа: БАГСУ, 2014. – 280 с.

ISBN 978-5-4457-0044-9

Коллективная монография подготовлена по результатам работы секции «Социология села» IV Всероссийского социологического конгресса. Монография предназначена для ученых, студентов, практиков, занимающихся изучением проблем российского села.

УДК 316.334.55

ББК 60.546.22

ISBN 978-5-4457-0044-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Разнотипная глобализация, ее вызовы аgro-сельской России, их позитивы и негативы.....	6
Глава 2. Ресурсные, технологические и организационные основания функционирования российского села в условиях глобализационных вызовов.....	24
Глава 3. Сельский мир России: этапы трансформации и альтернативы развития.....	46
Глава 4. Российская деревня и перспективы развития.....	62
Глава 5. Социальная стратификация сельского населения в современной России (макросоциологический анализ).....	80
Глава 6. Роль домохозяйств в развитии российского села.....	90
Глава 7. Трансформация социокультурного пространства села.....	114
Глава 8. Сельский социум: мицоощущение сельского жителя.....	123
Глава 9. Отношение к природе как показатель экологического сознания селян.....	145
Глава 10. Аномизация ментальности и поведения сельского населения.....	157
Глава 11. Диверсификация сельской занятости: проблемы и последствия	169
Глава 12. Динамика бедности сельского населения аграрных регионов России и механизмы ее преодоления.....	183
Глава 13. Социальный капитал российского села и проблемы его сохранения.....	202
Глава 14. Подсобные хозяйства населения как ресурс саморазвития сельского социума.....	213
Глава 15. «Неприметное» предпринимательство: к вопросу о формах самоорганизации сельской жизни.....	226
Глава 16. Практики самоорганизации сельских сообществ изменяющейся России.....	236
Глава 17. Социально-экономическое развитие российского села: проблемы и противоречия.....	242
Глава 18. Социальные ресурсы развития сельских территорий: социологический ракурс.....	251
Глава 19. Социальные последствия распространения инновационных практик в сельском социуме.....	269
Заключение.....	278

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вниманию читателя предлагается коллективная аналитика. Она подготовлена авторами на основе их выступлений на заседаниях секции «Социология села», работавшей в рамках уфимского тура IV Конгресса социологов России осенью 2012 года.

Некоторые, но далеко не все, участники этих заседаний годом ранее встречались и обсуждали проблемы российской деревни на базе РГАЗУ в подмосковном городе Балашиха в рамках московского тура IV Конгресса социологов России. Разные туры в разных местах одного и того же мероприятия являются следствием распрай «социологических генералов», выясняющих, кто из них круче, в результате чего в стране уже давно проходят параллельные конгрессы автономных сообществ игнорирующих друг друга социологов. Но уфимская встреча обществоведов аграрного профиля с их прочими коллегами была примечательна тем, что впервые в пореформенный период, вопреки этим распрям, исследователи бытия российского села собрались для совместного обсуждения волнующих общество противоречий агро-сельской социальной реальности.

И оказалось, что общего у них, прежде всего озабоченности судьбой деревни, больше, а расхождения в подходах к выяснению характера имеющихся противоречий мало сказываются на плодотворности осуществляемых ими анализ, более того, обогащают видение общей картины агро-сельской социальной реальности.

Этих людей, являющихся авторами настоящей публикации, вряд ли необходимо представлять интересующимся вопросами социального бытия отечественной деревни читателям. У каждого из них за плечами внушительные перечни ярких публикаций и внедренных в практику сельского бытия плодотворных научных разработок. Поэтому и тот труд, что стал результатом их совместной работы, представляет, на мой взгляд, добротную фундаментальную аналитику монографического характера, скрупулезно, с различных сторон освещющую сложную палитру агро-сельской социальной реальности.

Строго говоря, предлагаемое вниманию общественности издание весьма относительно можно квалифицировать монографией в традиционном смысле сути этого понятия, в соответствии с которым такого рода публикация должна иметь не только системный анализ содержания темы, но и теоретико-методологическое и идейное единство подходов авторов ее различных разделов. Соавторы данного издания такого единства не имеют, но в современной ситуации, когда Россия и ее деревня задержались на исторических перекрестках выбора ими своей оригинальной или проторенной другими народами дороги, такой мультианалитический подход исследе-

дователей способен обеспечить многовекторное осмысление вытекающих из этого обстоятельства противоречий.

Это в конце концов должно помочь отбору из множества вариативных путей разрешения этих противоречий наиболее оптимальные, а потому эффективные для этого пути. Уже только этим данная публикация может, безусловно, быть полезной для практиков социального управления, а также для определяющих стратегии развития деревни, агросфера и страны в целом политиков. Но и для прочих ее читателей она небесполезна, поскольку проясняет многие неосознанно или сознательно затененные стороны социального бытия российского села.

Авторский коллектив: Предисловие, заключение, гл.1. Разнотипная глобализация, ее вызовы агро-сельской России, их позитивы и негативы (*Староверов В.И. – д-р филос. наук, заслуженный деятель науки РФ, Москва*). Гл.2. Ресурсные, технологические и организационные основания функционирования российского села в условиях глобализационных вызовов (*Долгушкин Н.К. д-р экон. наук, член-корреспондент РАСХН, Староверов В.И., Москва*). Гл.3. Сельский мир России: этапы трансформации и альтернативы развития (*Нечипоренко О.В. – д-р социол. наук, Новосибирск*). Гл.4. Российская деревня и перспективы развития (*Разин А.А. – канд. филос. наук, Ижевск*). Гл.5. Социальная стратификация сельского населения в современной России (макросоциологический анализ) (*Хагуров А.А. – д-р социол. наук, Краснодар*). Гл.6. Роль домохозяйств в развитии сельского села (*Пациорковский В.В. – д-р экон. наук, Крухмалев А.Е. – д-р филос. наук, Пациорковская В.В. – канд. экон. наук, Москва*). Гл.7. Трансформация социокультурного пространства села (*Великий П.П. – д-р филос. наук, Донскова А.В. – канд. социол. наук, Саратов*). Гл.8. Сельский социум: мироощущение сельского жителя. (*Попова И.В. – д-р социол. наук, Кострома*). Гл. 9. Отношение к природе как показатель экологического сознания селян (*Широкалова Г.С. – д-р социол. наук, Нижний Новгород*). Гл.10. Аномизация ментальности и поведения сельского населения (*Староверова И.В. – канд. социол. наук, Москва*). Гл.11. Диверсификация сельской занятости: проблемы и последствия развития (*Калугина З.И. – д-р социол. наук, Новосибирск*). Гл.12. Динамика бедности сельского населения аграрных регионов России и механизмы ее преодоления (*Сергиенко А.М. – д-р социол. наук, Барнаул*). Гл. 13. Социальный капитал российского села и проблемы его сохранения (*Ильдарханова Ч.И. – канд. социол. наук, Казань*). Гл.14. Подсобные хозяйства населения как ресурс саморазвития сельского социума (*Самсонов В.В. – канд. филос. наук, Новосибирск*). Гл.15. «Неприметное» предпринимательство: к вопросу о формах самоорганизации сельской жизни (*Фадеева О.П. – канд. социол. наук, Новосибирск*). Гл.16. Практики самоорганизации сельских сообществ изменяющейся России (*Зазулина М.Р. – мл. науч. сотрудник, Новосибирск*). Гл.17. Социально-экономическое развитие российского села: проблемы и противоречия (*Салахутдинова Р.Р. – д-р социол. наук, Ларцева С.А. – канд. экон. наук, Уфа*). Гл.18. Социальные ресурсы развития сельских территорий Российской Федерации: социологический ракурс (*Лаврухина Е.А. – канд. филос. наук, докторант РАГС, Москва*). Гл. 19. Социальные последствия распространения инновационных практик в сельском социуме (*Мореханова М.Ю. – канд. социол. наук, Саратов*).

ГЛАВА 1

РАЗНОТИПНАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ЕЕ ВЫЗОВЫ АГРО-СЕЛЬСКОЙ РОССИИ, ИХ ПОЗИТИВЫ И НЕГАТИВЫ

Общая постановка проблемы глобальных вызовов агро-сельской России. В последние десятилетия глобализация стала знамением бытия человечества. С одной стороны, неизмеримо расширяя диапазон и масштабы взаимосвязей всех ячеек его организации, она ускоряет распространение и использование их лучших достижений. С другой стороны, она же обеспечивает это и негативным условиям и проявлениям планетарного бытия, а потому выступает суровым экзаменатором устойчивости существования национальных хозяйств, государств, обществ и их подсистем. Цена не сданного ей экзамена – утрата национальной безопасности, суверенитета последних и даже их социально-территориальный распад.

Особенно чревата вызовами социально-экономическим основам и цивилизационным скрепам современного российского социума и государства реализуемая Западом разновидность управляемой им глобализации. Именно она стала, кстати, одним из факторов развала СССР. Между тем, по утверждению чл.-корреспондента РАСХН губернатора Белгородской области А.Е. Савченко, только за постельцинский период конкурентоспособность российской экономики снизилась по отношению к мировой в 4 раза. Что же касается социального бытия, то оно все сильнее подвергается разрушительному напряжению центробежных сил.

Несмотря на это, в июне прошлого года на XV Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге экс-президент, ныне премьер правительства, Д.А. Медведев заявил следующее:

– Более значительная интеграция российской экономики в глобальную – это... один из безальтернативных сценариев...», ибо «мы без открытой экономики упадем и ударимся очень сильно. Поэтому мы... снимаем барьеры для иностранных инвестиций и рассчитываем завершить процесс вступления России в ВТО, а затем в Организацию экономического сотрудничества»¹.

Обе эти организации – ВТО и ОЭСР – контролируются зарубежными транснациональными корпорациями и являются эффективными инструментами управляемой ими глобализации. Тем не менее Россия действительно в том же году преодолела многотрудный путь 18-летних переговоров о вступлении в первую организацию, и нынешним летом наша страна стала ее членом.

Между тем не только управляемая глобализация, но и магистральные процессы эволюционной глобализации, развертывающейся в соот-

¹ Дмитрий Медведев. Пройти точку невозврата // Стратегия России. – 2011. – № 7. – С. 8.

вествии с естественно-историческими закономерностями общественного развития человечества, чреваты для социума современной России судьбоносными для него вызовами. А потому необходимо искать адекватные опасности ответы, чтобы обеспечить национальную безопасность и прогрессивное движение вперед.

В контексте обусловленных обеими разновидностями глобализации испытаний для национальных экономик одним из слабых мест современной России является особо низкая конкурентоспособность ее агропромышленного дела на мировом рынке. Между тем оно судьбоносно не только для хозяйственной жизни страны, но и для существования деревни как обладающей своей относительно самостоятельной субъектностью подсистемы российского социума. Отсюда вытекает назревшая необходимость в исследовании его состояния и способности не только противостоять порождаемым глобализацией рискам, но и использовать обеспечиваемые ею возможности.

На первый план сохранения российской деревни и отчасти суверенности современной России выходит проблема выживания и успешного развития российского агропромышленного комплекса в условиях глобализации. Эта проблема актуальна в силу, с одной стороны, значимости этого хозяйственного института не только для социального благополучия села, но и для стабильности общества и национальной безопасности России, с другой, из-за вхождения ее сегодня не просто в очередной социально-экономический, а в застойный парадигмально-системный кризис.

Уже классически простой социально-экономический кризис отечественного агропромышленного комплекса обрек современную Россию на утрату продовольственной независимости, то есть значимого элемента ее национальной безопасности. Более того, несмотря на более чем троекратный в последние десять лет рост масштабов импорта продовольствия, этот кризис породил явления массового хронического недоедания значительной части населения страны и резкого снижения качества его питания.¹ Парадигмально-системный² же застойный кризис становится одним из факторов переживаемого ею нарастания социальной напряженности не только в деревне, но и во всем российском обществе.

В нашей стране и без того сложился уже сырьевой тип экономики, а вступление в ВТО чревато юридическим закреплением ее неоколониально-сырьевого положения в глобальной экономике.

Правящие страной верхи знают, а сегодня и общество в этом убеждается, что даже «конкурентоспособная часть нашей экономики зависит от

¹ Состояние и меры по развитию агропромышленного комплекса и рыболовства Российской Федерации. Ежегодный доклад МСХ РФ. 2007.

² Парадигма – (от греч. *paradeigma* – пример, образец) в современном обществоведении тип развития, выражающий системные качества динамики объекта, (феномена, сложного процесса).

капризного внешнего рынка, а внутренний рынок импортозависим»¹. Особенno наглядно это видно на примере отечественного сельского хозяйства. Радикальные либеральные реформаторы 1990-х годов, окрестив его «черной бюджетной дырой», безуспешно пытались перестроить сельскую экономику путем замены колхозно-совхозного строя социально-экономическим конгломератом малоэффективных парцелярно-семейных крестьянско-фермерских и других частных хозяйств. А в результате только обессилили отечественное аграрное дело. Сменившие их неолиберальные реформаторы пытаются в последнее десятилетие его возродить на последовательно рыночных буржуазно-латифундистских основаниях, но пока малоуспешно, – оно еще не достигло своих рубежей четверть вековой давности.

О тревожном состоянии современного российского агропромдела свидетельствует тот факт, что износ его материально-технической базы, особенно в сельском хозяйстве, превысил критические пороги. Воспроизводство ее уже второе десятилетие осуществляется в алгоритме сужения технологического потенциала вследствие существенного превышения выпадания материально-технических средств над их обновлением.

По этой причине в сельском хозяйстве началось возрождение ручных и конно-ручных технологий. Растет доля базирующих на них свою трудовую деятельность работников, причем уже сегодня в сельском хозяйстве она в целом выше, чем была несколько десятилетий назад.

Эти обстоятельства в дополнение к уничтожению в результате (нео)либеральных реформ социального капитала аграрного дела обусловили значительное снижение общественной производительности сельскохозяйственного труда, падение доходов занятого сельского населения, уменьшение возможностей для устойчивого развития российской деревни и, в конечном счете, социально-экономическое осуждение последней, что крайне негативно сказывается на ее и без того неблагоприятном для нашего общества социально-демографическом, профессионально-образовательном, культурном и духовно-ментальном состоянии.

Чтобы стать конкурентоспособной на мировом аграрном рынке, России необходимо в первую очередь преодолеть застойный системный кризис ее агропромышленного дела. А это требует неотложных комплексных мер по возрождению российской деревни, сельского хозяйства и агропромышленного производства в целом путем стимулирования созидательного потенциала их работников на основе более эффективной стратегии аграрно-промышленной и социальной политики, чем ныне реализуемая ее парадигма. Без этого проблематичным становится не только дальнейшее под-

¹ Набиуллина Э.С. Минэкономразвития: пути повышения эффективности экономики // Национальные проекты. – 2001. – № 6 (61). – С. 5.

держание продовольственного обеспечения населения страны, но и самодостаточное функционирование и развитие всего российского общества, да и самой России как самостоятельного, независимого государства.

Серьезные попытки осуществления таких комплексных мер были предприняты в прошлом десятилетии в процессе разработки приоритетного национального проекта развития агропромышленного комплекса России. Ход реализации проекта обнажил недостаточную продуманность его концептуальных оснований. Наиболее очевидно это проявилось в ситуативности доминанты отбора основных программных направлений данного проекта. Она вытекала, на наш взгляд, из подчиненности их интересам стратегических частных собственников и, соответственно, во многом из обусловленных данным обстоятельством просчетов в стратегии агропромышленных преобразований.

Вместе с тем эти просчеты в стратегии отражали недостатки научных знаний об объекте преобразований и особенностях его адаптации к условиям глобальной экономики.

Со времени разработки упомянутого проекта прошло почти десятилетие. Однако и сегодня таких знаний недостаточно. Прежде всего, об общественно-хозяйственной природе российского аграрного дела, о фактическом состоянии и социально-экономических механизмах воздействия методами рыночного регулирования на реформирование различных сегментов агропромышленного хозяйства. Особенно рыночных инноваций, имеющих глобализационную природу, утвердившихся и утверждаемых в сфере современного отечественного агропромышленного производства. И в первую очередь, усиливающегося влияния на него по мере роста российского продовольственного импорта и экспорта процессов глобализации и условий функционирования аграрного мирового хозяйства.

Выработка научно обоснованной, ориентированной на созидание аграрно-социальной политики и совокупности мер вывода российской агросфера из своего кризиса требует знания причин и механизмов неудовлетворительного хода и последствий (нео)либеральных преобразований, осуществлявшихся в последние десятилетия в отечественной деревне и сельском хозяйстве в целом. При этом важно рассмотреть их в контексте глобализационного влияния аграрного мирового хозяйства на российскую агропромышленную экономику.

Оценка состояния научного осмысливания возникших исторически, особенно в контексте процессов глобализации, а также в ходе последних преобразований агропромышленного комплекса России, противоречий в них обуславливает не только актуальность их исследования, но и его основные направления. Из этих же обстоятельств вытекает актуальность и общественная значимость исследования сущности российского агропро-

мышленного комплекса, осмыслиения обусловливающих его функционирование условий и факторов, поиска социально ориентированных путей эффективного производственно-экономического возрождения этого института в условиях глобализации.

Реперные точки вызовов глобализации функционированию российской агросфера и субъектности ее села. Сегодня их, этих социально значимых точек, обозначающих глобализационные вызовы отечественной деревне, множество. Ограниченност объема данного материала побуждает меня обозначить большинство их лишь *тезисно*. Однако за каждым таким тезисом стоит обширный аналитический материал из книги «Агропром России в глобальной экономике: вызовы и решения», над которой мы работаем совместно с Главным ученым секретарем РАСХН, чл.-корреспондентом Н.К. Долгушкиным.

Считаю необходимым обратить ваше внимание на следующие моменты:

1. Формирование и эволюция мирового рынка изначально и на всех последующих этапах зиждется на прагматичных принципах обеспечения экономической прибыли и весьма инертна к морали и иным не системным для экономики социально-этическим ценностям.

2. На уровень развития мирового рынка существенное влияние оказывают система общественного разделения и организации труда и международные политические отношения. Капиталистическая организация производства объективно потребовала системной организации распределения, что породило тенденцию глобализации распределительных отношений и единения рынков.

3. Свойственные кризисной природе капиталистических социально-экономических отношений противоречия неоднократно порождали откаты в этих интеграционных процессах, сопровождавшиеся войнами и кризисами, но тенденции к повышению экономических взаимосвязей возвращали интеграционные процессы на путь их дальнейшего восхождения.

4. Современная мировая практика производственно-хозяйственных отношений породила *два типа их глобализации*. В *естественной форме* она выражает неуклонное развертывание генетического потенциала материальных и гуманитарных ресурсов формирования организационного всеединства социально-экономического фундамента планетарного социума. В *искусственно-управляемом* варианте – волюнтаристское формирование материально-экономических основ реализации доктрины построения нового мирового порядка, должно обеспечить благоденствие «золотого миллиарда» за счет перераспределения в его пользу ресурсов, предназначенных для нужд жизнедеятельности прочего человечества.

5. Современные западноцентристские буржуазные концепции глобализации – от формирования технолого-сетевых экономик (Р. Райха) до культурологических информационных образований (М. Кастельс), матриц кочевничества (Ж. Аттали), цивилизационных антагонизмов (П. Бергер, С. Хантингтон) и прочие – игнорируют или умаляют детерминирующую роль в их развитии общественного разделения и общественной организации труда. Элиминируя из них составляющие эпохальную скрепу этих исторических феноменов отношения собственности, они искажают природу противоречий и сущность рисков монополистического характера ее глобализации для суверенитета национальных экономик, стран, регионов.

6. Глобализация усилила влияние на мировой хозяйственный рынок фактора геополитических ориентаций, что проявляется, в частности, в сложившемся неравноправии России в системе всемирных экономических рыночных отношений. Вступая в ВТО, Россия надеялась избавиться от такой дискриминации, а вместо этого оказалась в контексте новых вызовов и рисков, преодоление которых требует от нее совершенствования ее экономической стратегии, особенно в аграрной сфере.

7. Современная Россия унаследовала от Советского Союза неравноправный статус в системе международной торговли. Это было обусловлено не только геополитическими доктринаами, но и идеологическими ориентациями капиталистических держав на всемерное сдерживание СССР на арене международной деятельности. В последние десятилетия социалистическое бытие России трансформировано в капиталистическую его парадигму. Казалось бы, это устранило идеологические препоны для полноправного включения ее деятельности в мировой контекст. Однако данное обстоятельство ни в коей мере не смягчило продиктованное геополитическими соображениями отторжение и дискриминацию нашей страны в планетарном разделении и организации труда и в сфере международной торговли.

8. Особенно существенно сократилась в последнюю четверть века активность и роль России в международном общественном разделении труда. Основной причиной этого обстоятельства стал спад ее производственно-экономического потенциала, порожденный и стимулируемый ошибочной стратегией (нео)либеральной трансформацией его, наиболее характерными чертами которой стала нарастающая деиндустриализация национального хозяйства и коррумптивная социально-экономическая практика, охватившая все сферы российского общества.

9. Начиная с горбачевской перестройки, последовательно усиливается зависимость современной России от внешнего воздействия сил, осуществляющих политику управляемой глобализации и доктрину построения нового мирового порядка. Наиболее активно их воздействие осуществля-

ется через систему международных банков, организаций и транснациональных корпораций. О степени этого воздействия можно судить по выступлениям ряда депутатов Госдумы РФ во время обсуждения бюджета на 2013/14 гг. Из них следует, что в нашей стране под иностранной юрисдикцией находится около 90% крупной промышленности. И что золотовалютные резервы России сократились за пять последних лет на четверть – до 520 млрд. \$, – тогда как ее внешний долг только в 2012 г. вырос, по данным Центробанка, на 93 млрд. \$ и превысил на начало 2013 г. 623 млрд. долларов.

10. Вышеназванные и им подобные обстоятельства обусловили актуализацию совершенствования стратегии поведения современной России в пространстве международной жизнедеятельности, прежде всего уточнения политики поиска ею своей ниши в глобальной экономике.

В связи с аграрным ракурсом этих феноменов целесообразно обратить внимание также на следующие обстоятельства:

11. Наднациональные международные организации, навязывающие всем странам, в т.ч. обремененным неравенством свойственных им природных условий, обязательные для них нормы формального юридического равенства хозяйственной практики, на деле проводят политику нового неоколониального их подчинения. К таким организациям, как свидетельствует экономическая история человечества последних десятилетий, относится ВТО – одна из дочерних организаций МВФ, признанного авторитетными обществоведами разных стран наиболее эффективным инструментом утверждения обремененного отношениями международной эксплуатации нового мирового порядка средствами управляемого глобализма.

12. На современном этапе развития человечества по причине наличия в мире неустранимых различий в потенциале объективных возможностей национальных систем земледелия, животноводства, инсектоводства и т.д., а также в природно-климатических, технологических, ресурсных условиях *нереально обеспечить* на мировом аграрном рынке на базе формального равенства международного права, игнорируя системы протекционистских сдержек и противовесов ему, *подлинно взаимовыгодный обмен* между теми или иными странами и региональными общностями стран консолидированной массой сельскохозяйственных товаров. Именно эти объективные обстоятельства диктуют в аграрном секторе характер международного разделения общественного труда и все вытекающие из этого явления процессы формирования, функционирования и развития мирового аграрного хозяйства. В том числе степень и характер включенности в него разных стран и регионов.

13. Российские правящие круги и уполномоченные ими чиновники на длительных переговорах о вступлении нашей страны в ВТО, как явст-

вуют их публичные выступления, грубо переоценили физический капитал российского сельского хозяйства на весах современной глобальной аграрной экономики. Содержание 47 тыс. страниц соглашений об условиях вхождения России в ВТО, ставшее в соответствии с отечественным правом о превенстве ратифицированных международных законов над национальными основным кодексом регулирования хозяйственной жизни России, чревато превращением их в мощное орудие ограничения экономического суверенитета. В частности, в агросфере инструментом для него становится не учтенная соглашением рентная уязвимость российского агродела на мировом аграрынке.

14. Осуществленные в России в последнюю четверть века радикальные и неолиберальные экономические преобразования трансформационного типа до очевидности разрушили созидательный потенциал российских организационно-управленческих институтов отечественного агродела. Даже без учета деградации его физического капитала, возврата значительной части его сегментов в доиндустриальное состояние в пореформенный период несомненной стала неспособность организационно-управленческого аппарата российского агропрома обеспечить нормальное функционирование последнего в условиях жестко конкурентного характера глобальной агроэкономики. И тем более это становится невозможным в настоящий момент, т.е. в условиях осуществления соглашения с ВТО. В нынешнем виде оно чревато утратой сохранения страной аграрной самостоятельности и, соответственно, остатков национальной продовольственной безопасности.

15. Ситуацию усугубляет порожденное вышеизложенными преобразованиями год от года все более интенсивное осаждение человеческого и социального потенциала российского агропромышленного дела, нарастающий кадровый голод, снижение профессионализации рабочей силы, утраты мотиваций на сложный высокопроизводительный труд. И это тогда, когда технологии и производительные силы основных российских конкурентов на мировом аграрынке уверенно вступают в постиндустриальную стадию их развития.

С учетом сказанного очевидна насущная необходимость выработки чрезвычайных мер, способных обеспечить не только безущербный ответ российского агропрома на вызовы, порожденные неудачным соглашением нашей страны о вступлении в ВТО, но и освоение тех возможностей, которые открывают более тактичное включение ее в международное разделение агропромышленного труда.

Подходы к анализу воздействий глобализации на российскую агросферу. Оценивая современные теоретико-методологические основы исследо-

дования, условия, факторы и технологии преобразований в российском агропромышленном комплексе, мы полагаем, что:

1. Для научного осмыслиения преобразований этого рода наиболее рационально использовать обществоведческую методологию институционального подхода, поскольку с точки зрения организации агропромышленного комплекса его следует отнести к числу важнейших сфер жизни общества, имеющих общественно-институциональный характер. В качестве общественно-хозяйственного института он достаточно адекватно специфицируется и познается теориями и методологией институционализма. Его функционирование имеет только ему посильные задачи, а потому характеризуется целевой направленностью, все его подсистемы и элементы имеют структуру и функции, выполняют определенные роли, соответствующие цели этого общественно-хозяйственного института.

2. Познавательные возможности институционального анализа позволяют с достаточной достоверностью выявить не только место агропромышленного комплекса в совокупной системе организации национального хозяйства, но и установить степень соответствия выполняемых им функций потребностям и целям общества в целом. А также выявить ключевые взаимосвязи и экономические отношения между агропромышленным комплексом и другими общественными институтами, включая деревню.

3. Отечественный опыт показывает, что все прошлые институциональные преобразования сначала только сельского хозяйства, затем агропромышленного комплекса имели истоки в обострении противоречий между необходимостью все более полного удовлетворения потребностей населения в высококачественных продуктах питания, с одной стороны, их нехваткой или возрастающей дороговизной, с другой. Последняя связана как с влиянием политических, экономических и социально-культурных факторов, так и с необходимостью использования новых долгостоящих технологий. В конце 80-х годов в России действовали иные основания для начала перестройки агропромышленного комплекса, лежавшие в области идеологической и политической целесообразности.

4. На ход рыночной трансформации агропромышленного комплекса решающее влияние оказали два фактора: стратегия, политика и практика преобразований, с одной стороны, и его экономический потенциал, главные составные которого зависят от доли направляемого на эти цели валового внутреннего продукта, а также структура ее расходов, с другой. Агропромышленная политика осталась прежней, потенциал агропромышленного комплекса и доля вложений в его развитие уменьшились, а вызывающие потребность в дальнейших преобразованиях этого института противоречия обострились. Все это делает перспективы агропромышленного комплекса весьма неопределенными.

5. Институциональный подход к реформированию агропромышленного комплекса позволяет использовать как в оценке, так и обеспечении преобразований в нем системные технологии, в том числе ключевые в системотехнике алгоритмы системной динамики. Наиболее эффективно использовать одновременно и во взаимосвязи их модели системного перехода от «черного» ящика к «белому», от одной системной модели состава к другой и системные структурные схемы перехода.

6. Целевые установки такого перехода должны исходить из необходимости охватить им людей. Прежде всего, регулирующие их поведение ориентации, нормы и связи. Именно в их координатах агропромышленный комплекс предстает в практике социального управления как система взаимодействий субъектов, организующих деятельность, обеспечивающую удовлетворение гуманитарных потребностей, лежащих в основе расширенного воспроизводства человека и общества.

Ключевые направления возрождения отечественного агродела. В свете обозначенных теоретико-методологических подходов к анализу российской агросфера, прежде всего села, в условиях глобализации, полагаю, что сегодня:

1. России необходимо в первую очередь кардинально пересмотреть социально-экономические механизмы функционирования зернового производства. Оно составляет исходное основание конкурентоспособности российского сельского хозяйства в мировой аграрной экономике. Необходимо принципиально усовершенствовать распределительную цепочку стоимости его продукции, сдвинув пропорции ее в пользу товаропроизводителей и уменьшив нахлебническую долю трейдеров, для чего уменьшить высоту административных барьеров на путях к рынку и упростить отягощенные коррупционногенным потенциалом механизмы оформления и лицензирования.

2. Первоочередной задачей является также выработка эффективной стратегии технико-технологического перевооружения сельского хозяйства, более совершенной парадигмы его функционирования и развития. Ставка только на селекционные достижения, агротехнику и на сосредоточение зернопроизводства исключительно в благоприятных для его ведения почвенно-климатических зонах не обеспечит ему достаточную конкурентоспособность на мировом аграрном рынке. В послевоенный период эти факторы проявили свою эффективность только в тех странах, «где ресурсоэнергонасыщенность в расчете на каждого жителя в 50 раз и более превышала таковую в остальном мире»¹.

3. Предпочтение в использовании зернового ресурса следует отдавать потребностям отечественного потребителя, без этого невозможно

¹ Жученко А.А. Ресурсный потенциал производства зерна в России. – М.: Агроресурс, 2004. – С. 688.

обеспечение не только продовольственной, но и иной национальной безопасности. В связи с этим необходимо больше внимания уделить кормовым функциям зернового производства, для чего интенсифицировать воспроизведение в стране поголовья скота, пересмотреть его структуру и качество и, главное, рационы и методы его содержания.

4. На устойчивость функционирования и развития российского сельскохозяйственного производства все негативнее влияет совокупность объективных исходных причин, среди которых, помимо обусловленной прогнозами пореформенной аграрной политики финансово-экономической «засухи», обострение проблем его материально-технического и технологического обеспечения. Вследствие сложившейся за последние два десятилетия неблагоприятной макроэкономической ситуации продолжают расти цены на материально-технические ресурсы. Чрезмерно много их отвлекается ради корысти частных производителей в сферу экспорта. Низкой остается доходность сектора сельхозтоваропроизводителей и, соответственно, его инвестиционная активность.

В итоге в стране сокращается технико-технологическое пространство интенсивного аграрного производства, все более значительная часть его вновь приобретает экстенсивный характер, усугубляя обострение продовольственной безопасности населения.

5. Наиболее опасный характер приобретает убыстряющее разрушение системы отечественного семеноводства, являющейся бесценным сокровищем, созданным многими поколениями отечественных селекционеров. Все более агрессивно идет захват ее транснациональными семеноводческими корпорациями даже по таким направлениям, как семена масличных культур, где превосходство российской селекции признано бесспорным мировым общественным мнением. Недостаток внимания к материальным нуждам функционирования и развития этой системы и пробелы в российском законодательстве облегчают этот захват, являющийся прямым свидетельством ползучей колонизации агропромышленного комплекса страны.

6. Объявленная магистральным направлением перспективного развития российского сельского хозяйства его модернизация может быть успешной лишь при одновременном с *возрождением* его морально и физически изношенных основных фондов их обновлении. То есть, при замене доминирующего сегодня ручного труда механизированным и подъеме состояния социальной сферы сельских территорий сначала до предреформенного, а затем и выше его, уровня. Параллельно и во взаимосвязи с этим предстоит возрождать и совершенствовать профессиональное образование кадров, фундаментальные и прикладные исследования, механизмы внедрения нововведений в сельское хозяйство, освоения его технико-технологического потенциала. Только таким путем можно решить проти-

воречия технического отставания современного российского аграрного производства.

7. Осуществляя техническую модернизацию сельского хозяйства, целесообразно иметь в виду несколько взаимосвязанных и взаимодействующих задач. Во-первых, вопросы оптимизации отечественного агротехнопарка, которые можно решить только путем освобождения от морально устарелой техники и замены ее меньшим количеством более совершенных качественно машин. Во-вторых, необходимо оградить его от засилья в нем машин иностранных марок. Их импорт порождает неоколониальную зависимость отечественного аграрного производства и чрезмерно затрудняет доступ на российский рынок продукции отечественных сельхозмашиностроения. К тому же у наших земледельцев появляются проблемы из-за неприспособленности зарубежных машин к почвенно-климатическим условиям, в которых им предстоит работать. В-третьих, нельзя не учитывать, что модернизация сельского хозяйства не исчерпывается техническим обновлением его основных фондов.

8. Все большее значение приобретают инновации технологического характера, обеспечивающие рационализацию технико-технологического потенциала сельского хозяйства при одновременном совершенствовании его качества на основе внедрения энерго- и ресурсосберегающей сельхозтехники и научно обоснованной оптимизации традиционных технологических процессов растениеводства и животноводства. Это требует от российских аграриев большего внимания к вопросам проверки действенности технологий нулевой и минимальной обработки почвы, точного земледелия и т.п., их доработки и адаптации к российским условиям и при положительных результатах последующего активного внедрения в практику.

К сказанному необходимо добавить проблемы из-за деформации под воздействием управляемой глобализации отечественного агропрома его структурно-организационной природы.

9. Дореформенный российский АПК структурно-организационно был самодостаточным хозяйствственно-экономическим институтом, способным функционировать независимо от системы социально-производственных отношений формировавшегося по западным либеральным лекалам глобального комплекса агропромбизнеса, устанавливая для себя те внутренние и внешние связи, которые были выгодны для его безущербного функционирования и развития, и, отторгая те, которые представляли опасность для его существования.

10. Глобальная агропромэкономика формируется и функционирует в форме претендующего на планетарный охват суперкомплекса агропромбизнеса. Основным организационно-хозяйственным инструментом ее, обеспечивающим тенденции конкурентной экспансии глобального

комплекса агропромбизнеса, являются транснациональные агропромкорпорации (ТНК), делящие друг с другом мировой агропромышленный рынок и поглощающие аналогичные технологически, но менее интегрированные национальные хозяйствственные структуры с деформированной системностью их организации, функционирующие в государственно-региональном пространстве.

11. Глобальный комплекс агропромбизнеса был безопасен для функционирования сплоченного интегративными связями организационно самодостаточного дореформенного российского АПК. Зато он представляет существенную опасность для независимости функционирования утратившего качества организационной самодостаточности реформированного отечественного агропромхозяйства.

12. Радикально-либеральная и последующая неолиберальная трансформация сформированного в 1950-1980 гг. российского АПК разрушила организационно-хозяйственную целостность отечественной агросфера, разорвав системную взаимозависимость между городом и деревней. Управляемая глобализация окончательно разрывает социальное взаимодействие города с деревней, создавая в российском агропроме доминирование отчужденности от субъектности последней структурно фрагментированного конгломерата, лишенного единства интересов агропромышленных товаропроизводителей. Весьма податливых к интериоризации интересов экспансионистски сориентированных ТНК, подобно тому, как это уже произошло с рядом отраслей отечественного агропромдела.

13. В России ни у крупхозов, ни у агрохолдингов, даже входящих в отечественные производственно-финансовые группы, сегодня нет достаточного потенциала для формирования необходимых ей мощных хозяйственно-экономических структур, которые могли бы на равных конкурировать с ТНК глобального агропромбизнеса, принадлежащего развитым странам.

14. Реальные шансы ответить на вызовы глобализации современному российскому агропромделу, порожденные вступлением нашей страны в ВТО, могла бы дать государственная политика формирования мощных хозяйственно-экономических агропромышленных структур. Это можно сделать лишь путем обеспеченной всей мощью национальной экономики *реинституционализации и совершенствования* дореформенного российского АПК. Последнее целесообразно было бы осуществить в соответствии с потребностями внедрения постиндустриальных технологий и обеспечения интегративного, непротиворечивого взаимодействия в производительных силах и производственных отношениях физического, человеческого и социального капиталов агросфера.

15. Для этого требуется восстановить агропромэкономическое пространство, сообразное по масштабам с некогда утраченным советским АПК. Отсюда вытекает необходимость более энергично строить союзное государство на основе единого Таможенного договора со странами СНГ, а также развивать сотрудничество в рамках ШОС и БРИК. Что позволило бы создать альтернативную прозападной глобально-региональную миди-агропромэкономику, свободную от претензий какой-либо страны на мировое господство. В том числе, производственно-экономическое. Причем она могла бы реально обеспечить субъектность деревни во всех охваченных ею странах.

Возможности достойного ответа российского сельского хозяйства на вызовы мирового аграрного рынка. Магистральный путь, двигаясь которым Россия будет способна успешно ответить на неизбежные после вступления в ВТО вызовы ведущих игроков мирового аграрного рынка, лежит, на наш взгляд, через развитие у себя экологичного органического сельского хозяйства на базе использования в нем постиндустриальных технологий.

Обогнавшие ее на исторической спирали традиционной индустриализации производства и бытия западные развитые страны вложили в них несмета значительные инвестиции и прочие ресурсы, к тому же сконцентрировали их преимущественно в довольно затратных формах. В связи с тем перевод ими своих национальных экономик на базу постиндустриальных технологий будет стоить им чрезвычайных усилий и не менее репортерских потерь финансового и производственного капитала. Особенно в известной своей инерционностью аграрной сфере.

Уже первые шаги начатого ими в нулевое десятилетие XXI века замещения индустриального технологического уклада постиндустриальным породили в ведущих странах мира небывалый до того по масштабам финансовый кризис 2008 года. Ранее выполненные исследования¹ позволяют характеризовать его не случайным результатом просчетов в реализуемой хозяйственно-экономической стратегии, а как проявление структурного кризиса, инициированного замещением индустриального технологического уклада постиндустриальным. Вопреки бодрым заявлениям ведущих стран о его преодолении, на деле в последнее время он переходит в устойчивую длиноволновую депрессию их экономики.

Между тем переход от индустриализма к постиндустриализму императивно диктует этим странам сама логика современного глобального развития. Его все более властно подталкивает, *во-первых*, неразрешимость при других парадигмах функционирования планетарного бытия рожден-

¹ Андрукович П.Ф. Долгосрочная и среднесрочная динамика индекса Доу-Джонса // Проблемы прогнозирования. – 2005. – № 2.

ных в последнее столетие глобальных экологических проблем. Во-вторых, все явственно осознаваемая народами в последнее его десятилетие невозможность следовать далее пагубным для мировой экономики и социальности путем их традиционной капиталистической организацией. Николя Саркози и Клаус Шваб только осмелились озвучить в качестве предостережения своим коллегам максиму¹, которая ныне интенсивно овладевает всем человечеством.

Для развивающихся стран, по мнению академика С.Ю. Глазьева, в условиях названной депрессии открывается реальная возможность опережающего развития на гребне новой длинной волны экономического роста за счет опережающего формирования новых технологических укладов. Прежде всего в системных для национального хозяйства отраслях – здравоохранении, телекоммуникациях, сельском хозяйстве, наноэлектронике, приборостроения, и т.д.²

Открываются возможности опережающего развития и для российской экономики, в том числе, аграрной. Более того, России совершил такой опережающий переход легче, может сработать принцип «не было бы счастья, да несчастье помогает». Технологический фундамент ее национального хозяйства, особенно его супериндустриальная часть, в том числе сельского (комплексы и т.д.), большей частью разрушен либеральными реформами. Это делает излишними усилия и расходы на осуществление соответствующих работ. Ее человеческий капитал значительно уменьшился, однако его ментально-культурная основа еще сохранилась, что дает шанс на быстрое возрождение ключевых составных индекса человеческого развития сельского населения. Российские финансы находятся в удовлетворительном состоянии. Природные ресурсы несколько нарушены, но они могут быть быстро укреплены при наличии для этого социально-политической воли правящей власти.

Обобщая вышесказанное, можно с полным основанием сказать, что у России, во всяком случае, у ее сельского хозяйства, еще вполне достаточно ресурсов, в первую очередь земельных и водных, чтобы обеспечить его переход на постиндустриальные технологии. Ее затруднения с ограниченными земельными ресурсами созданы искусственно, их причиной являются ущербный характер избранной (нео)либеральными реформаторами стратегией аграрного развития и бесхозяйственность практики ведения сельского хозяйства. Они могут быть устранены путем коренного совершенствования этой стратегии, преодоления в ней чрезмерного влияния производст-

¹ Максима (от лат. *Maxima sentential* – высший принцип) – емкое словесное оформление тенденции общественного бытия, словесное или мыслительное выражение нравственного житейского правила.

² Антикризисные меры в контексте структурных изменений в мировой экономике // Россия в условиях глобального кризиса. – М.: ИСПИ РАН, 2009. – С. 20–21.

ченно-экономической вестернизации, учета природно-климатической и ментальной специфики российской агросфера.

И тем более искусственно создана проблема роста в ряде регионов России дефицита пресной воды. Причем потери урожая из-за ее мнимого недостатка, в том числе для орошения, становятся не только хроническими, но и одновременно возрастают в объемах. Пути избавления от этих проблем те же самые, что и в выше озвученном случае.

Другое дело, что во всем в мире наступает реальный дефицит пресной воды. Если в 2005 году напряженность с водообеспечением испытывала примерно девятая часть населения планеты, то к 2025 году, по прогнозам ученых ПРООН, будет ощущать дефицит воды до 37 процентов населения. Индия и Китай уже сегодня не только наращивают водопотребление из открытых источников, но и заметно увеличили использование грунтовых вод.

В значительной степени это связано со стремлением таких государств обеспечить устойчивое развитие сельского хозяйства, уменьшив зависимость его от неблагоприятных погодно-климатических условий, в первую очередь от засух, которые носят как природный, так и рукотворный характер. В этих случаях логичнее не посягать на стратегический ресурс грунтовых вод, а сократить неразумные с точки зрения общественных интересов вырубки лесов, осушения болот, консервации пригодных для земледелия площадей, которые оказывают негативное влияние на климат, водный режим почв и т.д.

Что касается России, то помимо вышесказанного ей необходимо активнее использовать ее возможности в развитии органического сельского хозяйства на базе интеграции экологичных индустриальных технологий с постиндустриальными. Это позволит ей производить необходимое для нужд своего населения количество продуктов питания, а также экспорта их на мировой аграрный рынок, минимизируя при этом отрицательные воздействия агродела на окружающую среду, успешно решая проблемы, вызываемые изменением климата, не допуская глобальных эпидемий болезней растений, животных и человека.

Препятствием этому может стать, *во-первых*, недостаточная отработка в стране постиндустриальных технологий аграрного дела, *во-вторых*, неподготовленность социально-экономической среды российской агросфера к их широкому применению. *В-третьих*, чрезмерное ослабление в последние годы потенциала отечественного агропромышленного НИОКРА¹. Основные технологические траектории постиндустриального уклада уже обозна-

¹ Интеллектуальная собственность, ее правовая охрана и некоторое их своеобразие в АПК РФ // Аграрно-социальная социология: история, концепции, методология. – Кн. I. – М., 2009. – С. 307–398; Правовые нормы функционирования интеллектуальной собственности в АПК // Социальные проблемы российского села. – Кн. II. – М., 2009. – С. 294–366.

чены мировой наукой, но перспективные направления его практического использования еще не сформировались. Пока идет конкуренция альтернативных технологий, у России есть шанс захватить лидерство, если не в их разработке, то во внедрении. Отставание нашего агропромышленного НИОКР, его во многом имитационный характер снижает для нас этот исторический шанс.

Эти препятствия рождены и обусловлены тем, что, с одной стороны, в последние полтора-два десятилетия российская наука, в том числе сельскохозяйственная, финансируется в 3-8 раз хуже, чем зарубежная. Поэтому ее обслуживание, оборудование и инструментарий обветшали, все слабее становится ее кадровое обеспечение. С другой, из-за неверной политэкономической стратегии (нео)либерального реформирования отечественного сельского хозяйства, отстраненности государства в этом деле как никогда ослаблена связь российской аграрной науки с практикой из-за невостребованности субъектами последней научных инноваций и ноу-хау. Счетная палата, проанализировав эту сторону вопроса, констатировала, что причина в общей разбалансированности российской инвестиционной системы¹.

Вместе с тем было бы неверно все сводить только к этим обстоятельствам. Другая сторона его кроется в нечеткой адресности исследований. Практикам и теоретикам аграрного дела было бы не лишним проявить более активную ориентацию на инновативность своей деятельности. В связи с переводом его на прорывные технологии постиндустриального уклада принципиально новые, более сложные задачи встают перед учеными Россельхозакадемии, в том числе в области ее организационных и координационных функций.

Известный землепашец и писатель Древнего Рима М. Колумелла еще во II веке до н.э. в своем труде «О сельском хозяйстве» писал: «...Я слышу, как часто у нас первые люди в государстве обвиняют то землю в бесплодии, то климат в давней и губительной для урожаев неравномерности. ... Я уверен, что эти причины далеко отстоят от истины. Дело не во внешних факторах, а в нашей собственной вине. Мы отдаем сельское хозяйство, как палачу на расправу, самому негодному из рабов, а при наших предках им занимались наилучшие люди и наилучшим образом². Пожалуй, точнее не скажешь. Хотя прошло более двух тысячелетий, а актуальность проблемы остается.

Пример творческого отношения к максимам мудрого римлянина показали позднее многие представители старшего поколения российских аграрников. Такие, как дважды Герой Социалистического Труда, почетный

¹ Анна Резникова, Виталий Петлевой. Инновации впустую. Бизнес не покупает научные разработки // газета. РБК daily. – 9 февраля 2012. – С. 3.

² Цит. по: Бледных В., Свечников П. Может ли Россия себя кормить? – Челябинск, 2010. – С. 3.

академик ВАСХНИЛ Т.С. Мальцев. Много десятилетий проработав агрономом в зоне крайне рискованного земледелия Курганской области, он разработал специальную влагосберегающую технологию, безотвальную обработку почвы, на практике доказал эффективность увеличения до 20-25% площадей под чистыми парами и т.д. При этом он требовал от селекционеров создания для своих зон адаптированных, и не просто засухоустойчивых, а и высокоурожайных сортов.

Он не терпел шаблонов в работе. И когда слышал или читал трафаретную фразу: «Несмотря на сложные погодно-климатические условия, нам удалось собрать неплохой урожай...», то всегда негодовал: «плох тот земледелец, который работает, несмотря на погоду. Именно в зависимости от погодных условий нужно выбирать (доиндустриальную ли, индустриальную или постиндустриальную) технологию и в любой год добиваться хорошего урожая». Именно такой подход позволит России создать конкурентоспособное в мировой аграрной экономике органическое сельское хозяйство

В свете вышесказанного мы полагаем, что значительные шансы дают России открывающиеся возможности опередить конкурентов в использовании постиндустриальных технологий ведения сельского хозяйства, на треке внедрения которых она может, опираясь на имеющиеся у нее природные ресурсы, серьезно повысить конкурентоспособность своей агросфера. Для этого требуется обратить больше внимания на условия развития отечественного НИОКР и пересмотреть, с одной стороны, ущербные, к сожалению, ключевые для нее псевдорыночные постулаты проводимой (не)либеральной аграрной политики, с другой, не менее ущербные соглашения деятельности России в ВТО.

Литература:

1. Алтерглобализм: теория и практика «антаглобалистского движения». – М.: Эдиториал УРСС, 2003.
2. Агропродовольственная политика и вступление России в ВТО. Никоновские чтения – 2003. – М., 2003.
3. Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация. – М., 2005.
4. Биндюков Н.Г. Глобализация и Россия. – М., 2004.
5. Болотов В.Н. Две ипостаси глобализации и Россия. – М: ИАС, 2006.
6. Глобальный прогноз «Будущее цивилизаций» на период до 2050 года. – Ч. I-Х. – М., 2005–2011.
7. Линдси Бринк. Глобализация: повторение пройденного. – М., 2006.
8. Россия в глобальных процессах: поиски, перспективы. – М., 2008.
9. Россия: субъективные и объективные факторы преодоления кризиса. – М., 2010.
10. Глобализация и аграрная экономика России: тенденции, возможные стратегии и риски. Никоновские чтения – 2011. – М., 2011.
11. Назаренко В.И. Продовольственная безопасность. – М., 2011.
12. Лужков Ю.М. И так жить нельзя. – М., 2012.

ГЛАВА 2

РЕСУРСНЫЕ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО СЕЛА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ВЫЗОВОВ

В настоящем материале авторы намерены проанализировать реальные и доступные использованию природно-ресурсные возможности России в разрешении социально-экономических проблем российского села, возникших перед ним в связи с глобализацией отечественного аграрного дела. В соответствии с таким намерением кратко рассмотрим в системной взаимосвязи их базовых функций те возможности, которые представляют природа и климат России для перевода ее сельского хозяйства от реализуемой промышленной парадигмы технолого-экономического развития на другую парадигму, соответствующую новым условиям существования мирового аграрного производства. Без этого наше село вряд ли сможет достаточно успешно адаптироваться к грядущим экологическим, технико-технологическим и социально-экономическим переменам, которые все более зримо произрастают под воздействием процессов как управляемой, так и естественной глобализации мирового рынка.

Комплекс исходных средств аграрного производства, объединяемых их базовой функциональностью, составляют, прежде всего, земля, вода, климат и другие компоненты его естественной основы. К его первичным условиям относятся также материально-техническое обеспечение, структурно-организационное состояние использования этих средств, выраженное в системе социально-экономических отношений в процессе утилизации в нем их плодотворного потенциала. Характер их воспроизводства во многом зависит от алгоритмов финансирования, кредитования, самообеспечения аграрной деятельности. Они тоже являются императивной стороной функционирования и развития агропромышленного производства, но им свойственна существенная специфика использования, поэтому их проблемы мы рассматривать пока не будем.

Чтобы реализовать усложняющиеся задачи удовлетворения все возрастающего спроса на продовольствие и продукцию сельского хозяйства в целом, практикам необходимо творчески подойти к решению назревшей проблемы неизбежной смены парадигмы его развития. Это касается как мирового аграрного производства, так и стратегий развития отечественного земледелия и животноводства.

Суть смены парадигмальных стратегий аграрного развития.

Во второй половине XX-го века рост урожайности на планете достигался в основном за счет внедрения новых сортов и гибридов, агротехно-

логий «зеленой революции», однако преимущественно в благоприятных почвенно-климатических зонах мира, где действие лимитирующих ее факторов внешней среды было наименьшим. Близкий к этому алгоритм характеризовал и развитие животноводства.

В XXI-м же веке ключевое значение в мировом растениеводстве приобретают ориентации на «обеспечение высокой величины и качества урожая в неблагоприятных и даже экстремальных условиях внешней среды», а также на способность новых сортов и гибридов противостоять действию абиотических и биотических стрессоров¹. А в современном животноводстве и птицеводстве главное направление их развития предполагает не только селекцию скороспелых высокопродуктивных пород и видов живых организмов, неприхотливых к условиям содержания, но и разработку оптимальных рационов их кормления, способность отзываться на его диеты особым качеством продукции. В том числе не только жирностью молока, структурой и качеством мяса или яиц, шерстистостью, пером или пушностью, но и своими отходами.

В послевоенный период в растениеводстве вышеизванные селекционные факторы смогли обеспечивать высокую величину и качество урожая лишь при условии использования значительных доз минеральных удобрений и мелиорантов, полного ассортимента пестицидов, орошения и средств механизации. В животноводстве и птицеводстве руководствовались сходными принципами. Здесь сено и зерно все в больших дозах дополнялись - в соответствии с традиционной мудростью, « что у коровы на языке (у птицы в клюве), то у нее и в уде (в лукошке с яйцами)» – зелеными подкормками, комбикормами и силосом. Затем стали налагать на усиление этих кормов искусственными стимуляторами привесов, яйценоскости, шерстистости.

Зато в XXI-м веке в соответствии с новой парадигмой развития сельского хозяйства его основными факторами становятся, по заключению академика А.А. Жученко, «ресурсоэнергосбережение, ... охрана окружающей среды от разрушения и загрязнения», конструируемые агроландшафты и сорта зерновых культур. Причем, не традиционные для эпохи расцвети классической селекции гибриды, а обладающие « не только высокой потенциальной продуктивностью и экологической устойчивостью, но и средоулучшающим, а также ресурсовосстанавливающим потенциалом, в том числе способностью повышать плодородие почвы, предотвращать эрозию и засоление, использовать труднодоступные элементы питания, улучшать фитосанитарную ситуацию, обеспечивать синтез большого количества сухих веществ в единицу времени»².

¹ Жученко А.А. Ресурсный потенциал производства зерна в России. – М.: Агроресурс, 2004. – С.688.

² Там же. – С. 688–689.

В связи с вышеизложенным актуализируются задачи разработки новых технологий, повышающих эффективность использования эксплуатируемых сельхозугодий, а также содержания имеющегося поголовья.

Во многих странах, особенно в развитых державах, приоритетную значимость приобретает использование инновационных факторов, обеспечивающих, прежде всего, новую парадигму развития зернового хозяйства. В том числе предполагающих внедрение новых способов восстановления плодородия сельхозугодий, порушенного в прежние годы их сверхинтенсивной индустриальной эксплуатацией.

В то же время возрождается высокая значимость усовершенствованных традиционных технологий использования *всех*, в том числе не эксплуатировавшихся ранее из-за их естественного малоплодородия земель для наращивания производства продовольствия в тех странах, где еще имеются таковые. Прежде всего, в развивающихся странах, где особенно остро ощущается недостаток продуктов питания и сосредоточена самая бедная часть сельского населения.

Казалось бы, России эти мероприятия касаются мало или вообще не касаются, поскольку ее природно-ресурсный, в том числе земельный потенциал, по мнению большинства ее политиков и населения в целом, неисчерпаем. По сведениям первого председателя Роскомзема РФ академика Н.В. Комова, она имеет 1709 млн. гектаров земли (12,5% мировой территории на 3% планетарного населения) и 420 млн. га континентального шельфа. На ее территории сосредоточено 55% черноземных почв мира, 50% пресной воды и 60% запасов хвойных лесов, разведанные энергоносители составляют около 30% мировых запасов. Емкость российского биоклиматического потенциала достаточна для обеспечения нормальной жизни 1,0-1,3 млрд. человек¹.

Общая площадь земель сельхозназначения составляла в России в 2011 году свыше 403 млн. гектаров. И, хотя предназначенные для непосредственного использования сельскохозяйственные угодья составляют в ней только 48,5%, имеются большие возможности для увеличения их за счет других составных этой категории (таблица 1) путем улучшения и перевода части их в ресурс, пригодный для аграрного производства.

И тем не менее, по утверждению того же Н. Комова, представление о безграничности и неисчерпаемости российских земельных ресурсов ошибочно, фактически они «крайне ограничены природно-климатическими условиями и антропогенными негативными воздействиями». Общеизвестно, что «более 60% территории России находится в условиях вечной мерзлоты, значительные площади – в пустынной, полупустынной и сухостепной зонах». Да к тому же на прочих землях сельхозназначения «антропогенные

¹ Николай Комов. Управление земельными ресурсами в новой России. – Казань: РИЦ, 20011. – С. 71.

негативные воздействия на почвы привели к снижению их плодородия, истощению, деградации и загрязнению на значительных площадях¹. Причем это только первый для оценки пласт обстоятельства, поясняющего, почему наше население сегодня «прочно посажено на иглу» импортного продо-
пользования.

Таблица 1
Распределение земельного фонда РФ по категориям и конкретизация его по категории земель сельхозназначения²

Наименование категорий или угодий	Площадь (млн. га)	В % от общего фонда или категории
Сельхозназначения	403,4	23,6
Населенных пунктов	19,2	1,1
Промышленности, транспорта, связи и иного назначения	16,7	1,0
Особо охраняемых территорий	34,4	2,0
Лесного фонда	1105,0	64,6
Водного фонда	27,9	1,6
Запасы	103,3	6,1
<i>Итого, земель РФ</i>	<i>1709,8</i>	<i>100,0</i>
Сельхозугодья	190,7	48,5
Земли под лесами	49,7	10,1
Под древесно-кустарниковой растительностью	19,5	4,8
Под дорогами	2,3	0,6
Застройки	1,1	0,3
Под водой	13,2	3,3
Под болотами	25,5	6,3
Другие земли	105,0	26,1
<i>Итого земель сельхозназначения</i>	<i>403,4</i>	<i>100,0</i>

Перечень пользователей российских земель весьма широк, что же касается сельскохозяйственных угодий, то 190,8 млн. га или 86,4% их эксплуатируют в основном аграрные предприятия и организации, а также граждане, производящие преимущественно продукты потребления. В распоряжении первых сегодня две трети (67,4%), вторых – треть (32,6%) сельскохозяйственных угодий. Первые дают менее половины общего объема сельхозпродукции, вторые – более половины.

Примечательно, что в дореформенное десятилетие хозяйства населения использовали всего 4-5% сельхозугодий и давали 19-22% ее объема, оставшуюся продукцию производили общественные хозяйства. Казалось бы,

¹ Николай Комов. Указ. соч. – С. 191–192.

² Николай Комов. Указ. соч. – С. 173–174; Агропромышленный комплекс России в 2010 году. – М.: МСХ РФ, 2011. – С. 12.

нечислоно сделать выводы о возросшем в пореформенный период экономическом превосходстве этой малой формы аграрного производства, «раскрепощенной», как пишут либералы, механизмами рыночной экономики. Однако делать столь однозначные суждения было бы преждевременно.

Во-первых, доля хозяйств населения в структуре площадей сельскохозяйственных угодий увеличилась в последние два десятилетия в 8-10 раз, тогда как у аграрных предприятий и организаций размеры их землевладения уменьшились минимум на 1/3. Между тем удельный вес первых в общей продукции сельскохозяйственного производства вырос от силы в 2,5 раза и поскольку размеры его совокупной продукции, как уже отмечалось, все еще на 20-22% меньше ее дореформенного объема, то в действительности этот рост оказался еще менее впечатляителен.

Во-вторых, интенсивная динамика производства аграрной продукции хозяйствами населения в первое десятилетие рыночных реформ, во второе, особенно в последние годы, сменилась тенденциями его неуклонного спада или, в лучшем случае, временной стагнации (таблица 2). Особенно в регионах Центрального Федерального, Поволжского и Уральского федеральных округов, где сосредоточены большие массы крупных городов и промышленность, население и работники которых особенно чувствительны в социальном отношении к устойчивости работы систем продовольственного снабжения.

В-третьих, при росте масштабов и удельного веса пользования сельскохозяйственными угодьями хозяйствами населения общая площадь этой категории земель в Российской Федерации в пореформенный период, особенно во второе его десятилетие, неуклонно сокращается.

Таблица 2
Динамика продуктивности хозяйств населения России¹

Продукция	2007	2008	2009	2010
Валовой сбор картофеля, млн.т.	23,3	24,1	25,2	17,7
Удельный вес в общем производстве, %	89,2	83,5	81,1	84,0
Валовой сбор овощей, млн.т.	8,4	9,2	9,5	8,6
Удельный вес в общем производстве, %	78,9	75,5	71,3	71,4
Получено мяса скота и птицы, тыс.т.	4185	4175	4162	4104
Удельный вес в общем производстве, %	45,9	42,7	39,5	16,0
Получено молока, млн.т.	16,6	16,7	16,6	36,5
Удельный вес в общем производстве, %	51,7	51,7	51,1	50,4
Получено яиц, млрд.шт.	9,5	9,2	9,2	9,0
Удельный вес в общем производстве, %	24,8	24,5	23,5	22,1

¹ Составлено по: Агропромышленный комплекс России в 2010 году. – М.: МСХ РФ. – С. 393–417

Естественно, что их сокращение происходит за счет землевладения аграрными предприятиями и организациями. И другое обстоятельство важно, а именно то, что оно идет, прежде всего, за счет наиболее продуктивно используемой части этих земель (таблица 3), причем данные процессы характерны как для сельхозугодий, используемых населением, так и для их коллективных и государственных владений. Но присущи они им отнюдь не в равной степени, поскольку наиболее интенсивно скуживается коллективно-общественное землепользование.

Таблица 3
Динамика площади сельхозугодий в РФ, млн. га¹

Год	Сельхозугодья	Пашня	Сенокосы и пастбища	Залежь (тыс. га)
1990	222,4	132,3	87,9	347
1995	222,2	130,2	88,2	1456
2000	221,1	124,4	90,9	3927
2008	195,6	121,6	92,1	5100
2010	190,7	115,5	—	—

Необходимо признать относительность точности зафиксированных в этой таблице современных статистических данных о составе сельхозугодий, поскольку в их основу ныне кладутся давно не обновляемые сведения государственного земельного кадастра.

В последнее десятилетие, после упразднения в мае 2000 года Госкомзема России, созданный взамен его новый земельный орган Роскомземкадастр, насколько нам известно, комплексных исследований и инвентаризации российских земель в целях корректировки прежних данных о них не проводил. Да и его предшественник осуществлял их отнюдь не системно, а выборочно, фрагментарно. Вследствие этого в некоторых регионах страны инвентаризация нарушенных земель не проводилась 25–27 лет. Что касается точного учета динамики площадей разных видов сельскохозяйственных угодий, то отразить подлинное сокращение продуктивных земель, вообще фактически невозможно.

Между тем уже итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года позволяют нам определенно констатировать наличие в нашей стране ярко выраженных тенденций негативных изменений в количественно-качественной структуре продуктивных земель.

Данные локальных натурных (полевых) обследований, фактически используемых отдельными предприятиями и гражданами сельхозугодий для производства аграрной продукции, существенно отличаются от стати-

¹ Николай Комов. Указ. соч. – С. 179; Агропромышленный комплекс России в 2010 году. – М.: МСХ РФ, 2011. – С. 12.

стических и документированных Минсельхозом и другими федеральными органами сведений, причем однозначно в сторону фиксации большего неблагополучия в землепользовании. По расчетам на основании этих обследований реальное уменьшение общей площади сельскохозяйственных угодий на 3-5 млн. га, а пашни на 10-12 млн. га больше, чем сообщают Роскомстат и другие официальные органы РФ.

По использующим различные методологии, но совпадающим расчетным данным общая площадь выпавшей за последние два десятилетия из круга продуктивного использования пашни в РФ составляет на сегодня 42-50 млн. гектар. Что лишь вдвое меньше совокупно используемых сельхозугодий странами Евросоюза – 27.

Российское растениеводство, особенно зерновое хозяйство, сосредоточено сегодня в основном в ареалах, относимых гипотетически к числу наиболее плодородных земель. Но эти предположения сегодня становятся все более шаткими в связи с ускоряющимися процессами истощения отечественных почв и стимулирующего аграрную продуктивность потенциала биоразнообразия сложившихся агроландшафтов.

Актуализация вопросов соотношения межевания и землеустройства, их стадиальность и современная проблемность. Россия давно уже стала районом активных в мировом масштабе негативных процессов кардинального изменения функционировавших прежде экосистем. Обезлесение, агломеративные застройки объектами урбанизационно-промышленной инфраструктуры в когда-то сельской местности и т.п. феномены неизбежно ведут к ухудшению условий обитания, деформации речных бассейнов, состояния биологического разнообразия в этих местах и, в конечном счете, к деградации их плодородия.

В то же время есть в практике отечественного земельного дела своя специфика, которая поясняет некоторое ее своеобразие в контексте мировых тенденций, заключающееся в волнообразном ходе у нас этой деятельности и ее социально-экономических результатов.

Согласно западным классикам социологии (О. Тоффлер и др.) в основе общественной организации человеческого бытия лежит смена формирования и развития трех экономико-технологических производственных укладов – аграрного, индустриального и постиндустриального. Аграрный производственно-технологический уклад детерминировал первобытно-общинную, рабовладельческую и феодальную социальность общежития. Индустриальный экономико-технологический уклад производства породил и продолжает обеспечивать капиталистические общественные порядки. Постиндустриальные технологии обрекают капиталистическую организацию бытия на его кардинальную перестройку. Сегодня под влиянием мирового финансово-экономического кризиса не только К. Шваб, но и 52%

опропиеных Институтом общественного мнения им. Гэллапа американцев говорят о несостоительности господствующего на Западе строя.

Примечательной чертой организации земельного дела при господстве пурпурного производственно-технологического уклада на Западе было доминирование юридически закреплявшего интересы собственников земли сельхозугодий над упорядочением их использования. Промышленный характер индустриального капитализма постепенно уравнял значимости для земельного дела тенденций межевания и обеспечивающего производственно-экономические интересы землеустройства. Характер общественных последствий развития постиндустриальных технологий еще весьма туманен.

В России в докапиталистическую эпоху в организации земельного дела так же, как и в западных странах, доминировало осложненное спецификой общинной и крепостнической собственности на сельхозугодья межевание. Так называемая Великая крестьянская реформа 1861 г. открыла дорогу для капитализма не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Передел земель, межевание их между собственниками на многие десятилетия стал центральной задачей ее реализации.

Тем не менее царское правительство и общественные деятели, сознавая катастрофический характер организационного неустройства отечественного земельного дела, пытались активно сочетать его по западным образцам, особенно в годы Столыпинской реформы, с реализацией землестроительных проектов. Русские ученые стали декларировать объединение в новых условиях различавшихся ими ранее понятий межевания и землеустройства в одну синтетическую категорию или поглощение первого понятия вторым.

Автор одного из первых учебников в этой области А.А. Ржаницин¹ писал: «Землестроительная мысль, так долго мерцавшая на пути исторического размежевания, в настоящее время уже готова вылиться в свои, почти законченные формы. Однако в своем современном развитии эта мысль потекла по иному руслу. Или потому, что эта столь жизненная для страны и живая мысль не могла вселиться в устарелую вековую храмину земельного дела с его ветхозаветными основами и малоподвижными от старости учреждениями, или потому, что только землемерная техника нашла себе полное приложение в землеустройстве, а межевание было отвергнуто... Между тем, понимая землеустройство как деятельность, направленную на образование жизненных земледельческих хозяйств, а межевание как установление юридических границ земельной собственности, необходимо признать, что межевание есть неотъемлемая часть землеустройства...».

¹ Ржаницин А.А. Руководство по землеустройству и межеванию. – М.-СПб, 1907.

Десятилетие спустя, под занавес столыпинской реформы, подлинный ее инициатор К.А. Кофод и другой теоретик землеустройства И.А. Иверонов вынуждены были признать реальное преобладание в ней деятельности по межеванию над землестроительными проектами. Это обстоятельство отражало перестроенную неуспокоенность в вопросах земельной собственности, ставшую в условиях рыночной аграрной экономики для России традиционной. Оно, кстати, возродилось и в нынешней пореформенной российской деревне.

Между тем разраставшаяся неустроенность функционирования земель сельскохозяйственного назначения как в царской, так и в современной России требовала мероприятий по сохранению и рационализации организационных форм их использования, поскольку в ней, как и во всем мире, нарастили разрушительные для них процессы.

В настоящее время по оценкам МСИЦП и ЮНЕП¹ в мире в стадии полной или частичной деградации находится около 2 млрд. га земель, из них 15-16% относятся к числу сильно и чрезмерно деградированных. В нашей стране таковых меньше, но доля их быстро увеличивается. Обусловлено это не столько демографическим давлением как во многих других странах, сколько дефектным характером распределения и использования земельных ресурсов, несовершенством или небрежностью применения соответствующих технологий, доминированием в них принципов нецивилизованного рынка, грубыми просчетами в осуществляющей аграрной политике и практике управления.

Состояние и использование российских земель по их качеству показывает, что деградация почвенного и растительного покрова, снижающая эффективность земледелия и вызывающая рост ареалов с проблемными и кризисными экологическими ситуациями, распространялась по территории страны уже почти повсеместно. В более урбанизированных регионах привычными становятся не только разрушения почвенного покрова, но и загрязнения земель и захламления их промышленными и бытовыми отходами и другие негативные явления. В преимущественно руральных – качество земель ухудшается из-за некомпетентности принимаемых решений на разных уровнях управления земельными ресурсами. Нередко причиной их, помимо всего прочего, является отсутствие достоверной информации об их состоянии. В пореформенные десятилетия были постепенно свернуты почвенные и геоботанические обследования сельхозугодий и в настоящее время в некоторых регионах 59% соответствующих сведений, а в других до 80% их неполно отражают действительность и нуждаются в обновлении.

¹ МСИЦП – Международный справочно-информационный центр почвоведения, ЮНЕП – программа ООН по окружающей среде.

Наиболее распространенные проявления деградации почв вызывают водная и ветровая эрозия, переувлажнение и заболачивание, подтопление, иссушение и осолонцевание, уплотнение и слитизация, дегумификация земель. Эти явления для России отнюдь не новые, но были в ее истории четыре периода, когда с ними довольно успешно боролись.

Первый из них охватывал по одному десятилетию в царствования Екатерины I и Александра I. Когда прогрессивные российские землевладельцы, воодушевленные в одном случае победоносными войнами Потемкина, Румянцева, Суворова, а во втором – знакомством с западными порядками во время похода за наполеоновским воинством в Пруссию и во Францию, занялись обустройством собственного дома. Их порыв нашел опору в трудах первых российских ученых-агрономов и был поддержан прогрессивными общественными деятелями тех эпох¹.

Зримыми показателями действенности становления научной агрономии были сооруженные по указаниям Сиверса северо-западные мелиоративные системы, усовершенствованные Болотовым, при максимально бережном отношении к природе, подмосковные агроландшафты и системы обуздания водной эрозии и т.д. Они сочетали традиционность российского земледельческого опыта с переосмысленной и адаптированной инновативностью зарубежной аграрной мыслью.

Второй период приходился на пору освобождения российской деревни от крепостничества, на последнюю треть XIX-го века. Тогда наиболее просвещенные земледельцы прониклись передовыми мыслями плеяды гигантских основоположников российского научного земледелия² и были поддержаны не только прогрессивными общественными деятелями³, но и коллективной волей общины. Данный, к сожалению, непродолжительный период славен не только опережавшими зарубежную агрономию идеями, но и практической реализацией проектов сохранения и улучшения природных агроландшафтов и экосистем.

Именно российские ученые были пионерами зарождения многих направлений научного земледелия и почвоведения. В частности агрохимии и внедрения продуктивного картофелеводства, основ органического сельского хозяйства и постулатов биоценоза и фотосинтеза и т.д. В том числе при-

Среди них необходимо с благодарностью упомянуть имена ученых А.Т. Болотова, М.И. Афонина, И.М. Конови, М.Л. Ниванова, М.Г. Павлова, Е.А. Грачева, А. Эклебена. А также деятелей – Сперанского, новгородского губернатора графа Сиверса, Потемкина, отца и сына Суворовых, князя Васильчикова, графа Орлова и др.

Эту плеяду составляли славные имена А.Н. Энгельгардта, А.А. Советова, И.А., Стебута, В.В. Докучаева, П.А. Костычева и др. отечественных селекций и хранителей XVIII–XIX веков. См.: Открытия и судьбы селекции и хранители. В 2-х книгах. – М.: Современник, 1992.

Среди них нельзя не упомянуть президента ВЭО графа А.С. Мордвинова и председателя Московского общества Исторического общества князя Гагарина, первого российского министра земледелия А.С. Ермолова и многих других владетельных покровителей отечественного аграрного дела.

обретающего сегодня новое звучание глубоко мудрого постулата о растениеводстве как умении обеспечивать культурам оптимальное сочетание питания почвенными и воздушными источниками.

Были восстановлены при активном научном консультировании и практическом участии Энгельгардта, Докучаева, Костычева и др. ученых многие ранее сооруженные и обветшавшие мелиоративные системы и созданные Болотовым агроландшафты и противоэрозийные устройства, а также осуществлены крупные практические проекты возрождения плодородия не только черноземных, но и среднерусских почв и т.д.

Третий период пришелся на предвоенные 30-е годы XX века. Ему предшествовали три с половиной десятилетия предреволюционной и послереволюционной дезорганизации традиционного российского земельного строя, когда оно было погружено упоминавшимися столыпинскими реформами, войнами и нэпом в стихию рыночной экономики.

В первый и во второй периоды стране удалось сравнительно быстро миновать неизбежное при аграрных реформах *доминирование* исторического этапа межевания земель. На деле оно решает в основном задачи юридического оформления экономических интересов аграрных собственников (земледельцев, землепользователей) и потребителей их продукции, и в дальнейшем, как того требовали развивающиеся производительные силы сельского хозяйства, в них выделились организационно-технологические работы непосредственного землеустройства, а продолжающееся их межевание становилось все более второстепенным.

Зато в охвативший несколько десятилетий промежуток перехода к третьему периоду снова на первый план вышли потребности юридического закрепления передела собственности. Произошло это потому, что вышеизванные аграрные реформы при всей их общественно-политической разнотипированности длились почти непрерывно, причем в условиях значительной, порою полной деградации производительных сил сельского хозяйства, и это обстоятельство делало второстепенным землестроительные вопросы о размерах, расположении и качестве земель.

Отечественная сельскохозяйственная мысль и в этот период, получив существенный толчок от плеяды ее предшественников, развивалась вширь и вглубь, существенно продвигая создание научного фундамента российской агрономии¹. Однако до воплощения его в жизнь руки дошли только к

¹ Помимо продолжавших активную деятельность Докучаева, Костычева и ряда других российских основоположников почвоведения и агрономии, ее выдающимися представителями были К.А. Тимирязев, Г.Н. Высоцкий, Г.Ф. Морозов, И.В. Мичурин, Д.Н. Прянишников, Н.М. Тулайков, Н.И. Вавилов, В.Р. Вильямс и Т.Д. Лысенко (работы этой последней четверки антиподов уравновешивали свойственные им недостатки), и многие др. Их труды подпирались и нередко получали импульс работами Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского, А.В. Чаянова, Н.Д. Кондратьева и др. классиков смежных наук.

середине четвертого десятилетия того века, и продолжался данный период около полутора довоенных пятилеток.

Благодаря скоротечности ее темпов, коллективизация, при всех ее определенных издержках, позволила быстро миновать этап первостепенной значимости межевания земель и приступить к задачам рациональной организации их использования на основе специально разработанных для этого целей землестроительных проектов: мелиоративных, культуртехнических, лесовосстановительных и т.д. В короткое время были осуществлены мероприятия, обеспечивавшие улучшение экологии, почв, структуры растениеводства и животноводства, в том числе пастбищ, и т.д. И в частности, был разработан и начал выполняться проект, названный «великим сталинским планом преобразования природы», который предполагал появление лесополос длиной в 1-2 тысячи километров. Они должны были преградить путь суховеям в южные плодородные степи, что отчасти и произошло. По объективным причинам реализация этого плана была завершена только после войны.

В годы войны мирные работы, в том числе землестроительные, были свернуты. В восстановительный период, который реально продолжался до конца 50-х годов XX века, утянутой вскоре после войны угрозами атомных бомбардировок в гонку за обладание ядерного оружия разоренной страны для их возобновления не было необходимых ресурсов. Такая возможность появилась только в 60-е годы.

К сожалению, правивший тогда Н.С. Хрущев взял на вооружение не только несовместимые с ее общественной природой рыночные критерии (прежде всего, прибыль) оценки эффективности советской экономики¹, но и некоторые ошибочные стратегии развития ее производительных сил. В частности, в области российского сельского хозяйства он ориентировался на западный путь его индустриального развития – максимальную химизацию и мелиорацию, машинно-тракторную механизацию, монопольный тип сельского хозяйства, унификацию возделываемых растительных культур, пород продуктивных животных и видов птиц, технологий их производства и т.п. *Без учета предельных лимитов механических и иных внешних воздействий на системность природной ткани экосистем, почвенных структур и агроландшафтов.*

Между тем в силу рискового из-за природно-климатических условий характера российского аграрного производства они требовали в 3-5 раз больших расходов на их реализацию, какие страна еще не могла себе позволить. К тому же этот западный путь не соответствовал стратегиям использования потенциала нашего традиционного земледелия. Они вытекали

¹ См. | Стариков В.И. История, теория и опыт социологического анализа российской агросфера. – М., 2009. – С. 208–209.

из его опоры на особенности местных условий – агроландшафтов, экосистем, их биоразнообразия и т.д. – и были научно обоснованы вышеупомянутыми классиками российской агрономии и развиты их последующими наследниками¹. Это обусловило углубление отставания отечественного сельского хозяйства от западного.

Деформированный характер приобрела в нашей стране и соответствовавшая этому *третьему периоду* практика землеустройства. По примеру Запада она все более унифицировалась под диктуемые потребностями радикального индустриализма агродеятельности «общемировые стандарты». Отсюда – широкомасштабные осушения болот или обводнения степей и полупустынь, промышленные способы мелиорации или ирригации, монопольное единобразие немногих сортов, пород или видов, концентрация их посевов или гигантские животноводческие и птицеводческие комплексы, интенсивная эксплуатация плодородия почв, культивирование пропашных систем, систематическое и максимальное использование химикатов и неорганических туков и т.п. Между тем сельское хозяйство, как никакая иная область осуществляемого людьми производства, тесно обусловлено его спецификой, рожденной многовековой практикой аграрного дела, отразившей природно-климатические условия национально-регионального бытия населения.

В свете сказанного неудивительно, что однобоко развивалось и российское землеустройство. Даже о его состоянии информация была бессистемна, фрагментарна². Между тем реализация одобренной хрущевским руководством стратегии породила немало бед. Например: огромные территории были перехимизированы. К тому же использование опасных химикатов (ДДТ, в просторечии, дуста и т.п.) возродило в нашей стране такие изжитые болезни, как туберкулез. Тотальное осушение болот инициировало понижение уровня грунтовых вод в смежных агроландшафтах, их опустынивание. И наоборот, поспешное орошение земель вызвало на юге солонцевание сельхозугодий и сделало воду непригодной для бытового использования и т.д.

Тем не менее после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, утвердившего программу индустриального преобразования советского сельского хозяйства, в России было сделано много и позитивного по восстановлению нарушенного чрезмерной или неумелой эксплуатацией в военные годы плодородия земель. А в результате проведенных культуртехнических, мелиоративных прочих землестроительных работ, распашки целины в эксплуатацию были введены десятки миллионов га новины, в том числе

¹ Среди них нельзя не упомянуть В.С. Сукачева, Т.С. Мальцева, С.А. Удачина, Г.Л. Бараева, Ф.Т. Моргунова, плеяду талантливых селекционеров и практиков П.П. Лукьяненко, В.Н. Ремесло, В.С. Пустовойта, В.А. Первцкого и др. кудесников российской нивы.

² Староверов В. Зашифрованные земли // Газ. Труд. 14 декабря. 1967.

орощаемых, осушаемых и ставших доступными обработке по современным технологиям сельхозугодий. Они стали давать к 80-м годам более 2/3 всей продукции аграрного происхождения.

К сожалению, с началом и в ходе современных рыночных реформ эти работы стали свертываться.

Начался четвертый период в развитии современного, соответствующего специфическим российским условиям индустриальной эпохи отечественного земельного дела. Под воздействием возврата к рыночной аграрной экономике актуальные для обеспечения созидательной производственной деятельности мелиоративные работы снова были потеснены юридическими заботами межевания. И на этот раз они опять обслуживаются потребности его рационально-экономической организации, а задачи радикально идеологизированной политической стратегии волевых переделов земельной собственности и обеспечивающие ее использование объекты инфраструктуры.

Широкомасштабные мелиоративные работы проводились в советское время не без изъянов и антисоветская критика промахов не безосновательна. Но, стущая краски, она формировалась у масс негативное отношение ко всему этому направлению модернизации отечественного земледелия. В результате, когда СССР был развален, пришедшие к власти в России радикальные реформаторы стали все более откровенно игнорировать проблемы совершенствования землеустройства. Соответствующие его задачи работы финансировались все скучнее, парк мелиоративной техники сокращался, уменьшались площади осущенных, орошенных и окультуренных земель. В конце концов стала исчезать из официальной статистики даже информация о них, особенно сводная.

Плачевный результат такой политики продемонстрировали результаты сельского хозяйства за 2010 год, когда первая же после многих благоприятных лет более-менее серьезная традиционная для нашей страны засуха породила, можно сказать, катастрофу отечественного растениеводства, прежде всего, зернового хозяйства, овощеводства и садоводства, показатели которых были отброшены на полувека назад. Так, например, зерна было получено всего 61 млн. тонн, то есть на уровне его среднегодовых сборов (около 62 млн. т.) второй половины 50-х годов и менее половины объемов среднегодовых урожаев (108 млн.т.) второй половины 70-х годов прошлого столетия.

Основные направления современной деградации плодородия российских сельхозугодий. Ради справедливости необходимо сказать, что причинами этой катастрофы стали не только сокращения площадей орощаемых и осущенных земель, но и общее снижение плодородия большинства отечественных сельхозугодий. Наиболее негативно сказываются на

нем *ветровая и водная эрозия*. Она поражает, прежде всего, почвы пашни и других земель с разреженным травянистым покровом. При появлении этого качества те становятся дефляционноопасными, слабоустойчивыми к разрушительным воздействиям ветра и воды вследствие резкого снижения их плодородия.

По данным академика Н.В. Комова¹, площади подверженных эрозийно-дефляционной опасности почв среди земель сельскохозяйственного назначения и фонда распределения Российской Федерации составляет около 60%, в том числе почти $\frac{1}{2}$ площади пашни. Водная эрозия особенно интенсивно вымывает черноземные и получерноземные, а также волгоглятские земли. Ветровая же – наиболее пагубно проявляется в пустынных, полупустынных, сухостепных зонах, где преобладают карбонатные почвы, а также почвы легкого механического состава. Таковыми, кстати, являются – от Калмыкии и Ростова до Тувы и Хакасии – большинство активно используемых российских сельхозугодий.

Под воздействием эрозийных процессов в совокупности с влиянием других факторов происходит дегумификация почв, уменьшение их гумусового слоя, изменение гранулометрического состояния, усиливается вторичная карбонатность, утрачиваются важнейшие элементы питания. Чтобы прекратить и предотвратить эти негативные воздействия на земельные ресурсы, необходима система мероприятий, обеспечивающих при их комплексном осуществлении переход на адаптивно-ландшафтную систему земледелия, а именно: организационно-хозяйственных, агротехнических, лесомелиоративных, гидротехнических и т.д.

Серьезные угрозы эффективности российского сельского хозяйства влекут за собой процессы *опустынивания* земель. В дореформенный период они проявлялись локально и внутрирегионально в виде деградации калмыцких Черных земель или дагестанских кизлярских пастбищ. В настоящее время же агрессивно захватывают территории 4 субъектов РФ и отдельных районов 24 хлебородных областей, краев, федеральных республик и других автономий, в которых ими уже поражены в той или иной степени от 10 до 70% сельхозугодий.

Этот феномен носит общепланетарный масштаб, и порождаемые им опасности обеспокоили мир уже в середине прошлого века. В частности, проблемам опустынивания в 70-е годы того века была посвящена проведенная по инициативе ООН Международная научно-практическая конференция, определившая его как явление, инициирующее долгосрочное падение продуктивности агроландшафтов.

Конкретизируя дефиницию опустынивания, можно сказать, что оно представляет собой совокупность природно-географических и антропоген-

¹ Николай Комов. Управление земельными ресурсами в новой России. – Казань, 2011. – С. 183.

ных процессов, проявляющихся в виде разрушения экосистем аридных и полуприродных районов, деградации в них органической жизни и, в конечном счете, снижения природно-экономического (биологического и экономического) потенциала охваченных ими территорий.

Естественной предпосылкой опустынивания сельхозугодий в нашей стране стала хрупкость экоприродных систем в засушливых регионах, а *одиннай человеческой деятельностью* – их высокая подверженность разного рода антропогенным воздействиям. Главной причиной перехода от локальных проявлений этих процессов к их зональным масштабам стало усиление в пореформенный период неконтролируемой производственной деятельности частного сельского хозяйства.

В силу бесконтрольности из-за всемерной подчиненности ее целям умножения рыночной прибыли она базируется на разрушительных технологиях, ущербных по причине их чрезмерного индустриализма. Для нее свойственны превышение допустимых пределов нагрузки на земли, причиной чего является непомерное использование машин и химических продуктов, а также изнуряющее биологический потенциал экосистем нерациональное использование почвенных, водных, растительных и прочих природных ресурсов. Такой же характер производственной деятельности является субъективной первопричиной феноменов интенсификации в пореформенные годы ветровой и водной эрозии почв, ухудшения физико-химических и биологических свойств последних, утраты ими травяного покрова и т.п., качества плодородия земли.

Тем не менее засушливые земли сельхозназначения относятся, несмотря на их природную уязвимость, к числу угодий, обладающих высоким естественным, особенно биологическим, потенциалом. Совокупность свойственных им активных температур и продолжительность вегетационного периода на них позволяют рассматривать их как существенный ресурс сельского хозяйства. Естественно, при условии осуществления профилактики и мер борьбы с опустыниванием.

Действенными мерами ее могла бы стать защита земель от опустынивания, их облесение, но оно практически свертывается (таблица 4).

Таблица 4
Динамика работ по обеспечению лесозащитной деятельности, тыс. га¹

Работы на землях с/х назначения	2000	2005	2006	2007	2008
Насаждено противоэрозийных лесов	23,7	5,7	4,0	5,4	4,3
Создано лесозащитных полос	1,1	1,3	1,1	1,0	0,3
Защита лесов биологическим методом	538	511	520	420	317
Защита леса химическим методом	218	128	47	17	42

¹ Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. – М.: Росстат, 2009. – С.426–432

Все более негативно сказывается на плодородии российских земель их *переувлажнение и заболачивание*, проявлявшиеся прежде в основном в локальных масштабах и в традиционно низинных местах, а ныне охватывающие значительные, в том числе засушливые территории. Эти процессы долгое время были свойственны преимущественно почвам гумидных зон, сегодня же они наблюдаются и в других регионах.

Интенсивное пришествие этих явлений обозначилось уже в советский период, когда страна спешно электрифицировалась за счет массового строительства разного вида электростанций, что повлекло за собой потребность в сооружении обширных водохранилищ и в большинстве случаев плотин. Оно усилилось в пору тотального увлечения переброской вод, преимущественно в целях мелиорации, но не только. Тогда каналы и оросительные системы возводились нередко без достаточного учета рельефа и грунтовых особенностей охваченных ими территорий.

Однако и в постсоветское время, когда эти работы фактически прекратились, активность выше обозначенных процессов продолжает нарастать. Урбанизация в виде автострад, железнодорожных, нефтегазовых и т.д. магистралей, агломерационных систем с их разнообразной инфраструктурой, многочисленные дамбы для защиты их от паводков и т.п. искусственно создаваемые объекты существенно изменяют водный режим все более значительного числа районов, способствуют подъему в них уровня грунтовых вод. В настоящее время переувлажнениям и заболачиваниям подвержено на Северо-Западе и Волго-Вятском округе до 45%, в центральных и южных регионах 15-20% и т.д., а в среднем в гумидных зонах от 30 до 50% сельхозугодий.

На активизацию процессов заболачивания и переувлажнения сенокосов и выпасов все сильнее влияют их закустаривание и зарастание мелколесьем. Особенно на Северо-западе и Дальнем Востоке. Происходит это здесь под влиянием как природных, так и антропогенных факторов, причем воздействие первых остается преобладающим.

И, наоборот, в степных, сухостойных и полупустынных экосистемах в последние 20 лет интенсифицируются процессы переувлажнения и заболачивания земель сельскохозяйственного назначения, в том числе черноземов. Особенno это заметно в Краснодарском крае и областях Центрально-Черноземного района.

Вместе с тем все более выраженным становится распространение «мочковатых» земель в Ростовской области, Ставропольском крае, Адыгее, в предгорных Северокавказских районах. Оно порождается нарушениями в эксплуатации обводнительных систем и технологий проведения агротехнических мероприятий. Последние инициируют переуплотнение почв и

необратимые физико-химические процессы в их поверхностных слоях. Вычительная часть осадков на переуплотненных почвах, особенно на черноземных, не поглощается ими, а застаивается в низинных местах, что и порождает пресловутые «мочаки».

На юге все более активно заболачиваются почвы рисовых систем. Практикуемое ежегодно из-за дешевизны продолжительное затопление глинистых луговых земель в целях расширения рисовых посадок оголяет их почвенный профиль, изменяя качество и порождая хроническую заболоченность соответствующих территорий. Помимо этого, нарушение технологического режима эксплуатации систем орошения рисовых плантаций инициирует процессы засоления их почв.

Неуклонный рост площадей таких сельхозугодий является прямым следствием фактически полного прекращения в стране деятельности по реконструкции и эксплуатации мелиоративных систем. Способствуют ему также процессы их подтопления, порождаемые возводимыми или функционирующими прудами и водохранилищами. Возрастают масштабы перекачки поверхностного стока вод многочисленными насыпями автомобильных и железных дорог, между тем дренированность территорий разрушается или вообще отсутствует.

Все больший ущерб российскому сельскому хозяйству наносит увеличение засоленных, солонцеватых, а также земель с солонцеватыми комплексами. Они уже составляют 27-28% всех сельхозугодий. Прежде наличие их отмечалось в Поволжье. Ныне же они появились в Северо-Кавказском округе, в Новосибирской и Омской областях. Площади их растут, особенно там, где из-за дороговизны этих работ прекращена реконструкция оросительных сетей или они вообще не строятся.

Значительными ущербами чревата устойчивая тенденция дегумификации почв сельхозугодий. Начало ее отмечали уже Докучаев и Костычев, обнаружившие, что в местах интенсивной эксплуатации черноземов в них снижается содержания гумуса и питательных веществ. Ими выработаны меры противодействия этим явлениям путем внесения в пахотные земли органических и минеральных удобрений, и многие десятилетия российские земледельцы успешно следовали их советам. Но в пореформенный период объем агротехнических и мелиоративных работ резко упал вследствие того, что минеральные удобрения стали вывозить не на российскую, а на зарубежную пашню, а количество органических удобрений, в связи с многократным уменьшением российского поголовья скота существенно сократилось (таблица 5).

Эти обстоятельства и усиление интенсивности эксплуатации земель ускорило процессы снижения их плодородия. Так, гумуса в калмыцкой

пашне за пореформенный период стало меньше на 21–25%, в кубанской – на 5–19%, в саратовской – на 7–17% и т.д.

Таблица 5
Производство и внесение туков на российские поля, млн.т.¹

Показатели	1985	1995	2000	2010
Произв. мин. удобрений, в 100%	17,3	9,3	12,2	17,1
Внесено мин. удобрений	12,7	9,9	1,4	2,0
Внесено органических туков	418	153	94,8	53,3

Давней бедой российского агродела является засоренность многих сельхозугодий, в том числе более 3–5% пашни, сенокосов и пастбищ, камнями. В Нечерноземной зоне это обусловлено сходом на ее территорию ледников, притащивших некогда с собой валуны и прочие скальные осколки. На сибирских и северо-кавказских территориях – геоморфологическими условиями, а именно: камнепадами с гор в долины, сложением из каменистого аллювия русла и пойм рек, близким залеганием и выходом на поверхность завалуненных и каменистых моренных отложений. Даже на слабокаменисто пораженных сельхозугодьях затруднительна механизация работ, тем более с помощью современных сложных, с использованием компьютеризации, машин и механизмов.

Опасную интенсивность приобрело в последнюю четверть века застенание земель кустарником и мелколесьем, захватившие уже 11–12% сенокосов и 9–10% пастбищ. Оно ускоряется из-за резкого снижения поголовья крупного скота, а также нерегулярного сенокошения, многолетней заброшенности некошеных участков. На этих угодьях существенно ухудшается качество травостоя, в нем появляются грубостебельные, типа буряна, сорные и ядовитые травы.

Одновременно с закустариванием переувлажненных и заболоченных сенокосов и пастбищ их поражают процессы закочкаивания. Обусловлено это чаще всего неумеренным выпасом скота, поскольку такие почвы чувствительны к пастбищным перегрузкам. Их становится все больше, особенно в Сибири и в Европейском центре России. Последствием неупорядоченного выпаса скота (так называемого перевыпаса) является также сбитость травяного покрова, негативно сказывающаяся на видовом составе и качестве его растительности. Около $\frac{1}{2}$ всех сбитых российских пастбищ находится в Поволжье, причем средней и сильной сбитостью поражены

¹ Сельское хозяйство России. Офиц. Изд. – М.: Госстат, 1985. – С. 41–43. Агропромышленный комплекс России в 2010 году. – М.: МСХ РФ, 2011. – С. 11.

жены почти 80% калмыцких выпасов. А всего ею страдают приблизительно 12–35% всех российских пастбищ.

Особую тревогу вызывают процессы *деградации земель сельскохозяйственного назначения в циркумполярных районах Севера*. С 30-х годов прошлого века наряду с традиционными видами сельхоздеятельности: охотой, рыболовством, ремеслом коренного населения – здесь осуществляется привычными людьми интенсивная разработка и добыча полезных ископаемых. Малознакомые с природными свойствами этих территорий последние почти столетие вели и ведут ее крупномасштабное промышленное освоение и, преследуя цели получения от него сиюминутных выгод, негативно воздействовали на экологическую среду этих районов. В результате здесь нарушены и выбыли из оборота наиболее ценные земли сельскохозяйственного назначения, в частности, в разной степени деградировало около 60% оленевых пастбищ.

Впрочем, схожие беды от грубой промышленной деятельности испытывают и другие российские территории. Они деградируют не только из-за несовершенных технологий разработки полезных ископаемых, но и в результате нарушений их при проведении геологических, строительных и иных работ, нефтегазодобычи, лесных разработок и т.д.

Сегодня часто отвод земель сельхозназначения под неаграрную деятельность осуществляется без соблюдения научно обоснованных нормативов землепользования. И ведется она без оглядки на последствия ее для природы. Отсюда непомерные загрязнения агроландшафтов радионуклидами, утечками нефти и нефтепродуктов, захламление их промышленными и бытовыми отходами. В частности, объем последних вокруг крупных городов достигает десятки миллиардов и даже сотни миллиардов тонн. Помимо того, что они нередко занимают земли, способные давать сельхозпродукцию, их существование чревато заражением через грунтовые воды их тяжелыми металлами, ядами, ртутью и т.д.

Все эти явления рождены эпохой зарождения капиталистической организации человеческого общежития, изначально чреватой техногенными пороками индустриальных и супериндустриальных технологий. И в современной России они ускорились в связи с возвратом ее на круги капитализма, к тому же несистемного и нецивилизованного.

Именно им обусловлено появление в практике современного российского земледелия такого его специфического аспекта, как *наркологический*. Как отметил упомянутый Н. Комов, «искусственно направляемая восстановительная сукцессия¹ сорной деятельности на деградированных сель-

¹ Сукцессия – (от лат. *succesio* – преемственность) последовательная смена одних сообществ организмов (биоценозов) другими на определенном участке среды. При естественном течении этот процесс заканчивается формированием новой устойчивой стадии сообщества (климаксом). Пример этому – переход зарасшедшего озера в болото.

скохозяйственных угодьях приводит к формированию сообществ из наркодержащих (марихуана) растений»¹. Так, в Бурятии снижение плодородия почв, повлекшее за собой перевод сельхозугодий в залежь, обеспечило биологическую нишу для возделывания конопли. Исследования опустынивающихся территорий также показывают появление там условий для формирования нарколандшафтов.

Борьба с рассмотренными явлениями, меры по оздоровлению российских сельхозугодий должны стать мейнстримом отечественной аграрной политики, способной обеспечить нашему селу достойное место в аграрном сегменте глобального бытия.

Резюме. В свете осуществленного анализа мы полагаем, что:

1. России необходимо более решительно переходить в своей аграрной деятельности от превалирующей в ее сельском хозяйстве политики ориентации на использование подаренных природой преимуществ² к парадигмам ресурсоэнергосбережения, конструирования высокопотенциальных агроландшафтов и средоулучшающих, абиотических и устойчивых к биотическим стрессорам сортов (гибридов) культур и т.д. Это невозможно сделать без кардинального пересмотра реализуемой (нео)либеральной стратегии реформирования российской агросферы.

2. Российскому обществу и его лидерам необходимо решительно избавляться от ошибочных представлений о неисчерпаемости отечественных земельных ресурсов и сосредоточить внимание на использовании не только благодатных для урожаев сельхозугодий, но и всего массива их, принять все меры для хозяйственного возрождения их заброшенной ныне, в том числе деградированной части. Используя для этого все возможности государственного ведения органического сельского хозяйства, поскольку частники без солидного дотационного стимулирования их сиюминутной выгоды долго еще будут к нему индифферентными.

3. С учетом того, что масштабы экологических разрушений и загрязнений сельхозугодий в России значительно меньшие, чем в ведущих западных странах, особого внимания заслуживает производство экологически чистой продукции, спрос на которую не только на мировом, но и на внутреннем зерновом рынке будет последовательно расти.

4. Совершенствования современной аграрной политики в этих направлениях, несомненно, повысили бы шансы социально-экономического возрождения отечественного села и его конкурентоспособность в неблагоприятно складывающихся для него условиях функционирования в гло-

¹ Николай Комов. Управление земельными ресурсами в новой России. – Казань, 2012. – С.185.

² что и стало одной из причин вывода из сельхозпроизводства десятков миллионов гектар зарастающих бурьяном и кустарником нечерноземных сельхозугодий.

бальном агрорынке, куда оно все глубже затягивается в результате вступления России во Всемирную Торговую Организацию.

Литература:

1. Ржаницин А.А. Руководство по землеустройству и межеванию. – М-СПб, 1907.
2. Открытия и судьбы: сеятели и хранители. В 2 книгах. – М., Современник, 1992.
3. Стратегия жизни в условиях экологического кризиса. – Т.1–3, – СПб, 2002.
4. Жученко А.А. Ресурсный потенциал производства зерна в России. – М.: Агроресурс, 2004.
5. Глобальная экологическая перспектива (ГЕО-3.): – Гл.4. Взгляд в будущее: 2002-2032 годы, ЮНЕПКОМ. – М., 2005.
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера земли. – М.2006.
7. Шайтан Б.И., Симошенко А.А. Стратегическое управление производством в АПК. М., 2008.
8. Сельское хозяйство, охота и лесоводство в России. – М. Росстат,2009.
9. Лазарев В.Т., Староверов В.И. Аграрная политика России: социолого-политологический анализ. – Москва–Самара, 2011.
10. Территориально-отраслевое разделение труда в агропромышленном производстве. – Краснодар, 2011.
11. Агропромышленный комплекс России в 2010 году. – М., 2011.
12. Николай Комов. Управление земельными ресурсами в новой России. – Казань, РИЦ, 2011.

ГЛАВА 3

СЕЛЬСКИЙ МИР РОССИИ: ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ

Село традиционно считается наиболее консервативным в плане подверженности новым влияниям сегментом социума. Между тем российский сельский социум на рубеже веков демонстрирует внимательным исследователям удивительную динамику изменений, затрагивающую как сферу экономики, так и сферу социальных отношений. При этом современные тенденции развития сельского социума характеризуются усилением поляризации экономического пространства, разновекторностью и разновременностью развития сельских территорий и формированием по сути разных социальных миров.

Цель данной работы – анализ современных практик хозяйствования и самоорганизации сельских сообществ в условиях многополярности, разновекторности и разновременности развития экономического пространства сельского социума, вызванного аграрной реформой. При этом на основании показателей экономического и социального развития села выделяются четыре периода в развитии сельских сообществ в условиях трансформации (с 1980-х гг. по наши дни). Анализ содержания этих этапов трансформации позволяет выделить два разнонаправленных периода: если сущность первого сводится к стихийному творчеству своеобразных социально-экономических адаптационных структур (по сути противостоящих рыночной перестройке социума), то сущность второго периода, разворачивающегося в наши дни – слом и угасание пассивно-адаптационных форм и экспансия кластеров рынка, вытеснение социально-ориентированных укладов экономически-ориентированными.

На первом этапе (до начала 1990-х гг.) экономика села функционировала в форме коллективных хозяйств, базирующихся на государственной или колхозной собственности.. На втором этапе (1991 – середина 1990-х гг.) начались реформы по масштабному переориентированию от планово-распределительной к рыночной экономике. В основу аграрной реформы был положен миф «возрождения крестьянства» и возвращения российского села в русло пресеченного революцией развития капиталистического уклада в сельской экономике. Важнейшей причиной низкой эффективности сельскохозяйственного производства считалось отсутствие у сельских тружеников собственности на землю и другие средства производства. Предполагалось, что передача частным лицам собственности на землю и имущество бывших коллективных хозяйств вызовет значительные положительные изменения в управлении сельскохозяйственными предприятиями и в экономических показателях развития села. Реформы преду-

сматривали конструктивные преобразования в аграрном секторе стран бывшего СССР и включали: проведение земельной реформы, реорганизацию колхозов и совхозов, развитие частного сектора аграрной экономики в целях повышения социальной активности и хозяйственной инициативы сельского населения, развития капиталистических мелкотоварных хозяйств (фермерства). В итоге реформ предполагалось создать многоукладное, экономически эффективное сельскохозяйственное производство.

Фактически сущностью этого этапа была деструкция советских социальных и экономических структур, с усилением натурального уклада на селе. Политика стихийных рыночных преобразований, поспешная реорганизация колхозно-совхозной системы и ее незавершенность привели к резкому снижению качества и уровня жизни сельского населения, распространению официальной и скрытой безработицы, падению производства, деградации социальной инфраструктуры села. Фундаментальные экономические сдвиги, а также обусловленные ими социальные изменения, выступают в форме моделей адаптации сельских сообществ, демонстрирующих истинную природу трансформационных процессов. Процессы, происходящие в 1990-2000-е гг. в сельских сообществах, свидетельствуют о том, что село вырабатывает собственные адаптационные стратегии в ответ на изменения социально-экономической среды, а также сохраняет и заново конструирует социальные механизмы поддержания своей самоидентичности. Изменения в институциональной и социальной сферах напрямую влияют на адаптационные стратегии населения, предопределяя их эволюцию, наблюдавшуюся за последние двадцать лет.

В соответствии с процессуально-целевым пониманием феномена социальной адаптации в результате процесса адаптации должны создаваться условия не только для осуществления жизнедеятельности субъектов (сельских сообществ), но и для изменения самой адаптирующей среды, то есть общая логика развития адаптационного процесса во времени предполагает постепенный переход от реактивной к прогрессивной адаптации. В соответствие с этой посылкой можно выделить следующие типы адаптационных стратегий.

Прогрессивно-инновационная стратегия – это стратегия активного «наступления», проявляющаяся в адаптивно-преобразующем взаимодействии субъекта адаптации с социальным окружением. На уровне индивидуумов такая стратегия основана на реализации активного типа экономического поведения, сочетающего поиск новых форм жизнедеятельности и воздействие на изменение социальной среды (смена места работы, профессии, рода занятости, места жительства и т.д.). В рамках данной стратегии субъект ориентирован на достижение успеха как в экономическом, так и в социальном измерении адаптации. На уровне сельских сообществ эта стра-

тегия проявляется в распространении неформальных практик формирования мелкотоварного уклада, что характерно для регионов, где имеются каналы сбыта сельскохозяйственной продукции и продукции промыслов (сбора дикоросов, охоты). С точки зрения институциональных форм организации социально-экономической активности сельского населения данная тенденция находит отражение в фермерстве и укладе, представленном крупными сельскохозяйственными предприятиями, вертикально интегрированными с городским капиталом.

Реактивно-пассивная стратегия (традиционная) – это стратегия динамического равновесия со средой в рамках завоеванной ниши, для которой характерно отсутствие резких изменений в приоритетах, ориентация на *status-quo*¹. Основанная на реализации промежуточного (псевдорыночного) типа экономического поведения, эта стратегия на индивидуальном уровне проявляется в поиске форм жизнедеятельности, позволяющих с минимальными затратами поддерживать достигнутый уровень жизни (поддержание или повышение профессионально-квалификационного уровня в рамках имеющейся профессии, поиск приработков, приведение в соответствие доходов и расходов для поддержания имеющегося уровня жизни).

Модели адаптации населения и сообществ зачастую принимают сугубо пассивно-приспособительный характер стратегий выживания, поскольку процесс адаптации сельского населения в современной России представляет собой приспособление не только к рынку, но и к социальным последствиям аграрной реформы (прежде всего безработице и феномену экономической бедности), а вырабатываемые сельским населением адаптационные стратегии представляют собой локальный ответ на совокупное воздействие двух групп факторов: а) изменения в институционально-правовой сфере сельского социума, связанные со становлением многоукладной экономики; б) негативные явления в социальной сфере, вызванные аграрной реформой.

Следствием разрушения материально-технического и организационного базиса сельского социума и экономического спада стало сокращение социальной группы, реализующей активный тип экономического поведения, распространение пассивного типа экономического поведения среди всех слоев сельского населения, формирование симбиозных социально-экономических структур².

Реактивно-пассивная стратегия адаптации в сельских районах России проявилась в феномене натурализации (переориентации населения на са-

¹ Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006. – 320 с.

² Великий П.П., Мореханова М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. – 2004. – № 12. – С. 55–64.

мообеспечение основными жизненно необходимыми продуктами натурального хозяйства, самозанятость в личном подворье). Стратегия социально-экономической натурализации в 1990-е годы характерна не только для сельского населения. Исследования малых городов тех лет показывают, что около 60% респондентов в качестве двух наиболее важных источников дохода называют, наряду с зарплатой, выращивание сельскохозяйственной продукции¹. Экономический потенциал личных подсобных хозяйств оказывается важнейшим адаптационным ресурсом жителей села и российской провинции, а трудовые усилия, затрачиваемые на выращивание продукции, становятся преобладающими в структуре деятельности. В условиях резкого снижения уровня жизни, задержки зарплат, остановки предприятий и пр., экономический вклад «огорода» в семейный бюджет существенно возрастает, а сама «огородная занятость» начинает конкурировать по важности с формальной занятостью, что дает основания становлению «огородной экономики» и «огородного типа адаптации» (термин В.В. Вагина). Сложности экономической ситуации пробудили традиционные, основанные на российском опыте выживания в годы войн и социальных потрясений стереотипы социально-экономического поведения населения. Для значительной части населения естественным результатом адаптации к «шоковой терапии» стало расширение деятельности по «самообеспечению» продуктами питания и «самообслуживанию» домохозяйств, то есть не рациональное инновационное приспособление к рыночной экономике, путем восприятия новых стандартов и норм поведения, характерных для рыночного общества, а «бегство от нее, порой в дорыночные уклады». Российская провинция пытается приспособиться к новой экономической реальности, «укрывшись грубым, но надежным покровом» интуитивной экономики².

Третий этап (середина 1990 – начало 2000-х гг.) характеризуется завершением первой волны институциональных преобразований и окончательным оформлением реактивно-пассивных механизмов адаптации сельского социума с постепенным возрастанием значения и институциализацией неформальных экономических практик формирования товарного уклада и посироизводства социального капитала села.

Мониторинговые исследования социальных реалий процессов трансформаций сельских локальных сообществ, проведенных под руководством автора в 1997-2012 годах в Сибирском регионе (Новосибирская, Тюменская, Кемеровская область, Республика Алтай), позволили выделить и проанализировать ряд новых аспектов типологии социальной адаптации

¹ Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. – 1997. – № 4. – С. 60.

² Там же. – С.53–88.

сельских локальных сообществ. Хронологические рамки исследований совпадают с третьим этапом активного реформирования аграрного сектора, когда население, принужденное к этому последствиями проводимых реформ и сокращением государственной поддержки социальной и экономической сферы села, вынуждено проявлять инициативу «снизу», формируя своеобразные адаптационные модели, сохраняющие до сих пор с небольшими изменениями свои основные характеристики.

Анализ эмпирических данных социологических исследований позволил выделить три основных типа адаптационных реакций сельских локальных сообществ на изменение глобальной социальной среды: натуальный, неформальный, деструктивный.

Первый тип адаптации – натуальный, в основе которого лежит стратегия социально-экономической ренатурализации, выражаяющаяся в распространении традиционных практик жизнеобеспечения, находящихся в сильной зависимости от государственных трансфертов. Переориентация всей социальной жизни на воспроизведение натурализованного семейного хозяйства, которая служит, прежде всего, целям простого воспроизведения и обеспечивает минимально приемлемый уровень жизни, является наиболее типичной пассивно-приспособительной реакцией. Поэтому такую стратегию поведения отдельных домохозяйств и сельских локальных сообществ с учетом реально существующих практических вариантов ее реализации можно охарактеризовать как ориентацию на выживание, а не на развитие.

В сельских районах, удаленных от крупных городских центров, преобладание натурального сектора в 1990-е гг. носит подавляющий характер. Такое положение дел отмечено в сельскохозяйственных районах Алтая, Горной Шории, удаленных районов Новосибирской и Кемеровской областей. Проявления феномена ренатурализации и архаизации социально-экономических практик обнаружены в ряде регионов России и в республиках бывшего СССР¹.

Анализ данных социологического мониторинга показал, что сельская натуральная экономика не является самостоятельным экономическим феноменом, она не может существовать без наличия мощного редистрибутивного потока, направленного из «большого общества» в экономику сельских сообществ. По меньшей мере, две трети всех материальных средств, используемых сельскими жителями, поступает извне локального сообщества. Стабильность натурального хозяйства предполагает одновременно наличие высокотехнологичной современной экономики, откуда мелкото-

¹ Мартынова И.Н. Заметки о социальных изменениях в аграрном секторе России // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. – С. 152–155.

шарное крестьянское хозяйство получает орудия труда и технику (для подготовки кормов, дров, переработки продукции и т.д.). Как правило, таким источником является «крупхоз», ресурсы которого доступны сети домохозяйств как на основе льготного пользования, так и в форме прямого присвоения (от неформальной «помощи» до прямых хищений), что дает исследователям возможность охарактеризовать подобные предприятия как «консенсусные, смешанные общинно-хозяйственные образования»¹, в которых подавляющее большинство сельских жителей получает доступ к реалистрибутивному механизму, присваивая в той или иной форме общественные ресурсы.

Второй тип адаптации сельских сообществ к изменившимся вследствие аграрной реформы условиям – неформальный. Исследования, проводившиеся в различных регионах России, засвидетельствовали специфическую пространственную локализацию неформальных практик – более частое обращение к ним сельских жителей (87% населения, вовлеченного в неформально-экономические отношения, против 42–46 % в городе)². По данным официальной статистики, доля сельского населения, занятого в неформальном секторе, превышает аналогичный показатель для городского населения почти в 3 раза (33% против 13%).

Неформальный тип адаптации основан на широком распространении механизмов рыночной теневой экономики и лежащих в ее основе неформальных экономических практик³: это и «скрытая» от официальной статистики торговля продукцией личных хозяйств и промыслов, и случайные и сезонные заработка селян, «отходничество». В Кош-Агачском районе Республики Алтай нами зафиксирован некоторый рост товарности личных хозяйств за счет сбыта продукции животноводства частным скупщикам из других регионов России и Монголии, а также активные чернорыночные отношения вокруг транзитного товаропотока из Китая в Россию, проходящего через Монголию по территории района⁴. Аналогичные процессы зафиксированы и в Карабускском районе Новосибирской области, специфику которого обуславливает приграничное положение с Казахстаном, что стимулирует развитие теневой предпринимательской деятельности. В Горной Шории интенсивно развивается черный рынок пушнины и других продуктов охотничье промысла. В Тюменской и Кемеровской областях многие сельские жители оказались включены в чернорыночные схемы, существ-

¹ Пашинковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003. – С. 85.

² Запорожец О. Игра в рынок: диспозиция сил (формальные и неформальные практики адаптации индивидов к новой экономической среде) // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования. – СПб: ЦНСИ, 2003. – С. 128–135.

³ Штейнберг И.Е. Крестьянство и власть: тенденции трансформации. Исследования власти в постсоветском селе // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. – С. 21–27.

⁴ Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Сельские локальные сообщества Горного Алтая: современное состояние, проблемные ситуации. – Новосибирск: Новосиб. Гос. Ун-т, 2002.

вующие вокруг предприятий-недропользователей (нефтегазового комплекса и угледобывающих)¹.

Рост производства в хозяйствах населения, основанный на неформальных экономических практиках, привел к тому, что они заняли доминирующие позиции в производстве мяса и молока в общероссийском масштабе, хотя этот тип хозяйствования и не соответствует «официальной» рыночной модели, поскольку, во-первых, активность в неформальном секторе осуществляется за пределами институционально-правового поля, скрыта от статистики, фискальных органов, т.е. осуществляется помимо общепринятых норм, регулирующих экономику; во-вторых, сильно зависима от факторов и субъектов, лишь отчасти связанных с рыночной средой. Само по себе развитие неформальных экономических практик, способствующих реализации элементов предпринимательской деятельности ЛПХ и выделению мелкотоварных хозяйств, представляющих собой инновационный элемент в реактивно-пассивных механизмах адаптации, не может рассматриваться как собственно прогрессивно-инновационная стратегия адаптации ввиду тесной органической связи этого явления с натурально-потребительским укладом. Использование неформальных практик на селе в первую очередь является адаптационной стратегией выживания, приспособления к меняющемуся социальному окружению, указанные процессы все же играют вспомогательную роль, дополняя основную жизнеобеспечивающую функцию натурализованного личного хозяйства. На рынок выносятся в основном излишки ресурсов, остающиеся в этом хозяйстве, в т.ч. избыток труда. При этом развитость теневой экономики определяется не столько внутренними потребностями крестьянского хозяйства, сколько внешними ситуативными обстоятельствами.

Натуральный и неформально-рыночный аспекты развития ЛПХ не являются параллельными и независимыми, но представляют собой различные стороны единого процесса адаптации, по-разному протекающего в разных обстоятельствах и в разных условиях. Неформальные практики реализации рыночного потенциала ЛПХ играют вспомогательную роль, дополняя основную жизнеобеспечивающую функцию натурализованного личного хозяйства. На рынок выносятся в основном излишки ресурсов, остающиеся в этом хозяйстве (в т.ч. избыток труда, – там, где размер и, соответственно, эффективность личных хозяйств ниже, чем в других регионах). При этом развитость неформальной сельской экономики определяется не столько внутренними потребностями крестьянского хозяйства, сколько внешними ситуативными обстоятельствами или располагаемыми ресурсами.

¹ Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. – Новосибирск: Наука, 2002.

Третий тип адаптации – деструкция – характеризуется прогрессирующим распадом социальных связей, усиленной миграцией, что, в конечном счете, приводит к гибели локального сообщества. Наиболее ярко выраженной формой деструктивного типа адаптации сельских сообществ является постепенное разрушение и вымирание деревни, связанное прежде всего с развалом крупхозов, то есть в тех случаях, когда интенсивность редистрибутивного потока оказывается недостаточной, а также отсутствуют внешние факторы адаптации (природные ресурсы, локальные рынки сбыта), позволяющие развивать неформальные социально-экономические практики.

Деструктивный тип адаптации характерен и для отдельных социальных групп. Помимо домохозяйств, состоящих из пенсионеров и инвалидов, сюда можно отнести прослойку сельских «люмпенов». В качестве экономических характеристик их личного подворья можно отметить полное отсутствие товарности и минимальный уровень самообеспечения. Люмпенизированная прослойка «деструктивных адаптантов» после потери прежнего статуса в общественном производстве и прежних источников доходов демонстрируют деструктивные формы поведения, в том числе совершая мелкие кражи у соседей¹. Именно об этой прослойке часто идет речь, когда говорится о широком распространении алкоголизма среди сельского населения и росте правонарушений, совершенных в нетрезвом виде. Причем в отличие от прежних времен, когда от алкоголизма страдали прежде всего трудоспособные члены сообществ мужского пола, сегодня встречаются целые пьющие семьи, исключенные из системы сельских социальных связей.

Изучение ситуации в различных регионах дает основания предполагать, что натурализация, развитие неформальных экономических практик и деструкция представляют собой различные стороны одной и той же по сути адаптационной модели, по-разному проявляющей себя в разных обстоятельствах и в разных регионах. Вариативность адаптации сельских локальных сообществ к трансформационным процессам обусловлена географической, экономической и этнической спецификой конкретного региона, а также внутренними факторами, определяющими развитие конкретных поселений.

Таким образом, в течение первых трех этапов трансформации сельского социума происходит формирование выделенных выше устойчивых типов адаптации (имеющих в той или иной степени пассивно-реактивный характер) – поэтому можно утверждать, что кристаллизация данных адап-

¹ Лылова О.В. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социс. – 2003. – № 9. – С. 107–113.

тационных форм и соответствующих им своеобразных социальных связей и является содержанием первого периода трансформации.

Третий этап (середина 1990-начало 2000-х гг.) характеризуется завершением первой волны институциональных преобразований и окончательным оформлением реактивно-пассивных механизмов адаптации сельского социума с постепенным возрастанием значения и институциализацией неформальных экономических практик формирования товарного уклада и воспроизводства социального капитала села. Само по себе развитие неформальных экономических практик, способствующих реализации элементов предпринимательской деятельности ЛПХ и выделению мелкотоварных хозяйств, представляющих собой инновационный элемент в реактивно-пассивных механизмах адаптации, не может рассматриваться как собственно прогрессивно-инновационная стратегия адаптации ввиду тесной органической связи этого явления с натурально-потребительским укладом. Натуральный и неформально-рыночный аспекты развития ЛПХ не являются параллельными и независимыми, но представляют собой различные стороны единого процесса адаптации, по-разному протекающего в разных обстоятельствах и в разных условиях. Неформальные практики реализации рыночного потенциала ЛПХ играют вспомогательную роль, дополняя основную жизнеобеспечивающую функцию натурализованного личного хозяйства. На рынок выносятся в основном излишки ресурсов, остающиеся в этом хозяйстве (в т.ч. избыток труда, – там, где размер и, соответственно, эффективность личных хозяйств ниже, чем в других регионах). При этом развитость неформальной сельской экономики определяется не столько внутренними потребностями крестьянского хозяйства, сколько внешними ситуативными обстоятельствами или располагаемыми ресурсами.

На новейшем, уже четвертом этапе развития современного сельского социума (с начала 2000-х гг.) окончательно, законодательно и институционально оформляются социально-экономические отношения, сложившиеся на основе института частной собственности на землю, и эволюционируют формы массового социально-экономического поведения. В условиях макроэкономической стабилизации происходит новый виток преобразований, сущность которого заключается в постепенном вытеснении сформировавшихся в 90-х гг. социально-адаптационных форм и структур (как правило, экономически неэффективных) и внедрении в экономику села частного (часто городского) капитала, постепенном изменении массовых адаптационных стратегий.

Можно предположить, что в условиях посттрансформационной стабилизации адаптационно-кризисные формы должны либо исчезнуть, либо трансформироваться (возможно, вновь превращаясь из укладной формы

организации экономики и социальной жизни крестьян во второстепенную структуру, выполняющую вспомогательные функции, то есть вновь обретая «подсобное» значение).

Данные статистики и социологических опросов 2006-2012 гг. во многом подтверждают такую гипотезу. Так, согласно официальной статистике, в последние годы происходит постепенное, но неуклонное снижение значения хозяйств населения в структуре производства основных видов сельскохозяйственной продукции. Пик производства скота и птицы на убой в хозяйствах населения был достигнут в 2000 г., когда ЛПХ производили более половины товарного мяса (58%), к 2009 г. доля ЛПХ в производстве мяса, постепенно сокращаясь, снизилась до 39,5% (сокращение на 18%). За те же годы значительно снизилась доля ЛПХ также в производстве товарного картофеля (10%). Падение значения хозяйств населения в производстве этих продуктов в основном было восполнено за счет повышения доли сельскохозяйственных организаций (прирост на 18% и 6%, соответственно).

Данные социологических исследований, проведенных в Новосибирской области, зафиксировали еще более значительное сокращение животноводческой специализации ЛПХ, в подавляющем большинстве обследованных поселений с 2003-2005 гг. произошло сокращение поголовья общественного стада в 2 раза и более. Данные межрегионального исследования (Новосибирская, Саратовская область, 2010 г.) подтверждают, что жители села в полной мере осознают наметившуюся тенденцию снижения хозяйственной активности ЛПХ (таблица 1).

Таблица 1
Изменение хозяйственной активности ЛПХ за последние 5 лет

	Новосибирская область	Саратовская область
Возросла	16%	20%
Уменьшилась	75%	52%
Все осталось без изменений	9%	28%

Отмеченные тенденции снижения роли натурального и мелкотоварного уклада коррелируют с общей динамикой ориентаций населения в сфере самозанятости на земельных участках. Исследование ВЦИОМ, проведенное в начале 2010 г., показало, что сегодня земля нужна россиянам для строительства жилья, а не ради получения продуктов¹ – большинство россиян хотели бы иметь надел земли для строительства дома, получение сельхозпродуктов для семьи, которое было доминирующим мотивом в

¹ ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения № 4(98) июль–август 2010. – С. 94.95. [Электронный ресурс]. URL: <http://wciom.ru/>

1990 году (56%), сегодня интересует лишь 15% опрошенных. Приведенные данные убедительно свидетельствуют о том, что в российском обществе на уровне массовых ориентаций, несмотря на социально-экономические трудности последних лет, связанные с последствиями мирового финансово-экономического кризиса, происходит отказ от пассивной «огородной» адаптационной стратегии.

Опираясь на данные исследований, осуществленных в сельских районах Новосибирской области, на уровне массовых социально-экономических практик происходит повышение значения в доходах домохозяйств заработной платы с одновременным снижением доходов от продажи продукции ЛПХ (рисунок 1).

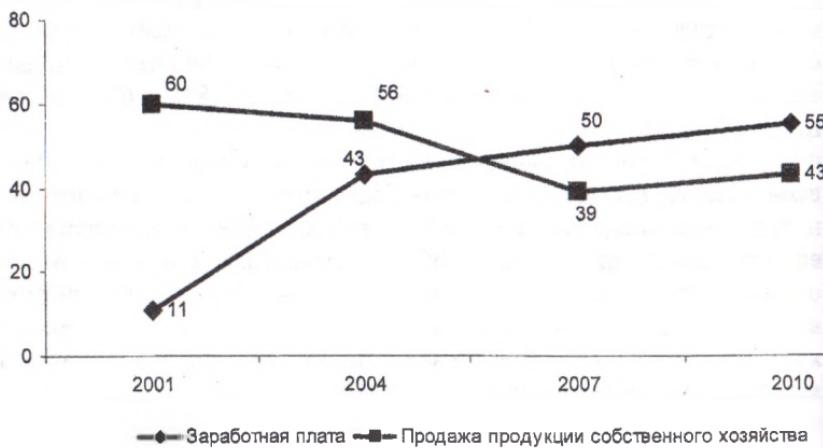

Рисунок 1. Экспертная оценка структуры денежных доходов жителей села, Новосибирская область

Представляется, что отмеченная тенденция связана с глубинными процессами трансформации российского сельского социума. Во-первых, действуют факторы, связанные с исчерпанием ресурсов симбиозных экономических форм. Социальные функции предприятий – доноров ЛПХ ослабевают вследствие деградации производственного потенциала нерентабельных или малорентабельных коллективных хозяйств (крупхозов). Эти предприятия находятся в состоянии глубокой трансформации, и большинство из них само нуждается в поддержке со стороны государства или крупного бизнеса, чтобы выжить. Во-вторых, на современном этапе развития аграрной сферы происходит отказ населения от реактивно-пассивных стратегий адаптации, на котором формируются симбиотические социально-экономические структуры. Адаптационные экономические формы постепенно приходят в упадок (что связано, в том числе, с курсом государст-

венной аграрной политики на «оздоровление» сельхозпроизводителей – т.е. отказ от поддержки нерентабельных хозяйств). В экономику села внедряются действительно инновационные уклады, в том числе представленные вертикально интегрированными экономическими предприятиями с участием городского капитала (агрохолдинги); возрастает значение фермерских хозяйств, доказавших свою жизнеспособность; постепенно изменяются массовые адаптационные стратегии. Эти изменения в ориентациях социально-экономического поведения населения обусловлены не столько осознанием несоответствия реактивно-пассивных механизмов адаптации изменяющимся правилам игры, сколько неудовлетворительными результатами следования стратегиям, сформированным в период кризиса.

Наиболее важным показателем успешности реализуемых адаптационных стратегий является уровень благосостояния сельского населения (экономическое измерение адаптации). По данным исследований денежные доходы населения, реализующего пассивные адаптационные практики, крайне низки: подавляющая часть домохозяйств находится ниже порога бедности, а около половины семей можно отнести к крайне бедным, поскольку уровень среднедушевого дохода в таких семьях составляет ниже половины прожиточного минимума на каждого члена семьи в месяц. При этом сравнение данных обследований различных лет не показывает заметных положительных тенденций в данном вопросе, не демонстрирует роста уровня благосостояния жителей села (таблица 2).

Таблица 2
Среднедушевые доходы населения

Категория	Данные 2001 г.	Данные 2004 г.	Данные 2007 г.	Данные 2011 г.
Крайняя бедность (менее 1/2 ПМ)	67%	52%	58%	47%
Бедность (от 1/2 до 1 ПМ)	27%	36%	37%	42%
Более 1 ПМ на члена семьи	4%	10%	5%	9%
2 ПМ и больше	2%	2%	0%	2%

Сложности становления нового институционального порядка и формирования многоукладности сельской экономики привели к возникновению ряда проблемных ситуаций сельского социума. Проблемы, отмечаемые жителями села в качестве самых острых, находятся в определенной связи (являются комплексными) и отражают объективные сложности экономического и социокультурного порядка. В сознании жителей села преобладают проблемы, связанные с экономическим положением населения: безработица, бедность, задержка заработной платы (таблица 3).

Таблица 3

Социальные проблемы, выделенные сельским населением, %

Проблемы	Данные 2001 г.	Данные 2004 г.	Данные 2007 г.	Данные 2011 г.
Безработица	65	60	55	77
Задержка зарплаты	68	34	2	21
Распространение бедности и нищеты	47	35	17	21
Пьянство	71	37	24	71
Преступность	24	7	4	8
Низкая рождаемость, высокая смертность	39	10	4	13

Оценивая реальную социальную ситуацию в сельских районах России, следует признать, что функция воспроизводства сельского социума осуществляется на минимальном допустимом уровне, перед многими сельскими сообществами до сих пор остро стоит вопрос выживания. В меняющихся институциональных условиях сформированные в период кризиса реактивно-адаптивные модели оказываются неэффективными: они не способны в должной мере стимулировать население в полной мере задействовать имеющиеся ресурсы и реализовывать успешные адаптационные стратегии.

Противовесом политики, направленной на поддержку адаптивной натурализованной экономики села (ЛПХ), выступает практика концентрации собственности, основывающаяся на экономической успешности/неуспешности сельхозпроизводителей, которая происходит на новейшем этапе развития села и сопровождается вытеснением реактивно-пассивных форм социально-экономического поведения населения. Этот процесс осуществляется не за счет развития внутренних ресурсов и эволюции ведущих субъектов социально-экономических взаимодействий, а путем внедрения в сельский социум экономики крупных структур агрохолдингового типа, вертикально интегрированных с городским капиталом. Подобные предприятия, активно развивающиеся в последние годы, находятся в более выигрышной ситуации по сравнению с крупхозами за счет возможности привлечения внешнего капитала, инвестиционных ресурсов и использования современных технологий менеджмента, позволяющих гибко менять стратегию, тактику и формы деятельности.

Последствия такой модернизации организационно-производственных структур сельского социума неоднозначны. С одной стороны, эффективно функционирующее предприятие с участием внешних инвестиций обеспечивает рабочими местами местное население и способствует решению самых острых проблем реформируемого социума: бедности и безработицы. С другой стороны, экономические субъекты нового ти-

па нарушают хрупкое равновесие, сложившееся в социальной сфере села. Во-первых, озабоченные в первую очередь вопросами эффективности, «инвесторы» настроены на закрытие нерентабельных видов бизнеса и увольнение «лишних» работников. «Избавление от «трудового балласта» влечет новую волну безработицы, что «застопорит» и без того безысходную ситуацию во многих селах, сделает положение безработных новой волны необратимым»¹. Во-вторых, представляя собой качественно новый инновационно-капиталистический уклад, агрохолдинги перестают выполнять ряд функций по неформальной поддержке сельского социума в рамках сложившейся в 1990-х гг. симбиозной модели, выступая в этом плане антиподом тесно связанного с локальными сельскими общностями крупного (например, прекращается поставка кормов по льготным ценам). Разрыв сложившейся системы устойчивых социально-экономических связей, обеспечивающих воспроизводство ресурсов, социального и человеческого капитала села может привести к разрушению стихийно сформированных механизмов адаптации сельского населения.

Изучение социально-экономических аспектов процесса становления инновационного предпринимательского уклада позволяет выявить целый ряд проблем, в первую очередь связанных с возможностями устойчивого развития села и возникающих на сельских территориях, связанных с функционированием агрохолдингов. Ситуация в таких поселениях характеризуется резким снижением не только общественного поголовья скота и трудовой активности населения в ЛПХ (что обусловлено сокращением форм поддержки), но и сокращением материально-технических ресурсов, доступных сообществу. Меры нового руководства по оптимизации логистической цепочки производства, включающие в себя продажу техники бывших «крупхозов», переход на вахтовые методы работы, влекут за собой маргинализацию сокращенных работников и пауперизацию населения, потерявшего не только работу, но и возможности ведения подсобного хозяйства (следствие отсутствия необходимых ресурсов).

Особое обострение этих проблем происходит в случае прекращения деятельности крупных сельхозпредприятий инновационного типа в условиях исчерпанности ресурсов адаптации сельских сообществ (в связи с распродажей ликвидных активов, производственной базы и инфраструктуры). Для сельских жителей происходящий новый передел собственности сопряжен с потенциальным риском, поскольку угрожает сохранению всего крупного сельскохозяйственного производства на территории села. Возрастание деструктивных тенденций в жизни села, сокращение адаптивного потенциала сельского социума влекут за собой негативные изменения в

¹ Социальная многоликость Сибири в период общественных перемен / Под ред. З.И. Калугиной. – Новосибирск: ИЭООН СО РАН, 2003.

системе сельского расселения, что чревато сужением сферы социального контроля за пространством не городских территорий, подрывом продовольственной и geopolитической безопасности страны.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что за период реформирования российское село прошло несколько этапов развития, в соответствии с которыми и менялись доминирующие стратегии адаптации сельского социума. Судя по наблюдаемым тенденциям развития села, можно утверждать, что социально-экономические механизмы стабилизации и поддержания социального равновесия в сельском социуме, основанные на реактивно-пассивных стратегиях адаптации, в определенной мере исчерпали свой ресурс и на сегодняшний день не соответствуют вызовам изменившейся социально-экономической среды. Реактивно-пассивные механизмы адаптации постепенно вытесняются инновационными формами, выражением которых в сфере индивидуальных социально-экономических ориентаций является установка на формальную занятость. В институциональной сфере эти процессы сопровождаются развитием организационно-производственных структур нового типа; соответственно, меняется доминирующая модель социальных взаимодействий: ослабевает значимость неформальных социальных связей (различного рода социальных сетей), происходит ослабление взаимозависимости крупных экономических единиц и экономики ЛПХ (в связи с ростом ориентаций на формальную занятость отчасти падает значение этого мелкотоварного уклада). Не обратимость и устойчивость этого процесса зависит, как было показано, не столько от внутренней логики развития сельского социума, сколько от факторов внешнего по отношению к сельскому сообществу институционального порядка и характера государственной политики.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00193)

Литература:

1. Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. – 1997. – № 4. – С. 53–60.
2. Великий П.П., Мореханова М.Ю. Адаптивный потенциал сельского социума // Социс. – 2004. – №12. – С. 55–64.
3. ВЦИОМ. Мониторинг общественного мнения №4(98) июль–август 2010. – С. 94–95. URL: <http://wciom.ru/>
4. Запорожец О. Игра в рынок: диспозиция сил (формальные и неформальные практики адаптации индивидов к новой экономической среде) // Неформальная экономика в постсоветском пространстве: Проблемы исследования и регулирования. – СПб.: ЦНСИ, 2003. – С. 128–135.
5. Лылова О.В. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социс. – 2003. – №9. – С. 107–113.
6. Мартынова И.Н. Заметки о социальных изменениях в аграрном секторе России. // Сибирская деревня в период трансформации социально-

- экономических отношений. – Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996. – С. 152–155.
7. Мархинин В.В., Удалова И.В. Традиционное хозяйство народов Севера и нефтегазовый комплекс. – Новосибирск: Наука, 2002. – 254 с.
 8. Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006. – 320 с.
 9. Нечипоренко О.В., Вольский А.Н. Сельские локальные сообщества Горного Алтая: современное состояние, проблемные ситуации. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – 153 с.
 10. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003. – 368 с.
 11. Социальная многоликость Сибири в период общественных перемен / Под ред. З.И. Калугиной. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2003. – 180с.
 12. Штейнберг И.Е. Крестьянство и власть: тенденции трансформации. Исследования власти в постсоветском селе // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / Под ред. Т.И. Заславской. – М.: Аспект Пресс, 1996. – № 7. – С. 21–27.

ГЛАВА 4

РОССИЙСКАЯ ДЕРЕВНЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Деревня как человеческий капитал

К.Маркс, анализируя процесс получения прибавочной стоимости, никогда не теряет из виду человека. Он не был вульгарным материалистом, его учение не ограничивается политэкономией. Ошибались те советские учёные, которые, забыв про человека, сводили марксизм-ленинизм к учению о развитии экономики. Ошибались руководители сельских райкомов КПСС, которые свой рабочий день начинали и заканчивали решением проблем производства «большого молока», «битвой за урожай». Ошибались руководители обкомов КПСС, оценивавшие руководителей района исключительно по производственным показателям. Добиваясь любой ценой увеличения производства продуктов питания, советские руководители способствовали раскрестьяниванию крестьян. Они, как и западные предприниматели, видели в них лишь средство получения прибыли и нарушили естественные субъектно-объектные отношения, имевшие место в период общинного землевладения. В качестве одного из показателей раскрестьянивания приведу пример: в совхозах и некоторых колхозах после получения зарплаты на следующий день около половины доярок не выходили на работу – на утренней дойке их подстраховывали бухгалтеры, председатель профкома, секретарь парткома. Не только рабочие совхозов, но и колхозники фактически превратились в наёмных работников, поэтому многие трактористы и комбайнёры на работе систематически потребляли алкогольные напитки.

Экономика – фундамент общества, но никак не является самоцелью – в общественном здании, кроме фундамента, есть ещё надстройка, без которой не может функционировать общество. Мы не можем не помнить, что *средством и самоцелью социального прогресса является самодеятельный человек*.

Критерием прогрессивности общества является отнюдь не уровень развития производительных сил. Те авторы, которые «экономически развитые страны» называют «развитыми странами», читателей вводят в заблуждение. Получается явная подстановка: якобы экономически развитая страна является развитой во всех отношениях. Такая подстановка уводит социологов и всех обществоведов в сторону от определения прогрессивного пути в движении западной цивилизации, эта грубейшая методологическая ошибка в ценностной ориентации наносит огромный вред развитию общесоциологической теории. Западные мыслители открыто говорят о типиковом пути цивилизации, нацеленной на максимальное производство и максимальное потребление. Даже постмодернисты разочаровались в «ус-

пехах» общественного развития, обнаружив глубокую деформацию сознания западного человека, а Мишель Фуко прямо заявил: «Человек умер». *На Западе есть наука, есть техника, есть материальная культура, но нет целостного человека – личность его деформирована или вообще разрушена.* Почему? Потому что западная цивилизация (читай: капитализм) со своей идеологией технократизма выдавливает человеческое из человека.

И если сегодня мы, крестьяноведы, огорчены развалом российского сельскохозяйственного производства, должны думать не только о путях восстановления экономики деревни, но постоянно помнить о человеке. Мы призваны выискивать пути не только повышения уровня жизни, не только рассматривать фондооружённость СПК, но и, в первую очередь, отслеживать, каким становится крестьянин: деградирует как человек или одухотворяется. Мы не имеем права повторять практику колхозов и совхозов, в которых демократия осталась на уровне декларации, которые ограничились проблемой удовлетворения витальных потребностей работников и не решили проблему отчуждения человека.

Гениальность К. Маркса в оценке места деревни в социальном прогрессе заключается в том, что он уловил преимущество сельского образа жизни, способствующего очеловечиванию человека, и выступает против концентрации сельскохозяйственного производства, считает, что деревню надо сохранить «как резервный фонд для возрождения жизненной силы нации»¹. То есть главная ценность деревни заключается в высоком уровне интрапности крестьянина. *Деревня нужна как оазис в урбанизированном обществе, как производитель людей (личностей), соответствующих человеческой природе.*

Чем берёт деревня? В чём преимущество сельского образа жизни? Дело в том, что крестьянский труд вынуждает напрягаться не только физически, но и умственно – вынуждает постоянно размышлять, и в этом его огромная польза для умственного развития сельского труженика. Сравним крестьянский труд с другими профессиями. Так, бухгалтер не имеет права творчески работать – выдумывать свои формы документов и отчёта, техник не имеет права менять технологию по своему усмотрению, фармацевт не имеет права изготавливать лекарство, отступая от рецепта, хирург не может делать вивисекцию без соблюдения предписанного алгоритма действий. В то же время крестьянин не может обойтись без эксперимента: в зоне рискованного земледелия не может быть шаблонного подхода. К примеру, в период весенне-посевной кампании в зависимости от уровня влажности почвы, в зависимости от механического и химического состава почвы, от качества семян меняются норма и глубина высеива.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – М., 1940. – Т. 46. – Ч. 1. – С. 105.

Сроки и способы уборки зависят от дождей, от полегости хлебов, от особенностей весны, лета и осени.

Сельский образ жизни вынуждает человека быть разносторонне развитым, раскрывать свою человеческую природу. *Традиционный крестьянин* представляет собой универсально развитую личность: сам является и архитектором, и прорабом, и лесорубом, и плотником, и каменщиком, и земледельцем, и животноводом. Он не нуждается в услугах участкового милиционера – отношения с односельчанами улаживает без помощи представителей государства. Он не нуждается в организаторах трудового процесса – на любом участке сам думает и с товарищами согласовывает алгоритм действий. Он не нуждается в услугах театра и артистов – сам сочиняет и исполняет песни, постоянно импровизирует, почти каждый день организует «маленькие и большие спектакли» в виде обрядов и ритуалов. Крестьянин занимается дизайном интерьера и ландшафта – сам укращает жильё и изнутри, и снаружи; притом не разрушает рельеф, а удачно вписывается в него, усиливает, выпячивает его живописность.

Специфика сельского образа жизни обуславливает образование сложных социальных связей благодаря вынужденной взаимопомощи и не-посредственному межличностному общению в ограниченном пространстве сельского поселения. Деревенская жизнь вынуждает постоянно общаться с живой природой; позволяет наблюдать явления природы (ледоход, возвращение на родину перелётных птиц, цветение деревьев, полнолуние...); побуждает сопоставлять множество факторов и действовать согласно диалектике общего, особенного и единичного; вынуждает использовать практический и духовный опыт предыдущих поколений; побуждает заботиться о завтрашнем дне подрастающего поколения. В условиях деревни осуществляется связь времён как одно из важных условий повышения уровня антропности жителей.

Чувство собственного достоинства

Нет личности без чувства собственного достоинства. Ещё древнегреческий философ Эпиктет утверждал: «Жалок не тот, кто лишился денег и имения, а тот, кто потерял свою истинную собственность – человеческое достоинство». Чувство достоинства можно назвать стержнем личности. Оно тесно связано с пониманием *счастья и смысла жизни*. По мнению педагога В.А. Сухомлинского, самое главное в воспитании – формирование понимания человеком собственного достоинства, собственной красоты (как человека).

Но каковы условия формирования чувства собственного достоинства?

У человека, хотя он имеет много общего с животным миром, есть своя природа – человеческая. Её особенность в том, что в отличие от рас-

тений и животных, человек не поддаётся воспитанию и формированию с помощью насилия и принуждения — очеловечивание представителя биологического вида *Homo sapiens* невозможно без самодвижения. Задача микро- и макросоциума заключается в создании соответствующих условий для самостановления человека. Но наша огосударствлённая цивилизация, насаждаящая «прогресс» с помощью наёмного труда, не создала условий для становления человека с чувством собственного достоинства и вообще породила неверное понятие о чести и достоинстве.

Чувство собственного достоинства есть диалектическое сочетание самоуважения с уважением других людей. Человек, обладающий чувством собственного достоинства, способен выйти за пределы своего «Я», заниматься поиском истины и решением глобальных проблем человечества, относиться к жизни творчески, генерировать конструктивные идеи, может «плыть против течения», выдержать натиск устоявшегося общественного мнения, стереотипного мышления. Он способен радоваться чужой радости, подвержен философской рефлексии: гордость сочетает с самокритичностью, с ощущением своей недостаточности и всю жизнь занимается самосовершенствованием. Вышеперечисленные качества у наёмного работника (рабочего, служащего, слуги), как правило, деформированы или отсутствуют.

У крестьянина же, хотя некоторые горожане смотрят на него свысока, снобистски, как на человека «второго сорта», есть своя гордость. К такому выводу пришёл и академик А.Н. Энгельгардт — он отмечает высокий уровень чувства достоинства земледельца и рассматривает случаи падения крестьянина до уровня холуя под влиянием цивилизации. Скажем, в силу разных причин мужик может лишиться лошади, хозяйство может разориться. Тогда он решает поступить на службу в городе. «Такой крестьянин, который, бросив землю, уйдя из деревни и поступив на службу, попал на линию, в деревню уже не возвращается и старается выписать к себе жену с детьми. Попавший на линию, начинает, обыкновенно, презирать чёрную мужскую работу, предпочитает более лёгкую, лакейскую службу, одевается по-немецки, ходит при часах, старается о том, чтобы у него было как можно больше всякой одежды. Жена его стремится в барыни и завидует такой-то и такой-то товарке, которая ранее ушла из деревни в Москву, живёт с купцом и имеет семнадцать платьев. Детей своих она водит, как панинят, и хотя бьёт, но кормит сахаром и учит мерсикать ножкой. Мужикой работы дети уже не знают, и, когда они вырастут, их стараются определить на хорошие места в услужение к чиновникам, где главное их достоинство будет в том, чтобы они умели ловко мерсикать ножкой. И муж, и жена, и дети уже стыдятся своих деревенских родителей и называют их необразованными мужиками, а те оплачивают им тем, что называют

их батраками. А «батрак» – это бранное слово, хуже которого нет, которое выводит из себя самого ловко мерсижающего ножкой мужика, – тайничок-то русский мужицкий у него в мозгу ещё есть!

Попасть на линию! – для этого нужно не дело делать, а только уметь подладить начальнику или барину, попасть на линию – вот заветная мечта. Суметь подладить! – вот на что устремляются все способности и ради чего пренебрегают никакими средствами, например, жениться для барина! Это характеристично для мужика, бросившего землю. Бросив землю, он как будто теряет всё, делается лакеем!

В таких, попавших на линию, обчиновничавшихся мужиках, которых зовут «человек», вы уже не увидите того сознания собственного достоинства, какое видите в мужике хозяине, земледельце. Посмотрите на настоящего мужика-земледельца. Какое открытое, честное, полное сознания собственного достоинства лицо! Сравните его с мерсижающим ножкой лакеем! Мужик, если он «ни царю, ни пану не виноват», ничего не боится. Мужик, будь он даже беден, но если только держится земли – удивительная в ней, матушке-кормилице, сила, – совершенно презирает и попавшего на линию, и разбогатевшего на службе у барина. «А хорошее жалование получают эти курятники – 250 рублей, да ещё рвёт с кого билетик, с кого трояк!» – говорил мне один мужик, истинный земледелец, непомерной силы, непомерного здоровья, ума и хозяйственной смышлённости.

– А ты бы разве пошёл на эту должность?

– Я-то?

– Ну, да, ты.

– Избави меня господи! Я? В батраки!

Приехали ко мне как-то мужики покупать рожь на хлеб.

– Что же вы не покупаете у своего барина? – спросил я.

– Какой у нашего барина хлеб, наш барин сам в батраках служит.

И сколько презрения было в этих словах! Барин, из небогатых, действительно служил управляющим у соседнего помещика¹.

Крестьянин, имеющий свой земельный надел, живёт своей головой и своим трудом, оттого презирает наёмных работников, вынужденных жить по чужой воле, чужой головой. Особенно нетерпимое отношение у крестьянина к тем, кто занимается не созиданием (материальных и духовных) ценностей, а служащих (прислуживающих) кому-то.

Традиционного земледельца не прельщает ни лёгкая работа служащего (холуя), ни более высокий уровень жизни (чем у мужика).

Благодаря работе на земле, через землю крестьянин научается находить верные ориентиры в лабиринте идентичностей, ощущает себя частью

¹ Энгельгардт А.Н. Из деревни. Письмо седьмое // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М., 1987. – С. 199.

Природы, идентифицирует себя со всей планетой и Вселенной, научается мыслить масштабно, усваивает, что батрак, лакей – падшие люди, «поскольку не дело делают», а лишь угодничаят.

Самое главное у мужика вырабатывается верное понятие о чести и достоинстве. Он ощущает себя личностью, субъектом, творящим и живущим своей головой, и понимает, что служащий (от слова «слуга») есть подневольный объект, а не личность. Священный надел земли, на которой живёт и работает крестьянин, обладает суггестивным свойством, возвышающим человека над животным миром, способствует обретению истинно человеческих качеств.

К сожалению, сегодня деревенский мужик деградировал, мало осталось людей с чувством достоинства – некоторые россияне даже гордятся, если дети закрепились за границей (в Италии, Германии, Испании, США...) и ходят «в пальте и при часах». Притом односельчане редко интересуются: мигрант «за бугром» делом занят или стал наёмным работником (батраком).

Напряжение, свойственное крестьянскому труду, «работает» на формирование упорства, силы воли и *овладение нелинейным мышлением*. Нелинейное мышление – это второй уровень сознания. Это уровень понимания, уровень разума. Горожане в этом отношении явно уступают традиционным крестьянам – в городе лишь единичные люди поднимаются до этого уровня сознания, несмотря на наличие дипломов и развитый интеллект. Деформацию сознания человека, оторвавшегося от земли, обнружил и Глеб Успенский, исследовавший дареволюционную деревню.

Человек, выросший в урбанизированном поселении, не улавливает место и роль земли в становлении человека, не улавливает, что в становлении человека нельзя уповать лишь на науку и образование. Наука и образование ограничены лишь первым уровнем сознания – *линейным мышлением*, основанном на формальной логике, на строгой дефиниции понятий. Наука и образование перед собой ставят цель *накопление знания*, но не полёт теоретической мысли. Идеалом системы образования является робот. Про учёного этого уровня можно сказать народными словами «много знает, но мало понимает». Первый уровень сознания – одномерное рациональное, рассудочное мышление, и его нельзя назвать разумным – рассуждки недостаточно, чтобы уметь выделить главное и выявить причинно-следственные связи. Чтобы не ограничить себя строгими дефинициями, формулами, рецептами, необходимо воспарить над наукой. Но поскольку наша цивилизация основана на формально-логическом мышлении (читай: математике), она оказалась неразумной (безумной). Китайский философ Чжуан-цзы осуждал подобное обучение, ограниченное пределами линей-

ного мышления: «С ограниченным грамотеем нельзя говорить о Дао – он скован своим образованием».

Действительно, понимание под силу только тому учёному, который поднялся до философии и овладел нелинейным мышлением. И лишь того человека можно назвать разумным, который достиг второго уровня сознания – нелинейного мышления. Традиционному крестьянину тоже под силу овладение нелинейным мышлением, в народе называемым мудростью. Мудрый человек, как и философ, (в отличие от человека с линейным мышлением) рецептов не даёт. Традиционный крестьянин по своей сути есть философ. Философия – это не профессия, а образ жизни.

В условиях деревни жители приучаются понимать взаимосвязанность мира. Традиционная деревня – это самоорганизующаяся система, в ней действуют законы синергетики. Деревня – это великолепная школа жизни. И вполне закономерно, что из провинции вышли выдающиеся российские писатели, организаторы производства, учёные, изобретатели, самые лучшие защитники Отечества, олимпийские чемпионы. Деревня ценна не столько как производитель продуктов питания, а как человеческий капитал. К сожалению, сегодня многие авторы под «человеческим капиталом» понимают только те качества работника, которые нужны для повышения производительности труда. Такой односторонний взгляд на человеческую сущность обусловлен линейным мышлением (вульгарного материалиста). Типичный западник не способен оценить деревню как поставщика открытых, добрых, порядочных, душевных, трудолюбивых, изобретательных, универсальных людей, дефицит которых остро ощущается в нашем деформированном (урбанизированном) обществе. Если исчезнет деревня (как это имеет место на Западе), произойдёт качественный скачок в сторону социального регресса российского общества.

Сегодня, думаю, К. Маркс возражал бы против агробизнеса, потому что для агробизнеса самоцелью является прибыль. Агробизнес способствует отчуждению человека (от земли, от собственности, от управления, от распределения, от людей, от самого себя) и приводит к рваческому отношению к природе, деформирует сознание работников, формирует «полуидиотов», выполняющих примитивные операции¹. Как бы то ни было, агробизнес «работает» против возвышения человека².

Даже в Америке постепенно приходят к выводу, что семейное фермерство привлекает своим образом жизни. Есть примеры, когда горожане ради образа жизни ведут убыточное фермерское хозяйство. Они нуждаются в непосредственном общении с природой, работе на земле, благотворно влияющим на самочувствие и нравственный облик человека. Семейное

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – М., 1940. – Т.23. С. 374.

² Мюрберг И.И. Аграрная сфера и политика трансформации. – М., 2006. С.19–38.

фермерство элиминирует становление частичных людей и социальную дифференциацию – фермер выполняет универсальные функции: является одновременно и руководителем, и бухгалтером, и исполнителем принятого решения. Если же в семейном фермерском хозяйстве имеется наёмный работник, то не отчуждается, а становится как бы членом семьи – живёт и питается вместе.

Грешит тот, кто в деревне видит лишь сельское хозяйство, и, сравнивая агросферу Голландии и России, в качестве показателя их развитости берёт только уровень производительности труда. Разумеется, необходимо стремиться повышать производительность труда, но не любой ценой, скажем, не ценой формирования частичного человека (как приданка машины).

В агросфере развитой Голландии есть много того, что можно и нужно нам перенимать. Но, тем не менее, она (колыбель капитализма) не может быть для нас объектом подражания. Прекрасно, что голландский фермер работает производительно, но он по 5 лет не бывает в отпуске, работает 7 дней в неделю в среднем по 13 часов ежедневно. Он напоминает рабочего на заводском конвейере, лишённом возможности развития своих универсальных качеств. Он не включён в сложные социальные связи, превращён в одномерное существо (Т. Маркузе) – приучен радоваться лишь результатам производства и потребления. Кроме того, он не гарантирован от разорения, соответственно, не имеет социального оптимизма.

Труд – это, прежде всего, незаменимое и великолепное *средство становления целостного человека* (если он *правильно организован*). Способ производства определяет направление изменения человеческого сознания. Курс на концентрацию сельскохозяйственного производства ошибочен. Концентрация производства повышает производительность труда, но не может обойтись без создания армии людей (в лице руководителей высшего и среднего звена, бухгалтеров, экономистов, контролёров, надсмотрщиков), не занятых в непосредственном производстве. Тем самым порождает частичных людей (К. Маркс), создаёт нежелательную социальную дифференциацию. Установлено: концентрация производства, рассматривая производство продуктов питания как самоцель, способствует повышению производительности труда, но губит *самодеятельное начало в человеке, превращает его в наёмного работника, объект управления, исполнителя чужой воли*.

Хочется сказать: а) деревню не надо рассматривать по меркам урбанизационных стандартов; б) деревня как человеческий капитал (который ценнее финансового капитала) нуждается в государственной поддержке; в) специфика крестьянского труда не позволяет внедрить комплексную механизацию, и, соответственно, деревня не может обойтись без дотации; д) сельское хозяйство нуждается в серьёзной инвестиции – денег необходимо

выделять из госбюджета не 1%, а гораздо больше; для сравнения: в Голландии в агросфере выделяется половина госбюджета.

Социология села сегодня остро нуждается в теоретических разработках выявления тенденций самобытного пути развития российской деревни, использования исторического опыта и традиций предыдущих поколений. Мы не должны брать пример с западных позитивистов, уподобившихся проводнику в горах с завязанными глазами, и не имеем права следовать за западными странами, движущимися по пути самоуничтожения.

Руководство российского государства, к сожалению, встав на путь слепого копирования опыта западных стран, не даёт своим мыслителям социального заказа на разработку теории социального прогресса. Пора бы вспомнить, что орёл, изображённый на российском гербе, двуглавый, следовательно, мы не можем смотреть только на Запад. Запад, не имеющий будущего, не должен быть для нас примером подражания – Россия должна быть самобытной, а не догоняющей страной.

В западном обществе много говорится о свободе и независимости людей. Но *Запад не свободен от рабства*. По мере освоения природы человек всё более становится рабом своих привычек и своей подлости (К. Маркс). Типичный американец является индивидуалистом и рабом своего шовинизма, рабом денег и техники. По словам Эриха Фромма, типичный представитель западной цивилизации в конце жизни напоминает завядший, так и не раскрывшийся бутон цветка. Глобализация разрушает самобытную национальную культуру, упрощает социальные и духовные связи и ведёт к социальному регрессу, маргинализации, ощущению одиночества, неуверенности в завтрашнем дне. Огосударствлённая цивилизация породила фарисейство и мировые религии, приведшие к межконфессиональным войнам, распространению нетерпимости к инакомыслию.

Многие цивилизации погибли, погибнет и хвалёная американская цивилизация. Даже апологет американской цивилизации Макс Лернер вынужден признать её недолговечность: «Это не значит, что Америка как цивилизация бессмертна. Она умрёт, и, возможно, уже сейчас она обречена на погибель той разрушительной силой, которую высвободила наука и которая, может статься, выйдет из-под контроля человека. Но даже и в этом случае ей суждено погибнуть за грехи всего современного западного мира и по законам его развития, а не по законам развития Рима или какой-либо другой цивилизации прошлого»¹. При этом он не хочет увидеть конец американской истории и в своём солидном научном труде, посвящённом анализу американской цивилизации, размышляет о причинах гибели цивилизаций. Автору удалось уловить многие факторы, способствующие

¹ Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединенных Штатах сегодня. Пер. с англ. / В 2 тт. – Т.2. – М: Радуга, 1992. – С. 477.

социальному регрессу и деградации цивилизованного человека. Как исследователь, стремящийся быть объективным, он вынужден констатировать ущербность американской цивилизации. В подтверждение своих тезисов приведу несколько цитат из его двухтомного труда:

– «Однако под обманчивой видимостью безмерной свободы кроется маленькая западня. От рождения до смерти личность испытывает давление, впрессовывающее её в форму под названием «чего от тебя ждут». Задачи-максимум и задачи-минимум – преуспеть, получить хорошее место, не терять времени даром, действовать, а не спать – вколачиваются в человека с детства. Наличие же свободы выбора требует от него лишь правильного выбора, а не бессмысленного или еретического. Таким образом, он снова разрывается между *видимостью свободы и неотступным формообразующим давлением общества*» (выделено мной – A.P.)¹.

– «В гуще постоянных перемен и кипения, посреди массового общества американец чувствует себя *одиноким*» (выделено мной – A.P.)².

– «Женщина разрывается между стремлением не уступить мужчине в профессиональной, деловой карьере, участии в органах власти – желанием выразить себя в качестве жены, матери, женщины. Этой внутренней борьбой и определяется в значительной мере двусмысленность её положения в империальном обществе и обилие нервных срывов и расстройств, которым она подвержена»³. Стремление стать успешной – это погоня за иллюзорным счастьем. Автор, знающий проблемы американки «из первых рук», открыто говорит об отходе её от своей уступчивой, мягкой, покладистой женской природы и утрате внутренней гармонии.

– «Теоретически, юридически и в значительной степени фактически женщина в Америке обладает полной свободой состязаться с мужчиной на равных условиях; но психологически и социально она в тисках общества, неё ещё управляемого мужской властью и основанного на принципах, установленных мужчинами. <...> Как ни важна борьба за юридические и экономические права, она не успокоила смятенную душу и разум женщины, и сердце у неё не на месте»⁴. В обществе, основополагающим принципом которого являются состязание, борьба, женщина вынуждена вести противоречий её природе образ жизни: воевать с мужчиной и доказывать, что она ни в чём не уступает ему, соответственно, должна сделать карьеру и быть независимой. В процессе состязания она принимает на себя роль не помощника мужу, стремится не жертвовать собой ради него, а использовать его в своём самоутверждении. Подобная (неверно понятая) мансипация уводит в сторону от главного, жизненно важного в судьбе

¹ Лернер М. Указ. соч. – С. 10.

² Там же. – С. 113.

³ Там же.

⁴ Там же.

женщины и препятствует слиянию её со своей половинкой.

Гендерные роли, которые исполняют муж и жена, не способствуют их взаимопониманию и духовному сближению, соответственно, семейное счастье обходит обоих супругов.

— «Несчастная жена стала типичной фигурой в культуре Америки. То, чего ждёт от неё муж, она считает мелким и банальным. <...> Классические исследования Г.В. Гэмилтона и Кэтрин Дейвис показывают, до какой степени сексуально неудовлетворёнными чувствуют себя женщины всех слоёв общества, а ряд недавних исследований — включая интуитивные догадки Кинси, изложенные в труде о женщинах, свидетельствуют о том, что значительный процент американок ищет подходящего партнёра во внебрачной сфере»¹.

— «...распределение богатства, которое порождает соседствующие крайности избытка и нищеты; крупные расходы на общественные нужды, экономика, работающая на войну <...>; возникновение классов людей, не имеющих земли и орудий производства, целиком зависящих от колебаний экономического процветания и перемен в государственной политике и требующих «хлеба и зрелиц»; череда всё более крупных войн, обогащающих нацию и вместе с тем истощающих её ресурсы; бряцание оружием <...>; рост насилия внутри культуры; лишение жизни яркости чувств и индивидуальности; ослабление привязанности к родным местам; упадок сельской жизни; утрату людьми корней в условиях мобильной культуры <...>. В сфере личной жизни добавим ещё разрыв между моральными нормами и принятыми правилами поведения; всё большее ослабление семейных уз, половую распущенность и освоение отклоняющихся от нормы и извращённых форм поведения; широко распространившееся чувство разочарования, «душевный раскол»...»².

— «И всё же американские мыслители избегали создавать великую теорию цивилизации, так же как избегали они создавать великие теории в любых науках о человеке» (выделено мной — А.Р.)³.

Теория цивилизации не создаётся (в США и других странах) по нескольким причинам: а) отсутствие должной оценки места и роли теории в общественном развитии; б) сознательный отказ по идеологическим соображениям — господство позитивизма в умах властимущих, философов и учёных; в) отсутствие учёных и философов с нелинейным мышлением. Как бы то ни было, социальный прогресс невозможен без теории цивилизации. В этом русле рассуждает и М. Лернер: «Но одно дело заполнять силовой вакуум в мире преходящим лидерством (в области техники и воен-

¹ Лернер М. Указ. соч. — С. 113.

² Там же. — С. 474–475.

³ Там же. — С. 568.

ного могущества – *A.P.*), и совсем другое – предложить миру такие качества лидерства, которые ему требуются,озвучные и жизни природной, и жизни духовной. К сожалению, американское лидерство в мировых делах оказывалось неспособным к этому: сплошь и рядом оно обнаруживало неумелость, колебания, нерешительность, отсутствие ясного представления о направлении, в котором ему желательно продвигаться, и о том мире, к которому ему надлежит стремиться, а также чрезмерную склонность к угрожающей демонстрации своей военной силы и к использованию американского богатства для приобретения таких вещей, которые просто-напросто невозможно купить»¹.

К сожалению, М. Лернеру быть последовательным мешает апологетика американской цивилизации, поэтому он не выявил главные факторы, способствующие социальному регрессу. По его мнению, главная причина гибели цивилизации заключается в косности (закосневании общественной жизни). Спасение он видит в увеличении динамики общественной жизни и конструировании нового социального мифа. Не могу согласиться с автором. Я поддерживаю позицию тех, кто в качестве главного фактора, ведущего к гибели современную цивилизацию, рассматривает чрезмерный динамизм экономической и социальной сферы, способствующий устраниению человеческого в человеке. Он сознательно или неосознанно умалчивает, что условием социального прогресса является не динамизм общественной жизни (и не НТР), а консерватизм (и эволюционное развитие). Примером в этом отношении является опыт Китая и других стран Юго-Восточной Азии. По существу в них господствует крестьянская цивилизация, основанная на культе Природы и соответствующая человеческой природе. Нельзя упускать из виду, что экономически бедная Индия – самая духовная страна в отличие от США и других богатых стран.

Сельская община и кооперация

Крестьянская цивилизация появилась с возникновением такой территориальной общности, как сельская община. Она разумно решала проблемы и экономические, и политические, и социальные, и духовно-нравственные. Будучи моделью гражданского общества, способствовала социализации членов общины, становлению их в качестве субъектов общественной жизни и собственной судьбы, формированию универсальных человеческих качеств.

В качестве поборников крестьянской общины выступали многие авторы². К. Маркс российскую сельскую общину считал основой коммунистического строительства. По его мнению, «...община является точкой

¹ Лернер М. Указ. соч. С. 490–491.

² Лебедев Ю.В. Исторические судьбы крестьянской общины в русской жизни и литературе // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М., 1987. – С. 5–23.

опоры социального возрождения России (выделено мной – A.P.). Русская сельская община может стать предпосылкой более совершенного, чем капитализм, общественного строя. Современная русская сельская община отличается от вымерших во времена Средневековья западноевропейских аналогов». Она крайне жизнеспособна, поскольку «живёт не изолированно от современного мира»¹. Сельской общине необходимо обеспечить «нормальные условия свободного развития»². Он считал, что русские революционеры должны выступать в защиту русской крестьянской общины, а не за её разрушение, не за капитализацию.

А.И. Герцен к прогрессивным моментам России относил: а) отсутствие развитой частной собственности крестьян на землю, б) крестьянскую общину, традиции коллективизма, взаимопомощи, артельности. Свои надежды Герцен возлагал на стихийный общинный социализм, противопоставляя его как крепостничеству, так и капитализму³.

В 1843 г. на русскую общину обратил внимание прусский социолог и этнограф Август Гакстгаузен, когда совершил большое путешествие по России, итогом которого явился трёхтомный труд «Исследование внутреннего состояния, народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Он общину назвал в высшей степени благотворным учреждением⁴.

Н.П. Огарёв, происходивший из богатой дворянской семьи, в своих произведениях общинную собственность рассматривал как единственную форму владения землёй. Он не принимал логику «западников-прогрессистов», которые оправдывали ликвидацию общинной системы и внедрение капиталистических отношений, ссылаясь на высокую производительность земледелия в Западной Европе. В 1858 г. он писал: «...Мы не должны забывать, что земледелие существует для человека, а не человек для земледелия (выделено мною – A.P.) и нам нечего прибегать к формам землевладения, истощившим Европу, только для того, чтобы улучшить наше земледелие. Нам не приходится поставить как доктит: уничтожимте общинное начало, чтоб улучшить земледелие; нам надо поставить вопрос: каким образом при общинном начале улучшить земледелие (выделено мною – A.P.)? С этим вопросом мы действительно пойдём по пути развития нашей цивилизации»⁵.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. – М., 1940. – Т.19. – С. 405.

² Там же. – С. 401.

³ Герцен А.И. Собр. Соч. – Т.12. – С. 168.

⁴ Дружинин Н.М. Крестьянская община в оценке Гакстгаузена и его русских современников // Ежегодник германской истории. – 1968. – М., 1969.

⁵ Огарев Н.П. Русские вопросы. Статья третья. Крестьянская община // Избранные социально-политические и философские произведения. – М., 1952. – Т.1. – С. 169.

Проблема сохранения крестьянской общины остро стояла в России в XIX веке после отмены крепостного права. Славянофилы (и учёные, и публицисты) в печати выступали с защитой своего пути развития российской деревни. Так, Д.О. Самарин в 1862 году о сельской общине писал: «И из-за чего хотели бы уничтожить эту организацию, составляющую силу России? Единственно из страсти к новизне, вследствие духа подражания всему, что делается на западе Европы...»¹. Обратите внимание, что общину он считал силой России, которая находится на более высоком уровне, чем Англия, которая «обезземелила всю массу народа и сосредоточила поземельную собственность в руках немногих лиц; там поэтому почти не существует крестьянства, и, естественно, должен был создаться особый класс фермеров, обрабатывающих землю батраками»².

Славянофилы, будучи почвенниками, преклонялись перед самобытной русской культурой и отрицали как реформы Петра I, так и западное Просвещение. Их было немного, но они очень сильно влияли на общественную жизнь благодаря своему таланту и страстной любви к народу. Славянофильство возникло в кружках московской дворянской интеллигенции. В составе были А.С. Хомяков, Ю.Ф. Самарин, А.И. Кошелев, И.С. и К.С. Аксаковы, И.В. и П.В. Киреевские, В.А. Черкасский. Учение об общине и её возможностях как социального института – важный вклад славянофилов в русскую и мировую социально-экономическую мысль. Оно содержало протест против самодержавного феодально-крепостнического государства и наступавшегося капитализма с его новыми формами эксплуатации труда, бездуховным космополитизмом. Славянофилы искали «третий путь» в русской крестьянской общине, в укреплении её стихийно социалистических элементов.

Л.Н. Толстой был противником Столыпинской реформы и ратовал за уничтожение частной земельной собственности: «Освобождение может быть достигнуто только уничтожением земельной собственности и принятием земли общим достоянием, – тем самым, что уже с давних пор составляет задушевное желание русского народа и осуществление чего он всё ещё ожидает от русского правительства... Я лично думаю, что в наше время земельная собственность есть столь же вопиющая и очевидная несправедливость, какою было крепостное право 50 лет тому назад. Думаю, что уничтожение её поставит русский народ на высокую степень независимости, благоденствия и довольства»³. В решении земельного вопроса он даже видит всемирно-историческую миссию русского народа: «Всемирно-народная задача России состоит в том, чтобы внести в мир идею общест-

¹ Самарин Д.О. Передел общинных полей. – С-Пб., 1862. – С.32.

² Там же. – С. 14.

³ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т.73. – С. 189–190.

венного устройства без поземельной собственности... Русская революция только на ней может быть основана»¹. Ратуя за изменение социального бытия людей, Лев Николаевич размышлял о прогрессивных формах организации труда и социальных отношений. Он говорил, что люди могут, ничего не выдумывая, расширять и развивать уже существующие у русского народа формы общежития, которые «всегда были свойственны ему и вполне удовлетворяют его требованиям общественной жизни. Формы эти – это мирское, при равенстве всех членов мира, управление, артельное устройство при промышленных предприятиях и общинное владение землём»². С.Л. Маслов рассматривал общину как фактор формирования специфической социальной психологии крестьянства, отмечал тягу крестьян к земледельческим артелям.

Наиболее развитую форму общинным идеям придал в то время Ю.Ф. Самарин. Он видел в общине три главных социальных преимущества: а) земельные наделы пропорциональны трудовым силам семей; б) исключены крайние формы неравенства в собственности и потреблении; в) землём не владеет тот, кто не может или не хочет её обрабатывать. Огромный вклад сделали теоретики народничества Н.К. Михайловский, А.З. Елисеев, В.П. Воронцов, Ф.А. Щербина, Н.В. Чайковский, А.А. Николаев, А.В. Меркулов. Они ратовали за самобытный путь развития России через сочетание общинного землевладения и кооперации. Народники считали капиталистический путь развития для России и нородным, неорганичным и тупиковым на пути крестьянского социализма. Они говорили, что Россия может и должна избежать «язвы пролетариата». Развитие промышленности они представляли в виде мелких предприятий, которые находились бы в «артельной» (кооперативной) собственности.

Сельская община добивалась высокого уровня социальных отношений. Показателями её цивилизованности и прогрессивности являются: взаимопомощь, защищённость слабых (стариков, детей, женщин, инвалидов); отсутствие замков, воров, пастухов; призрение сирот и одиноких стариков; отсутствие нищих и голодных; отсутствие межэтнических коллизий. В традиционной деревне функционируют межпоколенные семьи и организовано межличностное общение на уровне души. А современные детские дома и интернаты для престарелых – показатель регрессивности общества, признак лишь видимой заботы о слабых.

Апологетам западного индивидуализма, пытающимся обвинить сельскую общину, которая якобы подавляет свободу личности, якобы общинная собственность сковывает предприимчивость, якобы крестьяне предпочитают частную собственность, нелишне напомнить: самое страш-

¹ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т.48. – С. 85.

² Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т. 36. – С. 262.

ное наказание для человека – это одиночество; западной цивилизации характерен феномен «робинзонов среди людей», которые, устав от одиночества и потеряв смысл жизни, добровольно уходят из жизни. Среди них есть представители интеллигенции в молодом возрасте и даже школьники и студенты.

Природа человека общественная: он не может реализоваться вне социума. Самое большое несчастье – стать одиноким. Персону, страдающую от одиночества, можно сравнить с брошенной или заблудившейся собакой, заглядывающей в глаза прохожих в надежде обрести нового хозяина и с желанием преданно служить. Нормальный человек диалектически сочетает зависимость со свободой духа. В этом отношении заслуживают внимания философия и практический опыт йогов, дзен-буддистов, даосов... Они не ставят цель освободиться от социальных связей и стать абсолютно свободными.

Категорию «свобода» глубоко исследовал русский философ Н.А. Бердяев. Являясь сторонником экзистенциализма, полагает, что свобода возможна вне социума, полагает, что «...возможен другой тип философии, который утверждает примат свободы творческого акта над бытием». Но улавливает опасность односторонности: «Человек может быть рабом не только внешнего мира, но и самого себя, своей низшей природы. Освобождение рабов во внешнем обществе не есть ещё освобождение от внутреннего рабства. Человек может стать внутренне рабом...»¹. Вообще трудно представить глубину категории «свобода» без знакомства с философским постижением её Бердяевым: «Со свободой связано качество жизни, достоинство человека. Нельзя дорожить жизнью, недостойной человека. <...> Сосредоточенность на материальной стороне жизни, которая наиболее далека от свободы, ведёт к тому, что в ней начинают видеть не средства, а цель жизни, творческую духовную жизнь или совсем отрицают, или подчёркивают материальной жизни, получают от неё директивы. <...> Свобода есть главный источник трагизма жизни... Этот трагизм свободы должен быть преодолён»². Община преодолевает «трагизм свободы» предоставляя социальные гарантии, социальную защищённость.

Действительность такова, что человек, так или иначе, зависим от писанных и неписанных законов общества, в том числе от разных общественных организаций, в которых состоит, от партии, союза, религиозной общины, касты, мафии... Корпоративность существует при любом строе. И отступление от правил игры того или иного клана, от норм социума строго наказывается. Так были наказаны Савва Морозов, Петр Чайковский и другие.

¹ Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. – М., 1995. – С. 324–325.

² Там же. – С. 329.

Человек как существо общественное обретает истинно человеческие качества, становится нравственным только в обществе, только соблюдая нормы, законы и правила общества, благодаря социальному контролю. Он в соответствии со своей природой не может быть абсолютно свободным. Марксизм, следуя философским положениям Спинозы, относится к категории «свобода» диалектически и ставит логически правильные вопросы: свобода от кого? свобода от чего? свобода для кого? свобода для чего? Можно определённо сказать: *свобода нужна как возможность выбрать форму зависимости*. Любому, стремящемуся к абсолютной свободе, можно задать вопрос: «Свободен ли ты от таких негативных качеств как тщеславие, корысть, жадность, зависть, лень, обидчивость, ревнивость, месть, страх, агрессивность, вредные привычки..?» Даже находясь на необитаемом острове, человек не является абсолютно свободным, в том числе от природы, от своих витальных потребностей, от ощущения одиночества... Если же у него нет социальных и духовных потребностей (потребности заботиться о ком-то, принести пользу, кем-то восхищаться, любить ...), можно ли говорить о стремлении данного индивида восходить к человеческой природе?

Человек не может разорвать социальные связи, не утратив при этом человеческие качества. Упрощение социальных отношений есть разрушение культуры, есть деградация носителей культуры и всего общества. Человек, стремящийся не иметь обязательств ни перед кем, уже не свободен хотя бы от своего желания освободиться от всех уз.

Разумеется, не может быть речи о возрождении былой крестьянской общины, но *принципы* её необходимо использовать с целью организации социальной жизни. А производственная жизнь могла бы оптимизироваться при объединении фермерских хозяйств в кооперативы.

Кооперация в переводе с латинского означает совместную деятельность, сотрудничество и отвечает общественной природе человека. Эту закономерность усвоили многие мыслители. О кооперативных принципах организации общественного труда сделано достаточно много теоретических разработок. Начало положили так называемые социалисты-утописты Д. Уинстенли, Р. Оуэн, Ш. Фурье. Огромный вклад в создание научно обоснованной теории сделали М.И. Туган-Барановский, Н.Г. Чернышевский, В.А. Поссе, А.Н. Челинцев, Г. Щульце-Делич, Ф. Райффейзен. К. Маркс писал, что кооперация повышает индивидуальную производительную силу. В.И. Ленин высоко оценивал роль кооперации в строительстве новой жизни, много усилий приложил для развития кооперативного движения в форме артелей и потребительских союзов. Профессор В.Ф. Тотмианц в своих публикациях выступал за строительство общественно-экономического строя, основанного на кооперативах. Академик А.В. Чая-

нов разработал теорию семейно-трудового хозяйства и кооперации. Он, будучи противником наёмного труда и рынка земли, отвергал капитализм, не принял аграрную реформу П.А. Столыпина, но также не принимал «государственный социализм». Крестьянство представлял себе как совокупность союзов кооперации. Считал, что есть «возможность без крупной ломки организационного плана мелкого сельского хозяйства организовать некоторые его отдельные технические, хозяйственные процессы». Александр Васильевич понимал, что *громоздкое управление неэффективно не только в экономическом плане, но и человеческом*, поэтому отрицал «коммунизацию производства», указывая на труднейшие проблемы, связанные с игнорированием действия таких факторов, как «стимуляция работы», «организация труда», «хозяйствующая воля». Он понимал, что колхоз мешает повышению уровня *антропности* человека: выступая за оптимизацию производства, никогда не забывал про работника, настаивал на такой форме организации, при которой каждый труженик был бы *субъектом управления*.

Литература:

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., – М., 1940. – Т. 46. – Ч. I.
2. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., – М., 1940. – Т. 23.
3. Мюрберг И.И. Аграрная сфера и политика трансформации. – М., 2006.
4. Лебедев Ю.В. Исторические судьбы крестьянской общины в русской жизни и литературе // Письма из деревни: Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М., 1987.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., – М., 1940. – Т. 19.
6. Герцен А.И. Собр. соч. – Т. 12.
7. Дружинин Н.М. Крестьянская община в оценке Гакстгаузена и его русских современников // Ежегодник германской истории. 1968. – М., 1969.
8. Огарёв Н.П. Русские вопросы. Статья третья. Крестьянская община // Избранные социально-политические и философские произведения. – М., 1952. – Т. 1.
9. Самарин Д.О. Передел общинных полей. – СПб, 1862.
10. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т. 73.
11. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т. 48.
12. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – Т. 36.
13. Бердяев Н.А. Царство духа и царство Кесаря. – М., 1995.
14. Энгельгардт А.Н. Из деревни. Письмо седьмое // Письма из деревни. Очерки о крестьянстве в России второй половины XIX века. – М., 1987.
15. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке. Образ жизни и мыслей в Соединённых Штатах сегодня. Пер. с англ. / В 2 тт. – Т. 2. – М.: Радуга, 1992.

ГЛАВА 5

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

В советские времена социологи в социальном составе сельского населения выделяли: 1) рабочих и служащих; 2) колхозное крестьянство и кооперированных кустарей. В свою очередь в социально-профессиональной структуре выделялись: 1) руководители и специалисты высшего звена; 2) руководители и специалисты среднего звена; 3) служащие; 4) механизаторы; 5) работники квалифицированного ручного труда; 6) работники неквалифицированного ручного труда¹.

Годы реформ последних десятилетий коренным образом изменили социальную структуру сельского населения России. После развода колхозов и совхозов изменилась, прежде всего, структура землепользования на селе (таблица 1).

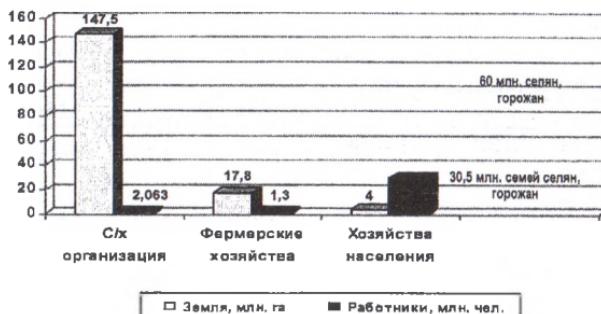
Таблица 1

**Распределение сельскохозяйственных земель
среди землепользователей**

Категория хозяйств	Земли в абсолютном исчислении, млн. га	%
Все землепользователи, занимающиеся сельскохозяйственным производством, <i>в том числе:</i>	193,8	100
сельскохозяйственные организации	147,5	76,1
крестьянские (фермерские) хозяйства	17,2	9,2
Граждане, <i>из них:</i>	12,7	6,6
имеющие подсобное хозяйство	6,5	3,3
коллективные и индивидуальные сады и огороды	1,5	0,8
прочие землепользователи		8,1

¹ Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. – М., 1971. – С. 79, 87–88.

Рисунок 1. Распределение земли и работников в 3-х основных типах сельскохозяйственных предприятий (млн. га и млн. чел.)¹

То, что в таблице 1 и на графике обозначено (в соответствии со статистическими формами) как «сельскохозяйственные организации», владеющие абсолютным большинством земель, это разного рода ООО, ЗАО и т.п. За этими названиями скрывается в основном частное или семейное землевладение, созданное на базе бывших колхозов и совхозов и других, возникших в ходе приватизации.

Численность и структура сельского населения по видам экономической деятельности представлена в таблице 2. Таблица показывает, что на селе представлены почти все виды деятельности, существующие в городе. Это доказывает полифункциональность села как подсистемы общества.

Таблица 2
Численность и структура сельского населения по видам экономической деятельности (февраль-ноябрь)²

	2006 г.		2007 г.		2007 г. в % к 2006 г.
	тыс. чел	%	тыс. чел	%	
Занято в отраслях сельской экономики, всего и том числе:					
сельское, лесное и рыбное хозяйство	5774	35,5	5335	31,9	92,4
добыча полезных ископаемых	173	1,1	253	1,5	146,2
обрабатывающие производства	1454	9,0	1425	8,5	98,0

¹ Хагуров А.А. Социология российского села. Монография. Издание 3-е перераб. и дополн. – М., 2012.– С. 201.

² Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по её регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – Вып. 10. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – С. 38

производство и распределение электроэнергии, газа и воды	422	2,6	427	2,6	101,2
строительство	705	4,3	877	5,2	124,4
торговля, ремонт автотранспортных средств, предметов личного пользования, гостиницы, рестораны	1844	11,3	2001	12,0	108,5
транспорт и связь	1010	6,2	1164	7,0	115,2
финансовая деятельность, операции с недвижимостью	510	3,1	583	3,5	114,3
государственное управление и обеспечение военной безопасности, социальное обеспечение	1155	7,1	1203	7,2	104,2
образование	1727	10,6	1788	10,7	103,5
здравоохранение и предоставление социальных услуг	1032	6,3	1160	6,9	112,4
другие виды экономической деятельности	464	2,8	496	3,0	110,7

Основные виды деятельности на селе (по мере убывания удельного веса) распределяются следующим образом: сельское хозяйство (31,9 %); торговля и обслуживание (12,0 %); сфера образования (10,6 %); обрабатывающая промышленность (8,5 %); государственное управление и военная безопасность (7,1 %); транспорт и связь (7,0 %); здравоохранение (6,3 %); другие виды деятельности (16,5 %) сельского населения. В «другие виды деятельности» входят: добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды, финансовая деятельность и операции с недвижимостью, строительство. Кроме всего этого справочник отмечает без малого полмиллиона работающих селян, сфера деятельности которых не названа.

В соответствии с существующими юридическими нормами экономически активный возраст охватывает от 15 до 72 лет жизни граждан. Экономическая активность селян в этом возрасте представлена в таблице 3.

Таблица 3

Экономическая активность и занятость сельского населения в экономически активном возрасте (15-72 лет) (в среднем за учетный период, тыс. чел.)¹

	2008 г.	2009 г.
Общая численность населения в возрасте 15-72 лет	29081	29072
Экономически активное население,	18823	19034
в том числе:		

¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по её регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – Вып. 12. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2011. – С. 31.

занятые	17011	16880
%	90,4	88,7
	2008 г.	2009 г.
безработные	1813	2154
%	9,6	11,3
Экономически неактивное население	10258	10038

Эту таблицу рассчитывают в Центре социальной политики и мониторинга сельского развития под руководством член-корр. РАСХН Л.В. Бондаренко.

Все вышеизложенное позволяет перейти к рассмотрению модели социально-экономической структуры села (рисунок 2)¹.

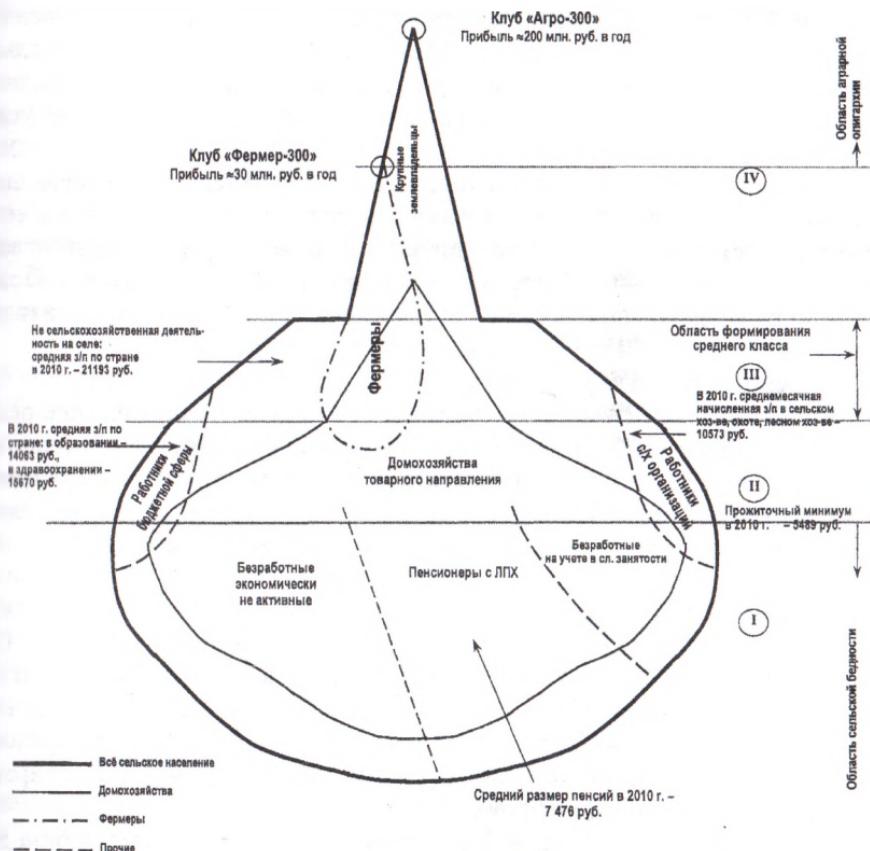

Рисунок 2. Модель социально-экономической структуры села

¹ Хагуров А.А. Социология российского села. Монография. Издание 3-е перераб. и дополн. – М., 2012. – С. 109.

Системой отсчета при построении этой модели служит линия « прожиточного минимума». В соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 г. «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» прожиточный минимум представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы¹.

С 2000 г. величина прожиточного минимума определяется ежеквартально на основании потребительской корзины, установленной федеральным законом, и данных Росстата об уровне потребительских цен на продукты питания и непродовольственные товары и услуги. Величина прожиточного минимума в целом по Российской Федерации устанавливается правительством Российской Федерации.

В 2009 году средняя общая величина прожиточного минимума составляла 5153 руб., в 2010 году – 5489 руб. Установленную правительством величину прожиточного минимума систематически делают социально-экономически несправедливой два фактора: инфляция и рост оплаты услуг ЖКХ.

Начнём анализ представленной модели с верхнего, преуспевающего IV уровня. Это уровень состоятельных, богатых предпринимателей в сельском хозяйстве. Среди них доминируют крупные землевладельцы («главы сельхозорганизаций»); на втором месте – преуспевающие фермеры. О достижениях крупных предприятий агробизнеса свидетельствуют рейтинги, составляемые ВИАПИ им. А.А. Никонова с 1998 года.

Основной целью разработки рейтингов является предоставление широким кругам общественности, лицам, принимающим политические решения, инвесторам доказательств того, что сельское хозяйство России, несмотря на трудности развития и неравные с другими отраслями экономики условия получения рыночных доходов, является эффективной, выгодной сферой вложения капитала и при разумном квалифицированном подходе к организации бизнеса может приносить немалую прибыль. Всего в общекономическом и 10 отраслевых клубах (без повторного счета, по данным за 2004-2006 гг.) – 819 сельскохозяйственных организаций России. Они находятся в 64 субъектах РФ. Наибольшее количество хозяйств в рейтингах из Краснодарского (88) и Ставропольского (42) краев, Ростовской (50), Московской (49), Белгородской (48), Ленинградской (33) и Волгоградской (32) областей. Более 20 хозяйств в рейтинги включено из Новосибирской области и Республики Татарстан.

Информационной основой для расчета рейтингов является база данных Главного вычислительного центра Росстата России, составленная по бухгалтерской отчетности 16,9 тыс. крупных и средних сельскохозяйственных организаций России.

¹ Россия в цифрах: стат. сборник. – М., 2011. – С. 111.

Общеэкономический рейтинг (Клуб «АГРО-300») определяется на основе двух показателей: выручки от реализации сельскохозяйственной продукции; прибыли от реализации сельскохозяйственной продукции. 300 лучших хозяйств, а это меньше 2 % от общего числа сельхозорганизаций, производят 28,8 % всей товарной продукции и формируют более 2/3 прибыли всех, а это 17 тыс., сельхозпредприятий, по которым велся анализ¹.

Обратим внимание на те фермерские хозяйства, которые смогли максимально использовать возможности своей формы хозяйствования, они представлены клубом «Фермер-300». В клуб «Фермер-300» включены 300 крупнейших фермерских хозяйств России, точнее сказать, таких, в юридическом названии которых слово «фермерское» присутствует. Они представляют 37 субъектов РФ. Наибольшее число фермерских хозяйств в клубе из Волгоградской (68) и Саратовской (41) областей, Алтайского и Ставропольского (по 32 хозяйства) краев. То есть, переводя эти цифры на язык понятий, именно в этих регионах реформой сельского хозяйства занимались больше, чем в остальных.

Определенная концентрация крупных фермерских хозяйств прослеживается не только по субъектам РФ, но и по отдельным административным районам. Так, 12 хозяйств, включенных в рейтинги, расположены в Михайловском районе Волгоградской области и Краснокутском районе Саратовской области.

Вошедшие в рейтинг хозяйства в большинстве своем представляют собой достаточно крупные фермерские предприятия. Средняя выручка за 2006–2007 гг. на одно хозяйство составила 10813 тыс. руб., прибыль – 2828 тыс. руб., стоимость основных фондов в 2007 г. – 9755 тыс. руб.

Данные по среднесписочной численности занятых на предприятиях, вошедших в клуб «Фермер-300», свидетельствуют о том, что это далеко не мелкие семейные фермерские хозяйства. В среднем на одно хозяйство приходилось в 2007 году 56 среднесписочных работников. Понятно, что такая численность работников не могла быть обеспечена за счет членов фермерской семьи. Члены семьи обеспечивают намного меньше, чем 50 % занятых в хозяйстве. По этому показателю хозяйства клуба скорее подходят под определение «малые предприятия», чем «семейные хозяйства». По всей вероятности, они являются семейными в том смысле, что основной капитал фермы принадлежит одной семье или родственным семьям, но ведется хозяйство преимущественно на наемном труде.

Крупнейшие фермерские хозяйства играют важную роль с точки зрения объемов производства в фермерском секторе. Занимая около 0,2 % в общей численности ведущих сельскохозяйственное производство фермерских хозяйств, члены клуба произвели в среднем за 2006–2007 гг. 4,3 %

¹ Крестьянские ведомости. – 2007. – № 51–52.

товарной продукции фермерского сектора, имея 3% среднегодовых работников.

Несмотря на значительный удельный вес в экономике, четвертый уровень занимает незначительную часть сельского населения. Не только по этой причине, но и потому, что доходы на этом уровне предельно оторваны от среднего уровня доходов на селе, этот уровень структуры сельского населения не представляет «среднего класса» на селе, по отношению к которому он скорее всего занимает статус «олигархического».

Область формирования среднего класса на селе представляет третий уровень нашей социальной структуры, к сожалению, не очень большой. К этому уровню относятся основная часть «крепких» фермеров, «пик» или верхушка владельцев домохозяйств товарного направления с максимальными уровнями доходов; к этому уровню относятся часть высокооплачиваемых работников сельхозпредприятий и лица, занимающиеся не сельскохозяйственными видами деятельности (работники банков, страховых компаний, ресторанов, торговли); средняя зарплата по стране этой категории работников составляла в 2010 году 21193 рубля.

Второй уровень социально-экономической структуры сельского населения находится рядом с линией прожиточного минимума. Этот уровень представлен высокооплачиваемой частью бюджетных работников и работников сельхозорганизаций, домохозяйствами товарного направления и фермерами с невысокими доходами.

В 2009 г. в связи с финансовым и экономическим кризисом рост заработной платы в сельском хозяйстве резко сократился и составил 115 % против 139,5 % в 2008 г. Оплата труда в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в 2009 г. составила 9619 рублей. В сравнении со среднероссийским уровнем это равно 51,6 %, а в абсолютном выражении оплата эта на 9019 рублей меньше общероссийской.

По отношению к величине прожиточного минимума среднемесячная номинальная начисленная заработка в сельском хозяйстве, охоте и лесном хозяйстве в 2009 г. составила 173 %.

Таблица 4, приведенная ниже, свидетельствует о том, что «средняя зарплата» в сельскохозяйственных организациях – понятие столь же условное, как и «средняя температура по больнице». Зарплата более одной трети работников (34,4 %) не дотягивает до величины прожиточного минимума (поэтому на рисунке часть с/х предприятий обозначена ниже линии прожиточного минимума). Заработка плата более двух третей работников сельхозпредприятий ниже средней по отрасли.

Таблица 4

**Распределение численности работников организаций сельского хозяйства, охоты и лесоводства по размерам начисленной заработной платы в 2009 году
(по данным выборочного обследования, в процентах)**

Работники с начисленной заработной платой, руб.	Доля, %
до 4200	10,8
4200–5800	23,6
5800–7400	14,8
7400–9000	11,0
9000–10600	8,8
10600–12200	7,1
12200–13800	5,4
13800–15400	4,1
15400–17000	3,2
17000–18600	2,3
18600–20200	1,9
20200–21800	1,4
21800–25000	2,0
25000–30000	1,6
30000–35000	0,8
35000–40000	0,4
40000–50000	0,4
свыше 50000	0,4

В целом в аграрной сфере средний душевой доход в январе 2012 г. составил 12 227 рублей – практически вдвое ниже, чем в среднем по России¹.

Наконец, доходим до первого уровня социально-экономической структуры села, находящейся ниже линии прожиточного уровня. Это обширная область сельской бедности. При удельном весе сельского населения 26,9 % в 2009 г. в сельской местности проживало 41,9 % всех российских бедных. Бедность в сельских поселениях превышает критическую массу, составляющую по международным оценкам 10 %, в 4–6 раз.

К этому уровню относятся безработные – экономически неактивные, многие пенсионеры с ЛПХ и без ЛПХ, значительная часть безработных, состоящих на учете в службах занятости, низкооплачиваемые работники сельскохозяйственных предприятий и низкооплачиваемые работники бюджетной сферы.

Анализ демографического среза бедности показывает, что наибольшая ее концентрация наблюдается среди детского населения. В 2006 г. более 72 % сельских детей в возрасте до 15 лет (включительно) проживали в

¹ Крестьянские ведомости. – № 15–16. – 2012. – С. 2

семьях со среднедушевым денежным доходом ниже величины ПМ, 52 % детей находились за чертой бедности по уровню среднедушевого валового дохода домохозяйства со всеми вытекающими отсюда последствиями для генофонда деревни. Превышает средние показатели уровень бедности и среди молодежи до 30 лет. В наиболее благополучном положении находятся пенсионеры, среди которых бедный слой составляет 42 % по денежному и 28 % по валовому доходу.

Средняя заработная плата в сельском хозяйстве только на 14 % превышает прожиточный минимум трудоспособного населения, составивший в 2006 г. 3707 руб., тогда как в отраслях по добыче полезных ископаемых это превышение составляет более 6 раз, а в среднем по всем видам экономической деятельности – почти 3 раза.

По данным единовременного обследования за апрель 2007 г., 52,6 % работников сельского хозяйства получали заработную плату в размере ниже величины прожиточного минимума трудоспособного населения.

Всероссийский НИИ экономики сельского хозяйства подготовил (руководитель Л.В. Бондаренко – член-корр. РАСХН) «Стратегию снижения сельской бедности в средней и долгосрочной перспективе»¹. Необходимость в такой стратегии объясняется тем, что прямой автоматической связи между увеличением сельскохозяйственного производства и снижением уровня бедности на селе, как показывает практика, нет. К тому же в Госпрограмме по развитию сельского хозяйства до 2012 года нет прогноза динамики рабочих мест в сельском хозяйстве и альтернативных видах деятельности на селе, что является одним из основных факторов снижения бедности среди сельского населения. «Стратегия» рассчитана на период до 2015 года и предусматривает комплексный целевой подход к решению проблемы повышения уровня жизни и снижения широкомасштабной бедности на селе.

Основные причины бедности (в % к числу распространения бедности опрошенных на селе экспертов): отсутствие работы – 40,4%; низкая заработная плата – 64,4%; пьянство и нежелание работать – 26,9%; некомпетентность руководителей хозяйств – 12,5%; недостаточная пенсия – 4,8%; отсутствие у людей предприимчивости и инициативы – 17,3%; другое – 6,7%.

Опрос 2010 года, проведенный в ходе мониторинга, показал, что сами жители села в число первых пяти наиболее важных своих проблем включили: 1) низкие доходы, бедность, даже если есть работа; 2) пьянство; 3) тяжелый физический труд; 4) безработица; 5) плохое здоровье. Далее среди важнейших проблем села отмечены следующие: «мало молодежи, плохие жилищные условия, недостаток развлечений, пассивность, безыни-

¹ Стратегия снижения сельской бедности в средней и долгосрочной перспективе. – М., 2008.

циативность людей, наркомания и т. д.»¹. Опрос показал, что вполне удовлетворенных жизнью на селе всего 18 %.

Приведенные факты показывают, что субъективные и объективные составляющие проблем села переплелись и определили системный характер социально-экономического кризиса села как подсистемы общества. Из этого кризиса село только стало выходить, но еще далеко не вышло. Произошедшая деградация человеческого капитала села в 90-х годах прошлого века и в начале 2000-х годов еще долго будет определять не только экономическую, но и социокультурную ситуацию на селе. Миллионы людей, не имеющих работы и не желающих ее искать, – наглядный пример кризисного состояния человеческого капитала села.

Литература:

1. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. – М., 1971.
2. Краснодарский край. – Краснодар: Крайстат, 2010.
3. Россия в цифрах: статсборник. – М., 2011.
4. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по её регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – Вып. 12. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2011.
5. Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по её регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – Вып. 10. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009.
6. Хагуров А.А. Социология российского села. Монография. Издание 3-е перераб. и дополн. – М., 2012.

¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложения по её регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – Вып. 12. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2011. – С. 249.

ГЛАВА 6

РОЛЬ ДОМОХОЗЯЙСТВ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО СЕЛА

В 2010 г. распоряжением Правительства РФ утверждена «Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года» (далее «Концепция»)¹. В предлагаемой работе она рассмотрена с позиций перехода от идеологии и практики «социального развития села» к «сельскому развитию»².

В целом содержание «Концепции» свидетельствует о движении в указанном направлении. Вместе с тем, как и ее предшественница³, она наследует уже устаревшую методологию «социального развития села» и весьма ограничена в решении задач сельского развития. Так в ней сельское развитие идентифицируется с модернизацией сельского хозяйства и агропродовольственного комплекса. Основное внимание уделено развитию производственной базы, а также инженерной и социальной инфраструктуры. В документе провозглашается: «Целями государственной политики в области устойчивого сельского развития на период до 2020 года являются: создание благоприятных социально-экономических условий для выполнения селом его производственной и других общенациональных функций и задач территориального развития; устойчивый рост сельской экономики, повышение эффективности сельского хозяйства и вклада села в экономику страны и благосостояние российских граждан; повышение занятости, уровня и качества жизни сельского населения, а также приближение села к городским жизненным стандартам; замедление процесса депопуляции, стабилизация численности сельского населения и увеличение ожидаемой продолжительности жизни; сокращение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровне и качестве жизни сельского населения; рационализация использования природных ресурсов и сохранение природной среды; сохранение и приумножение культурного потенциала села»⁴.

Из текста видно, что разработчики «Концепции» исходят из задач роста сельской экономики и повышения уровня жизни сельского населения. При этом даже не упоминается ключевой институт сельского развития

¹ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. [Электронный ресурс]. <http://www.government.ru/gov/results/13358/>

² От концепции «социальное развитие села» к концепции «сельское развитие». [Электронный ресурс]. <http://lonf.ru/?p=1566>. См. также: Rural Development policy 2007-2013. [Электронный ресурс]. http://ec.europa.eu/agriculture/rurdev/index_en.htm

³ Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2012 года». [Электронный ресурс]. <http://www.mcx.ru/documents/document/show/7952.172.htm>

⁴ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. – С. 7. [Электронный ресурс]. <http://www.government.ru/gov/results/13358/>

– домохозяйство. Между тем сельское развитие в первую очередь предполагает учет интересов сельских домохозяйств.

История показывает, что без учета интересов домохозяйств любые начинания на селе обречены на большие трудности. При этом заложенное по умолчанию в «Концепцию» отождествление интересов сельского населения и сельского домохозяйства имеет под собой, мягко говоря, зыбкие основания.

Сельское население и сельские домохозяйства – две, если и не совершенно разные, то весьма специфические реальности. С этой проблемой как непреодолимой стеной столкнулись в свое время как те, кто стремился освободить крестьян от крепостной зависимости в XIX-м веке, так и те, кто проводил коллективизацию в аграрном секторе экономики в первой трети ушедшего века.

В настоящее время интересы сельских домохозяйств в основном связаны: с индивидуальным жилищным строительством; формированием на сельском подворье и в домохозяйстве современного технологического уклада; поддержкой демографического развития и обратной миграции, укреплением самоорганизации и саморегулирования на селе, переходом от территориального к пространственному развитию. Анализу этих компонентов сельского развития ниже и уделено основное внимание.

Массовое индивидуальное жилищное строительство

Существующие программы обеспечения жильем молодых специалистов, молодых семей, ветеранов и т.п., решая текущие задачи предотвращения раз渲а села, закрепляют режим выживания. Они далеки от проблем устойчивого сельского развития.

Формируемое в стране рыночно ориентированное правовое поле (Земельный, Жилищный и Градостроительный кодексы), опережая свое время, препятствует массовому жилищному строительству. Например, действующий сегодня запрет на строительство индивидуального жилого дома на обрабатываемом крестьянским (фермерским) хозяйством земельном участке¹ тормозит как формирование дисперсного расселения, так и развитие сельскохозяйственного производства, сельской местности и малых городов.

Это обстоятельство отмечено В. Путиным на XXII съезде АККОР: «Мы должны дать крестьянам возможность строить для себя дома на землях сельхозназначения. Это будет правильным решением. Оно сейчас готовится. Рассчитываем, что оно даст импульс к развитию хуторского уклада на селе»². Только поощрение индивидуального строительства жилья на основе выделения земельных участков и предоставления товарного креди-

¹ Рыбаков А. Сук, на котором сидим // Сельская жизнь. 20-26.01.2011 г. – № 3 (23617). – С. 6.

² Исторический форум крестьянских хозяйств // Сельская жизнь. 10-16.03.2011 г. – № 15 (23629). – С. 4.

та способно эффективно решить задачу обеспечения жильем всех нуждающихся в нем селян¹. Анализ показывает, что приватизация земель сельскохозяйственного назначения, на которую возлагались большие надежды, в рассматриваемом плане себя не оправдала. Отметим, что в нашей стране она и не была доведена до конца, возможно, это и к лучшему.

В Армении, Молдове и Украине, где аналогичная схема приватизации земли получила свое логическое завершение в выделении и оформлении земельных долей в натуре каждым собственником, сельскохозяйственное производство продолжает оставаться в затяжном кризисе. Указанная мера помогла там создать класс мелких собственников земли. Но их укрепление и приобретение черт среднего класса потребует жизни многих поколений. А пока их соседи и родственники, оставшиеся не у дел на своей или чужой земле, вынуждены зарабатывать на стороне, главным образом в России.

Можно предположить, что для целей формирования малого бизнеса и среднего класса необходимо было оперировать и с другими активами, кроме земли сельскохозяйственного назначения и имущества предприятий реального сектора экономики. В конкретных условиях нашей страны одним из таких активов могут стать земли поселений, предназначенные для индивидуального жилищного строительства.

Реализация такой политики должна идти не под флагом приватизации, а по гуманитарно-экономическим соображениям. В качестве компенсации за все тяготы и лишения россиян, связанные с гражданской войной, коллективизацией, голodomором, репрессиями, отечественной войной и шоковой терапией, каждый живущий сегодня и родившийся в ближайшие двадцать лет житель нашей страны при желании переехать на постоянное местожительство в сельскую местность мог бы получить земельный участок и товарный кредит под строительство индивидуального жилья в сельской местности и малых городах страны.

Минимальные и максимальные размеры таких участков, равно как и площадь кредитуемых под строительство индивидуальных жилых домов, могли бы быть установлены федеральным законодательством, а реальные размеры выделяемых земельных участков и товарных кредитов – региональными и местными властями. Приоритетом при этом должны пользоваться все выходцы с малой родины, а также постоянные (на момент принятия соответствующих решений) жители данной местности.

Необходимость указанных шагов в экономическом плане обусловлена тем, что мы не можем запустить полноценный рынок земли и жилья не только в сельской, но и городской местности. Видимо, указанное обстоятельство не в последнюю очередь связано с абсолютной нехваткой жилья в

¹ Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010.

стране, а состояние жилого фонда повсеместно не выдерживает никакой критики.

Развернуть массовое индивидуальное жилищное строительство на селе, на землях десятков тысяч заброшенных сельских населенных пунктов и есть сердцевина предлагаемой нами инновации.

По нашим данным, в жилом фонде сельской местности наблюдается огромный разброс времени постройки домов (с 1855 г. по 2006 г.). При этом только 10% домов построено в период 1991-2005 г. Средний год постройки дома по регионам, по данным одного из реализованных нами выборочных исследований, приведен в таблице 1.

Таблица 1
Средний год постройки дома по регионам (в выборке 2006 г.)

Регион	Средний год постройки дома	Число единиц в выборке	Стандартное отклонение
Республика Татарстан	1973	100	15,256
Алтайский край	1968	100	19,713
Краснодарский край	1963	100	23,649
Красноярский край	1959	100	26,197
Амурская область	1975	100	16,639
Воронежская область	1965	100	20,321
Курганская область	1961	100	26,072
Ленинградская область	1967	100	24,913
Московская область	1954	100	22,153
Всего	1965	900	22,817

Источник: Данные нашего обследования 2006 г.

Из данных табл.1 видно, что самый старый жилой фонд в сельской местности наблюдается в Московской области. Здесь средний год жилой постройки в сельской местности – 1954 г. Это не значит, что в области не строится новое жилье. Строится, да еще какое! Но даже на расстоянии в 100–130 км. от мегаполиса это жилье уже принадлежит не селянам, а в лучшем случае их московским наследникам.

Далее по отношению к среднему году постройки сельского жилища следуют Красноярский край (1959 г.) и Курганская область (1961 г.). Относительно новый жилой фонд в Татарстане (1973 г.) и Амурской области (1975 г.). В этом плане Алтайский и Краснодарский края, а также Воронежская и Ленинградская области наиболее близки к центральной тенденции (1963-1967 гг.).

Наиболее старые жилые постройки носят единичный характер. Они зафиксированы в станице Владимирская (жилой дом 1855 г.) Краснодарского края и в селе Колыбелки (1856 г.) Воронежской области. В целом в

выборке 2006 г. среди 900 обследованных домохозяйств насчитывается 21 жилое строение, возведенное еще в 19 в. Это, конечно, весьма тревожная цифра. О благоустройстве такого жилья уже говорить не приходится.

Самым благоустроенным оказался жилой фонд в сельской местности Татарстана. Здесь 80% обследованных домохозяйств имеют водопровод и 54% канализацию. А в выборке по Красноярскому краю наличие водопровода отмечено лишь у 16%, а канализации – у 10% домохозяйств. В Московской области водопровод зафиксирован у 50%, а канализация – у 25% обследованных сельских домохозяйств. В Амурской области 54% обследованных домохозяйств имеют водопровод и только 11% – канализацию.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что даже относительно новое жилье в сельской местности имеет низкий уровень благоустройства. Понятно, что указанное обстоятельство находит отражение в ликвидности жилья в сельской местности.

По нашим данным, среди 900 обследованных в 34 селах домохозяйств в 2000–2005 гг. было построено 29 домов. Бесспорными лидерами в этом строительстве являются домохозяйства Московской области, которые в указанный периодозвели почти четверть новых домов.

Именно в этой области наблюдается быстрое формирование рынка жилья в сельской местности. Старое жилье скупается на корню и чем ближе к столице, тем этот процесс идет интенсивнее. Средние цены продажи/покупки дома по регионам в сельской местности в приведены в табл. 2.

Таблица 2
Средние цены продажи/покупки дома по регионам в сельской местности (тыс.руб.)

Регион	Средняя цена дома	Число единиц в выборке	Стандартное отклонение
Республика Татарстан	205,74	100	121,626
Алтайский край	275,81	100	165,853
Краснодарский край	188,14	100	80,455
Красноярский край	223,80	100	215,419
Амурская область	127,33	100	40,401
Воронежская область	195,46	100	134,865
Курганская область	111,41	100	50,730
Ленинградская область	286,70	100	167,884
Московская область	336,34	100	194,654
Всего	216,75	900	158,212

Источник: Данные нашего обследования 2006 г.

Из сопоставления данных табл. 1 и 2 видно, что в сельской местности Московской и Ленинградской областей преимущественно морально устаревшие и полуразрушенные дома скупаются в 1,5 раза дороже, чем от-

носительно новые дома в Татарстане, и в 2–2,5 раза дороже, чем такие же относительно новые строения в Амурской области.

В Воронежской области в селе Петропавловка (Лискинского района) всего в 40 км от районного центра на живописном левом берегу Дона практически за бесценок на протяжении долгого времени не могут найти покупателя вполне благоустроенные домостроения и подворья. И связано это главным образом с тем, что хорошая дорога, соединяющая село с районным центром и автотрассой «Дон», упирается в соседнем селе по воде в берег великой реки, а по суше в межрайонную границу, пересечь которую по сложившейся практике может главным образом федеральная трасса.

У региональных властей, как правило, нет средств и интереса расширять такие межрайонные «медвежьи углы» в том случае, если к тому соседнему району есть другой подъезд. А о развитии межобластных транспортных связей на региональном уровне размышают только в терминах ответственности федеральных властей и их обязательств.

Сходная ситуация, только с неизмеримо более тяжелыми последствиями, сложилась и на границе Вологодской и Костромской областей по линии районных центров Тотьма и Солигалич. Отсутствие современного транспортного сообщения сделало исторические центры, связывавшие Север и Центр России, «медвежьими углами», которые местное население старается покинуть всеми правдами и неправдами. В результате «на обширных пространствах сельскохозяйственных земель, в том числе Центра России, где о существовании многих десятков тысяч бывших жизнеспособных сел и деревень напоминают заросшие бурьяном их жалкие останки, вообще уже некому работать»¹.

Низкий уровень ликвидности сельского жилища ведет к тому, что оно не оформляется в собственность. Это значит, что оно не может быть запущено в хозяйственный оборот и фактически обречено на исчезновение. По нашим данным, в сельской местности к настоящему времени около 55% приусадебных земельных участков и стоящих на них строений все еще не оформлены в собственность в соответствии с действующим законодательством.

Без массового индивидуального жилищного строительства на селе и в малых городах не удастся сформировать средний класс и выйти на требуемые характеристики демографического и социального развития. Здесь уместно отметить, что даже спустя много лет после начала хорошо известных радикальных перемен прошлого века, а именно в 1926 г. основная масса россиян (82,1%) все еще жила в сельской местности².

¹ Бузгалов И.Н. Приоритет сельского хозяйства как определяющее макроэкономическое условие инновационной стратегии его развития /Роль инноваций в развитии агропромышленного комплекса. – М.: РАСН, 2008. – С. 28.

² Всесоюзная перепись населения 1939 года. Основные итоги. – М.: Наука, 1992. – С. 20.

Широким массам людей надо дать возможность встать на ноги путем получения в руки хотя и небольшого, но реального актива, а не стоять всю жизнь в очереди на жилье или льготную ипотечную программу его строительства. Предлагаемая инновация повлечет за собой огромные перемены в жизни многих миллионов домохозяйств и социально-экономическом развитии нашего общества.

Важно подчеркнуть, что ее реализация нацелена не на перераспределение ресурсов. В первую очередь она ориентирована на модернизацию существующего жилищного фонда и повторное заселение пустующих сельских территорий и теряющих население малых городов под общим лозунгом: «*Построй свой дом!*» Это значит, что она предполагает капитализацию и вовлечение в хозяйственный оборот (застройку, куплю-продажу, налогообложение) огромных, сегодня все еще неликвидных активов.

Расчеты показывают, что при средней норме земельного участка под индивидуальное жилищное строительство в 12 соток¹ создание 4 млн. новых домохозяйств (10% от их общего числа) потребует 480 тыс. га. Между тем земли населенных пунктов, составляющие всего 1,1% земельного фонда страны, занимают площадь 19,2 млн. га².

Выдача товарного кредита традиционными местными строительными материалами (песок, гравий, цемент, бетон, дерево), равно как и новыми технологичными (пенобетон), может стимулировать развитие промышленности строительных материалов на местах. При этом цена кредита при строительстве сельского дома площадью в 100 м. кв. будет колебаться в интервале от 600 тыс. до 1 млн. руб.

Фиксируя в условиях возврата товарного кредита порядок списания той или иной его части, можно регулировать различные социально-экономические отношения селян. Например, образование больших, много-поколенных семей полезно стимулировать путем введения процента, списываемого за совместное проживание трех и более поколений. Желаемое с позиций демографического развития число детей в семье можно стимулировать через процент, списываемый за рождения каждого ребенка, а характер производственной ориентации сельских домохозяйств – путем закрепления в условиях договора номенклатуры и объема товаров или услуг, которыми будет возвращаться кредит, и т.п.

Увязка таких программ с кооперативным движением посредством создания потребительских обществ, жилищно-строительных, строительно-сберегательных сельскохозяйственных и кредитных кооперативов способна побудить инициативу значительной части экономически активного на-

¹ Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2007 году. – М.: ФАКОН, 2008. – С. 184.

² Государственный (национальный) доклад о состоянии и использовании земель в Российской Федерации в 2007 году. – М.: ФАКОН, 2008. – С. 8.

селения. Связано это в первую очередь с тем, что потребительский кооператив позволяет снижать издержки, возникающие при приобретении товаров, работ или услуг, путем взаимного объединения имущественных паяевых взносов его членов.

Кооперация может придать новые стимулы более гуманной и характерной для отечественной традиции организации жизни людей в сельской местности, основанной на взаимопомощи, солидарности и взаимной ответственности. Вполне возможно, что предлагаемая инновация могла бы стать составной частью уже действующего национального проекта «Доступное жилье» или нового проекта «Кооперативная Россия»¹.

В любом случае залог успеха этой инновации заложен в сочетании государственной поддержки кооперации, как особого социально ориентированного сектора экономики, с организационными возможностями местных органов самоуправления, трудовыми и финансовыми ресурсами самих членов кооперативов первого уровня – заинтересованного в самоорганизации ядра кооперативного движения. Во всем мире кооперативы, работающие на основе принципов, признанных международным правом, вносят большой вклад в социально-экономическое развитие своих стран. В этом плане Россия не может и не должна быть исключением из общемировой практики. Гражданское общество (третий сектор) неизбежно будет играть все возрастающую роль и в нашей стране.

Возможно, реализация предлагаемых институциональных и организационно-технических инноваций не требует быстрых решений в Республиках Башкортостан и Бурятия, в Алтайском и Краснодарском краях, т.е. там, где все еще высока доля сельского населения. Но для многих регионов страны с быстро сокращающимся населением, таких как приграничные Республика Карелия, Приморский и Хабаровский края, Мурманская, Псковская и Смоленская области, чего-то близкого по своей сути к повторному заселению сельской местности – требование даже не сегодняшнего, а скорее вчерашнего дня. Весьма остро указанная проблема стоит и в традиционно промышленно развитых Ивановской, Кемеровской, Самарской, Свердловской, Тульской, Челябинской и Ярославской областях. В них доля селян уже упала ниже 20% общей численности населения области.² В таких регионах сельские сообщества практически теряют способность к демографическому развитию и самовосстановлению.

¹ Доктрина развития потребительских кооперативов, имеющих своей специализацией сферу небанковского финансирования приобретения и строительства недвижимости в современных российских социально-экономических условиях. [Электронный ресурс]. <http://www.vmeste.ru/doctrine/>

² Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Городское и сельское население по субъектам Российской Федерации. Приложение 1. [Электронный ресурс]. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php

Низкая плотность сельского населения неизбежно ведет к деградации производства, локальных рынков и социального обслуживания. Вследствие указанных процессов происходит прекращение хозяйственной деятельности, уход людей и запустение огромных территорий.

Без реализации инноваций, связанных с повторным заселением сельской местности, вряд ли удастся обойтись в ближайшие годы. Так, к примеру, в ближайших планах развития в рамках проекта «Урал промышленный – Урал Полярный» развернется строительство 300 км железной дороги на Север с целью освоения природных богатств Полярного Урала.¹ Вполне естественно, что осуществление данного проекта потребует заселения обширных, пока еще слабо обжитых территорий, создания большого числа новых, в том числе и сельских, домохозяйств.

Формирование современного технологического уклада

Массовое индивидуальное жилищное строительство на селе – исходный пункт модернизации сельского подворья, приведения его в соответствие с действующим технологическим укладом. Материально-техническая база современного российского сельского подворья соответствует третьему технологическому укладу. По расчетам экономистов, он господствовал в народном хозяйстве примерно в 1880-1930 гг. В то же время в других секторах экономики, в том числе и в крупном сельскохозяйственном производстве сегодня доминирует пятый (1980-2040 гг.),² а руководство страны совершенно справедливо ставит задачи перехода к *шестому технологическому укладу*³.

В свете этого весьма спорно выглядят следующие суждения и оценки. «Эффективность личных подсобных хозяйств ... на порядок – два порядка ниже, чем в крупном сельхозпроизводстве ... Производительность труда в ЛПХ в 3,3-18 раз ниже, чем в крупном сельскохозяйственном производстве в расчете на одного занятого в них работника и в 4,7-22 раза – на чел.-день труда»⁴. Трудно понять, как можно сравнивать производительность труда в разных технологических укладах.

Технологическая отсталость сельского подворья противоречит его новому положению в обществе в качестве *особого экономического уклада*. Независимо от того, является ли подворье потребительским или товарным хозяйством, туда должны прийти современные средства механизации, сертифицированный посадочный материал, элитные породы скота, агрономическое и ветеринарное обслуживание и т.п.

¹ Строительство железной дороги в рамках проекта «Урал промышленный – Урал Полярный» начнётся в канун 2009 г. (Югра). [Электронный ресурс]. <http://www.regnum.ru/news/1031014.html>

² Технологические уклады. [Электронный ресурс]. <http://stmd.ru/archives/7130>

³ Каблов Е. Шестой технологический уклад [Электронный ресурс]. <http://www.nkj.ru/archive/articles/17800/>

⁴ Копач К. Как помочь личным подворьям? // Сельская жизнь, 20-26.03.2011 года, № 3 (23617). – С. 3.

Присущий ныне сельскому подворью технологический уклад держит его в режиме выживания и бедности. Между тем самозанятость на личном подворье должна обеспечивать средние или близкие к ним доходы населения, занятого в народном хозяйстве. В многоукладной экономике общества просто обязано следить за тем, чтобы во всех ее секторах господствовал близкий по уровню технологический уклад. Только в этом случае труд в быту и на личном подворье будет сопоставим с трудом в общественном производстве. В сложившихся условиях хозяйствования независимо от провозглашаемых намерений противопоставление мелкотоварного сектора и крупных товаропроизводителей на селе закрывает перспективы сельского развития.

Информатизация сельских домохозяйств

Модернизация сельских домохозяйств предполагает повышение уровня и качества информатизации различных сторон жизни сельского подворья, включая решения задач, связанных с социальным обслуживанием, образованием, организацией производства и реализацией продукции мелкотоварных производителей.

Информатизация домохозяйств имеет как общие черты, так и существенные различия с информатизацией сельского хозяйства и АПК. Во-первых, их информатизация сочетает в себе удовлетворение не только хозяйственных, но и социальных потребностей селян. Во-вторых, в отличие от агробизнеса, требующего для решения своих задач огромного комплекса новых разработок по адаптации информационных технологий к его потребностям, информатизация домохозяйств идет в известном смысле независимо от установок потребителей и органов управления.

Материально-техническую основу информационного блока сельского домохозяйства составляют *мобильные средства связи и планшетные компьютеры*. Этот блок, если еще и не сформирован полностью, то формируется полным ходом.

Появление планшетных компьютеров или «таблеток» (Tablet PC) типа iPad, Samsung GALAXY Tab, STYLISTIC ST6012 Tablet PC и др. в известном смысле ставит точку в продолжающейся уже много лет дискуссии о перспективах и последствиях распространения информационных технологий. Планшетники усиливают и закрепляют движение от *аудио к визуальной культуре* и далее к *культуре синтеза звукового и зрительного восприятия* (мультимедийности). Это обстоятельство позволяет утверждать, что всестороннее влияние информатизации на жизнь общества и отдельного человека в ближайшей перспективе будет нарастать быстрыми темпами.

Указанный процесс достаточно эффективно может способствовать объединению тенденций информатизации и сельского домохозяйства и обучению детей в сельской школе. В контексте нашего рассмотрения сре-

ди перемен, происходящих за пределами сельского домохозяйства и сельской школы, уместно обратить внимание на атрибуты «таблеток», которые расширяют возможности использования информационных технологий. Здесь следует отметить: возможность работать в аудио и видео режимах, тактильное управление¹, а также уже упоминавшееся геопозиционирование². Последние две особенности могут иметь огромные последствия. Они полностью отсутствовали в печатной культуре.

С учетом кумулятивного эффекта всех отмеченных выше обстоятельств справедливо сделать следующее предположение. Подобно тому, как много лет тому назад (в XVI–XVII вв.) «книга стала в буквальном смысле учебной машиной, а рукописное письмо перешло в разряд вспомогательных средств обучения»³, так, возможно, и в наше время планшетному компьютеру суждено стать новой учебно-производственной машиной, а книга перейдет в разряд вспомогательных средств обучения.

В наших исследованиях последних лет (2006–2013 гг.) фиксировалось широкое распространение на селе потребительского кредитования под покупку мобильного телефона. Горожане покупают сельским родителям телефоны и сами обслуживают их, получая взамен спокойствие за постоянную связь с престарелыми родителями. Этот пример свидетельствует о социальной функции информатизации сельского домохозяйства, которое в отличие от форм агробизнеса исходно социальная и уже потом хозяйственная ячейка общества.

По данным «Комплексного наблюдения условий жизни населения», выполненного органами статистики в 2011 г., в настоящее время в сельской местности в расчете на 100 домохозяйств имеется 183,4 мобильных телефонов и 38,4 персональных компьютеров, планшетников и цифровых организеров⁴. При этом около 90% сельских домохозяйств имеют мобильные телефоны, а 28,1% имеют непосредственный доступ в Интернет. Из них 14,8% уже используют технологии беспроводного доступа к сети Интернет.

Последнее обстоятельство имеет, на наш взгляд, решающее значение. Использование проводных технологий доступа к сети Интернет, не говоря уже о телевидении, ограничено в своем развитии. Это особенно справедливо для сельской местности. Напротив, беспроводные сети уже сегодня открывают огромные, пока еще слабо используемые населением возможности. В качестве одного из фундаментальных и уже действующих

¹ Gesture. [Электронный ресурс]. The URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/Gesture>.

² Геопозиционирование. [Электронный ресурс]. <http://help.opera.com/Linux/10.63/ru/geolocation.html>

³ Мак-Люэн М. Галактика Гуттенберга. [Электронный ресурс]. <http://knigosite.ru/read/14962-galaktika-gutenberga-mak-lyuen-marshall.html>

⁴ Итоги Комплексного наблюдения условий жизни населения. – М.: Росстат, 2012. Таб. 13, лист 1. Таб. 14, лист 1. [Электронный ресурс]. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/kn-ujn/ko-ujn.html

сервисов в этой сфере следует указать на комплекс Онл@йн услуг, предлагаемый Сбербанком. В этот комплекс входят услуги по управлению счетами через мобильный телефон (Мобильный банк), доступ к услугам банка через интернет (Сбербанк Онл@йн), автоматическое пополнение мобильного телефона (Автоплатеж), информационное банковское обслуживание по телефону (Контактный центр) и многие другие сервисы¹, имеющие огромную перспективу развития и использования.

Такого рода услуги формируют инфраструктуру информационного сервиса самых различных сторон жизни селян, связанных с открытием возможности перехода к безналичным расчетам в сфере оплаты труда, расчетов за поставленную продукцию, товары и услуги. Они способствуют интеграции сельского домохозяйства в социальные связи и реальный сектор экономики, разрушая традиционные представления о подворье как изолированном, примитивном и натуральном хозяйстве².

При этом *модернизация* сельского подворья в целом предполагает повышение уровня его автономности посредством распространения индивидуальных систем водообеспечения, водоотведения, энергообеспечения и др. Вряд ли правильно рассматривать повышение уровня автономности как тенденцию к изолированности и натурализации. Автономность – антитеза чрезмерного обобществления и централизации, ограничивающих возможности маневра и реакции частнохозяйственного предприятия³ (сельского подворья) на изменения внешней среды и условий хозяйствования.

В этом плане *информатизация сельского домохозяйства* представляет собой очень важное дополнение к его модернизации. Она обеспечивает его интеграцию в народнохозяйственные связи без использования удушающих механизмов централизации и управления.

Сегодня доступ к сети Интернет позволяет каждому пользователю получить практически любую информацию по всем вопросам жизни, в том числе и по ведению хозяйства. О возможностях, связанных с геосистемами, геопозиционированием и геонавигацией, которые предоставляют планшетные компьютеры и смартфоны, многие селяне еще просто не знают.

Между тем с их помощью можно, например, контролировать границы земельных участков и состояние землепользования (посредством использования геосистем – ГЛОНАСС, GPS и геопозиционирования). Можно отслеживать положение дел в любой точке хозяйства, не выходя из дома (видеонаблюдение), а также осуществлять многие хозяйствственные действия

¹ Сбербанк. Онл@йн услуги. [Электронный ресурс]. http://sbrf.ru/moscowblast/ru/person/dist_services/

² Никольский С.А. Аграрная реформа 1991–1996 годов и проблема модернизации русской деревни. – М.: Фонд исследования аграрного развития, 1996. [Электронный ресурс].

<http://www.fadr.msu.ru/mailserv/fadrnews/msq00019.html> и [/msq00020.html](http://www.fadr.msu.ru/mailserv/fadrnews/msq00020.html)

³ Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство. – М.: Экономика, 1989. – С. 203.

от вспашки земли до выпаса и доения крупного рогатого скота (дистанционное управление с использованием чипов).

Поощрение занятий селян с возобновляемыми природными ресурсами

Диверсификация сельской экономики¹ является составной частью сельского развития. Вместе с тем на селе такая диверсификация может быть эффективной лишь в случае одновременного и постоянного поощрения занятий, связанных с использованием различных возобновляемых природных ресурсов.

Эти занятия не только историческая основа села. Они, как доказано многовековой практикой, являются тем механизмом, посредством которого Природа очеловечивает людей. При этом в историческом движении от охоты, рыбной ловли и собирательства к землепользованию последнее оказалось тем занятием, которое сформировало человека, его экономику. «Признак хозяйства – *трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению*»².

В свое время С.Булгаков заметил, что в русском языке название труженика-земледельца «крестьянин» обозначает не что иное, как «христианин»³. Вполне корректно предположить, что с нарастанием религиозности в гуще народных масс будет меняться и отношение к земле и труду земледельца. Поэтому очень своевременно сформировать правовое поле и настроить систему управления так, чтобы землю смогли получить все, кто на ней работает, для кого занятия, связанные с возобновляемыми природными ресурсами, – источник благосостояния и образ жизни.

Уместно напомнить, что наука и современные технологии работают на интенсификацию и диверсификацию использования возобновляемых природных ресурсов. Аква- и марикультура, альтернативная энергетика, лесное сельское хозяйство, органическое земледелие, экодома, экопоселения и самообеспечивающиеся сообщества, а также различные экологические и природоохранные движения – все эти и многие другие начинания формируют новое отношение к возобновляемым природным ресурсам и их использованию.

Проблемы, возникающие при использовании возобновляемых природных ресурсов, заметно отличаются от проблем, связанных с использо-

¹ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. – С. 11. [Электронный ресурс]. <http://www.government.ru/gov/results/13358/>

² Булгаков С. Философия хозяйства (Мир как хозяйство). [Электронный ресурс]. <http://magister.msk.ru/library/philos/bulgakov/bulgak01.htm>

³ Булгаков С. Православие и хозяйственная жизнь // Православие. Очерки учения православной церкви. 3-е издание. – Париж: YMCA-PRESS, 1989. – С. 369. [Электронный ресурс]. http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/orthodox/Article/Bulg_PravHoz.php

ванием недр или необоснованной рубкой лесов. Например, разработки никелевых месторождений в бассейне реки Хопер¹ и рубка Химкинского леса для целей формирования транспортного коридора². Основная масса начинаний, связанных с использованием возобновляемых природных ресурсов, отличается тем, что в них бизнес, домохозяйства и местные сообщества имеют общий интерес и довольно часто действуют сообща. Указанное обстоятельство позволяет надеяться на значительные успехи в использовании возобновляемых природных ресурсов, если и не сегодня, то в ближайшей перспективе.

Поддержка демографического развития и обратной миграции

Демографическое развитие на селе тесно связано с массовым жилищным строительством. Имеются основания полагать, что такой механизм будет весьма эффективен³. При повторном заселении села, прежде чем заниматься переселением, надо использовать ресурс обратной миграции на землю предков⁴.

Очень слабая реакция на меры демографической политики 2006–2012 гг. в Камчатском крае, Мурманской и Томской областях⁵ говорит о желательности поиска на местах таких поощрительных мер, которые могли бы оказывать более эффективное влияние на репродуктивное поведение населения. В этом плане в рамках региональных управленческих стратегий собственные подходы и индивидуальные решения к стимулированию сельского развития играют все возрастающую роль.

В местах, нуждающихся в повторном заселении, рано или поздно придется переходить от умирающего компактного к формированию дисперсного расселения. В указанном направлении идет и инициатива снизу, которая формируется от получающих все более широкое распространение индивидуальных рисков, связанных с переселением в сельскую местность,⁶ до различных коммерческих и общественных начинаний по созданию родовых поместий и экопоселений⁷.

¹ В Воронежской области избиты защищающие Хопер экоактивисты. [Электронный ресурс]. <http://lenta.ru/news/2013/05/14/khoper/>

² Программные требования «Экообороны Московской области». [Электронный ресурс]. <http://www.ecmo.ru/news/n-2769/>

³ Пациорковский В.В. Факторы демографического развития: пространственное размещение населения // Народонаселение, 2010, № 4. – С. 35-50. Пациорковский В.В. Сельско-городская Россия. – М.: ИСЭПН РАН, 2010. – С. 46-48.

⁴ Пациорковский В.В. Приоритеты демографического развития: семья и домохозяйство // Национальные проекты. 2009. – № 3 (34). – С. 84-87.

⁵ Центральная База Статистических Данных. Демография. Демографические расчеты. Суммарный коэффициент рождаемости. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru/db/scripts/Cbsd/DBInet.cgi?pl=2415002>

⁶ Лельчук А. Исход из города. Сетевой адрес: <http://ladim.org/st0ea122F201.php>. Текун М. Мой биполярный мир. [Электронный ресурс]. URL: <http://ladim.org/st0da121c201.php>

⁷ Список родовых поселений, экопоселений России. [Электронный ресурс]. <http://poselenia.ru/>

Для целей демографического развития крайне важно создать механизм стимулирования репродуктивного поведения. Такой механизм существовал в русской земельной общине. Один из известных специалистов-аграрников Л. Литошенко писал в свое время: «Если прирост семей в данном хозяйстве обгоняет средний рост населения в общине, то многодетные дворы выигрывают при очередном переделе за счет малосемейных. Общинный порядок земледелия премирует, таким образом, плодовитость населения»¹. Как видим, в данном механизме расширенного воспроизводства сельского населения роль движителя выполнял общинный порядок земледелия, а точнее – периодический передел земли.

Без создания сходного механизма, адаптированного к новым условиям жизни, трудно рассчитывать на решение проблем демографического развития. Вполне возможно, что вновь формируемый механизм может опираться на земли поселений, выдаваемые под индивидуальное жилищное строительство, и домашнее производство самого разнообразного вида.

В этом случае уже существующие сельские подворья (ЛПХ) и фермерские хозяйства могут рассматриваться как частные случаи реализации предлагаемого механизма. Роль движителя в таком механизме могут выполнять обременения и поощрения, связанные с получением земли и кредитов под индивидуальное жилищное строительство. Рассматриваемый в этой связи материнский капитал, равно как и вновь введенное право на получение земельного участка при рождении третьего ребенка, свидетельствуют о движении в нужном направлении.

С целью формирования нового механизма воспроизводства населения можно считать актуальным и эффективным:

1) предоставление селянам и жителям малых городов права бесплатного получения в собственность земельного участка под индивидуальное жилищное строительство – без конкурса и торгов;

2) действие на возвратной основе в получении средств на строительство жилья в сельской местности и малых городах. Эти средства можно выдавать и в форме товарного кредита под обязательства рождения детей или наращивания объемов продукции товаров и услуг в рамках домашнего производства.

В основе сформулированных выше предложений лежит следующее допущение: «Доступность земли и домашнее производство представляют собой необходимое и достаточное условие демографического развития». Ограничения же в доступности земли ведут к сворачиванию домашнего производства, которое сопровождается доминированием потребительской функции семьи и угасанием репродуктивности.

¹ Литошенко Л.Н. Социализация земли в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – С. 116.

Какой-то значительной части молодого и здорового населения надо дать возможность свободно и самостоятельно жить на земле. В сельской местности необходимо снять все ограничения, связанные с выделением земельных участков под индивидуальное жилищное строительство. Ситуация такова, что земельное законодательство «в настоящий момент не регламентирует процедуру предоставления гражданам земли на льготных основаниях»¹. В случае реализации рассматриваемого предложения у людей появится свобода маневра и выбора демографического, производственного и хозяйственного поведения, а у органов управления реальные рычаги поддержки или обременения различных видов занятий.

Для современного общества характерно господство наемного труда и проживания в городской малогабаритной квартире. Происходящие перемены предполагают распространение самозанятости и свободного труда, связанного с домашним производством, в условиях жизни в индивидуальном усадебном жилище.

Разумеется, из этого обстоятельства не следует автоматического повышения рождаемости. Тем не менее сама организация новой сельской жизни, потребность в дополнительных рабочих руках и наследовании хозяйства могут стимулировать людей к формированию больших семей, а молодых родителей – к увеличению числа детей. На решение этих задач и должна быть направлена демографическая политика, к которой, как показывает опыт, село более чувствительно и отзывчивее, чем город.

Укрепление самоорганизации и саморегулирования на селе

Выступая на заседании II Всероссийского форума сельских поселений, В.В.Путин высказал хорошую и, в общем, правильную мысль: «Динамичное развитие государства зависит, прежде всего, от граждан страны, от людей – их инициативы, стремления изменить жизнь в родном селе, посёлке, районе, городе и стране к лучшему, от качества и эффективности самого близкого к гражданам уровня власти, то есть от местного самоуправления. Именно с него, с этого уровня, и начинается Россия»².

Ключевое слово в этом утверждении – граждане страны. Проявить отмеченные выше необходимые гражданские качества могут только самостоятельные люди. Поэтому расширение возможностей местного самоуправления на селе, связанное с реализацией Федерального закона (131-

¹ Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин принял участие в пленарном заседании II Всероссийского форума сельских поселений. [Электронный ресурс]. <http://premier.gov.ru/events/news/15547/#grant>

² Председатель Правительства Российской Федерации В.В.Путин принял участие в пленарном заседании II Всероссийского форума сельских поселений. [Электронный ресурс]. <http://premier.gov.ru/events/news/15547/#grant>

ФЗ)¹, в конечном счете, будет зависеть от того, удастся ли сформировать слой независимых крепких хозяев, заинтересованных в развитии своего села. На это в первую очередь должны быть направлены усилия по развитию села, повышению качества и уровня жизни сельского населения, вовлеченности местных домохозяйств в сельское развитие.

Восстановление разрушенного сельского сообщества, самоорганизации сельской жизни и дееспособного местного самоуправления на селе – коренные вопросы его развития. В России испокон веков в сельской местности и в малых городах местная власть решала все вопросы повседневной жизни.

Установившаяся в 90-е годы прошедшего века демократическая форма правления, возможно, впервые за всю писаную историю ликвидировала на селе местное самоуправление и ввела совершенно чуждый ему институт сельской администрации. Даже колхозы по своей форме и сути наследовали элементы общинного уклада и самоорганизации, характерные для многовековой традиции сельской жизни. Введение института сельских администраций представляет собой рецидив имперско-колониального отношения к селу и сельской местности в целом. Принятие в 2003 г. закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» было попыткой ввести систему администрирования в новом, более приемлемом формате.

Из всего этого, однако, не следует, что на местах население не знает или не понимает роли местной власти в организации его повседневной жизни. Другое дело, что сегодня конкретно на селе содержание этой власти выхолощено, а сама она обескровлена. Простые люди не так наивны и забиты, чтобы не понимать, что местная власть как надсмотрщик и молчаливый свидетель развала – это совсем не то, что требуется в такой сложный и тяжелый момент.

Прав Л. Рокецкий, говоря: «Каким бы жестким ни было противодействие укреплению и развитию органов местного самоуправления, оно рано или поздно заявит о себе как о реальной силе, способной наладить достойную жизнь людей на вверенной им территории»². Сегодня движению в указанном направлении имеется множество примеров. В первую очередь они связаны с деятельностью территориального общественного самоуправления (ТОСов) и возрождением института сельских старост.

ТОСы – это законодательно утвержденная система самоорганизации граждан по месту жительства, позволяющая реализовывать задачи, пред-

¹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», 6 октября 2003 г., № 131-ФЗ. [Электронный ресурс]. <http://www.akdi.ru/gd/proekt/091204GD.SHTM>

² Рокецкий Л. Сельская демократия рождается в муках. // Сельская жизнь. 29 октября 2002 г. – № 82 (22794). – С. 3.

ставляющие их общий интерес¹. Они получили наибольшее распространение в Архангельской и Ивановской областях².

Институт сельских старост представляет собой реализацию региональных инициатив по поиску путей восстановления реального самоуправления в сельской местности. Он нашел законодательное закрепление и распространение во Владимирской³, Вологодской⁴, Ульяновской⁵ областях. Здесь любопытно то, что, как и в былое времена, характерное для периода действия «Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости от 19 февраля 1861 года», старостами чаще всего становятся сельские фермеры и предприниматели. За ними местная инициатива, хотя и ограниченные, но все же какие-то ресурсы, которых нет у сельской администрации, и ответственное отношение к делу.

Реальность состоит в том, что без восстановления механизмов самоорганизации и самоуправления в сельском сообществе село все дальше и дальше будет отчуждаться от действующей системы управления. Рождающиеся здесь формы сопротивления сильны и эффективны не только в моменты многократно описанного в истории «крестьянского бунта». Наблюдающийся уход многих сельскохозяйственных предприятий и индивидуальных предпринимателей от налогообложения и социального страхования представляет собой значительно более мощное и сильное, особенно по своим отдаленным последствиям, действие, чем забастовка или любая другая активная форма сопротивления.

К этому можно только добавить, что указанные формы сопротивления – это отнюдь не специфика российского села. Они отработаны веками сопротивления крестьян всякому насилию и грабежу, приходящему извне. При этом от кого такое насилие исходит – от своей «родной» власти или от завоевателей – в данном случае большого значения не имеет.

От территориального к пространственному развитию

Сельская местность чрезвычайно заинтересована в переходе от территориально-отраслевого к пространственно-программному развитию. Любые формы водо-, леса- и сельскохозяйственного производства связаны

¹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». 6 октября 2003 г., № 131-ФЗ. Статья 27. [Электронный ресурс]. <http://www.akdi.ru/gd/proekt/091204GD.SHTM>

² Тюрик Г.В. Опыт возрождения русских деревень. – М.: Поколение, 2007. Шелкопляс Е. Не надо разговоров о демократии! Организуйте ТОСы! – Иваново: НПЦИПАЧ, 1999. См. также: [Электронный ресурс]. <http://www.ros-optimum.ru>

³ Институт сельских старост на Владимирщине доказал свою жизненность. [Электронный ресурс].: <http://kvo.avo.ru/news/39-1>

⁴ Будет за главного. В Вологодской области появятся сельские старосты. [Электронный ресурс]. <http://smartnews.ru/regions/vologda/6193.html>

⁵ Ульяновский район → Открытый муниципалитет → Сельский староста [Электронный ресурс]. <http://www.ulraion.ru/?page=484>

с локальными биосистемами, а они, как известно, не знают административно-территориальных границ, декретного времени и отраслевых методов управления. Сходными свойствами обладают и такие природно-рукотворные явления, как наводнения, нашествия саранчи, пожары, суховеи, эпидемии и др. Для всех тех, кто живет и хозяйствует на аридных землях, в бассейнах рек, в степи, тайге, горах и предгорьях, указанные обстоятельства имеют особенно жизненно важное значение.

В территориальном развитии пока еще доминирует модель «Центр – периферия», которая привела к глубоким деформациям в формировании систем расселения, размещении населения и росту антропогенного давления на окружающую природу.

Характерными чертами рассматриваемой модели являются: неизменность сложившихся отношений и статусов центра и периферии. Центр – всегда столица, конечным пунктом периферии служит крайне труднодоступное село, удаленное от всех транспортных магистралей и постоянных контактов с центром любого уровня. Центр – всегда точка роста и привлекательности. Периферия практически всегда стагнирует и отдает свое население центру.

Складывающаяся на этой основе *территориальная организация общества* может пониматься как *размещение населения, власти, инфраструктуры и производства на основе модели развития «Центр – периферия» с вытекающими из нее ограничениями свободного движения товаров, услуг, труда и капитала*.

Такая организация общества вполне дееспособна до тех пор, пока у периферии есть, кого отдавать городу, и пока экосистемы сохраняют свою природную целостность. По мере нарастания демографического кризиса, связанного с исчерпанием, прежде всего на селе, возможностей воспроизведения населения и нарушением экологического равновесия, поддерживать такую систему расселения без постоянного ввоза огромного числа мигрантов и постоянно растущих затрат на восстановление среды обитания очень трудно.

Поэтому устаревшая модель медленно, но неуклонно уступает место «полицентрической модели» пространственного развития. Эта модель предполагает как на региональном, так и на федеральном уровне формирование взаимосвязанных центров тяготения, население которых вовлечено в общий оборот свободного движения труда, капитала, товаров и услуг. Более того, точки роста и притяжения в ней постоянно меняются в зависимости от инновационно-технологической привлекательности и эффективности проектов, реализуемых в данный момент в той или иной местности.

Характерная для нашего времени актуализация противопоставления территориального и пространственного развития обусловлена нарастанием

тенденций глобализации, формированием протяженных, международных транспортных коридоров и распространением электронных средств коммуникации. Анализ позволяет конкретизировать особенности искомых форм организации общества, не акцентируя внимание на процессах глобализации, рассмотрение которых далеко выходит за рамки предмета нашего интереса.

В территориальной организации общества власть и властные отношения выполняют основную роль в поддержании целостности. В международном плане решающее значение имеют суверенитет, строгий контроль границ и протекционизм в защите собственных производителей. Во внутреннем плане – местничество, и удвоенный протекционизм доминируют во всех сферах жизни.

Для пространственной организации общества характерны нарастающая прозрачность государственных границ, открытые рынки, свободное движение труда, капитала, товаров и услуг. Политика протекционизма, если и не уходит полностью в прошлое, то дополняется институтами и обязательствами международного сотрудничества (ВТО, МОТ, ВОЗ, ФАО и др.).

В плане предмета нашего рассмотрения фундаментом международного сотрудничества являются «Основополагающие (руководящие) принципы устойчивого пространственного развития европейского континента» – один из главных документов в европейском пространственном развитии (по линии Совета Европы)¹. Наряду с «Европейской перспективой пространственного развития» (ESDP),² разработанной специально для стран, входящих в ЕС, упомянутый выше так называемый Ганноверский документ (принят в Ганновере в 2000 г.) слабо известен в нашей стране, но уже сегодня он оказывает заметное влияние на принятие решений в рассматриваемой сфере.

Следует еще раз подчеркнуть, что переход от территориальной к пространственной организации общества предполагает учет как факторов экономического роста, так и факторов демографического развития. Все соображения о пространственной организации общества имеют смысл лишь при выполнении следующих условий: она характерна для эпохи глобализации; она сопровождает и делает возможной инновационную экономику; она предполагает реализацию полицентрической модели развития.

¹ Guiding Principles for Sustainable Spatial Development of the European Continent. [Электронный ресурс]. <http://vasilieva.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/guidpsdecontin.htm>

² European Spatial Development Perspective (Towards Balanced and Sustainable Development of the Territory of the European Union), ESDP. [Электронный ресурс]. <http://vasilieva.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/esdp.htm>

С учетом сказанного пространственная организация общества может быть определена следующим образом: «*Пространственная организация общества – размещение населения, власти, инфраструктуры и производства на основе поликентрической модели устойчивого развития и в соответствии с требованиями свободного движение товаров, услуг, труда и капитала*».

Реальность состоит в том, что в настоящее время в России открытие внешних границ, обусловленное требованиями экономического развития и международного разделения труда, намного опережает преодоление внутренних границ, порожденных административно-территориальным делением и местничеством. А о чем-то похожем на приграничное сотрудничество, реализуемое по инициативе и в рамках взаимодействия с ЕС, во внутреннем плане пока и говорить не приходится.

Достаточно сказать, что для того, чтобы попасть из Тотьмы (Вологодская область) в находящийся примерно в 30 км Солигалич (Костромская область), необходимо сделать крюк почти в 500 км. И так практически везде и повсеместно там, где федеральные органы власти не пробили транспортного коридора. В качестве других примеров можно привести транспортные тупики: Фряново (Московская обл.) – Карабаново (Владимирская обл.), Карпогоры (Архангельская обл.) – Вендига (Республика Коми), Кудымкар (Пермский край) – Сыктывкар (Республика Коми).

Другой наглядный пример – печальная судьба широко известных несталищ семги на северной реке Мезень. Бассейн реки проходит всего по трем муниципальным районам двух регионов (Удорском районе, Республика Коми; Лешуконском и Мезенском районах Архангельской области). В ушедшее время бездумная хозяйственная деятельность в верховьях реки привела к деградации стоков и прибрежной полосы. Восстановление природной среды требует больших затрат, на которые никто не хочет идти.

В Республике Коми Фондом «Серебряная тайга» разработан проект «Управление рыбными ресурсами в сотрудничестве с местным населением: Модельная река Мезень». Проблема состоит в том, что «между муниципальными районами, располагающимися вдоль Мезени, нет практически никаких контактов. Как нет никаких совместных действий даже между структурами одного и того же ведомства – «Комирыбводом» и «Севрыбводом», Мезенским межрайонным отделом государственного контроля, надзора и охраны водных биоресурсов и аналогичным отделом по Удорскому району. Эту «традицию» нужно менять, если мы желаем реального изменения ситуации с рыбными ресурсами»¹.

¹ Управлению ресурсами реки мешает разобщенность. [Электронный ресурс]. <http://www.silvertaiga.ru/news/326/>

Изоляционизм региональных властей, блодящих вверенную им территорию, настолько избыточен, что и в условиях провозглашенных открытых рынков они очень часто полностью блокируют движение не только труда и капитала, но и товаров и услуг. В межрегиональных отношениях доминируют конкурентные отношения за ресурсы, распределляемые федеральной властью, зависть, подозрительность и нездоровое соперничество. Все более широкое распространение делегирования полномочий обусловлено исторически сложившимися ограничениями основных принципов федерализма, в том числе и субсидарности.

В этом плане получившая в последнее время широкое распространение региональная экономика только закрепляет ложные представления о самодостаточности регионов, как правило понимая под регионом субъект федерации. При этом фактически ограниченные и слабо подготовленные к конкурентным отношениям локальные рынки представляются в ложном виде потенциальных носителей больших перспектив социально-экономического развития.

Трудно повысить конкурентоспособность субъектов федерации, если во входящих в них муниципальных образованиях реализуется режим выживания, тотальной дотационности и субсидирования. Распространенные межрегиональные сопоставления с акцентами на диспропорции и различия в социально-экономическом развитии отдельных регионов¹ в действительности уводят от понимания еще более значимых внутрирегиональных различий. Их преодоление возможно только на путях интеграции малых городов и сельской местности в формируемые полицентрические системы расселения. Постоянная сменяемость центров таких систем расселения не может реализоваться на основе закрепленного административно-территориального статуса.

Основой сменяемости служат постоянно рождающиеся инновационные находки и решения на местах, которые позволяют создавать на локальном уровне новые продукты и услуги, равно как и поддерживать их привлекательность на региональных и глобальных рынках. В территориальной системе управления такие инновационные начинания, как проект «Модельная река Мезень», просто обречены на постепенное угасание. В пространственной модели развития за ними будущее.

Пока мы еще на пороге глобализации, как никогда ранее, важно начать движение за сохранение локальных брендов и торговых марок типа: «Байкальский омуль», «Вологодское кружево», «Вологодское масло», «Костромской сыр», «Мезенская семга», «Орловский рысак», «Шацкий картофель», «Ярославский сыр» и др. На местах хорошо бы понять, что в этих брендах заложена не только узнаваемость и привлекательность, но и

¹ Региональные особенности уровня и качества жизни. – М.: ИСЭПН РАН, 2012. – 390 с.

конкурентоспособность локальных производителей на региональных и глобальных рынках.

С точки же зрения восприятия любой локальной местности широкими массами людей внутри страны и за ее пределами в местных брендах заложены исключительно большие возможности. Связано это с тем, что локальные бренды, транслируя свою «виртуальную прописку», позволяют потребителю легко и просто идентифицировать стоящий за ними товар или услугу с тем или иным культурным и цивилизационным ареалом.

Борьба французов за «Шампанское» и «Коньяк», а немцев, чехов и американцев за торговую марку пива «Будвайзер» показывает верный путь как сохранения локального, исторически сложившегося производства в условиях глобализации, так и укрепления идентичности человека и общества в эпоху глубоких и быстрых перемен.

В новых условиях *привлекательность качества и образа жизни, внедрение предметов быта и образцов культуры и искусства становится основной формой представления, взаимопонимания и инфильтрации локальных, региональных и национальных систем и общностей*. Уместно предположить, что указанный механизм является одним из основных путей вписывания и сохранения самобытности локального в глобальную общность. Его реализации как раз и способствуют локальные бренды и поликентрические системы расселения.

Отставание внутристратового пространственного развития и интеграции на основе формирования поликентрических межрегиональных систем расселения (агломераций, мегаполисов) и новых сельско-городских отношений оказывает нарастающее негативное влияние на все стороны жизни общества. Вряд ли нужно доказывать, что типичный образ жизни крупнейших городов исключает качество и комфорт, которые обеспечиваются жизнью на природе в индивидуальном усадебном жилище, в сельской местности, малом городе или, как минимум, в пригороде большого города.

С этой точки зрения содержащиеся в рассматривавшейся выше «Концепции» соображения о «приближении села к городским жизненным стандартам», равно как и положения о «сокращении межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровне и качестве жизни сельского населения»¹, следует рассматривать как дань инерционного мышления уходящему времени. В самом деле городские жизненные стандарты наряду с известными привлекательными моментами, которые, скорее всего, имеются в виду в «Концепции», содержат и множество негативных моментов. Среди них: скученность и теснота проживания в малогабаритной квартире,

¹ Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. – С. 7. [Электронный ресурс]. <http://www.government.ru/gov/results/13358/>

транспортная усталость, плохая экология. Вряд ли необходимо село приближать к таким городским жизненным стандартам.

Нельзя село подстраивать под город. Равно как и город не может и не должен подстраиваться под сельскую жизнь. У города и села своя миссия и свои жизненные стандарты. Поэтому их правильно рассматривать в контексте конгруэнтности, взаимного соответствия и дополнения¹.

Это значит, что само существование города и села в пространственной организации общества требует их равновесного состояния. В таком случае обеспечивается свободное движение и связность социальных отношений как внутри самих этих двух основных типов пространственной организации общества, так и между ними. Устойчивое развитие села предполагает устойчивое развитие города и систем расселения, составной частью которых являются оба: и город, и село.

В целом устойчивость пространственной организации общества тесно связана с поддержанием равновесия сельско-городского континуума, благополучием, доступностью и привлекательностью составляющих его поселений. Указанное обстоятельство весьма важно учитывать как в текущей социально-экономической политике, так и в планах перспективного развития.

¹ Пациорковский В. В. Социология расселения как специальная социологическая теория //Социологические исследования. 2012, № 4. – С. 25–34.

ГЛАВА 7

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕЛА

Стремление превратить отечественное сельское хозяйство в ресурс устойчивого экспорта, подобно энергоносителям, строится на представлениях, не учитывающих социокультурные потери села последних двух десятилетий. При рассмотрении культуры в качестве инструмента преобразования и развития общества перспективен акцент на содержание в ней смыслов и представлений, которые определяют поведение людей в повседневной жизни, оказывают влияние на социальное конструирование реальности.

Выбор сценариев, политики поддержки села определяется не только объективными возможностями «бензиновой страны», но и тем, какое место в ценностном, когнитивном, эмоциональном аспектах представлена агросфера. Здесь очевидно влияние системы смыслов и представлений, которыми руководствуются в отношении села управляющий центр и разные другие агенты отраслевого управления и рынка. В результате возникают парадоксальные ситуации и кентавр-проблемы¹, которые, тем не менее, нельзя рассматривать как некий итог злого умысла. Мировое общество столкнулось с тем, что наследуемый исторический опыт не может в полной мере соответствовать новым потребностям и сложившемуся репертуару отношений между социальными группами, старой и новой элитой, разбогатевшими и обедневшими слоями.

В результате одни области жизни развиваются и обновляются, другие пребывают в кризисе созидания, третьи деградируют или существуют в формате неоархаики. Агросфера, включающая территорию, население, разные хозяйствственные организации, производственную и социальную инфраструктуру, управленические ресурсы, не обладает признаками автономности, полностью зависит от социетальных изменений политического ландшафта в стране, уровня институализации.

«Период с конца 90-х – начала 2000-х годов и по настоящее время можно определить как этап экономических преобразований, суть которого в списке тех форм и институтов, которые позволяют сделать сложившуюся систему экономически и социально эффективной, отвечающей требованиям национальной конкурентоспособности страны в XXI веке. И ныне можно говорить «о создании целостной системы правовых и экономических институтов, имеющих определенные признаки адекватности (подч. нами

¹ Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа): монография / Ж.Т. Тощенко. – М.: Новый хронограф, 2011; Левашов В. К. Социо-политическая динамика российского общества (2000–2006). – М., 2007.

П.В., А.В.) современной рыночной экономике»¹. Говоря по-другому: система правовых и экономических институтов до сих пор содержит признаки неадекватности «подлинной» рыночной экономики.

Несовершенная институциональная база, равно как факты, случившиеся в жизни в результате самоорганизации хозяйственной и социальной жизни села, не лишенной стихийности, становятся ныне фундаментом, на котором строятся смыслы и представления, осуществляется дальнейшее конструирование сельской реальности на разных уровнях управления: федерации, региона, локальных территориальных образованиях и отдельных сел.

Исследования социальных трансформаций постсоветского общества (Т.И. Заславская, М. Буровой, В.А. Ядов) показали, что на этапе перехода от одного состояния к другому действуют управляемые и стихийные процессы, которые имеют при этом затяжной характер. В итоге рубежные результаты могут существенно отличаться от мыслимого образца. Именно такая ситуация не минула и российскую агросферу. В цели аграрной реформы не входило: а) чтобы сельские семьи, получившие земельные наделы в частную собственность, оказались бы отстраненными от их рационального использования; б) что сельскохозяйственные предприятия станут очень небольшими по объемам производства и поэтому не смогут предоставить всем нуждающимся рабочие места; в) что широкомасштабная презентация в публичной риторике фермерства не будет соответствовать тем ресурсам, которые найдет государство на его поддержку; г) что социальный и человеческий капитал той категории сельских жителей, кто мог бы интегрироваться в фермерский сектор, окажется незадействованным и станет медленно увядать; д) что самые энергичные, здоровые и квалифицированные жители села будут реализовывать себя не в аграрном производстве, и на случайно найденной работе за пределами своего села. Время делает свое дело и по истечении двух десятилетий указанные несообразности уже воспринимаются как должное и неотъемлемое сельских реалий.

Рассмотрим ряд областей агросферы, которые, являясь полями дискурсов и конструирования на разных уровнях управления, находятся в затяжном рассогласовании с общезначимыми национальными целями.

Ресурсы, оставшиеся от колхозно-совхозной организации аграрного производства. Сравнительно небольшой перечень объектов (пашня, машинно-тракторный парк, скот, животноводческие строения, зернотока, дома культуры, школы, библиотеки) предстает в оценках аппаратов управления как «нормальная» неизбежность перехода их в заброшенное бесхозное состояние. Жители сел, на глазах которых произошла эта новация, вначале

¹ Гринберг Р.С., Горшков М.К. Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (пятьдесят тезисов о главном) // Мир перемен. – № 1. – 2012. – С.10.

воспринимали ее с горьким сожалением, а затем опривычили, поставив в ряд других акций разорения деревни.

Социальное благополучие и защищенность жителей села еще одна область несовпадения смыслов создателей версий социальной политики и тех, кому она адресуется.

Расчет, проведенный журналом «Эксперт», основанный на применении индекса изменения покупательской способности среднего месячного дохода по 90 видам товаров и 36 видам услуг, показал, что реальный доход 85% населения России превышает позднесоветский уровень¹. Однако доход, превышающий этот уровень в три раза, имеют только 10% граждан, зато беднейшая часть сегодняшней России имеет доход даже меньший, чем бедняки в конце 90-х годов. В число проигравших среди профессиональных групп входят массовые рабочие базовой квалификации (токарь, сварщик, электрик и др.), инженерно-технические работники, учителя, врачи, научные работники, оплата труда которых составила от 0,4-0,6 до 0,8-0,9 от уровня среднероссийской зарплаты. Но дело не только в соотношении размеров выплат: начиная с 60-х годов и до начала 90-х годов, гражданам СССР государство предоставляло много благ бесплатно или за символическую плату: путевки в санаторий, спортивные комплексы, рыболовные и охотничьи угодья, не говоря о такой ценности, как обучение (от школы до вуза), ныне «обросшие» разными формами платности на официальном и неофициальном уровнях. Большинству современных россиян доступен ограниченный набор благ: еда, алкоголь, одежда, простой телевизор, в лучшем случае скромная машина «Жигули» или дешевая подержанная иномарка. Исчез «свободный остаток денег» на сбережения, кино, театр, музеи, санатории, поездки к родным в другой город.

Поэтому в общественном дискурсе часто используется метафора неравенства в терминах «две России», отражающая неравномерность распространения благополучия и неблагополучия граждан страны.

Повышение зарплат сегодня волнует подавляющее число профессиональных групп. Наиболее низкооплачиваемым государственная власть понемногу их увеличивает, но это крайне сложно осуществлять в аграрной сфере, в ее коренных звеньях, для людей, живущих на земле и в основном за счет земледельческого труда, обеспечивающего материальное благополучие. Крупхозы не нуждаются в большом количестве трудовых ресурсов и не несут никакой ответственности за сокращение безработицы в селах их базирования. Поэтому тот, кто имеет работу, может получить некие плюсы, если государство установит, например, гарантированный размер часа работы, как в странах Запада, ниже которого работодатель оплачивать труд

¹ Дотянуться до ценных элементов бытия (редакционная статья). // Эксперт. 11-17 апреля. – 2011. – С 17-26.

не сможет. Могут быть и другие механизмы повышения оплаты, но они опять-таки коснутся незначительной (относительно всех) части жителей села.

По данным государственной статистики среднесписочное количество работников сельского хозяйства равно 2,7 млн., а реально занятых круглый год и того меньше. Предположим, государство приняло некие экстраординарные меры, и оплата в сельском хозяйстве повысилась. Средняя семья сегодня состоит из супругов и одного-двух детей. Значит, 6-7 миллионов жителей села улучшат свое благополучие. Но это составляет одну шестую часть населения, живущего в сельской местности. Семьи, из которых ни один человек не получил рабочего места в крупхозах, останутся на неизменном уровне жизни, если не сумеют что-то предпринять самостоятельно. Подступить к решению благополучия этой части сельских жителей через институт зарплаты невозможно, ведь их фактическое положение – безработные, и только наличие семейного хозяйства (ЛПХ) удерживает от такого унизительного статуса.

Однако в составе сельского населения велика доля (которая постоянно возрастает) лиц предпенсионного и пенсионного возраста, которые не в состоянии много работать на своем подворье. Достаточно указать на то, что 83% семей имеют под огородами от 0,15 до 0,4 га земли, на которых развернуть товарное хозяйство фактически невозможно. И только 17% семей имеют полевые участки от 4 до 9 га, возделывание которых может приносить ощутимые результаты.

Управленческие ресурсы в агросфере стали менее эффективными. В советское время на агропромышленный комплекс были замкнуты, кроме специализированного министерства сельского хозяйства, и ряд других, прямо влияющих на разные стороны функционирования территорий субъектов (промышленные предприятия, вплоть до ВПК, где размещались заказы на изделия аграрной направленности). На уровне консультаций, советов, предупреждений и взысканий колхозным менеджментом управляли районные и властные органы. Они же следили за подбором кадров управления низовыми хозяйственными организациями с точки зрения деловых качеств, порядочности и преданности тем, кто их выдвинул. Сговор по поводу улучшения показателей работы хозяйственных организаций был затруднен, поскольку имелось еще несколько уровней централизованного контроля.

Управление сельским хозяйством рыночного типа строится на самостоятельном выживании хозяйствующих субъектов в пространстве угроз и вызовов, идущих от конкурентов, несбалансированности стоимостных показателей ресурсов, без которых хозяйствование затруднено или невозможно вовсе. Местные и муниципальные органы не наделены властными

полномочиями для выполнения таких функций управления как подбор кадров, их аттестация, продвижение.

В соответствии с современным культурным нормированием в руководство коллективных хозяйств продвигаются индивиды, замкнутые на интересы разных собственников, которые инвестируют хозяйствование, часто тех, кто набил руку на обменных практиках. Поэтому главой сельскохозяйственного производственного кооператива или акционерного общества может оказаться не специалист-технолог, а человек вообще далекий от сельских проблем, но облаченный доверием инвесторов (хотя истинный смысл интереса последних к ресурсам: земле, постройкам, технике – остается тайной как для властей, так и местного сообщества)¹.

Несмотря на потерю атрибутов устойчивости жизни села, в деревне сохраняется потенциал духовности, воплощение которой проявляется как в понимании отношения к миру (сопереживание, обращение к смыслу вечного, красоты, добра и истины), так и в социальном действии, направленном на гуманное изменение действительности. Сельский социум включает разные социальные и профессиональные группы, различающиеся по уровням культуры. Кроме того, свое влияние оказывают этнические факторы, специфика преемственности между социокультурными новациями и традициями в жизни разных регионов.

Общими ценностями, присущими жителям современного села, которые наиболее часто называют представители разных социальных групп, являются: здоровье, физическая сила и выносливость; трудолюбие; полипрофессионализм, владение необходимым в жизни набором навыков и умений; честность, справедливость; забота о благополучии семьи («все в дом»); скромность в быту (не выยичивать свое богатство); наличие родственников и друзей, способных в трудный момент прийти на помощь; отзывчивость на несчастья односельчан; способность постоять за себя и защитить права слабых; осторожность в отношении новаций (сначала «все взвесить, посмотреть как другие, принять решение не торопясь»); наличие воли, позволяющей «пить в меру», не злоупотреблять алкоголем².

Этими ценностными ориентирами в основном и руководствуются сельские жители в своей жизнедеятельности, в определенной степени распространяя их в сообществах городов, чему способствует как высокий удельный вес недавних выходцев из села, заполнивших в ранний и среднесоветский период многие рабочие места городов, так и довольно частая возвратная (маятниковая) миграция горожан в деревню к своим родствен-

¹ Институт рейдерства в России овладел многообразными методами захвата чужой собственности, втягивая в это черное большое число игроков, в том числе из властных структур. Астахов П.А. Рейдер: Роман / Павел Астахов. – М., Экспо, 2008.

² Великий П.П., Елютина М.Э. и др. Старики российской деревни. – Саратов: Изд-во «Степные просторы», 2000. – С.60.

никам. В то же время реальные культурно-нравственные практики нельзя идеализировать: как в прошлой культуре крестьянства, так и в современной есть немало парадоксальных моментов. Эти группы в разной степени замкнуты на институты социальной сферы. Так, молодежь нуждается в такой производственной среде, в которой предоставляется интересная работа, возможность реализации творческого потенциала, а пенсионерам нужны социальные работники, регулярное получение пособий и т. п. На наш взгляд, наиболее полно отвечает реальному положению современного сельского населения такая типология, в основе которой лежит уклад жизни семей, ныне слабо замкнутой на профессиональную деятельность в общественно (коллективно) организованном производстве, но сильно детерминированной самодеятельным добыванием ресурсов выживания.

Сельское сообщество включает ряд групп, которые сложились в результате преломления смыслов реформ в конкретные результаты: работники коллективных хозяйств и их семьи, частично занятые в общественном, частично и в семейном хозяйстве; фермеры, самозанятые обычным и «эксклюзивным» хозяйствованием (пчеловоды, звероводы); отходники; пенсионеры (семейные и одинокие) по возрасту; безработная молодежь; инвалиды.

Изменились поля культурного влияния: сократилась социальная инфраструктура, низкий технический уровень сельскохозяйственного производства не стимулирует повышение образования и профессионализма рядовых работников. Существует и такой феномен, который можно назвать «город в деревне». Это «механизированные коробейники», регулярно приезжающие из города с товарами, нужными для обихода сельской семьи, и городские родственники и другие лица, посещающие деревню с pragmatischenami целями и для духовного общения.

Другой блок общения может называться «деревня в городе». Это взаимодействие сельских жителей с медицинскими учреждениями в качестве пациентов, культовых – как прихожан, банков – как клиентов, органов власти – как лиц, озабоченных решением трудноразрешимых проблем, городских родственников для делового и праздного общения и т. д. Однако наиболее устойчивым и способствующим смене сельских ориентиров жизни на городские имеет маятниковая трудовая миграция сельских жителей в города, которая получила широкое распространение¹.

Эти поля культурного пространства в неравной степени используются разными группами населения. Во-первых, села и деревни различаются по людности, из которых мелким и средним по нормативам многие учреждения социальной сферы просто не полагается иметь. Во-вторых, среди

¹ Великий П.П. Несоотходничество или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. 2010. – № 9. – С. 44–50.

сел, где эффективно действуют коллективные хозяйства и фермеры, большой удельный вес уже два десятилетия занимают поселения, где вообще нет работодателя. Отсюда встает проблема группировки сел по социальному потенциалу, что открывает перспективу конструирования схемы институтов, позволяющей вывести такие села из стадии стагнации.

Произошедшее расхождение между мыслимыми моделями хозяйствования и теми, которые воплотились в жизнь, скорректировало одни ее стороны, существенно преобразовало другие. Очевидным следствием явилось то, что сельская семья, не получив нужной техники из приватизированной собственности колхоза и не имея средств ее приобрести, вынужденно реализует стратегии, в которых их потенциал реализуется не лучшим образом. Члены ее становятся либо наемными работниками у фермера, либо в сельскохозяйственных организациях, где, не обладая большой долей собственности, фактически не выходят из статуса наемных работников. Особо следует отметить факт резкого снижения потребности новых укладов в специалистах – технологах (агрономах, инженерах, зоотехниках, ветврачах), которые сразу же после ликвидации колхозов стали лишними. Фермер, сам, как правило, имеющий сельскохозяйственное образование, не будет держать большой штат специалистов-технологов, часто отказывается даже от единственного агронома.

Таким образом, сельская реальность упорядочилась как-то по-иному, чем это сохранялось не одно десятилетие в нашей агросфере. Однако, несмотря на сложные социально-экономические условия, это не помешало выделить группы индивидов активной жизненной позиции, которая реально определилась в реальные результаты. Помимо фермеров и индивидуальных предпринимателей существует значительная по удельному весу часть состава владельцев семейных хозяйств, которая вносит львиную долю в производство продуктов, поступающих на рынок от всего этого сектора частного хозяйствования (ЛПХ)¹.

Можно предположить, что данная группа отличается специфическим уровнем культуры, который оказался более эффективно адаптирован к условиям аграрной экономики. Одни больше опираются на предпримчивость или профессионализм, другие – на физическую силу, выносливость, третьи – на ресурсы социальных сетей. Т.е можно говорить о такой черте их образа, как конструктивность, и в то же время не проявленном или частично проявленном их потенциале. В этой связи возникает ряд актуальных научных гипотез:

1. Проблематизация жизнедеятельности групп конструктивного потенциала на методологическом и методическом уровнях должна опи-

¹ Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012. – С. 222–226.

раться на основные цели функционирования села и АПК. Пока государство не принимает мер для обеспечения занятости сельских жителей путем создания новых сельскохозяйственных организаций, эта группа сохраняет себя посредством самозанятости, что актуально с позиции будущего.

2. Важным индикатором конструктивности потенциалов является область деятельности, на которую направлена активность. Хотя она может оказаться как аграрной, так и не аграрной ориентации (человек в демократическом обществе свободен в выборе трудовой занятости), но с точки зрения перспективных целей развития АПК особого внимания заслуживает аграрная деятельность.

3. Методика измерения конструктивности их проявленного потенциала должна оперировать количественными и качественными данными: количеством членов активного трудового возраста в семье и показателями экономической результативности деятельности.

4. Измерение непроявленного конструктивного потенциала возможно посредством, в основном, качественных методов социологии, которые будут направлены на: а) ценности благополучия и установки на способы изменить ситуацию, не удовлетворяющую индивидов; б) результаты активной жизненной позиции, проявленные индивидами; в) жизненные проекты, обладающие конструктивными началами.

5. Стратегия государства по поддержке выделенных групп (проявленного и непроявленного конструктивного потенциала) специфична тем, что требуется взаимодействие по принципу «не навреди». Это связано с тем, что они реализуют свой конструктивный потенциал на самоорганизации, который можно не только усилить, но и разрушить. Поскольку в лице этих групп появляется возможность расширения субъектов аграрного хозяйствования, все формы поддержки, сочетающие государственные и рыночные ресурсы, должны применяться в полном ассортименте.

6. Поскольку сельский социум представляет собой совокупность не одних только сельских сообществ, но включает также кадры органов и организаций, ответственных за разные стороны жизни на уровне низовых муниципальных образований, районных административных образований и областей, то вопросы поддержки, контроля и осуществления мобилизационных проектов могут рассматриваться в терминах конструктивности их потенциалов. Методологически это будет означать применение к анализу их деятельности теорий управления и менеджмента, а оценки результативности – посредством выявления фактов обновления жизни сельских сообществ, распространения инноваций на сельскохозяйственных предприятиях, у фермеров и в семейных хозяйствах.

Итак, современная аграрная политика продолжает сохранять смыслы, противоречащие между собой и генеральным целям сохранения продовольственной безопасности.

1. Аграрному производству нужны кадры, но новые объекты, где реализовывалась бы трудовая занятость, не создаются, а ранее созданные сокращаются.

2. Общий тонус социального настроения жителей села низок: никаких позитивных перспектив для реализации себя в сельской среде не предлагается.

3. Уроки губительного для агросфера проекта селения «неперспективных» деревень известны, но схожая акция проводится вновь (ликвидация школ и медицинских учреждений).

4. Участие сообществ в демократических институциях декларируется, но линия сосредоточения средств производства у крупных собственников в специфических сельских условиях (отсутствие опыта защиты своих интересов у производственных персоналов) подменяет согласование интересов принуждением одной стороны другой.

Литература:

1. Тощенко Ж.Т. Кентавр-проблема (Опыт философского и социологического анализа): монография / Ж.Т. Тощенко. – М.: Новый хронограф. 2011.
2. Левашов В.К. Социо-политическая динамика российского общества (2000-2006). – М., 2007.
3. Гринберг Р.С., Горшков М.К. Двадцатилетие российских реформ в оценках экономистов и социологов (двадцать тезисов о главном) // Мир перемен. № 1. – 2012. – С. 10.
4. Дотянуться до ценных элементов бытия. (редакционная статья) // Эксперт. 11-17 апреля. – 2011. – С. 17-26.
5. Кто нам лжет? АИФ. 25-31 мая. 2011. – С.10.
6. Институт рейдерства в России овладел многообразными методами захвата чужой собственности, втягивая в это черное дело большое число игроков, в том числе из властных структур. Астахов П.А. Рейдер: Роман / Павел Астахов. – М.: Экспо. 2008.
7. Великий П.П. Елотина М.Э. и др. Старики российской деревни. – Саратов: Изд-во «Степные просторы», 2000. – С. 60.
8. Великий П.П. Неоотходничество или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. – 2010. – № 9. – С. 44-50.
9. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012. – С. 222-226.

ГЛАВА 8

СЕЛЬСКИЙ СОЦИУМ: МИРООЩУЩЕНИЕ СЕЛЬСКОГО ЖИТЕЛЯ

Социальная сфера современного российского села требует не только пристального внимания, но и незамедлительного действенного реформирования, которое является делом очень трудоемким и долговременным. Экономический кризис сказался на социальной инфраструктуре села, на условиях труда и быта. Немаловажно и то, что в сельском обществе сложилась атмосфера постоянного социального напряжения среди обедневших его слоев. Жизненный уклад сельских людей тесно связан с деятельностью сельскохозяйственных предприятий, которые обеспечивают их работой, помогают вести личное подсобное хозяйство, содержат социальную инфраструктуру. Вследствие проводимых аграрных реформ многие сельхозпредприятия прекратили свою деятельность, половина действующих – едва держится «на плаву». Так, за период с 1990 по 2013 год количество сельскохозяйственных организаций в Костромской области сократилось с 358 до 282 единиц. Последствия аграрных реформ негативно сказались на социальных условиях жизни сельских людей. Состояние сельского социума во все времена и эпохи зависело от аграрной политики государства. Дело здесь в том, что сельскохозяйственное производство всегда было сферой, связанной с большими экономическими рисками, оно всегда требовало государственных дотаций и протекционизма. Особенно в таких областях, как Костромская, которая является зоной рискованного земледелия, а в зимний период население занималось отходничеством. Но ошибочно рассматривать эту сферу только в разрезе экономических отношений, аграрная политика не ограничивается только продуктивностью отрасли. Весь советский и постсоветский период развития государства связан с падением численности сельского населения. Последние годы речь идет о сохранении крестьянства как класса и сохранении сельских поселений. По данным Костромстата, число сельских населенных пунктов с 3469 в 1989 году снизилось до 2301 в 2010 году. Увеличивается число сельских населенных пунктов, не имеющих постоянных жителей. За 5 лет доля сельского населения в трудоспособном возрасте сократилась на 6,4 тыс. человек (или на 5,1%). Численность сельского населения за 5 лет сократилась на 23,2 тыс. человек (или на 10,5%)¹.

¹ Костромская область. Статистический ежегодник: Стат.сб. / Костромстат. – К, 2012. С. 35.

Распределение сельских населенных пунктов по числу жителей

	Число сельских населенных пунктов		
	1989	2002	2010
Сельские населенные пункты – всего	3469	2809	2301
из них с числом жителей, человек:			
до 10		1274	1098
11-50	2620	816	599
51-100	305	240	191
101 и более	544	479	413

Хотелось начать данную главу с краткого обзора публикаций других авторов на данную тему. Однако эта задача оказалась плохо выполнимой, т.к., во-первых, самих публикаций по проблемам аграрной социологии или социологии села мало, например, в журнале «Социологические исследования» за 2011 год не было ни одной, за 2012 год только в первом номере журнала три статьи под рубрикой «Социология села». В других источниках основная часть материалов посвящена экономическим аспектам сельскохозяйственной отрасли, отношениям «государство-бизнес», анализу статистических данных, за которыми не видна жизнь сельского населения. Во-вторых, собственно социологических исследований сельского социума я не нашла. В большинстве аналитических материалов данные по сельскому населению используются только для того, чтобы сравнить его с городским, а что происходит внутри сельского социума, таких исследований очень мало.

Поэтому начать разговор о сельском социуме как системе отношений с точки зрения поведенческих характеристик мне хотелось бы с анализа результатов исследований, которые проводились с 1993 по 2000 год Центром социологических исследований МГУ им. М.В. Ломоносова, в котором я участвовала в качестве руководителя по Костромской области. Это дало мне возможность пользоваться всероссийской базой данных результатов данного проекта. Используя возможности программы обработки SPSS, я провела анализ для проверки некоторых гипотез. Первую гипотезу я сформулировала следующим образом: традиционный анализ по группам городское население и сельское по отношению к России является своего рода натяжкой. Связано это с тем, что в поселенческой структуре страны есть такие типы поселения, как малые города и поселки городского типа. Например, в Костромской области есть восемь городов областного подчинения, в которых проживает 198 тыс. человек. Я обратила внимание на то,

что противоречивость оценки этой категории населения заключается в том, что по административному делению оно считается городским, но по образу жизни, по состоянию массового сознания – это сельское население. Оно живет в условиях неразвитой инфраструктуры и массовых коммуникаций за счет подсобного хозяйства, оно инертно в экономическом поведении, т.к. чаще всего не имеет возможности даже выбирать для себя сферу деятельности. Население, проживающее в малых городах России, – это особая группа в структуре российского общества, удельный вес которой не позволяет нам не выделять ее отдельно, так как влияние этой группы на поведение российского населения существенно. А разницу в поведении можно увидеть по ответам на одни и те же вопросы, выделив группы по месту жительства. Так, против рыночной экономики, высказалось 38,8% жителей села; 29,1% жителей города не являющегося областным центром; 20,7% жителей областного цента и 11,9% жителей поселка городского типа.

По результатам исследования, проведенного по репрезентативной для Костромской области выборке, разница в оценке своего материального положения между городским и сельским населением выглядит следующим образом:

Таблица 2
Оценка жизненного уровня со стороны городского и сельского населения

Оцените свой жизненный уровень		Городское	Сельское
Вариант ответа:			
Живу в полном достатке		0,9	0,8
Мой жизненный уровень выше среднего		2,2	1,6
Живу средне		28,6	25,6
Мой жизненный уровень ниже среднего		42,3	37,3
Не могу свести концы с концами		22,9	31,9
Затрудняюсь ответить		2,6	2,6

Каждый раз, раскладывая данные по признаку места жительства, выявляется не только разница во мнениях и поведении между городским и сельским населением, но и совпадение поведения сельского населения и населения, проживающего в городах областного подчинения. Поэтому в Костромской области по административно-территориальному признаку превалирует городское население, оно составляет 466 тыс. человек, а по поведенческому – сельское.

Вторая гипотеза связана с процессами миграции сельского населения в город. Поэтому гипотеза была такая: Россия – крестьянская страна по самому уровню массового сознания. Об этом говорит не только количество проживающих в населенных пунктах сельского типа, но и качество населения, проживающего в крупных городах. Довольно большое количество

из этих людей – это мигранты из сельской местности, которые переехали в город после 16 лет. Обработка имеющихся данных позволила проследить состояние миграционных процессов на протяжении примерно 80 лет. Исходя из проведенного анализа, получилось, что городское население в первом поколении по своему составу также представлено мигрантами из сельской местности. Это можно проследить по данным, полученным по вопросам: Где Вы родились? Где Вы провели большую часть своего детства? В каком возрасте Вы переехали в город?

Таблица 3

По результатам опроса в 1993 году (N=4120, % от числа опрошенных)

Варианты	Родились	Провели детство
В столице республики, областном центре	15,5	16,9
В городе более 200 000 тыс. жителей	7,9	7,8
В городе от 50 до 200 тыс. жителей	9,7	11,0
В городе до 50 тыс. жителей	9,5	10,4
В поселке городского типа	8,0	8,5
В сельской местности	47,9	43,5

В подтверждение этой гипотезы можно посмотреть то же самое на массиве 1995 года.

Таблица 4

По результатам опроса в 1995 году (N=3860, % от числа опрошенных)

Варианты	Родились	Провели детство
В столице республики, областном центре	15,2	16,5
В городе более 200 000 тыс. жителей	8,4	9,4
В городе от 50 до 200 тыс. жителей	11,3	12,1
В городе до 50 тыс. жителей	8,4	8,4
В поселке городского типа	6,1	6,7
В сельской местности	50,5	46,8

На момент проведения всероссийских опросов по месту проведения интервью население было представлено по административно-территориальному делению таким образом:

Таблица 5

**Распределение респондентов по месту проведения опросов
(% от числа опрошенных)**

Место проведения интервью	1993 г. N=4120	1995 г. N=3860	1996 г. N=3824
Краевой, областной центр	34,7	37,2	36,5
Город, не областной	32,1	29,0	31,8
Поселок городского типа	9,3	3,9	6,0
Деревня	22,5	30,0	25,7

По ответам на вопрос: «В каком возрасте Вы переехали в город?» основные возрастные группы представлены следующим образом: 11-15 лет – 16%, 16-20 лет – 36,7%, 21-24 года – 10,4%.

Все это подтверждает гипотезу о том, что основная часть мигрантов – это люди, переселившиеся в город после 16 лет. На основе социальных установок складываются конкретные типы поведения, в том числе и социокультурные типы отношений людей к политической и экономической трансформации общества. Как известно, ценности – это обобщенные цели и средства их достижения, которые являются фундаментальными нормами. Они играют роль интеграторов, помогая людям осуществлять социально одобряемый выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях. Система ценностей выступает важнейшим мотиватором социального действия. Базовые ценности формируются в период первичной социализации индивида к 16-18 годам и остаются достаточно стабильными на протяжении всей его жизни. Изменения системы ценностей происходит лишь в кризисные периоды жизни человека или социальной среды. Но эти изменения больше касаются не их состава, а их иерархического соотношения друг с другом. Одни ценности получают более высокий ранг, другие становятся менее значимыми. В этом выражается изменение их социокультурного смысла для индивидов и других социальных субъектов. Особенностью формирования новой социальной структуры российского общества является то, что в этом процессе участвуют поколения, большая часть которых родилась и выросла в сельской местности. Массовое сознание этих людей характеризуется тем консерватизмом, который играет роль не стабилизатора социальных отношений, а роль тормоза в восприятии инноваций. Это объясняет высокий уровень консерватизма жителей России и невосприимчивость большей их части к каким-либо нововведениям, а также патерналистский тип сознания. По данным статистики, удельный вес городского населения, определяемого по административно-территориальному признаку, составляет 83%. Если же взять за основу поведенческие признаки этой группы, то получается, что чисто городского населения в России не более 25% от общего числа, к таковому мы относим тех, кто является городским жителем во втором поколении. Таким образом, Россия – это государство, где экономическое и политическое поведение, а также состояние массового сознания определяются большей частью сельским населением, отличающимся более консервативными взглядами, тяготеющим к традиционным социальным институтам. Эмпирические данные показывают, что городское население является более демократичным, оно быстрее усваивает либерально-демократические ценности, оно экономически более активно, более подвижно, чем сельское. Большой удельный вес маргинального населения в городах, а также традиционно

консервативного сельского населения не позволяют быстро перейти к институту частной собственности в России. Путем обработки данных удалось увидеть, что среди тех, кто провел большую часть детства в сельской местности 29% против рыночной экономики и 53,5% против купли и продажи земли. А среди горожан во втором поколении таких – 11,6% и 25,4% соответственно. Или среди тех, для кого результаты предстоящих выборов совсем не важны, 40,3% мигранты из села и 28,6% горожане во втором поколении. Не поддерживают куплю и продажу земли 58,5% мигрантов из сельской местности и 15,7% горожан во втором поколении. 40,7% считающих, что люди, желающие возврата к сталинизму, (безусловно, они должны иметь право свободно выражать эти мысли), родились в сельской местности, против 26,1% горожан, которые также с этим согласны. Эти данные подтверждают гипотезу о том, что основная часть сельского населения мигрирует в город с уже сложившимися стереотипами, сложившейся системой ценностей и социальных установок. Таким образом, можно сказать, что та часть населения, которую мы считаем городским, по своему составу включает в себя довольно большую маргинальную прослойку, оказывающую существенное влияние на поведение той группы населения, которую мы рассматриваем как городское. Этот факт должен помочь нам понять, почему российское общество является консервативным по своим экономическим и политическим взглядам, которое не готово к быстрому овладению либерально-демократическими ценностями, не готово к инновационному поведению. Огромные слои народного большинства склонны субъективно одобрять старые социальные установки. На формирование новой социальной структуры это оказывает заметное влияние, речь идет, прежде всего, о снижении интегрального уровня развития всей системы. Скорость институциональных преобразований намного превышает скорость изменений традиционной институциональной среды. Характер современных социальных процессов позволяет нам найти закономерности, характерные для состояния общества в период глубоких структурных изменений. Движение общества к новой неопределенной социальной структуре порождает маргинальные явления, но и имеющиеся маргинальные явления влияют на проведение реформ. Наличие таких маргинальных процессов порождает различные типы социального поведения. В связи с этим должна сказать, что в начале 90-х, когда стало формироваться фермерское движение, у меня был опрос первых фермеров, появившихся в Костромской области. Большой частью это были горожане, которые поехали в сельскую местность организовывать свои хозяйства, а колхозники, у которых появились свои паи, не пустились в это движение. Мне кажется, что основная причина именно в инертности, консерватизме и патернистском типе сознания сельского населения. По прошествии времени, встречаясь со

знакомыми фермерами, я узнавала, что их неудачи были связаны не с тем, что они не смогли освоить крестьянский труд, а с отсутствием какой бы то ни было аграрной политики, системы кредитования и протекционизма со стороны государства в их отношении. Вследствие чего число фермерских хозяйств за период с 2000 по 2011 год сократилось с 735 до 521.

Хотелось бы затронуть такой аспект жизни сельского социума как подсобные производства и промыслы. В Костромской области данное направление развития сельской социальной сферы на протяжении многих лет занимало существенное место. Сельские подсобные производства – один из древнейших видов деятельности человека, даже более древних, чем само сельскохозяйственное производство. Большинство промыслов в Костромской области возникло в середине 19 века и пользовалось поддержкой государства. С целью поддержки проводились кустарные выставки, в том числе зарубежные, на которых производители принимали участие бесплатно, получая деньги за реализацию продукции. Считалось, что промыслам необходимо гарантированное обеспечение сырьем и сбытом готовой продукции, все остальное они в состоянии сделать самостоятельно.

В современных условиях проблема развития подсобных производств и промыслов в сельском хозяйстве нередко понимается как возрождение кустарных промыслов. Однако это понимание односторонне. Безусловно, большое значение имеет возрождение старых традиционных промыслов, но, в первую очередь, речь идет о развитии новых видов, основанных на современной технической и технологической основе и отвечающих требованиям нового времени. Одним из направлений социального развития села на современном этапе может быть создание или расширение сферы деятельности подсобных производств и промыслов в качестве вспомогательной отрасли сельскохозяйственных предприятий. Подсобные производства, не связанные с сельским хозяйством, используя природные сырьевые ресурсы, способствуют сглаживанию сезонности использования трудовых ресурсов, укреплению экономики хозяйств и решению ряда социальных вопросов села. Комбинирование сельскохозяйственной и не сельскохозяйственной деятельности позволит более рационально использовать ресурсы основного производства, приносить прибыль и улучшить финансово-экономическое положение сельского населения. Инвестирование основного производства за счет получения дополнительной прибыли от деятельности подсобных промыслов в свою очередь помогло бы реализации социальных программ на селе. При том уровне бедности, который сложился в сельской местности, основной задачей является повышение уровня жизни, что тесно связано с расширением экономической активности сельского населения.

В российской деревне экономический кризис вызвал неполную занятость и безработицу среди многих групп населения, в первую очередь молодежи, которую и раньше мало привлекали сельский труд и жизнь в деревне. Безработица на селе – не новое для общества явление. Даже в пору наивысшего экономического подъема в дореволюционной России на селе был избыток трудовых ресурсов. Это способствовало, с одной стороны, росту ремесел и промыслов в деревнях, а с другой – вынуждало сельское население заниматься отходничеством и переселяться в города. Ограниченность возможностей трудовой занятости и в настоящее время вызывает острые социальные проблемы, приводит к миграции рабочей силы, количество трудоспособного сельского населения в 2011 году составило 116 тыс. 791 человек. С середины 90-х мужское население включилось в работы вахтовым способом, уезжая на заработки в Москву и Санкт-Петербург. В сельском хозяйстве резко снизилось профессионально-квалификационное качество кадров, упала заинтересованность в производительном труде и производительность самого труда. В сельскохозяйственных предприятиях работают в основном женщины, 40% руководителей этих предприятий – женщины. В результате недостаток профессиональных кадров в агропромышленном комплексе на 1 января 2009 года составлял 1186 человек, в том числе руководителей и специалистов – 323 человека, трактористов-машинистов – 362 человека, рабочих животноводства – 257 человек, рабочих полеводства – 119 человек, прочих кадров – 125 человек.

Ухудшается качественный состав кадров сельского хозяйства. В 2008 году среди руководителей и специалистов, занятых в сельском хозяйстве, среднее профессиональное образование имели 48% работников, высшее – 34%; из общей численности рабочих среднее специальное образование имели 11,7% работников, высшее – 1,5% работников.

Уровень интенсивности труда можно оценить по результатам исследования, проведенного автором в 2011 году по репрезентативной для Костромской области выборке. Среди сельского населения на вопрос: «Занимаетесь ли Вы какой-либо деятельностью, чтобы иметь дополнительный заработок?» – ответы распределились следующим образом: «нет» – 80,7%; «да, сезонно» – 3,1%; «да, от случая к случаю» – 12,1%; «да, несколько раз в месяц» – 0,7%; «да, постоянно» – 2,7%. При ответе на вопрос: «Занимается ли Ваш муж (жена) такой деятельностью?» – «нет» – 72,0%; «да, сезонно» – 4,6%; «да, от случая к случаю» – 20,0%; «да, несколько раз в месяц» – 0,7%; «да, постоянно» – 1,4%.

Последние годы реформ привели к резкому обнищанию населения, что в большей степени сказалось на сельском населении и связано с различиями в развитии рынка труда в городе и сельской местности. Так, соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы ра-

ботников со средним уровнем по области в сельском хозяйстве составило в 2011 году 74,3%. Поэтому основным приоритетом социальной политики на селе должно стать создание экономических и правовых условий, стимулирующих активную часть населения на производительный труд, как основу личного благосостояния. Как же складывается ситуация с развитием подсобных производств и промыслов Костромской области? Подсобные производства-промышлены наилучше развиты в отдаленных от областного центра предприятиях, где складывается наилучше тяжелая экономическая ситуация. Специфика их деятельности зависит от географического месторасположения и связана, в основном, с заготовкой и продажей древесины (предприятия северной и северо-восточной части Костромской области). Продажа леса приносит хозяйствам доход, «живые деньги», являющиеся для некоторых из них основным источником существования. Продукция подсобных производств и промыслов является доходной, удельный вес издержек в денежной выручке составляет в среднем 8...28%, максимальное значение не превышает 73%.

Степень развития подсобных производств и промыслов зависит от уровня экономического развития предприятия. В экономически устойчивых предприятиях подсобные производства и промыслы развиты незначительно (практически отсутствуют), в слабых, убыточных – денежная выручка подсобных производств в общей выручке предприятия в среднем составляет 40%, в некоторых доходит до 75%. Это означает, что в подобной ситуации сельскохозяйственные товаропроизводители практически утратили свое основное предназначение. Организация подсобных производств и промыслов способствует увеличению занятости, сглаживанию сезонного характера труда. Так, удельный вес работников, занятых в отрасли подсобных производств и промыслов, в общей численности работников предприятия составляет в среднем по области около 10%. Средний размер их заработной платы сопоставим с заработком основных работников. Продолжается явная зависимость величины заработной платы от месторасположения предприятия, размер которой значительно уменьшается по мере удаления от областного центра к периферии. Подсобные производства и промыслы могли бы сыграть определенную роль в жизнедеятельности сельских тружеников. Их развитие на качественно новом уровне могло бы внести вклад в становление сельской экономики. Однако здесь многое зависит от готовности самого населения к участию в такого рода производстве и от государственной поддержки этого направления развития сельскохозяйственной отрасли. В Костромской области уделяют внимание развитию туризма, но только в городской черте. В одном из исследований мы получали информацию для оценки степени готовности сельского населения к участию в предпринимательской деятельности в сфере туризма.

Задавался вопрос: «Хотели бы вы на основе своего домохозяйства организовать туристское обслуживание (отдых, рыбалку, охоту, сбор грибов или ягод)?» Из полученных ответов можно понять, что от желания самих людей, по их мнению, ничего не зависит. Нужны деньги, а каковы условия кредитования они знают из опыта фермеров. Качество жилья не позволяет принимать у себя туристов, да еще дороги, по которым к ним не всегда можно добраться. То есть причин для того, чтобы даже не рассматривать возможности заниматься предпринимательством в сельской местности более чем достаточно. И вина за это лежит на государственной власти, которая совершенно не занимается развитием сельской инфраструктуры, созданием необходимых условий для развития сельского предпринимательства. В ситуации, когда основные сельскохозяйственные отрасли являются низкорентабельными или убыточными, чрезвычайно важно наличие собственных вспомогательных источников финансирования, способных существенно стабилизировать экономическое положение сельского социума.

В нашей области в экономике села значительную долю занимают предприятия лесной отрасли. Специфика их деятельности зависит от географического месторасположения и связана, в основном, с заготовкой и продажей древесины (предприятия северной и северо-восточной части Костромской области). Продажа леса приносит хозяйствам доход, «живые деньги», являющиеся для некоторых из них основным источником существования. Все, что происходило с лесной отраслью за последние годы, можно выразить одним словом – полный развал на фоне безмерного и бессовестного воровства. Сегодня это привело к тому, что все предприятия по лесозаготовке и переработке находятся в частных руках, причем в большинстве случаев, не коренных жителей области. Даже в самых лесных районах области для населения большая проблема покупка дров на зиму. Много раз я слышала фразу: «Лес забирает жизнь». Это правда. Столько молодых вдов, у которых мужья погибли в лесу, столько мужчин с ампутированными ногами я видела только в лесных районах, лесников сократили, что привело к полной бесконтрольности в лесном хозяйстве, целые участки леса отдают на откуп сомнительным иностранным компаниям. Не вырубают, а вырывают все, не убирают за собой, не ведут посадки. Как результат – птица уходит, пропадают ягодники. Для населения сейчас один из способов существования – заготовка ягод и грибов. По данным нашего исследования семьи за сезон сдают лесной продукции на 50-60 тыс. рублей и живут на эти деньги целый год. Дети зарабатывают на покупку компьютеров, одежды, обуви. Но и этот источник дохода исчезает. На случай пожаров в деревнях одни лопаты. Просеки не вырубаются, техники нет. Дороги в ужасном состоянии. Во время исследования у меня все время

возникал вопрос: «Почему эти люди не держат никакого подсобного хозяйства? Даже кур нет в их подворьях. Куда девалась их крестьянская за-калка?». На этот вопрос ответ пришел от сельской интеллигенции. Оказывается, нерентабельно – содержание коровы, по их подсчетам, обходится в минус 3 тысячи рублей в год. Даже кур содержать дорого. Кормить нечем, хлеб дорогой, кормов теперь не купить. Крестьяне за всем идут в магазин, где берут часто товар «под запись», т.е. в долг. Что бы мне ни говорили по этому поводу, я убеждена: дело не в их лени и нежелании работать. Дело в том, что власть о судьбе сельского населения вообще не задумывается. Нет никаких условий для создания фермерских хозяйств, собственного бизнеса, содержания подсобного хозяйства, реализации произведенной продукции, нет никакой инфраструктуры. Сельские дети – это та часть населения, которая дискриминируется с раннего детства. Школы закрываются, сообщения практически нет, ходят пешком несколько километров, притом, что в области развелось очень много рыси. Здания школ разрушены, не ремонтируются годами, зимой сидят в классах в пальто.

За период с 1995 по 2012 год в сельской местности количество школ сократилось на 24 процента. В результате сокращения сети сельских общеобразовательных учреждений и недостаточной организации доставки к ним детей обострилась проблема доступности для сельского населения услуг образования. Из-за бездорожья часть сельских населенных пунктов остается без автобусного сообщения.

Возможность получать образование после школы ограничена. Родителям трудно содержать своих детей в городе. Одним из способов выживания стало устройство семейных детских домов. Родители берут на воспитание по шесть-восемь детей из детских домов и за счет получаемых пособий учат своих детей в городе. Очень много детей, которые растут в семьях с пьющими родителями. Очень высокий уровень инвалидизации и детей, и взрослых при отсутствии медицинской помощи. Можно сказать, что в современном российском обществе нужно говорить о геноциде сельского населения. Потому что само это население, выживая в таких условиях, говорить о себе уже не может. Оно решает свои проблемы одним способом: любыми путями отправляет своих детей в город.

На сегодняшний день, говоря о проблемах сельского социума, нельзя не поднять «земельный вопрос». Люди, которые работали в колхозах, получили паи. То, что происходит с землей, можно определить как «плоту-чий захват». Об этих процессах не говорят в средствах массовой информации. Люди, живущие в городе, могут об этом слышать только, если у них есть родственники в сельской местности. В целом же общество находится в полном неведении о том, что земля давно уже по-тихому переходит в руки неких фантомов, которых представляют разъезжающие на дорогих авто

представители с нотариусами, заключающие за минуты сделки с теми, кто продает им за копейки (бтыс. рублей за гектар) свои паи. Причем местная власть способствует этому процессу, она убеждает людей, что, если они сейчас не продадут за эти деньги, потом они вообще за нее ничего не получат. Межевание – дорогая процедура, люди не могут ее оплатить, а владение каким-то виртуальным куском земли ничего не приносит. Поэтому уговорить их продать свои паи не представляет никакого труда. Только мне не кажется, что это проблема тех, кто владеет паями. Я уверена, что весь этот процесс специально так устроен, что власть пособничает «захватчикам» обманывать свой народ. Последствия же такой политики будут тяжелыми: территориальный распад. Это, пожалуй, страшнее, чем последствия приватизации промышленных предприятий. Там была другая схема: рабочим по полгода не платили зарплату, а у проходных стояли люди, скучающие акции. Сейчас уже можно видеть, что из этого получилось. По результатам проведенного мною исследования положения рабочего класса г. Костромы в 2010 году на момент опроса 81,1% рабочих не имели акций ни своего, ни других предприятий. Имели акции своего предприятия только 7% и акции других предприятий 3,5% рабочих. 7,6% продали свои акции в то время, когда не выплачивалась зарплата. Опрос работников управляющего звена этих же предприятий показал, что среди них только 53,2% не имеют акций. Имеют акции своего предприятия 16,7% управленцев и еще 4,8% владеют акциями других предприятий. Продали акции 6,3% этой группы. По окончании процесса приватизации промышленных предприятий из числа рабочих 97,2% и из числа управленцев 94,5% считают себя наемными работниками. Вот результат приватизации в промышленности. Теперь очередь за землей, люди не успеют оглянуться, как окажется, что они заложники в своем государстве. Во всех этих процессах есть еще и такой аспект, как раскрепощение. Об этом пишут П.П. Великий и Е.В. Бочарова: «Уже с 70-х гг. XX столетия в обществоведческой литературе появился термин «раскрепощение», в котором при множестве оттенков общим признаком называлась утрата качеств, которые традиционно были присущи землевладельцу и животноводу. Различались подходы к оценке таких факторов, как коллективизм, оплата труда, отношение к собственности, профсоюзализм. На наш взгляд, истоки, динамику и современное состояние «раскрепощения» следует рассматривать с позиции исторических, экономических, политico-организационных и духовных детерминаций¹. «Механизмы раскрепощения, сложившиеся в прошлых советских практиках, действуют до сих пор, а по отдельным направлениям и усилились. Среди них – разрыв между организацией труда и социальной

¹ Великий П.П., Бочарова Е.В. Раскрепощение как индикатор деструктивной трансформации российской агросфера // Социологические исследования. – № 1. – 2012. – С. 128.

сферой, сложившийся из-за сокращения потребности крупхозов в кадрах, что способствовало в одних случаях перетоку сельских жителей в семейное хозяйство (ЛПХ), в других – маргинализации и люмпенизации, деструкции ценностей, росту девиантного поведения. Все эти процессы уже не укладываются в рамки подходов, актуализирующих социально-политические и экономические признаки идентификации крестьянства¹.

Вот этот процесс раскрестьянивания и требует эмпирических исследований. У нас, социологов, есть возможность посмотреть на происходящие в обществе процессы изнутри, то есть глазами самих людей. Описание полученных результатов, на мой взгляд, заслуживает обнародования с целью обогащения теоретического знания эмпирической социологии, с одной стороны, и лучшего понимания социальной реальности, с другой. Задача понимания социальной реальности обоснована теми процессами, которые происходят в обществе, находящемся на сломе различных эпох его существования, что само по себе уникально. Тем важнее становится сам материал, который позволяет увидеть, как общественные процессы отразились на судьбах конкретных людей. Я приведу материалы качественного исследования, которое провожу на протяжении двадцати лет. Информантами выступали студенты различных специальностей Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Работу «Я и общество» пишут студенты 4 курса в завершение изучения дисциплины «Социология». Задача, которая ставится перед ними, заключается в том, чтобы описать свой жизненный путь как историю взаимоотношений между личностью и обществом. С точки зрения метода «история жизни» – это личная автобиография, написанная самим рассказчиком (письменная традиция).

Целью такого длительного исследования было получение оценки индивидуального жизненного пути, как последовательности состояний человека, которые меняются в связи с меняющимися общественными событиями. Исследование личных письменных рассказов о жизни информанта – это способ получения информации, с помощью которого можно, с одной стороны, реально увидеть социальные механизмы, формирующие жизненные стратегии людей, социализирующихся в обществе, а с другой, понять способы восприятия социальной реальности через усвоение личного опыта. Информант выстраивает перед исследователем реальность своей жизни так, как он видит ее на данный момент. Как правило, он начинает свое повествование с детства, с того момента как он себя помнит, а заканчивает подведением неких итогов в настоящем. За счет максимальной неформализации этот метод дает исследователю возможность глубокого проникновения в субъективный мир человека. Приведенные ниже транскрипты позво-

¹ Великий П.П., Бочарова Е.В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросфера // Социологические исследования. – № 1. – 2012. – С. 133.

ляют увидеть процессы, которые происходили в сельской местности в период слома эпох: от колхозного устройства к нынешнему – неопределенному.

«...Да, период безденежья в нашей семье я, наверно, не забуду никогда. Зарплату родителям задерживали по полгода, в основном все продукты мы выращивали в своем огороде, мясо тоже было свое. В то время папа и решил заниматься пчелами, развел целую пасеку. И мед тогда стал нашим единственным лакомством. Мама каждый день пекла хлеб, я до сих пор помню этот вкус, только что вытащенного из печки круглого хлеба. На мягкий и горячий кусок его намажешь ложку свежего меда и уплетаешь с молоком. Да, тогда это было огромной для нас радостью. Если в этом отношении родители хоть как-то находили выход, то с одеждой дело обстояло куда хуже. Я помню, что очень хотела брюки, любые, главное свои брюки. Тогда уже все мои сверстницы ходили гулять в брюках, а я до сих пор продолжала надевать юбки да платья. Тогда абсолютно вся одежда мне доставалась от старших сестер, и поэтому иметь что-то свое было настоящей роскошью. А мне так хотелось... Вскоре папа стал уезжать в Москву на лето, а приезжать только к сентябрю. С того времени в доме постепенно стали появляться новые вещи, я уже самостоятельно могла ехать на рынок и купить понравившуюся вещь. Помню и свои первые брюки: черные, вельветовые, клеш. В то время я жила уже одна с родителями, сестренки уехали в Кострому учиться. До сих пор они говорят родителям спасибо за то, что в такие трудные времена те смогли найти средства, чтобы выучить их. Старшая сестра Таня пошла по стопам родителей и получила высшее образование учителя географии, а Настя захотела стать экономистом и поступила в сельхозакадемию. И здесь было решено, что младшая тоже должна получить высшее образование, к счастью, выбор профессии был за мной. Но тогда я еще над этим не задумывалась...».

«В нашем поселке была церковь. Но действующей я ее не помню. В памяти остался только один момент: мамина подруга работала в универмаге, который расположился в церкви. Для меня, даже тогда в детстве, это было дико. Помню, как на полках того магазина сверкала и переливалась хрустальная посуда. В моем детстве в магазинах ничего не было. Я уговаривала дедушку пойти со мной в магазин, а он мне говорил, что там ничего нет. Там и, правда, ничего не было. Во всю ширину полок были расставлены жестяные банки с соленой сельдью. Достать одежду тогда тоже было невозможно. К нам в поселок изредка приезжали машины с различным товаром. Помню, как мне купили фломастеры с Котом Леопольдом и красный сарафан. В этом красном сарафане (мама всегда добавляла «кировский», то есть кировский трикотаж) я проходила всю начальную школу.

Тогда все старались покупать вещи «навыrost». Вот и мне однажды бабушка купила лакированные туфли размера на 4 больше.

Мое детство – это постоянная экономия. Экономия канцелярского клея и тетрадей, картошки и варения. В каком-то смысле можно сказать, что экономили и одежду. Перешивали мои старые колготки на рейтусы для брата.

Детство было трудное. Порой кажется, что оно несчастливое..., но в том и счастье, что, когда ты это вспоминаешь, на лице появляется улыбка».

«...И вот, сложив аккуратненько письма в картонную коробку, я бежала слушать, как гудят пароходы. На нашей тогда еще полноводной Ветлуге ходили баржи. В день – штук по пять. И гудели: гу-у – гу-гу-у! Потом все реже, реже, и в один год я не дождалась ни одного парохода. Всю весну прислушивалась, а они взяли и не приплыли. Так до сегодняшнего дня. Лес вырубили, река обмелела. И бревна уже не тянули вереницами маленькие катера, а возили на КАМАЗах. Как раз этим в то время и занималася мой папа. А мама работала воспитателем в детском саду. Я пошла в школу. У меня уже была сестренка. Помню новый год, я учусь в шестом классе, и нам с сестренкой купили платья: мне красное, а ей малиновое. Казалась себе самой красивой девочкой на свете. Да, в это время уже стало как-то полегче с деньгами. И красивую одежду появилась возможность покупать не только на первое сентября. Но так было не у всех, и у нас не всегда. Колхозникам не выплачивали зарплату, папа ушел. Маму сократили. Помню, прибежим с подружкой Наташкой из школы, сядем пить чай, нарежем черного хлеба, посыплем сверху сахарным песком и уплетаем. Полбуханки вдвоем съедали. Я не скажу, что мы перебивались с хлеба на воду. Нет. Но чего это стоило моей маме: полный двор свиноматок с поросятами, корова, теленок, а значит, и ведра, и чугуны с кормом. Тяжести приходилось поднимать совсем не для женских рук. Мне маму было жалко. Поэтому по дому ей помогала я. А на двор она меня близко не подпускала, говоря: «Ты в деревне жить не будешь!». Так, я до сих пор даже корову доить не умею».

Работа, в которой показана история одной крестьянской семьи, прошедшей все этапы российской истории, позволяет увидеть, как социальное преломлялось в индивидуальном в трех поколениях крестьян. Как на протяжении трех поколений формировалось крестьянское сознание.

«БАБУШКА ЮЛЯ.

Мне хотелось бы начать свое повествование с рассказа о моей прабабушке Юлии Васильевне. К моему сожалению, я не застала ее при жизни. Я уверена, что моя жизнь и зачатки моей личности отчасти были заложены еще моими предками. Моя прабабушка родилась в 1898 году, уже после отмены крепостного права, но долго еще семья продолжала считать себя

крепостной, и жила баба Юля при барском доме. Когда убили царя-батюшку, крестьяне очень горевали, и приход к власти коммунистов для многих из них был трагедией. Семья бабы Юли долгое время помогала бывшим своим хозяевам продуктами с огорода и спасала их, так как они были не приспособлены к жизни и физическому труду, а крестьяне, не забывшие еще своей зависимости, жалели их. У бабушки Юлии родилось восемь детей. Моя бабушка старшая. Ее зовут Галина Арсеньевна. Именно на нее и взвалилась вся тяжесть домашней работы и забота о младших братьях и сестрах. Теперь я хочу пояснить, как, по моему мнению, жизнь прабабушки повлияла на формирование моего характера. Я считаю себя человеком, очень склонным к сопереживанию, и могу работать как в подчинении, так и самостоятельно. Я тяжело переживаю потрясения в обществе, смену власти, настороженно смотрю на реформирование общества. Я склонна считать, что эти черты генетически были заложены еще при жизни моей прабабушки Юлии тем режимом, общественным строем, при котором она жила, теми страхами и опасениями, которые терзали ее и ее родителей. Все, что я знаю о жизни и судьбе своей прабабушки, мне рассказала ее дочь и моя бабушка Галина и моя мама, которая хорошо помнит бабу Юлю. Как бы там ни было, я думаю, что прабабушка была счастливым человеком – она дожила до 93 лет, и при ее жизни не умер ни один из ее детей. Сейчас, к сожалению, в живых осталась только моя бабушка Галия.

БАБУШКА ГАЛЯ

Я ни в коем случае не хочу сказать, что жизнь моих предков была легкой и безмятежной. Скорее, напротив, раньше куда ниже был уровень жизни, цена денег была куда выше нынешней. Я в данном случае имею в виду вложение трудовых ресурсов за получаемые деньги. Труд тогда оценивался очень низко. Бабушка Галия мне рассказывала, как работала за трудодни в послевоенное время, когда в стране был страшный голод. Жила бабушка всю свою жизнь в деревне Подсосенье Красносельского района. Это одна из самых глухих деревень этого района, где никогда не было никаких коммуникаций – ни водопровода с канализацией, ни дороги до ближайшей деревни, где есть хотя бы магазин и телефон. Кстати, деревня Ченцы от деревни Подсосенье находится в пяти километрах. Естественно, на работу на ферму в Ченцы и в школу приходилось ходить пешком. У моей бабушки всего два класса образования. Когда я была поменьше, я спрашивала у бабушки, почему она не захотела учиться дальше, может, не хотелось или не интересно. Она отвечала, что некогда ей было учиться, работать нужно было. Бабуля с 11 лет работала дояркой на ферме. Она родилась в 1922 году, замуж вышла в 1941 году, и прямо накануне Второй мировой войны у нее родилась дочь Алевтина – моя тетя, мужа Дмитрия,

естественно, с начала войны забрали на фронт. Таким образом, бабушке пришлось взвалить на свои плечи груз мужской женской и домашней работы, плюс нельзя забывать о начавшейся войне. Дедушка с войны вовремя не вернулся. До 1947 года он был в плену у немцев. Так случилось, что именно в это голодное время в 1949 году родилась моя мамочка. Позднее, в 1955 году, родился дядя Веня. Я знаю очень много историй из жизни бабы Гали, рассказать хотела бы самые яркие, те, которые мне врезались в память. Однажды бабуле приснился сон, будто бы она умерла и входит в ворота, а там очень красиво – лето, зелень, трава и стоят одноэтажные дома. Бабушка заглядывает в эти окна и видит в одном – играющих детей, в другом – смиренно сидящих мужчин, в третьем – молящихся женщин, а в четвертом – стариков. Бабушка подошла и спросила, куда ей идти. В ответ сказали, что к старикам, но пока ей рано. Бабушке тогда было всего 18 лет, и она заснула на сенокосе. Когда она проснулась, решила, что была в раю. Я никогда не забуду, как вкусно готовила бабушка. Она все готовила на своем сливочном масле и сметане – будь то жареная картошка или ее маленькие блинчики. Раньше, когда я гостила на летних каникулах у бабушки, просила ее показывать мне, как она все делает. Многое из того, что я сейчас умею готовить, меня научила баба Галя. Особенно я ей благодарна за то, что она научили меня вязать и шить. Большое спасибо бабушке за то, что сберегла мое здоровье. Когда я жила у нее, я питалась исключительно своими продуктами: овощами с огорода, молоком. Также мне не чужд деревенский труд – я умею сено косить, ухаживать за животными, топить баню. Я считаю, что в жизни все может пригодиться. Вообще, для меня бабушка Галя – один из самых дорогих людей, и она сама, и ее жизненный опыт, ее судьба сыграли большую роль в моем воспитании. Возможно, так и нельзя утверждать, но я думаю, что меня воспитали очень хорошо, меня научили всему, чему могут научить только родители и самые близкие люди. И я им всей душой за это благодарна.

СОФЬЯ ДМИТРИЕВНА – МОЯ МАМОЧКА

Честно говоря, я не знаю, как кто относится к своим родителям, но, по крайней мере, думаю, что все положительно. Свое отношение к маме я хочу выразить очень просто – она для меня святая. Жизнь у нее была очень трудная. Другой человек, я думаю, давно бы сломался. Начиная с того, что в 1949 году, когда мама родилась, был страшный голод. Я видела фотографии мамы в детстве. Везде – это худенький, налысо выбритый ребенок. Детей тогда брили, чтобы избежать педикулеза. Мама рассказывала, что бабушка всегда держала не менее двух коров, а дома все равно почти никогда не было кушать. Мама хорошо помнит, как в детстве ей хотелось хлеба. До сих пор мама очень экономный человек, она между вещами и продуктами питания предпочитает всегда последнее и, если знает, что у

меня в семье заканчиваются деньги, обязательно напоминает, чтобы я кушала в университете, и сама даст на это деньги. Меня мама тоже приучила беречь продукты, и я стараюсь никогда не выбрасывать их. Молока у бабушки в доме никто не видел, потому что оно все продавалось, чтобы хоть как-то обуть и одеть троих детей. В то время бабушка Галя работала не за деньги, а за, так называемые, трудодни. Когда очень хотелось кушать и, естественно, детям хотелось сладкого, мама с деревенскими ребятами собирали и ели цветки клевера, мягкие ножки осоки. Ближайшая школа находилась в деревне Ченцы в пяти километрах от дома. По дороге в школу нужно было каждый день пересекать реку. Однажды зимой, лед, видимо, подтаял, и мама упала в реку. После этого она больше года лечила воспаление легких. Может быть, это один из факторов, которые повлияли на то, что у мамы сейчас очень плохое здоровье. Бабушка – молодец, потому что, несмотря на все трудности, образование она своим детям дала. Мама закончила Шарьинское училище и получила профессию воспитателя, хотя всегда хотела стать бухгалтером. Тогда дедушка Дима категорически сказал ей, что она не будет никем, кроме воспитателя. Я упускаю тот момент, который касается тяжелого физического труда с детских лет, я думаю, что из всего вышесказанного это и так понятно. Так случилось, что моя старшая сестра родилась, когда мама не была еще замужем. А это был 1972 год. Бабушка заставляла маму всю беременность прятать живот от посторонних глаз, дабы избежать осуждения. С рождением Наташи в маминой и без того несладкой жизни начался кромешный ад. Осуждали тогда всей деревней. Было и такое, что ей плевали вслед и называли «шлюхой». Бабушка не разрешала ходить на реку полоскать пеленки, чтобы соседи не увидели. Мама тайком от бабульки, когда та уходила на работу, бегала и полоскала. Сушила детские вещи только дома. Из-за всего этого маме пришлось выйти замуж за первого встречного. Сестренке тогда было несколько месяцев. В 1974 году у мамы родился мой брат Паша. Муж маме попался лентяй, что для деревни особенно страшно, к тому же еще и алкоголик. У мамы к этому времени стала складываться какая-никакая карьера. Она уже была заведующей ЗАГСОМ деревни Ивановское и в перспективе предполагалось, что ее назначат председателем сельсовета. Но со стороны маминого мужа Владимира Игнатьевича начали сыпаться угрозы убить маму и детей. В это время в маминой жизни появился мой отец. Каково же было осуждение, которое снова обрушилось на маму. Все настаивали на том, что какой бы он ни был муж, нужно оставаться с ним. Мамочку предупредили, что, как только она разведется с мужем, ее уволят с работы. Она развелась, и ее действительно уволили. Поход против общества был тогда очень строго наказуемым деянием. Маме пришлось уехать с папой из Ивановского и поселиться с двумя детьми в холодном панельном доме в

деревне Гридино Красносельского района. Папа работал в органах внутренних дел, и через некоторое время его назначили участковым инспектором. Маме же пришлось работать дояркой на ферме. Я извинюсь, но мне не хотелось бы касаться в своем повествовании отца. У меня не очень хорошие воспоминания остались о нем, а о покойных говорить можно либо хорошо, либо ничего. Он был маму, все время изменял ей, я хорошо помню, как боялась ездить с ним, пьяным, за рулем – он очень любил погонять. И у меня кое-какие страхи остались из детства. Я боюсь попасть в аварию, особенно страшно мне ездить на маршрутных такси, так как они всегда ездят на невероятной скорости. Я терпеть не могу насилие и не уважаю мужчин, которые поднимают на женщину руку, но также я не уважаю женщин, которые их на это провоцируют. Мне бы хотелось сказать, что как бы плохо маме ни было, как бы общественность ее не осуждала, она никогда не забывала о нас, жила и живет для нас. К сожалению, подобные вещи я только начинаю понимать. Все же я считаю, что моя мама просто ангел, без которого я бы не появилась на свет, никогда не стала бы такой, какая я сейчас.

НЕМНОГО О СЕБЕ

Я не ставлю перед собой цели пересказывать все факты из моей жизни в их хронологической последовательности, а хотела бы привести наиболее важные, имеющие значение для моей дальнейшей жизни. Сейчас мне 20 лет. Когда мне было 7, от нас ушел папа, а маме предложили квартиру в деревне Шорохово, работу на местном, только что построенном льнозаводе. В это время в стране полным ходом шла перестройка, и опять все понеслось кувырком. Маме по полгода не выдавали зарплату. Нашей семье дали неразработанный садовый участок, на котором у нас ничего не росло года три. Основной рацион у нас тогда составляли каши и макароны – это выдавали маме в счет долга по заработной плате. Причем цены на продукты и веци, вплоть до мебели, были завышены в полтора раза. Старшие сестра и брат в то время поступили в КГПИ и КГСХА, но еще они числились техническими рабочими на Шолоховском льнозаводе, фактически же работала мама. Денег в семье никогда не хватало. В связи с этим в моей жизни начались очень важные, но малоприятные события. Здесь, я думаю, нужно сделать небольшое отступление. С 1994 года перестали принимать в пионеры, я же как раз перешла в пятый класс. Каково же было разочарование, когда отменили это долгожданное событие. Это же всегда подавалось как одно из ярчайших событий в школьные годы. Для меня лично это было достаточно драматично. Так мы прощались с Советской властью, по моим ощущениям – болезненно и чуть не с мясом ее от нас отрывали. Школьную форму отменили еще через пару лет. Это стало своеобразным поворотным моментом в моей жизни. Если до этого со-

циальному положению в школе значения не придавалось, то с отменой школьной формы мы перестали быть равными. По тому как одевали родители, все становилось очевидным. Очень конфликтными стали дни моего пребывания в школе. Мне мама не могла покупать какие бы то ни было вещи, не говоря уже о модных. Обновки были из ряда самого необходимого. Постепенно и по нарастающей начались издевки одноклассников. Я в классах среднего звена донашивала вещи маминой юности – в основном это были платья и костюмы из кримпlena. На фоне всех остальных в классе я выглядела просто заморыщем. И сейчас у меня осталась обида на тех людей, которые позволяли себе издевки надо мной. Ох, и много же комплексов я приобрела во время обучения в школе, и какого труда мне стоило их преодолеть сейчас. Конечно же, мне очень хотелось выбраться из всего этого. И тогда я уже твердо решила для себя, что добьюсь хорошей жизни, получу хорошую специальность и буду просто счастливым человеком. Жаль, конечно, но у меня не осталось практически никаких позитивных воспоминаний из школы. В принципе это отчасти повлияло на мое рвение в учебе и в какой-то степени на выбор профессии. Когда в возрасте 13-16 лет мальчики и девочки достигают полового созревания, у них возникает естественное желание общаться между собой. Для этого они начинают ходить на дискотеки, вечерние прогулки. К этому времени и относятся обычно первые опыты в курении, распитии спиртного, первый сексуальный опыт. Многое здесь уже зависит от собственной сознательности подростка и от родителей. Они, в свою очередь, я считаю, должны накладывать определенные запреты и вести беседы, контролировать и ни в коем случае не предоставлять ребенку полную свободу действий. Естественно, я хорошо помню себя в этом возрасте, когда все мои сверстники уже ходили на дискотеку в клуб и имели парня или девушку, начинали курить, выпивать. Меня же никуда не отпускала мама. Как я понимаю, это она делала в силу тех обстоятельств, которые сложились в ее жизни. Видимо, нестерпимые впечатления от всеобщего осуждения, преследовавшего ее с момента рождения моей сестры, и она хотела уберечь меня от подобных обстоятельств. Страшные скандалы я в то время закатывала маме, обвиняя ее во всех своих бедах и неудачах. Не права, конечно же, была во всех спорах я. Жаль, что подобные обстоятельства были в моей жизни и какое-то время я достаточно жестоко обходилась с мамочкой. А ведь она была абсолютно права, когда многое запрещала мне и не позволила совершить необдуманных поступков. Кто знает, как бы сложилась моя жизнь, а лучше, чем сейчас я не представляю. В демократическом обществе, которое мы пытаемся сейчас построить, выживает сильнейший. Сильным человеком я себя не считала и не стремилась никогда к тому, чтобы получить все для счастья. Смысль жизни каждого человека заключается в стремлении

к счастью, в этом я уверена. Я всегда понимала, что всего в моей жизни мне предстоит добиться самой – так меня воспитали, и об ином я не думала. Уже поступив в университет, я встретила своего будущего мужа, и жизнь, как мне кажется, стала налаживаться. Я рада, что живу именно сейчас при, пусть нечистой, демократии. При социализме вряд ли было бы возможно сожительство мужчины и женщины без заключения брака. А такая форма отношений, наверное, даже необходима. Мы с Сашей тоже больше года жили, не регистрируя своих отношений. Потом решили, что идеально подходим друг к другу и поженились. У нас подрастает сынишка Димочка, ему год и три месяца. Я же ощущаю себя самым счастливым человеком на земле, и для полноценной жизни у меня есть все, осталось лишь закончить ВУЗ и совершенствоваться в своей профессии. Не знаю, конечно, как будет складываться жизнь в дальнейшем, но весь свой путь и небольшой жизненный опыт я не считаю ненужным или негативно на мне отразившимся. Все трудности в жизни, все перемены в обществе дают нам окрепнуть и на себе прочувствовать, что такое кризис, тупик, обвал. Это является своеобразным стимулом к развитию. О нынешнем общественном строе и о политике нашего государства можно говорить много плохого, а все познается в сравнении и, сопоставляя наше положение и опыт Западных стран, мы понимаем, что во всех сферах у нас все запущено. Наша Дума, принимая очередной законопроект, также ориентируется на опыт зарубежных государств. Порой создается впечатление, будто они не знают особенностей России и не понимают, что большинство их законов совершенно загоняют большую часть русских людей за черту бедности и ставят в условия выживания. К примеру, актуальная сейчас проблема замены льгот денежными компенсациями. В деревнях сейчас выживают большей частью за счет того, что пожилые люди возят в город молочные продукты на продажу – проезд у них бесплатный, поэтому это приносит какой-никакой доход. С первого же января отменят льготы, и эта торговля прекратится, так как прибыль перестанет покрывать издержки. Отсюда же окончательное уничтожение сельского хозяйства. И здесь уже встает вопрос об уничтожении нации. Менталитет у нас совершенно иной, нежели у американцев, не та религия и не те нормы поведения, которым мы обычно следуем. К примеру, на Западе не принято подавать просящему, у нас же мало кто сможет пройти мимо нищего. У нас не сформировано гражданское общество, и мы никогда не можем организоваться для отстаивания собственных прав, каждый думает, что все решится и без его участия. Низкий процент дееспособного населения у нас участвует в выборах.

Я не уверена, что повествование о моей жизни и о жизни моих предков было достаточно освещено с общественной точки зрения, скорее я даже мало привела фактов, доводов и связей, но единственное, что мне хоте-

лось бы заметить, это то, что описывала я все происходящее искренне и от души. Хотя я и стесняюсь рассказывать о своей жизни. И еще, напоследок, хотелось бы извиниться за большой пессимизм в моем повествовании. Изначально я перед собой такой цели не ставила, но править не стала сознательно. Не хотела исказить то, что шло от души. Надеюсь, что не заслужу осуждения этим пересказом событий из жизни своей семьи».

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что в связи с создавшейся ситуацией в число первоочередных задач социальной политики в отношении сельского социума входит обеспечение мер по стабилизации сельскохозяйственного производства, что будет способствовать развитию сельской экономики, повышению уровня жизни сельского населения. При этом очевидно, что необходимо принятие национальной стратегии, учитывающей общечеловеческие, этнонациональные, территориальные особенности российского сельского бытия. То есть, стратегии устойчивого развития сельского населения и сельских территорий, преодоления сформировавшегося массового социального иждивенчества, активизации собственных усилий населения по своему жизнеобеспечению. Это можно сделать не столько путем замены политики патернализации в социальной сфере, сколько кардинальной сменой курса социальной модернизации деревни.

Литература:

1. Костромская область. Статистический ежегодник: Стат.сб. / Костромастат. – К.,2012. – 457с.: табл.
2. Великий П.П., Бочарова Е.В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросфера // Социологические исследования. – №1. – 2012. – С. 126-135.

ГЛАВА 9

ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СЕЛЯН¹

В современной России самыми распространенными рукотворными катастрофами стали лесные пожары. После принятия Земельного и Лесного кодексов отношение к природе, особенно к лесу, становится всё более потребительским. Необходимость учета мнения специалистов и населения (прежде всего сельского) для корректировки законодательства очевидна, но социологические исследования такого рода до сих пор не проводились, поэтому данная работа может рассматриваться как некий пилотаж, одна из целей которого заинтересовать научное сообщество в мониторинге социальных последствий законодательных актов.

Социологическое исследование селян было проведено в 2012г. Первая выборка анкетного опроса составила 350 чел., вторая – 171 чел. Кроме того, проведено глубинное интервью 22-х экспертов, которыми выступали специалисты сельскохозяйственных предприятий и работники лесничеств Нижегородской области.

Характеризуя общее состояние сельского хозяйства, 41,5% отметили, что «ранее возделываемые земли зарастают сорными травами и кустарником». «В нашем районе, к сожалению, «ландшафт» наступает на сельское хозяйство». 17,5% наблюдают противоположную тенденцию: «сельскохозяйственная деятельность все больше распространяется на ранее не затронутые участки полей, лесов, прибрежных зон водоемов».

Иерархия ответов на открытый вопрос о причинах конфликтов по поводу отношения к природной среде была следующей: конфликты с местными жителями, выбрасывающими бытовой мусор, где попало; конфликты с туристами, которые оставляют после себя мусор и костры; конфликты с администрацией, которая не наладит своевременный вывоз мусора, не чистит водоемы; конфликты по поводу вырубки леса; конфликты в связи со строительством полигонов для уничтожения отходов в непосредственной близости от населенных пунктов; конфликты в связи со строительством промышленных «экологически грязных» предприятий.

Но чаще «деятельность организаций неаграрного профиля в пространстве сельской среды воспринимается жителями как неизбежность, на которую повлиять невозможно. «Разбитые после строек дороги, плохо проведенная рекультивация земель или их изъятие из сельхозоборота не может быть компенсирована финансовыми расчетами». Впрочем, 26% ре-

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант 12-03-00237).

спондентов считают, что эти объекты «строятся очень грамотно и не вредят природе».

Все больше распространяется практика скупки и сдачи в долгосрочную аренду земельных и лесных угодий, участков водоемов. «Невостребованные земельные доли переходят администрации, которая сдает их в аренду или продает. Потом на эти земли не может вступить ни одно постороннее лицо: ни купаться, ни ловить рыбу, в лес ни по ягоды, ни на охоту. Либо делают платным вход». Отмечается также, что спекулятивные сделки с землей контролировать почти невозможно.

Нарушение традиций бесплатного пользования земельными и лесными угодьями вызывает социальную напряженность и порождает чувство мести, принимающее самые разные формы: от отчуждения от социума и природы, порождающего потребительское отношение ко всему окружающему миру, до поджога.

Все названные процессы в большей или меньшей степени становятся факторами лесных пожаров. Самым масштабным из них в ПФО был пожар 2010г. в Нижегородской области: без крова осталось 852 семьи в 42 населенных пунктах¹. Ущерб от лесных пожаров составил в Нижегородской области 15 млрд. рублей. Для сравнения: ущерб от лесных пожаров в Саратовской области был в 2010 г. около 40 млн. руб. Более чем в 60% случаев огонь в леса пришел с территории сельскохозяйственных угодий, 16% пожаров возникли в самих лесах из-за неосторожного обращения граждан с огнем².

Из федерального и регионального бюджетов нижегородцам было выплачено за утрату движимого имущества по 200 тыс. рублей каждому члену пострадавшей семьи; в качестве пособия семьям погибших – по 1 млн. руб. На специальный счет организациями и частными лицами было перечислено 18 млн. рублей³. Среди пострадавших 134 семьи выбрали денежную компенсацию, 704 семьи подписали соглашение на строительство домов, для 14 семей приобрели квартиры в многоквартирном доме. Строящиеся дома сдавались в эксплуатацию с индивидуальной системой отопления, газом, горячим и холодным водоснабжением, газовой плитой, внутренней отделкой, с двухкамерными стеклопакетами, необходимой сантехникой. Обещались телефонизация, благоустройство земельных участков: планировка, ограждение участка деревянным штакетником, до-

¹ В Нижегородской области для погорельцев уже построили 462 дома [Электронный ресурс] http://dom.nakanune.ru/forum/news_109695 (дата обращения 16. 03. 2013).

² Ущерб от лесных пожаров в Саратовской обл., по предварительным данным, составил 32 млн. руб. [Электронный ресурс] <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100830132053.shtml>. (дата обращения 16. 03. 2013).

³ Нижегородская область. Основные события 2010 года. [Электронный ресурс].

http://www.vremyan.ru/analytical/nizhegorodskaja Oblast_ospochnye_sobytiya_2010_goda.html (дата обращения 16. 03. 2013)

рожки до крыльца. В поселке Верхняя Веряя дополнительно построили магазин, фельдшерско-акушерский пункт, почта, детский сад¹. Конечно, был особый повод для такой щедрости государства. Чтобы прецедент не стал поводом для аналогичных требований, было принято решение об обязанности сельских жителей страховать своё имущество.

Называлось три основных причины возникновения пожаров: атмосферные явления (за время наблюдений не было зафиксировано такой аномально жаркой погоды), неосторожное обращение с огнем, предумышленный поджог – пожар, мол, все спишет. Дело в том, что «в районе несколько десятков пилорам. Когда отдали лес арендаторам, они остались без работы. А сейчас у них горелого леса на 2 года переработки хватит. К тому же он значительно дешевле». Кроме того, «ожидалась комиссия из областного министерства для проверки объемов самовольных порубок, которые были выявлены с помощью космической съемки».

По данным Ю.Сычева, заместителя Директора департамента лесного хозяйства Нижегородской области, в 2010 г. человеческий фактор стал причиной лесных пожаров в 94,8% случаях, в 5,2% пожары возникли от грозовых разрядов. В 2011 г., соответственно, 89% и 11%².

Реакция тех, кто в лесу встречает нарушителей противопожарных правил, двойственная. Каждый третий готов сделать «замечание, разъяснить возможные последствия». Но не меньше и тех, кто проходит мимо, считая, что «люди должны быть сами ответственными за свое поведение» (23,9%), или опасается «получить оскорбление» (11,6%). Есть и такие признания: «Смотря, какие люди», «Сделаю замечание, если буду при оружии». Один из лесников рассказал, что поджигателя леса ранили при задержании, увезли в больницу, но он оттуда сбежал, видимо, боялся самосуда местных жителей.

Для того чтобы уменьшить число пожаров, необходимо иметь больше служб охраны леса – 40,3%, строже наказывать нарушителей пожарной безопасности – 34,5%, оснастить МЧС техникой пожаротушения на уровне мировых образцов – 34,5%, усилить разъяснительную работу с жителями городов и сел – 29,2%, ввести технические средства быстрого оповещения в очагах возгорания – 29,2%. Один респондент напомнил, что по правилам противопожарной безопасности надо вовремя опахивать леса, обкашивать траву, убирать сухой бурьян. Но в последние годы это не делается.

В августе 2010 г. в тушении возгорания было задействовано почти 8 тыс. человек, в том числе 1,2 тыс. добровольцев, а также 941 единица тех-

¹ В Нижегородской области для погорельцев уже построили 462 дома [Электронный ресурс] http://dom.nakanune.ru/forum/news_109695 (дата обращения 16.03.2013).

² Нижегородские пожарные оперативно реагировали на возгорания в лесах [Электронный ресурс] <http://www.rosbalt.ru/federal/2011/12/06/921287.html> (дата обращения 16.03.2013).

ники¹. Приведем наблюдения участников тушения пожаров в 2010 г.: «Я работал мастером леса и вместе с лесниками ездил тушить лесные пожары. Работал вместе с рабочими, как и они. В то время я считал себя простым рабочим. Когда началось массовое возгорание лесных насаждений, собралась масса добровольцев. Там было непонятно – кто есть кто».

Но были и другие оценки: «Людям безразлично всё, что происходит вокруг. Они думают только о себе. Кто-то принимает активное участие в тушении лесного пожара, а кто-то стоит в стороне и никуда не торопится, находит какие-то отговорки, чтобы не работать. Отсюда следует, что не все так хорошо, как хотелось бы». «Никого не интересует ничего...» «Солдаты поедят, лягут и ждут...» «Многие добровольцы, которые приезжали из других районов от предприятия, не хотели ответственно работать и работали халатно. Они говорили, что им с заводов платят вдвое за день, вот они и приехали, а работать качественно не хотят».

Зачастую населенные пункты не имеют технических возможностей для борьбы с пожарами. Наличие специального пожарного автомобиля в селе отметили 40,3%. Как некую гарантию от пожара 36,8% называют наличие в селе работников охраны леса. 19,8% респондентов указали, что у них есть пожарная дружина. Один из опрошенных написал: «Есть лопата». Напомним, что в советское время каждый сельский двор должен был иметь специальные ведра и лопаты на случай пожара, и их наличие регулярно проверялось.

Нет нужной техники и у пожарных. По свидетельству одного из офицеров пожарного гарнизона, «в 2010 г. 80% техники выработало свой ресурс и подлежало списанию. Низка и заработка плата за очень опасную работу – как у охранника с автостоянки».

Для того чтобы уточнить справедливость отдельных утверждений, нами было проведено углубленное интервью работников лесного хозяйства. Среди них были отказавшиеся отвечать на ряд вопросов, поскольку опасались, что из-за сообщения негативной информации об организации тушения пожаров могут лишиться работы. Но, несмотря на самоцензуру, полученная картина удручающая. Итак, приведем мнения тех, кто непосредственно связан с охраной леса. (В цитатах исправлены только орфографические ошибки.)

Главной причиной роста числа пожаров специалисты называют изменение российского законодательства. «Принятие Лесного кодекса 2006 г. привело к тому, что лесное хозяйство превратилось из экономически самодостаточной отрасли в отрасль, целиком зависящую от бюджетного фи-

¹ В Нижегородской обл. экологический ущерб от лесных пожаров превысил 15 млрд. руб. [Электронный ресурс]. <http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20100819134108.shtml>. (дата обращения 16. 03. 2013).

нансирования. До введения Лесного кодекса 2006 г. деятельность лесохозяйственных организаций на 80-90 процентов обеспечивалась за счет собственной хозяйственной деятельности, теперь они лишены этой возможности. В настоящее время нет средств на санитарные рубки, технику, горючесмазочные материалы, инвентарь, противопожарные работы». «Тушили пожар из опрыскивателей, сделанных из канистр. Хотя они и имеют ГОСТ, очень неудобные».

Но главная проблема в том, что «не хватает лесников. Их убрали в связи с новым Лесным кодексом. По старому кодексу у каждого лесника был свой обход, примерно 1,5 тыс. га. По новому – нет лесников, только охрана. Функции лесников переданы лесничим и их помощникам. При этом количество лесничих оставили прежним». «При пожаре выходим из положения только за счет МЧС. А они имеют право заниматься только населенными пунктами». «МЧС не умеет, да и не имеет определенных навыков в тушении лесных пожаров». В 2012 году в среднем на одного работника охраны приходится около 9 тысяч га леса. Есть лесничество, которое превышает 15 тыс. га¹.

Дело не только в слабой технической оснащенности, но и в позиции властных органов: «Долго не привлекались силовые структуры. Губернатор надеялся на свои силы». Вот как описал реальную ситуацию во время пожара один из тех, кто принимал участие в его ликвидации (приведу сокращенный текст, исправляя пунктуацию, но сохраняя стилистику). «До крупного пожара были пожары, которые тушились очень долго и безответственно, руководители служб … к таким ситуациям относились не серьёзно, очень много было недоработок во взаимодействии разных служб. … Пожар пришел из Рязанской области, там его практически не тушили и даже не сообщили, что огненный шквал пошел на Нижегородчину. Поскольку противопожарный разрыв между двумя областями уже зарос, то огонь с легкостью перешел на территорию Выксунского района, где стал крупнейшим в Европе лесным пожаром».

«Раньше противопожарные полосы между областями и районами были 50 метров, сейчас норматив – 25. Для низового пожара это преграда, для верхового – ничто. Но и 25 метров заросли лесом, поскольку содержать их дорого. В первый день пожар начали тушить сотрудники лесхоза. Он был практически локализован, но на третий день с ветром вырвался и к часу дня уже был в деревне Семилово, в первой деревне, которая стала жертвой халатности властей, потому что сотрудники лесхоза … еще с утра звонили им, чтобы подготовили пожарные машины и начали эвакуировать

¹ 20 видеокамер контролируют 1,6 млн. га леса в Нижегородской области. Время Н, 21.02.2013, [Электронный ресурс]. http://www.vtmyan.ru/news/20_videokamer_kontrolirujut_16_mln_ga_lesa_v_nizhegorodskoj Oblasti.html. (дата обращения 16. 03. 2013).

местных жителей. Но они отвечали, что не создавайте панику, а когда верховой пожар вырвался из леса, то катастрофически не хватало пожарных машин, чтобы защитить дома. Мы уже на двух машинах вывезли половину жителей в безопасное место, а уже потом, ближе к вечеру, когда сгорело больше половины деревни, прибыли пожарные машины и автобусы для эвакуации.

Власти были на 100% не готовы к такому и в дальнейшем. Это привело к тому, что из-за неграмотной организации тушения пожара огонь через 2 дня уже угрожал населенным пунктам селу Сноведь и деревне Норковка. Тогда глава района ... сказал жителям Норковки, что её они отстаивать не будут, т.е. деревню Норковку, пусть и небольшую, они решили просто списать. И местному населению пришлось отстаивать её самим. В тот момент все силы района и соседних районов были скоплены в селе Сноведь и городе Выкса, микрорайон Жуковский был уже практически эвакуирован и держался на волоске. Уже прошло достаточно времени, чтобы организовать все, но организации так и не было, а информация из леса, где и куда движется пожар, приходила с опозданием. Из-за этого корректировать технику и людей правильно было практически невозможно. Когда ветер поднялся до урагана 25–30 м/с (головешки летели на 500 метров), пожар перепрыгнул широкую асфальтовую дорогу и направился в сторону Гибловки, где за 30 минут сгорел 301 дом. Передавали, что по Выксунскому району погибло 27 человек, а в действительности погибло больше, около 40 человек. Власти скрывали число погибших. По всему району сгорело более 500 жилых домов.

В такой сложной ситуации и по истечении стольких дней власти плохо организовали для людей, которые были заняты на тушении пожара, питание. Доходило даже до того, что определенные люди ходили от администрации и собирали еду для добровольцев, которые тушили пожар в лесу. А когда подвезли еду, то могли покормить одной банкой тушеники двоих, даже МЧС сухпайки выдавали 1 на 2. ... Но после пожара только администрация на совещании отчиталась, что они потратили на питание 7 млн. рублей, которые не удалось провести по затратам по ЧС.

Было даже такое, что могли послать людей в пожар и забыть про них. Так было вначале, потеряли один бульдозер с трактористом, нашли только через два дня. Людям приходилось на вырубке выкапывать ямы и лежать в них в течение 6 часов из-за того, что их во время не предупредили об изменившейся ситуации с пожаром, и они оказались в окружении.

С самых опасных участков забирали технику и пожарные машины и отправляли к богатым и руководителям на их собственные дома и дачи, потому что компенсация, которую они бы получили, была бы мизерной, их дома и дачи в десять раз больше стоят».

Добавим к сказанному. «Дома в Выксунском районе начали гореть 28 числа, но погорельцами по первоначальному постановлению считались те, кто «сгорел» на день позже. Люди через суд доказывали, что они тоже погорельцы и имеют право на компенсацию». «Пострадавшие имели право либо на денежную компенсацию, либо на новый типовой дом. И это тоже породило недовольство людей: размер помощи был одинаков, а у одних сгорел дорогой коттедж, а у других – маленький домик. Кроме того, дома погорельцам строили по финской технологии – пенно-блочные, с электрическим обогревом. В первую же зиму оказалось, что зимой в них холодно, несмотря на огромные затраты на отопление, да и возгораемость у них больше, чем у домов из древесины».

На качестве строительства сказалось и то, что рабочие, приехавшие в том числе из ближнего зарубежья, не имели должной квалификации, жили в строящихся домах, несгоревших гаражах, бараках, а при расчете с ними были нарушены условия договора. В результате уже в 2011 г. Следственный комитет начал проверку некачественно построенных домов для погорельцев в пос. Ватагино Балахнинского района. Стоимость их строительства составила 14 млн. 25 тысяч рублей. Столько же пришлось выделить на их ремонт: 14 млн. рублей из федерального бюджета. Еще 5,4 млн. рублей местная администрация недоплатила подрядчикам за некачественную работу¹. Даже в Верхней Верее, проинспектированной лично В.Путином, не были выполнены многие обещания².

Жители регионов, где от пожаров сгорело много лесов, из-за некачественных проектов столкнулись еще и с проблемой разрушения фундаментов домов, т.к. отсутствие лесов подняло грунтовые воды. Были случаи, когда, экономя средства на расчистке территории, новые дома строились на расстоянии нескольких километров от оставшейся в селе социальной инфраструктуры: школы, здравпункта, магазина, почты. Люди оказались в изоляции не только психологической, но и территориальной.

Организация тушения, количество жертв, несоответствие между тем, что было в СМИ о пожарах и реальностью, привело к тому, что весной 2011 г. на выборах в Законодательное собрание Нижегородской области КПРФ в Выксе получила 34,41% голосов избирателей, в то время как «Единая Россия» – 34,05%³.

¹ Шильнов Н. Дома для погорельцев в Нижегородской области будут полностью отремонтированы к 1 сентября 2011 года [Электронный ресурс]. <http://pnov.media-office.ru/?go=2489577&pass=94baaf420e5c95a133dff42d2419834c> (дата обращения 16. 03. 2013).

² Погорельцы В. Верей пожаловались Митрохину на качество восстановительных работ [Электронный ресурс]. <http://www.yabloko.ru/regnews/NNov/2011/05/15> (дата обращения 16. 03. 2013).

³ ЛДПР намерена подать в суд на избирательное объединение КПРФ за распространение ложной информации о Владимира Жириновском [Электронный ресурс]. <http://ldprn.ru/?q=node/200>. (дата обращения 16. 03. 2013).

Местная власть оказалась не способной обеспечить реализацию даже собственных решений. Так в Володарском районе в 2010 г. была объявлена чрезвычайная ситуация, но «вход и въезд в леса был не закрыт, народ на машинах, велосипедах и пешком просто оккупировал все водоемы в лесах. Охрана при патрулировании не имела права оштрафовать людей за нарушение правил пожарной безопасности в лесах. Люди нам отвечали, что мы нарушаляем права человека свободно посещать леса. Администрация района никаких мер не принимала. Хотя в советское время на основной дороге выставляли милиционерский патруль, и въезд в поселки ... проводился по паспортам. На станции Ильино также выставлялся патруль, и проводилась проверка. И все эти меры были очень действенными». «При тушении пожаров администрация также не оказывала никакой посильной помощи, а только собирала сведения, где, что и как горит, и когда потушите».

Дополним картину пожаров 2010 г. еще одним рассказом: «Когда был обнаружен пожар, техника была только для локализации небольших лесных пожаров, преимущественно низовых. ... Стало ясно, нужна помощь. Средств связи, кроме мобильного телефона, не было. Но в таком глухом месте он не принимал сигнал. Пришлось ехать за 10 км. Помощь пришла через день. За это время фронт огня прошел еще около 3 км. Люди работали без сна, без смены, питания не было, задымленность, некоторым становилось плохо. Тушение сводилось к тому, что просто сопровождали огонь. С переходом пожара на верховой ситуация усложнилась. На день пятый привезли питание: тушенка, консервы, хлеб, самое главное – вода. Люди за неимением воды пили из лужи, а когда она пересохла, из пожарных машин. В них вода близка к технической. Первые партии тушеники, когда их открывали, были зеленоватого цвета, шел едкий запах, явно просроченные, хлеб приходилось размачивать, он был похож на сухарь. Тогда говорили: «Кому война, а кому мать родна». (Поясню: в советское время у всех силовых министерств были свои продовольственные склады. Они ликвидированы, как непрофильные службы. Продовольствие закупается на продуктовых базах по тендеру, самое дешевое – Г.Ш.)

«Из-за неимения никакой связи информация переходила от человека к человеку, и соответственно, приходила не вовремя и в искаженном виде. Так во многом из-за этого 20 человек попали в огненное кольцо. Ни подъехать, ни подойти к ним возможности не было. Нужен был вертолет с емкостью (воды – Г.Ш.). Он прилетел через 4 часа, на то время, рискуя, они уже вышли сами. Некоторые отряды просто забывались и каким-то образом пешком к дорогам выбирались сами. Работая без еды и воды, в состоянии, что их просто забыли.

Техника, приехавшая на помощь от МЧС, была в плачевном состоянии, некоторая глохла в огне, некоторая просто не доехала до места по-

жара. Взаимодействия руководителей МЧС, лесников и администрации желало лучшего. К пожару большого масштаба не был готов никто. МЧС не умеет тушить лесные пожары. Лесники не обеспечены техсредствами. Администрация не знает, что делать». Борьбу с пожарами усложняло то, что на протяжении последних десятилетий в искусственном лесовосстановлении в Нижегородской области преобладали чистые культуры хвойных пород, молодые посадки которых наиболее подвержены огню.

«Гореть в Воротынском районе начали еще в апреле – мае месяце. Но это были еще небольшие пожары, справлялись своими силами. ... 27 июня к вечеру с пожарных вышек увидели сразу в трёх местах. ... 29 июня приехало начальство из Министерства экологии и МЧС. Подключили глав администраций, чтобы направляли народ на тушение. Но народ – народом, а без средств пожаротушения верховой да и низовой пожар не остановишь. Ранцевых опрыскивателей не хватало. Пожарные машины из МЧС хоть и пригнали со всей области, но многие из них были неисправны: насосы у многих не работали. Приходилось держать одну машину у воды, чтобы заправлять неисправные. И с самими пожарными приходилось ругаться. Они привыкли тушить в городе, а в лесу – тут поцарапаешь машину, там дорога узкая... Пока матом не объяснишь или не доложишь ихнему начальству, так и будут доказывать свое. Зато в конечном итоге они «молодцы». Шойгу так и сказал, что благодаря МЧС мы справились с пожаром. А на самом деле простые сельские жители и работники лесхоза днями и ночами были в лесу.

Первое время спать приходилось по 2-3 часа, а когда отжигали встречным огнем – вообще без сна. Питание было неважное. Банка тушеники, банка сгущенки на двоих, банка консервов на одного, хлеб, пачка печенья, чай и все это на сутки. Хотя в газетах писали, что горячим питанием все обеспечены. Когда начались пожары в Выксунском районе, почти весь штаб пожаротушения переехал туда, нам развязали руки. Уже стали сами принимать решения, а не слушать их, как тушить. В итоге пожара за июнь – август в моем лесничестве из 25 тыс. га сгорело или было пройдено пожаром 20 тыс. га. Хотя на бумаге сгорело всего 12 тыс. га. Вся область горела, но и тут было дано указание – уменьшить площадь пожара. И в итоге мы имеем то, что имеем – лес почти весь сгорел. Этим сейчас занимается прокуратура, но виновных в «верхах», думаю, что не найдут».

«Когда начались пожары, все растерялись. Прошло большое сокращение, знающих и умеющих уволили. Остались «удобные», а они зачастую не лучшие специалисты. Кроме того, все деньги на тушение пожаров переданы МЧС, а они не умеют тушить лесные пожары. Тушение с помощью вертолетов больших пожаров не эффективно: вода, согласно законам физики, испаряется... Лесной пожар можно потушить только отжигом. Но

если лесники будут тратить деньги на тушение пожаров, их прокуратура привлечет к ответственности за нецелевое использование средств».

Итак, одна из причин «пожарного» лета, по мнению специалистов, – новый Лесной кодекс, по которому «леса остались без присмотра», поскольку «с лесничих сняли все полномочия. Не можем даже останавливать для досмотра автотранспортные средства, если везут не дрова. Закрытую машину для досмотра можем остановить только совместно с сотрудником МВД. Всегда ли он рядом?» «У лесничих изъяли оружие, а как в лесу остановишь нарушителей, когда ты один, а их несколько?»

Несмотря на то, что «лесничие нередко рисуют жизнью (есть случаи убийств), зарплата «чистыми» у помощника лесничего 10 тыс. при стаже 3 года, а у лесничих, имеющих выслугу, 13–14 тыс. На эту зарплату надо содержать технику. На месяц положено 50 литров бензина, а надо в три раза больше. А что такое 50 литров по бездорожью на тысячи км твоей территории. Иногда и кое-где «сверхтраты» оплачиваются в размере от 20 до 70 литров, но далеко не всегда». «Раньше у каждого предприятия были лошади. Сейчас приходится содержать самому. Не каждый на это идет». «Особенно трудно работать в северных районах: там большие леса. Авиапатрулирования почти не осталось – 10-15% от потребности».

«Что заставляет идти в лесничие? Любовь к такому образу жизни: лес, охота, рыбалка, дрова – личная выгода. Работа затягивает». «Но конкурсный отбор в лесничие по другой причине: на селе нет рабочих мест. Чтобы стать помощником лесничего, раньше достаточно было иметь техникум, а сейчас надо вуз».

Особый разговор о туристах и арендаторах. «99% пожаров от туристов. Их стало больше, потому что есть личный транспорт. Лесников нет, никто из леса не выгоняет, делай, что хочешь. За собой убирают процентов десять. От грибников и ягодников опасности нет». Впрочем, встречаются претензии и к грибникам: «Из-за небрежности собирателей дикоросов и туристических групп возникают губительные пожары, и ущерб от этих экокатастроф стократ превышает экономию средств на содержание штатов бывшей охраны леса – лесников».

«Отношение к природе стало бережней, если нет арендаторов. А где арендаторы – там бардак: делянки не очищают, посадки не делают, или засаживают в меньшей степени, чем должны¹. Лесничий не имеет возможности влиять на арендатора. Он должен за 20 дней убрать за собой сучья, хлам и т.д. Но если не сделал, найти его трудно – горожанин». «Договор арендатор заключает с Министерством сельского хозяйства. В этом году срубил – на следующий год должен посадить деревья. Берут в питомниках,

¹ Пожары 2010 г. заставили арендаторов, у которых сгорели леса, серьезно заняться лесопосадками. Работа по восстановлению леса идет с опережением плана.

это проще, чем выкапывать в лесу: надо 4,5 тыс. саженцев на гектар. Но выполняют это условие 5%. Наиболее бережливые арендаторы – сельские жители. Им, если они не выполнили условия, в следующий раз не выделяют делянки».

«Арендуют лес на 49 лет. В Марий-Эл один га аренды стоит в год 11-12 тыс. рублей. Доход арендатора – 150% чистой прибыли. Часто выделяют сосновый лес. Сосне еще нет 35-40 лет, это чтобы набрала плотность древесина, а её уже рубят для строительства. Санитарные рубки и рубки ухода арендаторы не делают, т.к. не выгодно». «В последнее время после вырубки леса арендаторы стали перезаключать договор: переводят делянки под охотничью угодья. За «воспроизводство животного мира» государство им еще платит. А в лесах общего пользования зверь почти весь выбит». «Идет истребление животных в любых количествах, и могут быть истреблены некоторые, нарушен биоценоз».

Как видим, в отличие от местных жителей, лесничие видят проблемы более объемно и прослеживают причинно-следственные связи процессов, затрагивающих интересы всего населения России.

Лесные пожары в Нижегородской области возникают ежегодно, отличие только в масштабах. Конечно, 2010 год многому научил лесников, сотрудников МЧС, чиновников. Нижегородский лесопожарный центр укрепили техникой, людьми, к регулярному авиатуризму лесов привлекли легкомоторную авиацию, создана система массового оповещения населения по линии ГО и ЧС. Рослесхоз постоянно присыпает в регион данные оперативной космической съемки «термоточек» со спутников, которые в течение суток четыре-пять раз пролетают над территорией Нижегородской области. Если в 2011 г. экономический ущерб, причиненный лесному хозяйству, составил 4,6 млн. рублей, то в 2012 г. – 1 млн. руб.¹

Трагические события 2010 г. стали причиной внесения изменений в законодательство РФ, в частности в закон ФЗ № 69 «О пожарной безопасности». В 2011 г. был принят ФЗ № 100 «О добровольной пожарной охране», согласно которому добровольным пожарным и членам их семей предоставляются социальные льготы и гарантии. Это стимулировало создание в РФ общественных объединений ДПО.

Но по-прежнему «человеческий фактор» в подавляющем большинстве случаев остается причиной лесных пожаров. Для повышения самоконтроля населения предлагается штрафы увеличить в разы и широко пропагандировать наказание. Сейчас штрафы для граждан, нарушивших ограниченный режим доступа в леса, составляют 4 тыс. руб. (до 20 тыс.

¹ Рекордно минимальное количество лесных пожаров было зарегистрировано в Нижегородской области в 2012 году. НИА «Нижний Новгород», 21.02.2013. [Электронный ресурс]. <http://www.niann.ru/?id=427680&template=yandex>. (дата обращения 16. 03. 2013).

руб. на руководителей организаций и до 200 тыс. руб. – на юридических лиц). Злостным нарушителям, оказавшимся в зоне возгорания, грозит и уголовная ответственность: за неосторожное уничтожение лесов до четырех лет лишения свободы, а за умышленный поджог и тяжкие последствия – до восьми лет со штрафами¹. Кроме сотрудников полиции, право составлять протоколы имеют лесничие, работники министерства экологии и природных ресурсов, в том числе егеря, охотоведы, сотрудники районных администраций, МЧС.

Исследование выявило проблемы взаимоотношения селянина и природы, служб по охране леса и местного населения, способность властных структур к эффективной деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций. Его результаты подтвердили необходимость мониторинга последствий реализации Земельного, Лесного кодексов с целью их корректировки. Полученные результаты обозначили новые направления исследований: проблемы взаимоотношения селян и природы, служб по охране леса и местного населения, способности властных структур к эффективной деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций. Самостоятельным направлением должен стать мониторинг последствий реализации отдельных статей Земельного, Лесного кодексов.

¹ Кряжев Р. Нижегородская область повышает градус пожароопасности // Коммерсантъ (Н.Новгород). №125 (4907), 11.07.2012. [Электронный ресурс]. <http://www.kommersant.ru/doc/1978212/print>. (дата обращения 16. 03. 2013).

ГЛАВА 10

АНОМИЗАЦИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

В затянувшийся пореформенный период все более заметными становятся проявляющиеся во множестве частных, казалось бы, событиях тревожные процессы аномизации ментальности и поведения российского сельского населения. Характерной чертой их становится возрастающая зависимость сознания и мышления последнего от совокупности внешних и внутренних факторов, которые выражают ключевые проявления современного бытия отечественной деревни. Эти процессы и их проявления начинают уже достаточно определенно выражать социокультурный кризис данной поселено-территориальной общности, утрату ею морально-нормативных оснований своей цивилизационной самостности как дихотомичной городу подсистемы российского общества.

В частности, изучая с середины нулевого десятилетия текущего века в рамках реализации исследовательского проекта Института аграрной социологии при ИСПИ РАН перемены в социальных отношениях и образе жизни населения ряда областей Центральной и Северо-западной России, мы обратили внимание на иррациональный характер интенсификации процессов девиантности и делинквентности в его поведении. В том числе на возрождение в современной пореформенной отечественной деревне ряда негативных явлений, зафиксированных сто лет назад А.Шингаревым и П.Сорокиным в их известных работах «Вымирающая деревня» (1903 г.) и «Преступление и кара, подвиг и награда» (1906 г.). Эти феномены составляли характерные аспекты вышеназванных процессов в период интенсивного перехода сельской России от феодального крепостничества к капитализму. То есть также в пореформенную, хотя и отличавшуюся от нынешней эпохи своей социальной природой, пору.

Данные явления одновременно так или иначе отражали формирование и закрепление процессов девиантности и делинквентности в качестве обычая сельского бытия, бытовых примет нового пореформенного образа жизни. Они были свойственны, по мнению Сорокина и Шингарева, довольно специфической части жителей дореволюционной деревни, составившей впоследствии наиболее активный компонент революционного анархизма. Своеобразие их заключалось также в том, что эти явления были зафиксированы названными исследователями в связи с осмыслением ими специфики ментальности и мировоззрения жителей, охарактеризованных ими как маргинальные элементы разлагаемой процессами капитализации сельской общины. То есть как имманентные аспекты перестроенных перемен в образе жизни ее членов.

Среди зафиксированных в дореволюционной деревне названными исследователями явлений особое их внимание привлекли такие экономические преступления, как конекрадство, воровство продукции с полей односельчан и особенно хуторян, хищения личного имущества соседей и т.п. А также бытовые, включая иррациональное поведение в общине, в том числе рост жестокосердия по отношению к старикам и сиротам, немотивированные убийства и самоубийства и т.д.

При этом упомянутые исследователи пытались выявить не только причины учащения такого рода феноменов, но и отношение к ним различных страт общинного и отколовшегося от общины сельского населения. В своем анализе они пришли, в конце концов, к совпадающим выводам: истоки данных феноменов лежат в противоречиях разложения традиционной крестьянской общины, в иррационализме обновляемого вследствие этого мышления и поведения крестьянского мира из-за неспособности его освоить нравственные нормы, утверждаемые в социальной реальности либеральными реформами.

Аналогичные, хотя и своеобычные, последствия чрезмерно быстрых и противоречивых перемен в сельском бытие фиксировались позднее специалистами гражданского и уголовного права в советской деревне нэповского периода и довоенного десятилетия строительства колхозно-совхозной деревни. Однако они даже не упоминались, насколько нам известно, ни юристами, ни обществоведами в послевоенные десятилетия. В частности, не нашли они отражения в сельской социологии времен ее возрождения и дореформенного развития. Поэтому-то и привлекает внимание возрождение их в современной деревне.

Впервые о них стали говорить в годы горбачевской перестройки и все чаще их упоминают в текущие пореформенные десятилетия. Это и есть то новое (а точнее, возрождающиеся историческое прошлое), что характеризует процессы нынешней либеральной трансформации бытия современного сельского населения России. А соответственно, и изменения в традиционной и специфически цивилизованной жизни.

Можно со ссылкой на многие факты сельского бытия утверждать, что детерминируют эти процессы социальные явления, однотипные с теми, которые некогда А.И. Шингарев описал в своем труде «Вымирающая деревня», а именно:

а) обнищание основной части сельского населения;

б) усиление различий в благосостоянии и социальном положении составляющих его общественных групп;

в) последовательно нарастающая антагонизация их не только социальных отношений, но и социально-культурных жизненных позиций;

г) усложнение внешней к российской деревне социально-

политической и идеолого-мировоззренческой обстановки, нарастание ее манипулятивного характера, в чем рядовым сельским обитателям становится все труднее ориентироваться и что ведет к утрате ими их ценностных ориентаций;

д) опережение темпами обновления социальной реальности российской деревни и внешнего по отношению к ней мира, причем преимущественно негативного, темпа роста возможностей ментального усвоения его сознанием и мышлением большинства сельчан, их социально-психологической адаптации к переменам в их жизни.

Безусловно, что эти «старо-новые» явления достойны стать предметом анализа с позиций различных социальных и гуманитарных наук. В центре нашего внимания в рамках реализации ранее упомянутого проекта ИАС в силу направленности наших научных интересов оказался анализ так или иначе связанных с этими явлениями социальных аспектов бытия сельчан и групповой дифференциации субъектов сельских общностей. При этом оказалось, что они определенно свидетельствуют о процессах утраты современной российской деревней целостности связей общественных отношений и образа жизни ее населения как результатов проявлений негативных типов активности и взаимодействий, присущих социальным субъектам: общности, образующим ее личностям.

Особый интерес вызвала при этом дифференциация субъектно-объектной специфики проявления закономерностей общественного бытия у различных страт сельских общностей, отражения ее в субкультурах их ментальности и поведения.

Вообще-то, по нашему мнению, все глубже вникая в противоречия ухудшения в социально-экономической, в том числе в социоструктурной ситуации современного бытия деревни, ее исследователи, судя по специальной литературе, на эти стороны его пока обращают мало внимания. Хотя, казалось бы, и их должны были бы насторожить тенденции усиления не только в городе, но и в пореформенной деревне всех стран СНГ проявлений иррационализма в сознании, мышлении и поступках все больших масс их населения.

Они находят отражение в статистике правоохранительных органов, которая фиксирует укоренный рост девиантного поведения сельчан, особенно молодых, динамику количества внешне не мотивированных преступлений, самоубийств, алкоголизма и наркомании в деревне. Или в таких, обнаруживаемых в ходе социологических опросов явлениях, как «идейное оправдание» сельскими жителями их немотивированной внешними обстоятельствами лености. Из-за их добровольного отчуждения от физического труда, проехав десятки деревень, не увидишь в застраивающих травой полях ни одной личной животины, а на деревенских подворьях ни

одной курицы или иной домашней птицы.

В этом трудно не увидеть зарождение аномичного кризиса рациональной ментальности и поведения нынешнего сельского населения, чреватого для его функционирования и развития многими проблемами. Между тем именно с его явлениями, как показал дальнейший анализ, мы и столкнулись в ходе наших собственных обследований бытия Центральной сельской России.

В городах, особенно в крупных, проявления аномализации ментальности их населения уже встревожили не только правоохранительные и прочие властьпридерживающие структуры, но и обществоведов, в том числе социологов. К сожалению, заметных практических результатов в предотвращении этого явления ни у тех, ни у других, ни у третьих пока, на наш взгляд, не видно. Появились, правда, отдельные частные размышления о некоторых его гранях, но больше социально-психологического характера. Нет даже общеприемлемой дефиниции самого явления, его природы, структуры, движущих сил.

Аналогичная ситуация сложилась и за рубежом. Но, поскольку первые проявления аномализации ментальности масс людей на Западе проявились значительно раньше, чем России, по крайней мере, об этом свидетельствуют памятные для европейских стран «конфликты поколений», то концептуально-теоретическое наследие его социологии в осмыслении этого феномена довольно разнообразно и представляет для нас определенный интерес.

С одной стороны, вышеназванные явления породили их концептуальные леворадикальные, опирающиеся на «фрейдо-марксистские» предпосылки социологические версии Герберта Маркузе¹ и его последователей. В то же время конфликт поколений реанимировал интерес к классическим работам К. Мангейма о нарастании отчужденности друг от друга и своеобразии их культур, особенно молодежной.

Подключившийся к исследованию последней Т. Парсонс провозгласил, что функция молодежной субкультуры состоит в том, чтобы помочь новому поколению не только «выпорхнуть из гнезда, но и получить взрослую роль». Однако большая группа исследователей – Т. Роззак, Ч. Рейч, Д. Йингер, Г. Дэвис, Б. Бергер и др. – не согласилась с концепцией Парсонса. Она утверждает, что молодежная субкультура не столько инкорпорирует императивы «взрослой» культуры, сколько создает совершенно иное «культурное поле», причем настолько отличное от нее, что может быть названа контркультурой, дестабилизирующей энергией которой преобладает над стабилизирующей. Она есть форма поиска и овладе-

¹ Marcuse H, *Eros and civilization*. Boston.1955; Маркузе Г. Одномерный человек.1964; Он же. Очерк об освобождении.,1969; Он же. Контрреволюция и бунт.,1972 и др.

ния нового мировоззрения и овладения им.

Среди других теорий заметное место занимают постулаты, гласящие, что эти процессы свойственны «ломинальным сообществам» индивидов, вышавших из господствующего общества по причинам их неспособности или нежелания адаптироваться к общепринятой системе норм и ценностей. Охватывая все более значительную часть современного человечества, особенно молодые поколения развитых стран, эти сообщества свидетельствуют о начале пагубной для его социальности эпидемии нон-огенных неврозов как следствия распада ценностей, идеалов и духовного ядра культуры.

Допускаем, что именно с такими явлениями мы и столкнулись в бытие современного сельского населения центрально-европейских и северо-западных областей. Они характеризуются хаотическим зарождением и функционированием социально ущербных субкультур.

Вообще-то, уже в советских республиках, как и в большинстве прочих стран мира, в послевоенные годы также нарастили отличия в ценностях и нормах, свойственных разным поколениям, но в СССР до середины 80-х годов они не выходили за рамки умеренных социальных различий.

Субкультуры в классических вариантах – «бичи», стиляги, хиппи, битники, рокеры – отмечались в нем в основном в городах, причем в отличие от Запада, они были представлены малочисленными сообществами и не оказывали существенного влияния на культурное развитие их населения. И, безусловно, даже в городах они были далеки от того, чтобы порождать значимый вид социоструктурной деградации в результате аномализации ментальности населения.

Что же касалось сельских сообществ, сохранивших традиционный образ жизни и в основном крестьянскую ментальность, то эти различия были преимущественно несущественными.

Толчок интенсивному росту разнообразия субкультур, молодежных в первую очередь, дала горбачевская перестройка. Проходившая под лозунгами приобщения к мировым «общечеловеческим ценностям», она ускорила формирование политики и практики радикально-либеральной и неолиберальной трансформации социокультурной целостности некогда, в том числе в позднесоветские времена, особых по цивилизационной природе российских общественных структур.

Поскольку в деревне все (не)либеральные реформы проводились в нашей стране в алгоритме крайне радикальной трансформации ее традиционных устоев, старшие поколения ее населения из-за их неспособности быстро адаптироваться к нежданным переменам оказали и оказываются пассивное сопротивление им. Пожилые люди и старики по сию пору сохранили, как свидетельствуют исследования Института аграрной социо-

логии, в своей ментальности значительную часть ценностей советской цивилизации¹. Зато молодежь, как это и соответствует ее природе, наоборот, оказалась весьма восприимчивой к этим переменам. В результате возникла пропасть в образе жизни разных возрастных групп сельского населения, порождающая поколенческую конфликтогенность в их сознании, мышлении и поведении.

Притом, не ту здоровую конфликтогенность, при которой бытие и сознание модернизируются через разрешение конфликтов, а разрушительную, отмеченную антагонизмом традиционального бытия старших поколений и растительно-пассивным или агрессивно-иждивенческим типом аддиктивного бытия все больших масс сельской молодежи.

Последнее в нынешней российской деревне характеризуется, как уже отмечалось, зафиксированным нами «идейно оправдываемым» тунеядством одной ее части, насилием над стариками, вплоть до ставших известными обществу массовых фактов убийства их из-за грошовых пенсий, другой.

Ключ аддиктивности части сегодняшних сельчан в сбоях функционирования механизмов социальной культуры. Социальная культура – одна из фундаментальных категорий социологии общества. Она характеризует социальные механизмы регулирования общественных отношений и процессов, массового сознания и мышления, интересов и поведение общества и его субъектов. В познавательном пространстве социологии социальная культура представляет собой частную теорию познания общественных отношений.

А молодежь, что в городе, что на селе, особенно школьная и вузовская, находящаяся на этапе социального старта, представляет собой главный объект социализации, активно превращающей ее в полноценный субъект общественных отношений².

¹ См.: Староверов В.И., Захаров А.Н., Староверова И.В. Тупики современных реформ российской агросфера. – Гл.4. – М., 2013.

² Взаимосвязи социологии общества и социологии молодежи многогранны, поэтому познание выражающих их процессов требует междисциплинарной методологии. Познание многих аспектов пространства переплетения этих, обусловленных аддиктивностью взаимосвязей требует использования категориально-понятийного аппарата социальной психологии, социальной работы, культурологии, теорий девиантного поведения и других дисциплин. Его результаты могут быть полезны не только социологам, психологам и правоведам, но и широкому кругу обществоведов и гуманитариев, а также педагогам, политикам, работникам правоохранительных органов и сферы управления.

Теоретический аспект такого познания требует в первую очередь выявления системного алгоритма проявления социальной культуры как иерархически организованного механизма или способа регуляции общественного поведения ее субъектов, а также специфики ее формирования в страте молодежи, находящейся на пороге социального старта. Его результаты, особенно прикладного исследования состояния и тенденций развития основных компонентов социальной культуры современной российской молодежи, находящейся в состоянии прохождения социального старта, могут быть весьма значимы этих для практики совершенствования национальной молодежной политики и управления образовательно-воспитательными процессами.

Отечественная и зарубежная статистика, информационная служба ПРООН ЮНЕСКО и другие источники все более убедительно констатируют, что в массах населения стран СНГ, в том числе в России, имеют место последовательный *рост по одним направлениям* и *временная стагнация по другим*, их асоциального и даже неправового – девиантного и делинквентного – поведения.

Вообще-то, как явствует из доклада Всемирного банка о тенденциях мирового развития, рост такого поведения имеет глобальный характер, но на постсоветском пространстве его динамика выше среднемировой¹. Несмотря на постоянное, временами малооправданное смягчение, карательной практики, растут масштабы нарушений общественного порядка и законов. Эти тенденции свойственны практически всем слоям населения. Проявилась она уже и в современной российской деревне.

Эти явления находятся во взаимосвязи с усилением аддиктивности сознания и мышления людей. Такая взаимосвязь особенно характерна для группы молодежи, находящейся в условиях выбора путей своего жизненного самоопределения. Как показали выборочные опросы, проведенные нами среди старшеклассников ряда районов Центрального региона, среди них уже сформировалась довольно устойчивая тенденция роста установок на нетрудовой образ жизни, причем 20–21% их в принципе допускают возможность совершения ими антиобщественных деяний.

Опросы показали, что выраженность у них таких ориентаций в деревнях этого региона пока ниже, чем в его крупных городах, и выше, чем в сельской местности других районов России. Однако наш опыт исследований аналогичных явлений свидетельствует, что темпы *роста* их тем выше, чем дальше живут люди от городских центров. Контроль их поведения со стороны правоохранительных структур тем не эффективнее, чем более дисперсно расселение периферии.

Как и в других современных общностях, для определенной части сельского населения становятся свойственными раздвоенность, иррациональность сознания, известные науке как «феномен Пиаже»². Как известно, этот классик социальной психологии обнаружил, что многие дети, слабо адаптировавшиеся к социальной среде подростки, а также взрослые не владеют инструментами меры, – «принципом сохранения величины, качества или количества». Между тем без этого невозможна никакая рациональная деятельность.

«Феномен Пиаже» помогает понять социально-психологическую

¹ «Доклад о мировом развитии – 2007 // См. Новая газета. 2007. – №5. – С.16–17.

² Жан Пиаже популярный в советском обществоведении 60–70 годов французский классик социальной психологии XX столетия.

природу аддиктивности современных российских сельчан. Она в том, что не готовые взглянуть в лицо новой, пугающей их социальной реальности жители нашей современной деревни бессознательно или намеренно глушат в своей ментальности инструменты рационального мышления. Они создают для себя иллюзии непонимания подлинных социальных отношений этой реальности или пытаются их игнорировать, усугубляя алогичности своего поведения.

При субъективной видимости причин аддиктивности подлинные ее источники в деревне весьма объективны. Глубинные причины настроений, порождающих явления аддиктивности сельчан, кроются в современном состоянии ее как подсистемы общества. В то же время механизмы их зарождения, в конечном счете, упираются в дефицит социальной культуры у нынешнего сельского населения, формирование которой сегодня выходит в число приоритетных вопросов деятельности реформируемых деревенских поселенческих общинностей. А это – уровень задач создания социальных условий для интериоризации жителями российской деревни их готовности следовать морали и нравственности общежития и видеть в этом свой непосредственный интерес. Что, похоже, в современной ситуации в ней сделать не удается из-за неприятия сельчанами этих условий.

Аддиктивность населения российской деревни порождается как общими условиями функционирования общества России, так и специфическими факторами ее нынешнего существования как социально-территориальной общности, целостной совокупности свойственных ей социальных групп. Мейнстримом первой в ходе ее либеральной трансформации становится утрата ею социальной, прежде всего, социально-экономической, социально-политической и социокультурной субъектности, а второй – потеря ключевых, интегрирующих целостность системы ментальных связей.

Эти обстоятельства сильнее всего сказываются на сознании, мышлении и поведении наиболее значимых для будущего деревни групп молодежи, охваченных процессами социального старта и потому наиболее подверженных внешним влияниям и обремененных качествами готовности к подражаниям и заимствованиям моделей жизнедеятельности.

Учитывая эти обстоятельства, а также обусловленную возрастными особенностями психологическую склонность молодежи к стадности поведения, в силу чего оно приобретает зависимый характер, представляется несомненной актуализация необходимости в системном и систематическом познании состояния и сущности проблем обеспечения расширенного воспроизводства ее социальной культуры. Впрочем, очевидно не только

ее, но всех социальных групп российского сельского населения¹.

Осмыслия наиболее значимые проявления вышеупомянутых процессов, мы пришли к выводу, что именно они становятся новыми элементами трансформируемого реформами образа жизни сельского населения обследованных нами районов Центра России. При этом считаем необходимым обратить внимание читателя на следующие, характеризующие нынешнее состояние этого образа жизни обстоятельства:

– бытие сельского поселенческих общностей в последние десятилетия утратило большинство признаков его социокультурной и территориально автономной периферии. В ходе пореформенного стремления либералов привести Россию к мировым, считайте к западным, цивилизационным ценностям и адаптировать ее к ним в ходе 19-летних переговоров о вхождении в ВТО данные поселенные структуры приобрели качества *глобальных общностей*, и вследствие этого внутренние детерминации их развития и функционирования все более утрачивают связь с энергией составляющих данные общности субъектов, становятся вторичными по отношению к детерминации их жизнедеятельности внешними к ним факторами и условиями более общего, если только не глобального характера;

– динамика жизнедеятельности российской деревни, ментальности ее населения подчиняется изгибам государственной политики России, однако сама эта политика, адаптируясь к требованиям соглашения о вступлении нашей страны в ВТО, становится все более зависимой от внешних стране сил. И потому она все явственнее превращается в бледное отражение регионально-глобальной политики западных структур управления процессами формирования нового мирового порядка.

Реализация этой политики воскрешает в российском социально-территориальном пространстве в целом, в том числе в деревне как его социокультурной подсистеме, реалии далекого прошлого, то есть раннего капитализма, а не популярной сегодня стратегии построения постиндустриального общества. Между тем ныне даже должны приводить такую

¹ Применительно к сельской страте молодежи, стоящей на пороге социального старта, познавательная проблемность тематики весьма специфична. Она, как и в городе, обусловлена тем, что в силу спонтанности эскалации асоциального поведения представителей данной страты и чрезмерно интенсивных перемен в обществе в целом, а в деревне особенно, эта молодежь и управляющие молодежной политикой государственные и общественные структуры недостаточно ясно представляют характер взаимосвязи общественных отношений и явлений с регулятивным потенциалом социальной культуры. И, следовательно, не могут эффективно опереться на данный потенциал, чтобы укротить эскалацию свойственных им негативов, связанных с названным противоречием.

Существенное значение имеет и то тревожное обстоятельство, что сами обществоведы нередко затрудняются в выявлении механизмов формирования и воспроизведения социальной культуры. И тем более, механизма регулирования отношений социально-культурной системы, представляющего собой устойчивую структуру взаимодействия социальных субъектов по поводу нормативных ценностей, мотиваций, установок, выражаемых структурами и типами их сознания и поведения. Решение связанных с этим задач ложится, прежде всего, на социологов, культурологов, социальных психологов и педагогов.

стратегию руководители МВФ, создатель Давосского форума Клаас Шваб и другие лидеры Запада заговорили об ущербности капиталистического строя, необходимости его обновления. Не способная уловить эти тенденции общемировой политики (нео)либеральная российская элита реализует хаотичную практику управления страной, осложненную к тому же его криминально-коррупционными крайностями. Отсюда вытекают нарастающие противоречия в функционировании российского общества и особенно его сельской социально-территориальной подсистемы как специфического, пространственного выражения их цивилизационной организации;

– наиболее яркими проявлениями этих противоречий сегодня являются социально-экономическая и социокультурная деградация российской деревни как подсистемы общества и ее субструктур, что подтверждается статистикой все более интенсивного исчезновения сельских поселений. Вина за эту деградацию ложится не только на либеральную правящую элиту России, но и на различные отряды мировой буржуазии и обслуживающие их интересы наднациональные и национальные структуры управления. Повинны в этом и компрадорский по своей природе российский крупный частный капитал, а также обслуживающие его экономические интересы региональные руководители;

– не менее значимым проявлением указанных выше противоречий является зародившаяся в ряде краев уже в советское время депопуляция сельской местности, охватившая в пореформенный период большинство регионов. Ее причинами стали, с одной стороны, формирующийся с 90-х годов в менталитете сельчан «синдром демографического самоубийства», показателем которого можно считать растущее нежелание их заводить и воспитывать детей, с другой, отчуждение от деревни и космополитическое кочевничество все больших масс ее аборигенного населения. Обращает на себя также внимание далекая от межнациональной толерантности, ставшей главной приметой современного бытия, динамика этнографической структуры населения российской деревни в целом, ее окраинных поселений в особенности;

– тенденции нарастания аномализации ментальности сознания и мышления, а также аддиктивности поведения сельчан становятся мейнстримом процессов современного воспроизведения российского сельского населения, что ставит под вопрос более-менее отдаленного сохранения самодостаточного существования деревни как обладающей своими относительно самостоятельными интересами, прежде всего, социокультурными, и субъектностью социально-территориальной подсистемы общества.

Эволюция ментальности и поведения населения российской деревни в зеркале существования ее в координатах трех социально-экономических

эпох человеческой истории в своих наиболее типичных чертах отразила постсоветскую противоречивую судьбу практически большинства традиционных общностей СНГ. Они некогда не без издержек, но в целом успешно прошли транзитом из полумануфактурного состояния позднего феодализма в стадию развитого индустриализма. Однако ныне, вопреки тенденциям мирового общественного прогресса, они же, не оседлавши гребни технологического вхождения в постиндустриальную fazу планетарной социальности, вновь возвращаются на доиндустриальный уровень своего функционирования. Происходит это, на наш взгляд, по вине малоквалифицированных либеральных реформаторов, заангажированных к тому же далекими от подлинных интересов этих общностей силами.

Чтобы оценить подлинную масштабность и глубину этих процессов, необходимы междисциплинарные системные исследования пореформенной эволюции данных феноменов с использованием во многом отличных методологий и техник. Только это, надеемся, позволит обеспечить то самое пресловутое мультиоретическое изучение сельской действительности, вокруг которого в последние десятилетия поломано немало познавательно-критических копий.

В социально-политическом аспекте результаты таких исследований, полагаем, позволят увидеть, что каждая эпоха имела свои позитивные и негативные достижения в присущей ей практике. И, следовательно, сегодня крайне неэффективно с точки зрения общественной пользы игнорировать или даже враждебно относиться к оппозиционным друг другу точкам зрения на потенциал альтернативных по политico-управленческим подходам стратегий общественного развития. Особенно в его аграрно-сельской области.

В идеологическом отношении эти результаты подскажут адептам непогрешимости их мировоззренческих подходов к социальному обоснованию социально-экономической, социокультурной и морально-нравственной эффективности тех или иных путей преобразования общественной и духовной жизни. Что, несомненно, будет способствовать позитивному сотрудничеству разных общественных сил на благо расширенного воспроизводства гуманистической социальности.

Только на путях позитивного отношения к взглядам друг друга можно обеспечить политическую консолидацию усилий всех основных общественных сил на обеспечение социокультурного прогресса российского общества и, прежде всего, деревни, как естественно-исторического фундамента его цивилизационной самости.

Литература:

1. Шингарев А.И Вымирающая деревня. – СПб., 1903.
2. Сорокин П. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд

- об основных формах общественного поведения и морали. – СПб, 1999.
3. Жан Пиаже. Избранные психологические труды. (Аддитивные и мультиплексивативные композиции). – М., 1969
 4. Marcuse H, *Eros and civilization*. Boston, 1955; Маркузе Г. Одномерный человек. 1964; Он же. Очерк об освобождении., 1969; Он же. Контрреволюция и бунт., 1972 и др.
 5. Валлерстайн. После либерализма. – М., 2003.
 6. Староверов В.И., Староверова И.В. Девиация правосознания и правоповедения российской молодежи. – М., ИСПИ РАН, 2008.
 7. Староверова И.В. Либеральные механизмы воспроизведения потерянных поколений российской молодежи // Гуманизм и право. – 2008. – №4(9).
 8. Староверова И.В. Правовая культура: теоретико-методологические рефлекции ее познания. – М., ИСПИ РАН, 2011.

ГЛАВА 11

ДИВЕРСИФИКАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ ЗАНЯТОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Современное состояние сельского рынка труда обусловлено трансформацией институциональных рамок его функционирования, появлением новых субъектов рынка (фермеров, индивидуальных предпринимателей, крупных агрофирм), формированием новых способов и механизмов их взаимодействия, а также отработкой систем контроля и санкций за нарушение трудового законодательства. Специфическими чертами современного сельского рынка труда являются узкий выбор и низкое качество рабочих мест; неразвитость инфраструктуры рынка труда; анклавизация рынка труда; широкие масштабы безработицы; низкая цена сельскохозяйственного труда, натурализация его оплаты; низкий уровень развития человеческого капитала. Финансово-экономический кризис 2008-2010 гг. усилил и обострил проблемы сельского рынка труда вследствие увеличения масштабов и продолжительности безработицы, обусловил дестандартизацию и флексибилизацию занятости.

Под стандартной занятостью принято понимать занятость по найму в режиме полного рабочего времени на основе бессрочного договора на предприятии или в организации. Все формы занятости, отклоняющиеся от принятого стандарта, включая самозанятость, могут рассматриваться как нестандартные. Нестандартные формы занятости слабо регулируются государством, характеризуются высокими рисками, отсутствием социальных гарантий, нестабильностью доходов, ограниченностью возможностей для карьерного роста и другими негативными последствиями. К ним можно отнести все виды занятости, отклоняющиеся от установленной нормы рабочего времени: неполную, временную, случайную занятость, занятость по контракту на определенный срок, вторичную и сверхурочную занятость. Нестандартной является занятость в неформальном секторе экономики (в домашнем и личном подсобном хозяйстве, индивидуально-трудовая деятельность, занятость по найму у физических лиц), а также неофициальная, недокументированная занятость в формальном секторе экономики.

Анализ динамики численности и структуры занятых в аграрном секторе показал, что на сельском рынке труда происходили процессы, аналогичные тем, что в экономике в целом. Аграрный сектор, как и вся экономика страны, претерпела тяжелейший кризис в период реформ. Сокращение объемов производства достигло угрожающих размеров, встал

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований (проект № 13-06-00193).

вопрос о продовольственной безопасности страны. Однако численность занятых в сельском хозяйстве до середины 2000-х годов сокращалась более медленными темпами по сравнению с падением объемов производства (рисунок 1).

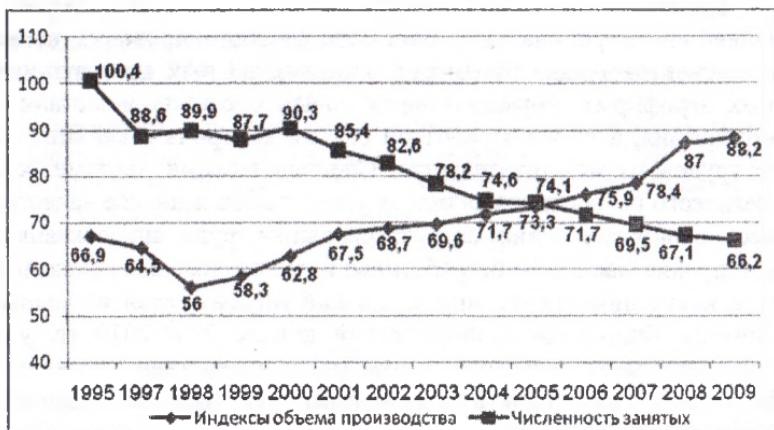

Рисунок 1. Динамика объема производства и среднегодовой численности занятых в сельском хозяйстве Российской Федерации в 1995-2009 гг. %
(1990=100%)¹

Высвобождение излишней рабочей силы – явление прогрессивное и закономерное. Складывающиеся тенденции соответствуют общемировым тенденциям. Межстрановые сравнения свидетельствуют о том, что в России доля работников сельского хозяйства в общей численности занятых выше по сравнению с развитыми странами (8,3% против 1,5–4%). Это говорит, с одной стороны, о более низкой производительности труда в отечественном сельском хозяйстве, а с другой – о наличии социальных барьеров, сдерживающих до последнего времени интенсивное высвобождение рабочей силы. В более отдаленной перспективе наметившиеся тенденции сохраняться в силу развития новых технологий, робототехники, биотехнологий и генной инженерии. Если говорить в целом об экономике, то речь идет не просто об устраниении определенных профессий и видов работ, а об общей тенденции к сокращению потребности в непосредственном человеческом труде. Поэтому современный экономический рост, основанный на научно-техническом прогрессе, называют ростом без рабочих мест. По мнению Д. Рифкина, новые технологии означают наступление эры производства, в котором почти нет работающих, причем это происходит на фоне

¹ Рассчитано по: Российский стат. ежегодник 2010 г.: Стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 138, 425.

интенсивного роста населения. Расхождение между ростом населения и сокращением возможности получить работу, будет долго определять геополитику в условиях возникающей высокотехнологичной глобальной экономики¹. Уже сейчас в мире и России появляются полностью компьютеризированные фермы, которые обеспечивают повышение производительности при резком снижении объемов живого труда.

Уменьшение численности занятых в сельском хозяйстве происходило на фоне *сокращения рабочего времени работников*. Эту тенденцию можно проследить по показателям фактически отработанных часов за год в расчете на одного работника. По данным выборочных обследований населения по проблемам занятости, в 2008 г. каждый четвертый работник сельского хозяйства был занят менее 30 часов, а каждый десятый – менее 16 часов в неделю. В среднем продолжительность рабочей недели работников сельского хозяйства была на 4,3 часа меньше по сравнению со среднестатистическими показателями². Отмеченное сокращение рабочего времени обусловлено как технологическими, так и организационными новациями новых хозяйствующих субъектов, которые проводят гибкую кадровую политику, что, безусловно, рационально с экономической точки зрения. Между тем неполная занятость для сельского населения неизбежно сопровождается сокращением реальных доходов и ухудшением качества жизни.

За последние 20 лет и в кризисные периоды, и в периоды относительного благополучия росли *масштабы общей и зарегистрированной безработицы сельского населения*. По данным обследований занятости населения, численность безработных в сельской местности стала стремительно возрастать, начиная с середины 90-х годов. В 2006 г. она превысила 2 млн. чел., при незначительном ее снижении в 2007 г. и повышении в последующие годы. За период с 1992 по 2009 гг. общая численность сельских безработных утроилась, а число зарегистрированных безработных увеличилось в 8 раз. В настоящее время сельские безработные составляют более половины зарегистрированных безработных при значительно меньшей доле работников сельского хозяйства в общей численности занятых в экономике (рисунок 2). При этом доля работников сельского хозяйства, уволенных в связи с сокращением, превышала средние показатели по экономике в целом: 5,4% против 3,9% в 2007 г. и 4,4% против 3,9% в 2008 г. от общей численности выбывших³.

¹ Jeremy Rifkin. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York: G.P. Putnam's Sons. 1996. – 350 р.

² Труд и занятость в России. 2009. Стат. сб. / Росстат – М., 2009. – С. 94.

³ Там же. – С. 282.

Рисунок 2. Динамика сельской безработицы в Российской Федерации, тыс. чел., 1992-2009 гг.¹

В целом уровень безработицы сельского населения в трудоактивном возрасте (15-72 лет) намного превышал средние показатели по экономике в целом – 10,5% против 6,3%. Как показало обследование занятости населения, около полумиллиона сельских безработных уже отчаялись найти хоть какую-либо работу и перешли в когорту экономически неактивного населения.

Использование высвободившихся рабочих рук на российском сельском рынке труда затруднено в силу чрезвычайно узкого выбора рабочих мест, обусловленного неразвитостью производственной и социальной инфраструктуры, низкой степенью диверсификации аграрной экономики, анклавизацией рынка труда. До последнего времени сельское хозяйство остается доминирующей сферой занятости населения, проживающего в сельской местности. Низкая трудовая и территориальная мобильность населения усиливает напряженность на сельском рынке труда. Кроме того, высвобождаемые работники с их устаревшими знаниями и навыками, как справедливо отмечает А. Шевчук, в большинстве случаев не могут воспользоваться новыми рабочими местами, создаваемыми в высокотехнологичных секторах аграрного производства, оставаясь за бортом постиндустриальной экономики².

¹ Россия в цифрах. 2010: Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2010. – С. 101.

² Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 44–54.

Временная, сезонная, непостоянная занятость. В России, как и во многих странах мира, временная занятость находит широкое распространение, в том числе и в сельском хозяйстве. Она выгодна как предприятиям и фирмам, так и самим работникам. Временная занятость в условиях сужения спектра рабочих мест с полным рабочим временем позволяет незанятому населению найти хотя бы временный источник существования и пережить трудные времена, связанные с потерей или отсутствием постоянной работы. Помимо этого временная занятость позволяет совмещать учебу и работу, предоставляя учащимся и студентам возможность не только получать определенный заработок, но и приобретать практический и социальный опыт.

По данным за ноябрь 2008 г., работающие по найму на основной работе 86,2% – работали постоянно, 7,2% – работали по срочному договору 4,2% – имели случайную работу, 2,4% – работали по договору на выполнение определенного объема работ или услуг. В России доля работников, стаж которых на данном месте работы меньше года, больше 20%¹.

Активные меры по обеспечению безработных временной занятостью стали доминирующим элементом государственной политики по преодолению кризисных явлений в экономике 2009-2010 гг. и важным сдерживающим фактором, позволившим купировать последствия экономического спада и стабилизировать ситуацию на рынке труда.

Совмещение безработицы с элементами занятости У. Бек называл комбинированными формами занятости. Таким образом, массовая безработица через новые формы многообразной неполной занятости интегрируется в систему занятости².

Неформальная занятость. Одним из распространенных видов нестандартной занятости является занятость на основе устного неформального, неофициального найма на работу. По усредненным данным четырех квартальных обследований населения по проблемам занятости, проведенных в 2008 г., в неформальном секторе было занято более 5 млн. сельских жителей или 32,9% от общей численности занятого населения, из них примерно половина была занята сельскохозяйственной деятельностью, а другая половина – несельскохозяйственными видами деятельности. При этом 4,2 млн. человек (72,2%) были заняты только в неформальном секторе. Для 1,1 млн. (22,6%) занятость в неформальном секторе была дополнительным источником дохода к работе вне этого сектора. По сравнению с 2007 годом масштабы неформальной занятости сельского населения незначительно сократились. При этом наблюдаются сезонные колебания в уровне занятости

¹ [Электронный ресурс]; <http://www.polit.ru/article/2011/06/20/rinktruda>. (дата обращения: 07.11.2011).

² Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.

сти в этом секторе. В частности, летом неформальная занятость в сельском хозяйстве и строительстве увеличивается, что связано со спецификой данных видов экономической деятельности¹.

По данным Центра трудовых исследований НИУ ВШЭ, среди работающих по найму на предприятиях работали без оформления контракта – 4,2%, а среди работающих по найму у физических лиц – 7,3% работников. Помимо этого среди работающих не по найму без регистрации работали 3,4% работников. В общей сложности около 15% занятых в экономике страны работали без официального оформления трудовых отношений².

Социологический опрос населения Новосибирской области 2010 г. также показал, что среди городского и сельского населения практика неформальных трудовых отношений является распространенным явлением. На условиях устного найма, устной договоренности работали примерно 13% сельских респондентов. В городе доля «неформалов» была чуть ниже³.

По данным Центра трудовых исследований ГУ ВШЭ, наибольшая доля неформальных работников фиксируется в торговле, строительстве и сельском хозяйстве. Занятые по найму в неформальном секторе зарабатывают примерно на 15-20% меньше, чем аналогичные работники в формальном секторе. Кроме того, многие неформально занятые имеют что-то вроде микробизнеса⁴.

Самозанятость сельского населения. Резкое ухудшение ситуации на сельских рынках труда, трудности, с которыми сопряжено получение статуса безработного и ограниченная социальная помощь людям, лишившимся основного источника средств существования, обусловили увеличение масштабов самозанятости населения. Наиболее распространенной формой самозанятости сельского населения является ведение личного подсобного хозяйства (ЛПХ), которое согласно Федеральному закону «О личном подсобном хозяйстве» рассматривается как форма непредпринимательской деятельности по производству сельхозпродукции.

По оценкам Госкомстата России, на ноябрь 2008 г. численность, занятых в собственных хозяйствах производством сельхозпродукции для реализации, составила 2,6 млн. человек. Помимо этого около 6 млн. человек были заняты производством продукции в ЛПХ для собственного потребления. Примерно половину из них составляли безработные, 3,2 млн. человек помимо деятельности в ЛПХ имеют другое доходное занятие. В

¹ Обследование населения по проблемам занятости, 2008, Таб. 7.1–7.3. Электронная версия.

² [Электронный ресурс] <http://www.rg.ru/2011/07/26/work.html> (дата обращения: 07.11.2011).

³ Данные социологического обследования, проведенного Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН в 2010 г., полевой этап исследования выполнен ООО «Тайга-Инфо Групп». Выборочная совокупность презентировала население Новосибирской области от 18 до 65 лет (N=1419 чел.), проживающих в городской (67%) и сельской (33%) местности.

⁴ Российская Бизнес-газета. 2011, 26 июля.

летнее время уровень занятости в личных подсобных хозяйствах заметно увеличивается. Практика показывает, что ведение личного подсобного хозяйства для сельского населения является надежным способом выживания в условиях перманентных реформ и экономических катализмов.

Неоотходничество, вахтовый метод работы. Отходничество это временный уход сельских жителей на заработки в города или другие сельские районы. О масштабах этого явления можно судить по экспертным оценкам, согласно которым на 1000 сельчан приходится 10 жителей, регулярно выезжающих на заработки в крупные города. Среди немногочисленных, если не единственных, работ в этом направлении можно назвать исследование неоотходничества в Волгоградской, Самарской и Саратовской областях, проведенных саратовскими социологами под руководством П.П. Великого. В ходе исследования были выявлены основные причины сезонной трудовой миграции сельских жителей: отсутствие работы по месту жительства из-за ликвидации предприятий – 23,4% мужчин, 18% женщин, или отсутствия вакансий – 12,1% мужчин и 28% женщин, 52,3% мужчин и 46% женщин не устраивает уровень оплаты труда на имеющихся рабочих местах. Основными мотивами работодателей, предпочитающих сельских отходников гастарбайтерам, являются готовность работать при любой оплате (20,6%) и сверх установленной нормы: по 10-12 часов в сутки (59%), непрятязательность и нетребовательность к бытовым условиям: 25% опрошенных жили в общежитиях, 32,7% – в вагончиках, 23,4% – снимали квартиры¹.

На наш взгляд, мотивация отмеченных предпочтений работодателей обусловлена также необходимостью получения разрешения на привлечение иностранной рабочей силы, а также внесения определенной платы за ее использование. К тому же работодатель несет ответственность за соблюдение требований законодательства при работе с трудовыми мигрантами.

Вахтовый метод нашел широкое распространение в период разрушительных аграрных реформ 90-х годов, когда безработные селяне уезжали на вахту в ближайшие города или регионы, работая на стройках, в нефтедобывающих компаниях, а также на уцелевших заводах и предприятиях. Но и сейчас много селян, в основном мужчины, уезжают на вахту.

Предпринимательство и индивидуально-трудовая деятельность.

По усредненным данным за февраль-ноябрь 2008 г. 6,5% занятого населения в РФ занимаются предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, включая лиц, занятых на индивидуальной основе, а также в домашнем хозяйстве производством продукции сельско-

¹ Великий П.П. Неоотходничество, или лишние люди современной деревни // Социс. – 2010 – №9. – С. 44–49.

го, лесного хозяйства, охоты, рыболовства, предназначеннай для реализации, 10,5% работают по найму у частных лиц и индивидуальных предпринимателей.

Сельский «фриланс» как новый социальный феномен. Трансформация аграрных отношений 1990-2000-х годов сопровождалась масштабным высвобождением рабочей силы, сужением сфер приложения труда вследствие так называемой «оптимизации» социальной инфраструктуры и банкротства неуспешных сельскохозяйственных предприятий. Потерявшие работу сельскохозяйственные работники образуют социальную группу, практически исключенную из сферы формальной экономики и гарантированной постоянной занятости. Они вынуждены либо полностью переключаться в личное подсобное хозяйство, заняться предпринимательской деятельностью, либо самостоятельно формировать портфель работ или заказов, т.е. превращаться в сельских фрилансеров.

«Портфель работ» – это набор видов деятельности, которые осуществляются индивидом или семьей на протяжении определенного времени. Портфельная занятость радикально меняет уклад и образ жизни сельского населения. Концепция «портфеля работ» предложена английским теоретиком менеджмента Чарльзом Хэнди. «Портфель работ» – это набор видов деятельности, которые включают в себя работу за оклад, являющийся вознаграждением за отработанное время; работу за контрактное вознаграждение, которое выплачивается за определенный результат работы; домашнюю работу; бесплатную работу; работу по приобретению знаний (обучение, самообразование). Отказавшись от стереотипа восприятия нестандартных форм занятости как неполноценных и собрав их в единый портфель, человек может умело контролировать финансовые потоки в разные периоды своей жизни с учетом жизненных обстоятельств. В этом смысле самозанятость, занятость неполный рабочий день, временные подработки, производство товаров и услуг в домашних условиях вместо их покупки могут создать более устойчивый и одновременно гибкий фундамент материального существования, не говоря уже о свободе распоряжения собственной жизнью¹.

Согласно определению Д.О. Стребкова и А.В. Шевчука, фрилансер – это независимый профессионал высокой квалификации, который не состоит в штате организаций и не включен в традиционные трудовые отношения, а самостоятельно реализует свои услуги на рынке различным клиентам, не являясь субподрядчиком единственного заказчика². По мнению авторов, фриланс является разновидностью самостоятельной занятости,

¹ Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

² Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда. 2010 // [Электронный ресурс]. http://www.iras.ru/files/File/Socis/2010-2/Strebkov_Shевчук.pdf. (дата обращения: 17.10.2011)

характеризующейся высоким уровнем независимости и автономии в трудиной деятельности. Применительно к фрилансу речь идет, как правило, о высококвалифицированных работниках умственного труда, предоставляющих профессиональные услуги.

По мнению специалистов ГУ-ВШЭ, осуществивших массовый интернет-опрос фрилансеров (N=8613), в России сформировался рынок фриланса. При этом для каждого пятого респондента фриланс был единственным источником дохода, остальные сочетали фриланс с другими видами оплачиваемой и неоплачиваемой занятости: 45% являлись штатными сотрудниками учреждений или фирм, 18% обучались в вузе, 9% имели собственный бизнес, 5% находились в отпуске по уходу за ребенком. Основными видами деятельности фрилансеров были дизайн и веб-дизайн, разработка сайтов и программирование, переводы, копирайтинг, журналистика, предоставление рекламных, маркетинговых и консалтинговых услуг, а также проектирование и промышленный дизайн. Оказалось, что быть «чистым» фрилансером более выгодно в финансовом отношении, нежели быть офисным работником. К тому же фрилансеры могут свободно распоряжаться своим личным временем. Беспокоит фрилансеров нестабильность и непредсказуемость будущих доходов и вероятность обмана со стороны заказчиков, так как их трудовые отношения носят, в основном, неформальный характер. Фрилансеры самостоятельно договариваются с работодателем относительно условий найма и работы. Они не включены в систему коллективных договоров и социальной защиты¹.

Практика показывает, что привлечение фрилансеров для выполнения какой-либо работы выгодна и работодателям, так как они экономят на социальных расходах (оплата отпуска, больничных листов, декретных отпусков и т.п.), организации рабочего места, профессиональном обучении и т.п.

Как становятся фрилансерами на селе? Приведем несколько типичных историй сельских фрилансеров².

История первая. Мужчина 20 лет, без профессионального образования после прохождения срочной службы в Армии остался без работы. До Армии работал грузчиком-экспедитором на хлебокомбинате. Платили мало – 8-9 тыс. руб. в месяц, поэтому возвращаться туда не стал. Ищет работу почти год. Но... «На работу никуда не берут без стажа работы, а откуда стаж, когда на работу не берут?». Получается замкнутый круг.

¹ Вязникова В.В., Стребков Д.О. Финансовое поведение российских фрилансеров: возможности и ограничения // Социологический журнал. – 2009 – № 4. – С. 41-64.; Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: мотивация и организация труда // Социальная реальность – 2008. – №1. – С. 23-39; Шевчук А.В. Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы // Экономическая социология. – 2008. – Т.9. – №1. – С.51-64.

² Данные пилотного исследования проблем занятости в одном из сельских районов Новосибирской области, проведенного при участии автора в июне 2011 г. Проведено 40 углубленных интервью.

Работать не по месту жительства не согласился бы, так как здесь дом, семья, приусадебный участок, огород. Заняться предпринимательской деятельностью, создать собственное дело не собирается из-за отсутствия образования. В настоящее время (более шести месяцев) подрабатывает ремонтом техники, машин. Условия оплаты труда по устной договоренности, график работы разный, если много заказов, то плотный. Заказчиков находит через знакомых, родственников. Считает свою непостоянную занятость вынужденной мерой, состоит на учете в службе занятости, хотел бы найти постоянную работу, связанную с ремонтом техники. Плюсом фриланса считает наличие свободного времени, а недостатком – непостоянство получаемых доходов, а «ведь надо детей кормить, жену».

История вторая. Мужчина 51 год, пятнадцать лет работал «холодильщиком», сейчас занимается ремонтом бытовой техники. Клиенты сами его находят, когда есть потребность. В селе есть спрос на бытовые услуги, люди готовы платить за сервис. Свою работу старается выполнить качественно, так как в деревне все на виду: что не так сделаешь, – никто больше не придет. В городе расценки в 3–4 раза выше, но туда не пробиться. Была попытка заняться предпринимательством, открыть собственное дело. Походил на курсы, но потом «перестал играть в игры с государством, каждому чиновнику не хочется кланяться». Хотел бы найти постоянную работу. Более полугода состоит на учете в службе занятости. «Если бы не пенсионные отчисления, стаж, не ходил бы не прогибался». С предыдущего места работы вынудили уйти, так как перестали платить. Плюсы в свободной занятости видит в том, что есть возможность больше отдыхать, но... «заболел – кусок хлеба никто не принесет».

История третья. Мужчина 49 лет, профессионального образования не имеет, работал в совхозе лет 10 строителем, платили 120–150 рублей, когда распался совхоз, работы не стало. Вначале пил, теперь закодировался. Ездит по деревням на своей машине, занимается возведением построек, делает двери, окна, полы. Стал самостоятельно планировать свою работу на год, клиентов либо сам ищет, либо они его находят. Работает с утра до вечера без выходных и праздников. «Заработка хватает, работаю на себя, никому ничем не обязан и мне никто ничего не должен, и детей растим также». Это его личный выбор, постоянную работу в организации или на предприятии не ищет. Летом ездил в город, занимался строительством, заработал на машину, но хочет жить дома, члены семьи ему помогают, как могут. Отрицательных сторон в самостоятельной занятости не видит.

Таким образом, сельский фриланс – это вид неформального самостоятельного труда сельских жителей по предоставлению услуг клиентам (заказчикам) по соглашению сторон.

Сельские фрилансеры – это мастеровые люди, которые либо по собственному выбору, либо вынужденно во время длительной безработицы или неполной занятости самостоятельно занимаются производством услуг. Они обладают определенным авторитетом и пользуются доверием со стороны односельчан. Сельские фрилансеры, как и городские, самостоятельно формируют портфель работ (услуг) на определенный срок в рамках одной или нескольких профессий (строители, механизаторы, портные, парикмахеры, слесари) на основе устной или письменной договоренности с заказчиком (клиентом). В значительной степени сельские фрилансеры закрывают нишу по бытовому и сервисному обслуживанию населения, сведенному на нет во время перманентных экономических реформ.

Портфельная занятость меняет уклад и образ жизни сельского населения, так как она позволяет фрилансерам самостоятельно распоряжаться своим временем, устанавливать удобный для них режим труда и отдыха, регулировать интенсивность труда, совмещать разные виды занятости, а в период длительной безработицы путем фриланса включаться в сферу занятости. Однако фрилансеры лишены права получать социальные выплаты (оплата больничных листов, отпуска и т.п.) и имеют неясные перспективы с пенсионным обеспечением.

Застойный характер сельской безработицы (в 2010 г. – 38,6%) формирует устойчивую группу лиц, не имеющих постоянной работы, не связанных контрактом с какой-либо организацией и вынужденных самостоятельно решать проблему занятости. Таким образом, длительно неработающее население образует социальную базу развития сельского фриланса. Ряды фрилансеров пополняются также за счет тех людей, которым надоело «гнуть спину то на колхоз, то на частников». Со временем часть сельских фрилансеров может зарегистрироваться как индивидуальные предприниматели или создать собственную фирму. Часть из них при наличии вакансий пополнят ряды наемных работников на предприятиях и в учреждениях, а часть предпочтут фриланс. Во многом их выбор будет зависеть от проводимой политики занятости.

Представленная мозаичная картина свидетельствует о том, что произошла смена моделей занятости сельского населения: переход от гарантированной полной занятости к нестандартным формам на основе срочных или временных контрактов или недокументированной занятости. Причем в аграрном секторе этот переход происходил более остро и болезненно по сравнению с другими сегментами экономики ввиду чрезвычайного узкого выбора сфер занятости в сельской местности и специфики высвобождае-

мой рабочей силы. Сокращение отработанного времени, внушительные масштабы и застойный характер безработицы обусловили экстремально высокий уровень бедности сельского населения, углубление неравенства и социальных диспропорций. Отсутствие ясных перспектив вынуждает часть сельских жителей покидать родные места в поисках работы в городах и других регионах. Оперативные меры, предпринимаемые властями по созданию временных рабочих мест, безусловно, сыграли положительную роль в смягчении последствий затяжного экономического кризиса, но не решили проблему занятости населения кардинально.

Перспективы сельской занятости

Проблема занятости населения, строительство новых рабочих мест – задача, которую в посткризисный период решают практически все страны мира. В России прирост занятости обеспечивается в основном за счет рабочих мест невысокого качества, растет число нетрадиционных трудовых контрактов, сохраняются большие региональные различия, налицо дефицит *достойного*, т.е. высокооплачиваемого высококвалифицированного труда. По оценкам экспертов, в России около 10 млн. так называемых "плохих" рабочих мест, которые не позволяют получать нормальный трудовой заработок и не соответствуют стандартам. Это означает, что наша экономика реструктуризируется и модернизируется крайне медленно. Более того, по расчетам д.э.н. А.Н. Захарова, доля пятого технологического уклада в России только за 1990-2005 гг. уменьшилась с 6 до 1,2%, четвертого уклада – с 51 до 39%, тогда как третьего увеличилась с 37 до 47%, а реликтовых укладов, базирующихся на энергетике человека и животных, свойственных XIX в. или доиндустриальной эпохе – с 6 до 12,7%. Особен-но негативными были эти изменения в российском АПК¹.

Очевидно, чем масштабнее будет высоко технологичный сектор экономики, тем масштабнее будет сегмент высоко оплачиваемых рабочих мест, тем выше будет спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Сейчас же сельскохозяйственный труд самый низкооплачиваемый в экономике. При имеющейся технологической отсталости у России нет шансов достичь уровня передовых стран по производительности труда. В такой ситуации государство должно создавать более жесткие институциональные условия, которые вынуждали бы отечественный и иностранный бизнес вести активную политику на своих предприятиях по техническому перевооружению производства и внедрению базовых инноваций. Одновременно с этим необходимы превентивные меры по расширению сфер занятости сельского населения за счет активного развития туризма, придорожного

¹ Захаров А.Н. О перспективах развития российского АПК // [Электронный ресурс]. <http://www.isras.ru/files/File/Socis/2006-07/zakharov.pdf> (дата обращения: 23. 12.2010).

сервиса, возрождения народных промыслов и местной промышленности, приближения переработки сельскохозяйственной продукции к местам ее производства, содействие реализации продукции из хозяйств населения, а также политики умеренного протекционизма отечественного товаропроизводителя. Эти меры особенно актуальны сейчас в связи с вступлением России в ВТО.

Для качественного прорыва на российском рынке труда, по мнению В.В.Путина, необходимо создать (модернизировать) не менее 25 млн. новых высокотехнологичных, хорошо оплачиваемых рабочих мест для людей с высоким уровнем образования. Вокруг решения этой общенациональной задачи и нужно строить государственную политику, консолидировать усилия бизнеса, создавать наилучший деловой климат. Однако при отсутствии четкой программы модернизации экономики эти цифры воспринимаются как фантастические.

Волна социального протеста, прокатившаяся по многим странам мира, свидетельствует о том, что наступила эра более сбалансированного роста на основе социальной справедливости и принципов устойчивого развития. Задача национальных правительств – выработка незамедлительных мер по обеспечению равного доступа к достойному труду всех социальных групп во избежание серьезных социальных катализмов.

Литература:

1. Российский стат. ежегодник 2010 г.: Стат.сб./Росстат. – М., 2010. – 813 с.
2. Jeremy Rifkin. The End of Work: The Decline of the Global Labor Force and the Dawn of the Post-Market Era. New York: G.P. Putnam's Sons. 1996. – 350 р.
3. Труд и занятость в России. 2009: Стат. сб./ Росстат – М., 2009. – 623 с.
4. Россия в цифрах. 2010: Крат. стат. сб./ Росстат. – М., 2010. – 558 с.
5. Шевчук А.В. О будущем труда и будущем без труда // Общественные науки и современность. – 2007. – № 3. – С. 44-54.
6. [Электронный ресурс]. <http://www.polit.ru/article/2011/06/20/rinkitruda>. (дата обращения 07.11.2011).
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
8. Обследование населения по проблемам занятости, 2008, Таб. 7.1–7.3. Электронная версия.
9. [Электронный ресурс]. <http://www.rg.ru/2011/07/26/work.html>. (дата обращения 07.11.2011).
10. Российская Бизнес-газета. 2011, 26 июля.
11. Великий П.П. Неоотходничество, или лишние люди современной деревни // Социс. – 2010. – № 9. – С. 44-49.
12. Хэнди Ч. Время безрассудства. Искусство управления в организации будущего. – Спб.: Питер, 2001. – 288 с.
13. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры на российском рынке труда. 2010 // [Электронный ресурс]. http://www.istras.ru/files/File/Socis/2010-2/Strebkov_Shevchuk.pdf. (дата обращения 17.10.2011).

14. Вязникова В.В., Стребков Д.О. Финансовое поведение российских фрилансеров: возможности и ограничения // Социологический журнал. – 2009. – № 4. – С. 41–64.
15. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: мотивация и организация труда // Социальная реальность. – 2008. – №1. – С. 23–39.
16. Шевчук А.В. Самозанятость в информационной экономике: основные понятия и типы // Экономическая социология. – 2008. – Т.9. – №1 – С.51–64.
17. Захаров А.Н. О перспективах развития российского АПК // [Электронный ресурс]. <http://www.istras.ru/files/File/Socis/2006-07/zaxarov.pdf>. (дата обращения 23.12.2010).

ГЛАВА 12

ДИНАМИКА БЕДНОСТИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ АГРАРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ¹

Успехи экономического роста в 2000-х гг. и приоритетность борьбы с бедностью в политической повестке дня России с середины прошедшего десятилетия привели к заметным позитивным сдвигам в решении данной проблемы, кардинальному сокращению масштабов бедности (по предварительным данным государственной статистики до 12% в 2011 г.). И уже, по оценкам экспертов, не представляется затруднительным достижение 10%-ного целевого показателя, установленного в Национальной программе ООН развития тысячелетия для России, действующей до 2015 г. Однако, учитывая неравномерность процесса сокращения бедности и особенности социального расслоения в территориальном отношении, внимание ученых и политиков должно быть обращено на так называемые регионы-аутсайдеры, концентрация бедности в которых заметно выше среднего по стране показателя.

К таким регионам могут быть отнесены регионы аграрной специализации, поскольку территориально бедность сконцентрирована в сельской местности, что не является российской особенностью, а скорее соответствует общемировым тенденциям социально-экономического развития. По данным статистики, распространенность бедности в российских селах в два раза выше, чем в городах. Так, еще в докризисный 2008 г. 41% малоимущих домохозяйств располагалось в сельской местности, тогда как удельный вес всех сельских домохозяйств составлял только 26,5% (для сравнения: бедность «поселилась» в 58,9% городских домохозяйствах, составляющих 73,5% всех российских домохозяйств).

Концентрация бедности в селах не безопасна, она влечет за собой падение трудовой и репродуктивной мотивации, распространение алкоголизма и других социальных девиаций, массовую миграцию активной части молодежи из села, что формирует угрозы социального воспроизводства сельского социума, подрывает основу продовольственной безопасности, особенно

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 11-03-0667а). При реализации проекта использовались также средства государственной поддержки, выделенные Институтом общественного проектирования в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента Российской Федерации от 08 мая 2010 года №300-рп (договор № 001/К от 11.01.2011).

в условиях членства в ВТО¹. Решение этих проблем сопряжено с изучением динамики бедности и экономической активности селян как основы ее формирования и преодоления, выявлением социальных групп с различным потенциалом преодоления бедности, а также с определением направлений социально-экономической политики для преодоления бедности этих групп.

Для решения поставленных задач обратимся к результатам исследований, проведенных НП «Центр социально-экономических исследований и региональной политики» и Институтом экономики и ОПП СО РАН в 2000-х гг. в двух регионах аграрной специализации (Алтайском крае и Республике Алтай), отличающихся высокими показателями бедности (в 2011 г. 22,9% и 18,6% соответственно против 12,8% в России). Информационной основой исследования являются результаты проведенных в 2011 г. опросов 500 бедных жителей и 82 экспертов – руководителей региональных и муниципальных органов управления, общественных организаций и предприятий агропромышленного профиля в форме полуформализованных и глубинных интервью.

Опрос сельских бедных осуществлен на основе целевой квотной выборки с выделением групп, отличающихся демографическими показателями (пол, возраст) и местом проживания (регион, сельский район, сельское поселение). Респонденты проживают в 19-ти муниципальных районах (17 из них расположены в Алтайском крае и соответственно 2 – в Республике Алтай), отличающихся географическим положением и уровнем периферийности (удаленности от городов края). Основные характеристики представлены в *таблице 1*.

Таблица 1

Социальные характеристики бедного сельского населения, %

Характеристики	Все бедное население	Обездоленные	Средняя группа по бедности	Относительно бедные
<i>Пол и возраст:</i>				
Женщины	53,8	54,5	54,0	53,4
Молодежь (до 29 лет)	21,4	9,1	15,7	29,7
Средний и старший трудоспособный возраст	50,2	65,2	53,0	43,6
Пенсионеры	28,4	25,8	31,3	26,7
<i>Образование:</i>				
Не имеющие среднего общего образования	22,2	37,9	24,7	15,7

¹ См. в работах: Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов, 2012; Калугина З.И. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические записки / З.И. Калугина, О.П. Фадеева. – Новосибирск, 2009; Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции и инновации. – Новосибирск, 2010; Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы /Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина, О.Э. Бессонова. – Новосибирск, 2008; Староверов В.И. Аграрно-сельская социология: история, концепция, методология / В.И. Староверов и др. – М., 2009; Хагуров А.А. Социология российского села: монография. 3-е изд. – М., 2012.

Продолжение таблицы 1

Характеристики	Все бедное население	Обездоленные	Средняя группа по бедности	Относительно бедные
Имеющие среднее и высшее профессиональное образование	40,4	24,3	32,8	51,3
<i>Основное занятие:</i>				
Работающие по найму	45,4	21,2	43,9	53,4
Безработные, не занятые	15,4	39,4	15,2	8,9
Самозанятые, в т.ч. в ЛПХ	6,6	10,6	5,0	6,8
<i>Семейное положение и наличие детей</i>				
Женатые/ замужние	62,4	56,1	58,1	67,8
Детей на 100 семей	72	83	70	70

Динамика и особенности проявления бедности сельского населения. Под бедностью сельского населения нами понимается их социально-экономическое положение, характеризующееся низким уровнем обеспеченности денежными, имущественными, натуральными ресурсами, что не позволяет удовлетворить насущные жизненные потребности сельского жителя и его семьи.

Бедность на селе сегодня масштабна и укоренена. Уровень бедности, оцененный экспертами по материальному положению сельских семей, достигает 87% всех сельских жителей. Вместе с тем, масштабы обездоленности сравнительно невелики: только 13% опрошенных бедных «денег иногда не хватает даже на питание». Основную массу бедных образуют, во-первых, средняя группа бедных, которым «хватает средств на скромное питание и оплату коммунальных услуг, а на приобретение недорогой одежды и других крайне необходимых вещей – нет» (40% всех опрошенных) и, во-вторых, относительно бедные, кому «денег хватает на питание, оплату коммунальных услуг, одежду и другие необходимые вещи, но покупка вещей длительного пользования (телевизора, холодильника и т.п.) является проблемой» (47%).

Значительные различия в глубине бедности связаны с возрастом, регионом проживания и периферийностью сельского района. В частности, наиболее высок уровень обездоленности среди представителей среднего и старшего трудоспособного возраста, напротив, более благополучна в своих оценках молодежь, которая часто проживает с родителями.

Для сельских жителей характерны высокий уровень и различные формы проявления социальной исключенности, лишенный сельских бедных по качеству питания, обеспеченности одеждой и другими непродо-

вольственными товарами и товарами длительного пользования, наличию и качества жилья, доступности образования и дошкольного воспитания, медицинских услуг. Всего, по оценкам экспертов, на селе проживает более 25% эксклюзантов, ограниченных в доступе к этим социальным благам. Так, рацион питания сельских бедных не соответствует установленным государством социальным нормативам: преобладает картофель и хлебопродукты, только более половины регулярно употребляют овощи и бахчевые, яйца, мясо и молокопродукты. Из-за нехватки средств каждая пятая семья сельских бедных не может потреблять в достаточном количестве даже самые дешевые продукты питания. Только в семьях 19% опрошенных не испытывают проблем питания. Значительны масштабы социальной исключенности по потреблению непродовольственных товаров: большинство сельских бедных беспокоят проблемы изношенности обуви и верхней одежды на холодное время года, а 5–6% – отсутствие таковых.

Низкая обеспеченность жильем и его качество беспокоят 94% респондентов, крайне нуждаются в улучшении жилищных условий – 36%. Не имеют собственного жилья 16% сельских бедных. Требует капремонта 37% жилья, каждое четвертое – экстренного ремонта. В домах (квартирах) каждой четвертой бедной сельской семьи отсутствует водопровод, у 81% семей – центральная канализация. Крайне редкой является оборудованность жилья горячим водоснабжением и централизованным газоснабжением. Нами зафиксированы единичные случаи отсутствия электричества.

Сокращение сети сельских медицинских учреждений, особенно в кардинальных масштабах со второй половины 2000-х, привело к формированию масштабной социальной исключенности сельских бедных от медицинского обслуживания в виде временной и материальной недоступности услуг врачей и медпрепаратов (36–41% респондентов), а также разных форм проявления территориальной недоступности медицинских услуг (17–30%). Как следствие, здоровье становится мощным ограничителем в решении проблемы бедности и важным фактором ее формирования. Более половины сельских бедных имеют серьезные проблемы со здоровьем, 12% – инвалидность, каждый третий – хроническое заболевание.

Достигла больших размеров социальная исключенность сельских бедных в разных формах проявления недоступности образования их детей, прежде всего школьного в виде проблем обеспечения детей школьно-письменными принадлежностями и учебниками и оплаты их питания в школе. Большинству семей сельских бедных, имеющих школьников, не хватит средств для получения их детьми высшего образования. Из-за отсутствия дошкольных учреждений на селе или мест в них, а также возможности одеть и обуть детей и оплачивать их пребывание в детских садах не посещают детские сады дети 46% бедных, имеющих дошкольников.

Социальная исключенность дошкольного образования для детей из обездоленных семей достигает 77%.

Безработица также может рассматриваться как показатель исключенности. Уровень бедности среди сельских бедных в 2,5 раза выше по отношению к среднероссийским показателям на сельском рынке труда. Для большинства бедных типична долговременная безработица. В целом с несоблюдением конституционных гарантий в сфере труда и занятости столкнулось более 65% сельских бедных: это заниженная оплата труда, штрафы, ненормированный рабочий день без доплат, отказ в предоставлении отпуска и др.

Жесткая экономия является распространенной формой социальных лишений сельских бедных. Сельские бедные экономят на покупке одежды, обуви и других необходимых вещах и предметах повседневного пользования, не говоря уже об бытовой технике, мебели, отдыхе, ремонте жилья. Почти каждая четвертая семья респондентов вынуждена экономить на продуктах питания (и 35% обездоленных), а каждая пятая (и 41% обездоленных) – на лечении, что приводит к ухудшению здоровья, к губительным последствиям.

В годы экономического роста, как показали данные опроса всех категорий сельских жителей в 2008 г., наблюдалось *массовое сокращение бедности и рост материального благополучия*¹. В 2008 г. к бедным, которым средств хватает только на скромное питание и оплату коммунальных услуг, и обездоленным себя отнесли только 16,9% (в т.ч. к последним – только 1,9%). По оценкам этих же респондентов, 8 лет назад доля бедных составляла 23%.

Данные опроса 2011 г. свидетельствуют о *преобладании негативных процессов в динамике материального положения сельских бедных семей как за последние десять лет, так и за период, совпадающий с глобальным экономическим кризисом*. За последние десять лет наблюдалась *рост масштабов обездоленности и сокращение относительного материального благополучия среди бедных*: в 2001 г. среди опрошенных бедных к обездоленным себя отнесли только 9,8%, что соответствует 35% роста масштабов обездоленности, за этот период практически не изменилась доля средней группы бедных, и произошло сокращение доли относи-

¹ См.: Алтайское село: современные процессы и механизмы социального развития: монография / Л.В. Родионова, А.М. Сергиенко, А.Я. Троцковский и др. / Под ред. А.Я. Троцковского. – Барнаул, 2011; Сергиенко А.М. Современные процессы и механизмы развития социальной сферы села в условиях муниципальных реформ / А.М. Сергиенко, Л.В. Родионова, О.А. Иванова // Вестник РГНФ. – 2010. – № 4. – С. 60–69; Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты: коллективная монография / Л.В. Родионова, А.М. Сергиенко, А.Я. Троцковский и др. / Науч. ред. А.Я. Троцковский. – Барнаул, 2013.

тельно бедных на 9,2%. За последние три года (к моменту опроса) положение семей около половины респондентов не изменилось, улучшение наблюдалось в каждом пятом случае, а ухудшилось положение по мнению 29,2% (причем о значительном ухудшении говорят более половины из них).

Глубина и динамика бедности отражается на социально-психологическом состоянии бедных селян. *Оценка бедным сельским населением своего настроения довольно пессимистична* в сравнении с полученными нами результатами в 2008 г. для всего сельского населения. *Среди бедных на селе только 15,4% «уверенных оптимистов»* («уверен в настоящем, с оптимизмом смотрю в будущее»). Большинство опрошенных испытывают беспокойство, неуверенность в своем будущем и будущем своих детей; ощущают сильное напряжение, отсутствие какой-либо перспективы, находятся «на грани нервного срыва» 14,4% респондентов, и чуть больше (17,8%) среди бедных селян – равнодушных, испытывающих апатию ко всему. Наиболее неблагополучные оценки настроения наблюдаются среди крайне бедных: здесь «уверенных оптимистов» в 2,3 раза меньше, чем среди остальных групп, а «напряженных» – почти в 4 раза больше. Пугающий пессимизм обездоленных, среди которых немало молодежи, свидетельствует о необходимости коренных изменений в системе социальной поддержки сельских жителей и социального развития села в целом, создания эффективных механизмов преодоления бедности.

По оценкам экспертов, основными проблемами села, определяющими масштабы бедности, являются низкий уровень заработной платы, безработица, алкоголизм, миграция молодежи из села. В рейтинге наиболее значимых проблем – также жилищные и коммунальные проблемы, плохое здоровье и низкий уровень медицинского обслуживания. Одни и те же причины сельской бедности – независимо от пола, возраста, места проживания и др. – доминируют и в оценках населения: это низкая экономическая мотивация, пьянство, безработица, низкие стартовые возможности, низкоквалифицированная и малооплачиваемая работа и низкий уровень социальной поддержки государства.

Экономическая активность как механизм формирования и преодоления бедности. К основным экономическим действиям, которые предпринимали за три года до опроса 2011 г. сельские бедные, чтобы улучшить материальное положение своей семьи, относятся в первую очередь поиск основной работы (24,4% респондентов), дополнительная занятость (6,6%) и ее поиск (19,4%), расширение семейного крестьянского подворья (10,2%) – таблица 2. Получали безвозмездную помощь от родственников 8,8% респондентов. Закономерно, что крайне редкими среди сельских бедных являются попытки открыть собственное дело.

**Экономические действия сельских бедных по улучшению
материального положения семьи, %**

	Обездоленные	Бедные	Относительно бедные
Расширение личного подсобного хозяйства	3,0	6,6	15,3
Дополнительная занятость в своем селе	7,6	5,6	7,2
Получение статуса безработного	7,6	7,1	4,2
Получение безвозмездной помощи родственников	7,6	6,6	11,0
Ничего, по другим причинам	9,1	3,5	5,9
Поиск дополнительной работы	10,6	24,2	17,8
Поиск основной работы	37,9	21,7	22,9
Ничего, из-за возраста, здоровья	39,4	37,4	26,3

Существенных различий в экономических действиях представителей трудоспособного возраста нет, но молодежи больше свойственен поиск основной работы. Более 20% пенсионеров проявляли экономическую активность в разных формах. Обездоленные значительно чаще искали основную работу (37,9% против 21,7 и 22,9%), средняя группа бедных чаще обращалась к поиску подработок, а относительно бедные занимались развитием ЛПХ.

Каждый третий бедный сельский житель не предпринимал ничего из-за состояния возраста и здоровья или по другим причинам («все устраивает», уход за детьми и др. – 5,4%). Две наименее благополучные группы значительно отличаются от относительно бедных более низкой экономической мотивацией, прежде всего, в связи с возрастом и плохим состоянием здоровья (39,4 и 37,4% против 26,3%), а также в силу «удовлетворенности своим положением» (среди обездоленных таковых более 9%). Около половины обездоленных не только не предпринимала, но и не планирует предпринимать никаких усилий для улучшения своего материального положения; таковых заметно больше, чем среди «середняков» и почти в два раза больше, чем среди относительно бедных.

По оценкам экспертов – руководителей региональных и муниципальных органов управления, директоров предприятий и руководителей общественных организаций – основными стратегиями экономической активности сельских бедных в 2000-х гг., направленными на улучшение материального положения семьи, являются занятость семейным крестьянским хозяйством («... сельские жители развивают подсобное хозяйство. Так было всегда, это не только времена сегодняшние. ... Большого богатства не было, но люди могли прокормить себя и прокормить свою семью

именно подсобным хозяйством») и заработки в городах и других населенных пунктах. Распространены также стратегии поиска и смены места основной работы, поиск дополнительной работы, батрачество на своих односельчан. Менее популярными являются повышение образования и квалификации, увеличение интенсивности и производительности труда.

Уровень экономической активности бедных, как правило, заметно ниже среднего для всех сельских жителей. Наиболее выигрышные стратегии активности с точки зрения выхода из бедности занимают сегодня квалифицированные работники с высшим и преимущественно средним профессиональным образованием, молодежь старше 25 лет и представители среднего трудоспособного возраста, жители крупных сел (чаще районных центров). Напротив, основными группами риска бедности являются длительно или постоянно безработные, сельчане с низким уровнем образования (часто без профессионального образования), пенсионеры, жители небольших периферийных сел, а также злоупотребляющие алкоголем.

Среди эффективных стратегий, приведших сельских бедных к улучшению материального положения семьи, выделяются интенсивная занятость в семейном крестьянском хозяйстве, основная и дополнительная занятость на экономически выгодных рабочих местах на селе, трудовая миграция (основная занятость или подработка поездками в город или другой регион), повышение образования и квалификации. Эксперты отмечают в качестве наиболее эффективной стратегии открытие своего дела.

Миграция рассматривается сельскими бедными, прежде всего, как способ решения экономических проблем семьи. Среди причин потенциальной миграции лидируют отсутствие на селе рабочих мест, возможности улучшения материального положения, а также перспектив для рождения и социализации детей. Потенциал миграции сельских бедных значителен: 23% респондентов желают покинуть свое место жительства, оценивая имеющиеся возможности, большинство имеет конкретные планы. Основными группами потенциальных мигрантов являются молодежь (46%), безработные (39%), жители небольших поселений и периферийных районов.

Изменения в структуре доходов сельского бедного населения как результат экономической активности. За годы реформ произошла трансформация структуры доходов сельского населения, что связано, с одной стороны, с изменениями в экономической активности, а с другой, с изменениями социально-экономической политики государства. В 1990-х гг. в процессе адаптации селян к сложным социально-экономическим условиям личное подсобное хозяйство (ЛПХ) играло ведущую роль, являлось основой их выживания. В начале 2000-х (по опросу 2002 г.) 83% респондентов назвали ЛПХ в качестве основного источника доходов.

В 2011 г. в структуре доходов сельских бедных жителей оплата труда занимала одну из ведущих позиций (63% респондентов) – таблица 3. За предыдущие десять лет, по оценкам этих опрошенных, произошло незначительное сокращение роли этого источника доходов (66,4% в 2001 г.). (Для сравнения: в докризисный 2008 г. зарплату получала такая же доля всех сельских жителей, но в 2002 г. – значительно больше (с опрошенных), и эта доля практически не менялась с 1992 г.).

Таблица 3
Структура сельского населения по источникам доходов, %
(по данным опроса населения в 2011 г.)

	2001	2011
Кредиты, займы	5,8	10,8
Дополнительные заработка	6,2	18,4
Денежная помощь родственников, друзей	10,0	7,8
Социальные пособия	10,6	29,6
Пенсии, стипендии	21,0	39,4
Доход от ЛПХ	36,4	41,0
Заработка плата	66,4	63,0

Сохранилась значительная роль доходов от семейного подворья (41% бедных селян). Даже в годы глобального финансового кризиса роль ЛПХ в производстве сельхозпродукции продолжала расти, прежде всего, за счет увеличения товарности семейных хозяйств. При этом 37,2% опрошенных бедных сельских жителей имели доходы от ведения ЛПХ в 2008 г. (тогда они составляли половину всех сельских жителей) и почти столько же в начале десятилетия (36,4%).

В 2000-х гг. существенно увеличилась доля получающих социальные трансферты. И в начале нового десятилетия социальные трансферты занимали лидирующую позицию: почти две трети (64,5%) бедных сельских жителей получали пенсии, стипендии, различного рода пособия, в т.ч. почти 30% – социальные пособия и 5,8% – пособие по безработице. (Для сравнения: накануне кризиса, в 2008 г., доля бедных, получавших социальные трансферты, составляла чуть более половины, тогда как доля всех жителей села – чуть более трети. А в начале 2000-х доля «реципиентов» достигала чуть более 30%).

Роль дополнительных заработков в структуре доходов сельских бедных существенно выросла за рассматриваемое десятилетие: в годы экономического роста в два раза больше стало получавших такой источник доходов (с 6,2% до 12,6%), а в 2011 г. доля таких увеличилась еще в пол-

тора раза (18,4%). *Почти в два раза выросла роль такого источника доходов, как кредиты и займы (10,8%),* в начале прошедшего десятилетия доля тех респондентов, кто их получал, была равна 5,8%. *И по-прежнему значимыми для бедных селян являются социальные сети, однако их роль заметно снизилась в последние годы.* Только 7,8% респондентов использовали социальный капитал в виде помощи родственников и друзей, получения наследства, тогда как накануне кризиса каждый пятый сельский житель имел такой источник доходов.

Больше получателей денежной помощи от родных, родственников и друзей встречается среди обездоленных (13,6 против 8,1 и 5,9%), в этой группе также больше реципиентов пособия по безработице (7,6% против 6,1 и 5,1%) и социальных пособий (40,9% против 30,3 и 25,8%). Тогда как зарплату чаще получают более благополучные бедные, она является источником доходов большинства их представителей (61,1% средней группы и 71,2% относительно бедных против 39,4% обездоленных). Среди относительно бедных почти на треть больше имеющих доходы от семейного подворья (48,7 против 31,8 и 34,8%).

К наиболее значимым (первой-второй значимости) источникам доходов сельские бедные относят, в первую очередь, заработную плату (64,4%), а также пенсии и стипендии (40,9%) – таблица 4. Доходы от ЛПХ они относят в большей мере к источникам второй значимости, хотя совокупный рейтинг этого источника достигает 43,6%. Заметную роль играют также дополнительные заработки (14,8%).

Таблица 4
Значимость источников доходов для сельских бедных, %

	Второй по значимости источник дохода	Первый по значимости источник дохода
Кредиты, займы	8,3	
Доход от ЛПХ	29,4	6,0
Социальные пособия	18,6	5,0
Дополнительные заработки	12,2	2,6
Пенсии, стипендии	13,9	27,0
Заработка плата	8,6	55,8

Сравнительно высоко сельские бедные оценили роль такого источника, как социальные пособия (по инвалидности, детские, для матерей-одиночек, малообеспеченных, жилищные субсидии и др.), их общий рейтинг с преобладанием второй значимости составил 23,6%. Причем пособие по безработице считают значимым источником только 5,1% респондентов,

что заметно ниже рейтинга такого источника, как займы и кредиты (8,3%). Это опровергает бытующее мнение о формировании массовых иждивенческих настроений и низкой трудовой мотивации среди сельских жителей из-за размеров данного пособия.

Факторы экономической активности. Ведущими факторами роста экономической активности сельских бедняков являются экономическая мотивация, стабильность и уверенность в завтрашнем дне, основанные на благоприятной ситуации на рынке труда, увеличении заработной платы, социальных гарантиях и поддержке государства. Многое зависит также и от социально-экономических характеристик сельского бедного: возраста и здоровья, социального капитала, образования и квалификации, личностных характеристик (трудолюбия, ответственности и др.).

Главным стимулом экономической активности сельских бедных является, по мнению экспертов, **увеличение оплаты труда**. Стимулируют также льготы на приобретение скота, кормов и дров, помощь в обучении в вузах детей работников, в улучшении их жилищных условий. Позитивно воздействуют и такие внешние стимулы, как повышение доступности кредитов на ведение личных подсобных и крестьянских (фермерских) хозяйств, потребительских кредитов, создание рабочих мест, возрождение коллективных хозяйств и развитие социальной сферы, повышение закупочных цен на сельхозпродукцию. На предприятии хорошими стимулами, по мнению директоров предприятий, могут стать денежные премии, улучшение условий отдыха и досуга работников (спортивные, культурные мероприятия).

Директоров сельских предприятий не устраивает в работниках, среди которых значительную часть составляют бедные, в первую очередь, равнодушие, недисциплинированность и пьянство. Среди санкций наиболее эффективными они считают увольнение недисциплинированных работников, реже – лишение премий и наказание работников за хищение имущества предприятия и небрежное отношение к нему. Руководители общественных организаций особое внимание обратили на такие антимотивы, как бюрократия, взяточничество, коррупция, воровство.

Типология сельских бедных по социально-экономическому положению и активности. Для построения типологии использовано три основания: 1) глубина бедности: по материальному положению сельских жителей выделяются обездоленные, средняя группа бедных и относительно бедные; 2) уровень социально-экономической активности и мотивации: выделяются пассивные, малоактивные (умеренно активные) и активные; 3) конструктивность и инновационность социально-экономических действий: выделяются бедные с конструктивными, деструктивными и смешанными стратегиями активности, оказывающими не-

однозначное влияние на сельское сообщество, а также с традиционными и инновационными стратегиями. По результатам факторного и кластерного анализа выделено 6 устойчивых типообразующих кластеров.

I тип – Самый низкий уровень бедности и высокий уровень социально-экономической активности с традиционными и инновационными элементами (6,2% респондентов). Особенностью данного типа является преобладание наемных работников младшего и среднего трудоспособного возраста с самым высоким образованием в сравнении с другими типами. Здесь чаще можно встретить молодежь, людей с высшим образованием и почти нет тех, кто не получил хотя бы среднее образование. Подавляющее большинство представителей данного типа проживает в малых и средних селах, в удаленных от городов районах. Кроме того, у этого типа в большей мере женское лицо.

Материальное положение семей в этом типе одно из наиболее благополучных: почти нет обездоленных и большинство (61%) относительно бедных. Здесь также чуть больше представлена средняя группа бедных в сравнении со всем массивом опрошенных. Основным источником доходов является заработка плата (74%), получаемая главным образом в таких видах деятельности, как транспорт и услуги связи, образовательные услуги. Вторые по значимости источники доходов – ЛПХ и дополнительная занятость.

Большинство представителей данного типа используют различные виды поиска основной и дополнительной работы, выезжают на заработки в другие села, города и регионы, меняют работу на более оплачиваемую. В большинстве случаев данная категория бедных не сталкивается с задержками зарплаты, но, если это происходит, они активно ищут дополнительную работу. Те, кто в свое время оказался в ситуации безработицы, получали соответствующий статус и делали попытку открыть свое дело.

Здесь сконцентрированы представители с потенциалом миграционной активности значительно выше среднего: только 65 % не желают уезжать из села, остальные настроены на отъезд, но подавляющая их масса не имеет для этого возможности.

II тип – Относительная бедность и сравнительно высокий уровень традиционной (неинновационной) социально-экономической активности (28,6 % сельских бедных). Этот тип наполнен в равной степени как мужчинами, так и женщинами, проживающими главным образом в крупных селах с численностью более 2 тыс. чел., периферийных, удаленных от городов районах. Данный тип образован в основном представителями среднего и старшего трудоспособного возраста, а также почти на 30% его образует молодежь.

По материальному положению семьи этот тип, также как и первый, – один из наиболее благополучных: *самая высокая доля (64%) относительно бедных* (при среднем значении, равном 47%) и только 5% *обездоленных*. Зарплата является основным источником доходов, кроме того в качестве второго источника в основном используются доходы от ЛПХ (37%).

Особенностью данного типа по статусу занятости является то, что он концентрирует *самую высокую долю наемных работников (83%)*. Здесь проживают сельские жители с *самым высоким уровнем начального и, главным образом, среднего профессионального образования* (всего более 60%). Представители данного типа *используют различные традиционные формы экономической активности* для улучшения своего материального положения, в т.ч. дополнительную занятость, расширение семейного крестьянского хозяйства, получение помощи от родственников. При потере работы ищут любую подходящую работу, хотя такие случаи не являются массовыми. Однако они имеют невысокую социально-политическую активность на рынке труда, впрочем, характерную для села в целом: при задержках зарплаты подавляющее большинство из них ничего не предпринимает, но *каждый пятый добивается выплаты*.

В результате формирования относительно устойчивого социально-экономического положения представители данного типа имеют *сравнительно низкий миграционный потенциал*, 72% не намерены куда-либо уезжать.

III тип – Средний уровень бедности и низкий уровень социально-экономической активности. Это *самый наполненный тип*, сюда входит 43% общей совокупности респондентов. Особенностью данного типа является то, что он образован в основном *пенсионерами (56%)* и представителями трудоспособного возраста (28% наемных работников), часто *имеющими проблемы со здоровьем*. Соответственно, в этот тип вошли в основном *люди с самым низким уровнем образования* в сравнении с другими типами: более половины имеют среднее общее образование или ниже среднего (35% последних), есть люди с начальным образованием и вовсе без него. Здесь больше проживающих в больших селах (около 80%). У этого типа так же, как и у первого, преимущественно *женское лицо*.

По материальному положению семьи в этом типе чуть больше представлена *средняя группа бедных* в сравнении со всем массивом опрошенных: 47% против 40%. Основными источниками доходов являются в основном *пенсия (52%)*, а также зарплата (38%). Вторые по значимости источники доходов – ЛПХ и социальные пособия. Большинство представителей данного типа *ничего не предпринимают для повышения материального положения семьи из-за возраста или здоровья*, при задержках зарплаты занимают денежные средства в долг у друзей или родственников.

Здесь сконцентрированы представители самого низкого уровня потенциальной миграционной активности: 84% не желают уезжать из села.

IV тип – Уровень бедности и социально-экономической активности ниже среднего (12,2% опрошенных). Этот тип также образуют в основном женщины, но с более высоким уровнем образования в сравнении с третьим типом: более 50% имеют начальное или среднее профессиональное образование. Здесь меньше проживающих в больших селах (72%). В данном типе самая высокая доля молодежи (33%) и менее 5% пенсионеров.

Материальное положение семей в этом типе ниже среднего уровня. Здесь можно встретить больше обездоленных: 18% против 13% в сравнении со всем массивом опрошенных бедных и меньше относительно бедных. Основным источником доходов является зарплата (64%) в основном в сельском хозяйстве, а также в строительстве, торговле и в сфере муниципального управления. Вторые по значимости источники доходов – так же, как и в предыдущем типе – социальные пособия и доходы от ЛПХ. Специфика данного типа проявляется в превалировании безработных (43%), а также наемных работников (39%) с низкой мотивацией и пассивным поведением, не предпринимающих каких-либо действий из-за отсутствия возможности или нежелания что-либо изменить. При задержках зарплаты занятые обращаются за безвозмездной помощью к родственникам и друзьям. Безработные получают соответствующий статус, но большинство из них не ищет работу, объясняя это уходом за ребенком (в семьях представителей этого типа проживает больше всего детей: 116 на 100 семей), состоянием здоровья, многим «мешает» алкоголизм.

Потенциальная миграционная активность – одна из самых низких, вторая после третьего типа: 75% не намерены уезжать, 18% не имеют для этого возможности.

V тип – Уровень бедности ниже среднего и крайне низкая социально-экономическая активность. Это самый немногочисленный тип: всего 3,8 % респондентов. Спецификой является то, что этот тип с самой высокой долей людей среднего и старшего трудоспособного возраста (84%) с небольшим преобладанием мужчин. Здесь сосредоточены сельские бедные с самым низким уровнем профессионального образования: 65% не имеют такового, только 5% сельских жителей с высшим образованием. Представители этого типа проживают в подавляющем большинстве случаев в периферийных районах, крупных селах.

Главным образом здесь сконцентрированы безработные (84%), остальные работают по найму преимущественно в сельском хозяйстве (44% против 16% в целом по всем сельским бедным). Среди безработных почти никто не ищет работу, объясняя это отсутствием вакантных рабочих мест

в их селе, но только десятая часть оформила статус безработного. Занятые этого типа в период задержек с выплатой расходуют имеющиеся сбережения, живут за счет ЛПХ или занимают деньги у родственников и друзей. Разовые подработки были за последние три года у каждого пятого представителя этого типа, только десятая часть занимается развитием ЛПХ.

По материальному положению семьи здесь *превалирует средняя группа бедных, но обездоленных значительно больше среднего уровня по всем опрошенным (21% против 13,2%).* Доходы формируются за счет заработной платы (около 60% указало ее в качестве первого или второго по значимости источника), пенсии и различных пособий (более 50% случаев) каких-либо подработок (более 20%). Для каждого четвертого-пятого представителя данного типа пособие по безработице выступает в качестве основного источника доходов.

Сложившаяся неблагополучная социально-экономического ситуации, отсутствие рабочих мест и перспектив трудаоустройства формирует, с одной стороны, *высокий уровень деструктивного поведения* (каждый четвертый отмечает пьянство и алкоголизм как серьезную проблему, ухудшающую материальное положение семьи), а с другой стороны, *один из самых высоких уровней миграционного потенциала*: треть сельских бедных этого типа имеют желание покинуть свое село, и конкретные планы на отъезд уже есть у каждого пятого.

VI тип – Самый высокий уровень бедности при вынужденно низкой социально-экономической активности с использованием традиционных и инновационных форм поиска работы (6,2% сельских бедных). Особенностью является то, что этот тип *образуют только безработные, главным образом мужчины (77%),* притом, что в целом среди сельских бедных, как и среди всего сельского населения, заметно преобладают женщины. Представители этого типа проживают в основном в средних и крупных селах. Кроме не урбанизированных районов здесь самая высокая доля сосредоточения мест проживания в урбанизированных районах (36%). Данный тип – самый молодой по возрасту: здесь *нет пенсионеров и одна из самых высоких долей молодежи (32%).* Большинство имеет профессиональное образование, причем доля сельских жителей с высшим образованием достаточно велика (19%).

Материальное положение семей представителей этого типа – самое неблагополучное. Здесь сконцентрировано *больше всего обездоленных (их 42% при 13% в среднем по всему массиву респондентов) и меньше всего относительно бедных (26%).* Доходы формируются за счет различных источников: это и зарплата кого-либо из членов семьи, и подработки, и социальные пособия; причем пособие по безработице не играет заметной роли. Поиск основной работы и временных подработок представителей данного

типа не ограничивается традиционными формами экономической активности: большинство ищет любую подходящую работу, а не только работу по специальности (в основном они были заняты на строительных и сельскохозяйственных работах), каждый пятый уезжает на подработки в другие населенные пункты и регионы.

Как следствие сложившегося неблагополучного социально-экономического положения и отсутствия работы, в данном типе в *наибольшей мере распространены пьянство и алкоголизм*; более трети рассматривает теперь эту проблему и как основное препятствие для улучшения материального положения. Большинство видят выход в переезде и в основном уже имеют конкретные планы отъезда, здесь *самый высокий уровень миграционного настроения*.

Как видим, выделенные типы наполнены социальными группами сельских бедных, значительно различающиеся по социальному-экономическому положению и активности, что позволяет использовать типологию для разработки политики преодоления бедности на селе.

Политика преодоления бедности. Сельское население сравнительно низко оценило действия государства и органов местного самоуправления по улучшению их социально-экономического положения, наиболее низкие оценки получены по решению материальных и жилищных проблем, проблем безработицы, что отчасти вызвано низким уровнем информированности о проводимых мероприятиях, а также недостаточной эффективностью и масштабностью реализуемых действий (*таблица 5*)

Таблица 5
Оценка бедными сельскими жителями действий государства по решению проблем своей жизни, % (по данным опроса 2011 г.)

	Затрудняюсь отвечить	Очень плохо	Плохо	Удовлетворительно	Хорошо	Отлично
Материальные проблемы	3,0	25,7	39,1	28,9	3,4	
Отсутствие жилья	12,0	18,2	30,5	27,7	11,4	0,2
Безработица, угроза увольнения	10,0	17,7	41,8	26,4	3,9	0,2
Нет возможности обеспечить себя/детей достойным образованием	12,7	16,6	29,1	32,0	9,3	0,2
Недостаточный уровень соц. обеспечения	5,2	16,6	36,8	34,5	6,4	0,5
Проблемы здоровья	3,0	14,8	29,5	43,4	9,3	

Экспертные оценки эффективности государственной и муниципальной политики по борьбе с сельской бедностью также низки, особенно это касается действий местных органов: федеральная и региональная (субъекта Федерации) политики – по 2,9 балла из пяти возможных, политика местного самоуправления – 2,5 балла по результатам опроса региональных и муниципальных органов власти. Руководители агропромышленных предприятий и общественных организаций села еще более критично оценили эффективность государственной и муниципальной политики по борьбе с бедностью: федеральная и региональная политики – 1,8-2 балла, политика местного самоуправления – 1,7-1,9 балла.

К наиболее эффективно реализуемым мерам по преодолению бедности на селе относятся организация общественных работ и временной занятости, содействие трудоустройству, предпринимательству и самозанятости. Наибольшую помощь сельским бедным, по мнению экспертов, оказывают такие организации, как государственная служба занятости, государственные органы социальной поддержки населения, органы местного самоуправления; по мнению же самих сельских жителей, среди субъектов социальной поддержки наибольшую роль играют социальные сети, далее в рейтинге субъектов социальной поддержки по обращаемости идут государственные службы занятости и социального обеспечения, а затем работодатели. На момент опроса почти треть сельских бедняков не пользовалась какими-либо мерами социальной поддержки, регулярно обращалась в органы социальной защиты населения менее 10% респондентов. Более трети обездоленных перестали обращаться в органы социальной защиты населения, для каждого десятого из них предоставляемая помощь оказалась недостаточной для решения проблемы, что свидетельствует о недостаточной эффективности деятельности данных служб.

Региональными экспертами подчеркивалась необходимость более высокой оплаты труда, создания рабочих мест и обеспечения молодежи жильем («нет возможности привлекать молодых, потому что жилья нет, его никто не строит»; «нет мотивации не только из-за диспаритета цен, но и диспаритета в заработных платах. Сельский труд ведь – каторжный труд, это тяжелый труд, и платить гроши и ждать результата, что человек будет с радостью идти на работу и с радостью возвращаться – утопия» (представитель законодательного органа региона). «Для молодежи самое главное – это жилье и, безусловно, работа. И в этих направлениях в Алтайском крае идет развитие программ... В частности, это «Жилье – молодежи села», программа работает. И создаются через службу занятости рабочие места. Эти два направления достаточно эффективны... при социальной ответственности самого молодого че-

ловека и при профессиональных навыках и желании работать» (руководитель органа социальной защиты региона).

Решению проблем бедности сельского населения способствует реализация дифференцированных политик с учетом особенностей социально-экономического положения и активности различных социальных групп сельских бедных. В основе разработки таких политик могут лежать представленные нами выше результаты типологического анализа бедных сельских жителей по указанным характеристикам.

Так, экономическое стимулирование в материальном отношении представителей первых двух сравнительно благополучных типов, охватывающих около 35% сельских бедных и отличающихся использованием различных по конструктивности и инновационности стратегий активности, будет формировать «точки роста» такой активности как основы преодоления бедности. По отношению к данным категориям бедных наиболее уместно создавать стимулы для открытия своего дела (через механизмы кредитования, страхования урожая, госзаказа на сельхозпродукцию, грантовой поддержки и др.) в области сельского хозяйства и сельхозпереработки, сельского туризма и других инфраструктурообразующих видах деятельности. Третий тип (43% респондентов) со средним уровнем бедности и низким уровнем социально-экономической активности, наполненный сельскими пенсионерами и людьми с проблемами здоровья, требует больше внимания в таких традиционных направлениях политики, как социальное и пенсионное обеспечение, медицинское обслуживание.

Наиболее неблагоприятные характеристики социально-экономического положения и активности и наиболее высокий потенциал миграции имеют 10% сельских бедных (*последние два типа*). К ним призывают и представители четвертого типа (12% опрошенных) с уровнем бедности и социально-экономической активностью ниже среднего, где также, как и в шестом типе, много молодежи, но с низкой трудовой мотивацией и не нацеленной на отъезд из села. Ключевым направлением решения проблем этих 22% бедных могут стать активные политики занятости, поддержка малого бизнеса, инновационных (в т.ч. дистанционных) форм экономической деятельности, в первую очередь, в сельском хозяйстве и сельхозпереработке как системообразующих для сельского социума. Кроме того, важнейшим направлением социальной политики государства и органов местного самоуправления здесь должна стать массированная (а «не крошечно-точечная», по словам экспертов) социальная поддержка молодежи и молодых семей в области обеспечения жильем, их детей – детским садами, поскольку серьезным ограничителем для такой молодежи является создание семьи и рождение детей. Решение проблем сельской молодежи

должно являться комплексным, включать все стороны жизнедеятельности, в том числе культурно-досуговую сферу.

Заключение. Таким образом, анализ процессов формирования и преодоления бедности сельского населения в российских регионах аграрной специализации позволяет сделать вывод о своеобразии проявления трендов бедности в сельских сообществах. С одной стороны, наблюдалось значительное сокращение масштабов сельской бедности в годы экономического роста и некоторое ухудшение ситуации в годы глобального финансового кризиса, а с другой, в 2000-х гг. налицо процессы углубления бедности среди сельских жителей с наиболее неблагополучным материальным положением, роста обездоленности, следствием чего является неблагополучное социально-психологическое самочувствие бедных.

В основе углубления бедности лежит низкая экономическая активность, причинами которой являются, в первую очередь, объективные процессы (сокращение рабочих мест, старение населения, плохое здоровье и др.), а также вызванное отчасти первыми падение мотивации. Отражением снижения экономической активности сельских бедных в прошедшем десятилетии является изменение структуры их доходов: упала значимость оплаты труда, выросла роль социальных трансфертов, кредитов и займов. Лидирующие позиции сегодня занимают не только оплата труда и доходы от семейного подворья, но и пенсии, социальные пособия. Более того, наблюдается масштабная зависимость сельских бедных от социальных трансфертов.

Эффективной основой преодоления сельской бедности могут стать дифференцированные политики с учетом особенностей социально-экономического положения и активности выделенных социальных групп сельских бедных. Особое внимание должно быть уделено поддержке сельского бизнеса и сельхозпроизводителей, молодежной политике, сокращению масштабов социальной исключенности сельских бедных от потребления важнейших социальных благ и услуг. Перспективным в условиях массового социального неблагополучия на селе, значительных масштабов сельской бедности в стране является стимулирование создания сельских территориальных кластеров с учетом стратегических направлений формирования устойчивого развития сельских территорий.

ГЛАВА 13

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ РОССИЙСКОГО СЕЛА И ПРОБЛЕМЫ ЕГО СОХРАНЕНИЯ

Феномен села в России претерпел ряд трансформаций, связанных с изменением общественного режима, неизбежными тенденциями урбанизации и т.д. Доля сельского населения России, по данным Всероссийской переписи населения 2002, 2010 годов сократилась на – 3,1%. Соотношение городского и сельского населения при этом сохранило стабильные показатели ввиду одновременной депопуляции и городского, и сельского населения.

В Татарстане доля городского населения превысила среднероссийский показатель в конце 20 века, достигнув – 74% в 2004 г. За последние 23 года численность сельского населения Республики Татарстан (далее РТ) убавилась на 2,3% (составляла 26,6% в 1990 году и снизилась до 24,3% в 2012 году). Данный показатель незначительный. Сравнительный анализ различных интегральных индексов социального и экономического развития регионов РФ, осуществленный Независимым институтом социальной политики в рамках программы «Социальный атлас российских регионов», позволил выявить, что «на фоне депопулирующей сельской местности соседних русских областей с исчезающими деревнями Татарстан остается «оазисом» относительной устойчивости, в республике сохранилась жизнеспособная сеть сельских поселений, их средняя людность превышает 300 жителей¹. Средний показатель по Российской Федерации отразил уменьшение сельского населения на 0,6% с 1990 по 2010 годы. Количество сельских поселений в РТ за 3 года снизилось на 25 единиц: от 916 сельских поселений в 2010 году до 891 в 2012 году. При этом зафиксирована высокая плотность – 14,4 человек/кв.км.

Социологический анализ проблем села в Татарстане осуществляется в рамках общих социологических теорий. Эмпирическая база исследований села как объекта анализа в республике отражена в немногочисленных научных достижениях (научной школы социологии села в Республике Татарстан не сложилось). К ним относится изучение Зиятдиновой Ф.Г. и Кучаевой Е.И.² процесса интеграции новых крупных холдингов в село, особенностей национального приоритетного проекта «Развитие АПК» (обследованы северо-западный (Кукморский и Сабинский районы), северо-восточный (Менделеевский район), юго-восточный (Альметьевский рай-

¹ Сайт проекта Независимого института социальной политики «Социальный атлас регионов» [Электронный ресурс]. <http://atlas.socpol.ru/portraits/tatar.shtml>

² Российское село в рыночных условиях: монография / Ф.Г. Зиятдинова, Е.И. Кучаева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 199 с.

он), закамский (Алькеевский район) районы республики). Выявление адаптационных ресурсов сельской семьи Татарстана было реализовано Шафранской Ч.Я.¹ (анализу подверглись 4 района Татарстана с сельским населением – Новошешминский, Тетюшский, Балтасинский и Нижнекамский). Исследование Фатхуллиной Л.З., посвященное роли социальной инфраструктуры села в повышении качества жизни населения (в Кукморском, Актанышском, Камско-Устьинском, Альметьевском районах), определило, что объекты социальной инфраструктуры на селе характеризуются большой социальной направленностью, следовательно, не могут быть коммерческими по сути².

В настоящее время освоением и осмыслением, а также практическим внедрением методологических принципов новосибирской экономико-социологической школы (Заславская Т.И., Рывкина Р.В., Калугина З.И., Фадеева О.П., Артемов В.А., Новохацкая О.В., Анисимова М.М.), башкирской научной школы социологии села (Акатьев Ю.В., Ахмадеев А.А., Салахутдинова Р.Р.), «южной» научной школы (Хагуров А.А.), «северной» (Покровский Н.Е.) занимается Научно-исследовательский центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан. В данной статье представлены результаты исследования социального капитала села РТ [Анкетный опрос «Социальный капитал села» было проведен в 2012 г. в Пестречинском муниципальном районе РТ. Репрезентативная по основным социально-демографическим показателям выборка составила 1095 респондентов (численность населения района – 29234 человека)] в ракурсе демографического резерва развития села на макро- и микроуровне, представляющие концептуальное последование научным разработкам Великого П.П. и Пациорковского В.В.]

Актуальность изучения социального капитала обусловлена взаимосвязью между резервом социального капитала и эффективностью работы социальных институтов, экономическим развитием, низким уровнем преступности и снижением доли других социальных проблем в районе. Способность сельского населения образовывать единую общность и работать вместе на территории своего района ради достижения общей цели – общественного благополучия – характеризует социальный капитал села.

Муниципальный район как единица анализа в изучении социального капитала села республики дает возможность рассмотреть отличительные характеристики социально-экономических явлений и процессов, характер

¹ Шафранская Ч.Я. Сельская семья в трансформирующемся обществе: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2005.

² Фатхуллина Л.З. Роль социальной инфраструктуры села в повышении качества жизни населения (на материалах Республики Татарстан): Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – Казань, 2004. – 20 с.

ных для территории Татарстана с его социогеографическими особенностями на локальном уровне.

Концепция социального капитала тесно связана с концепцией устойчивого культурного развития сельского сообщества. Устойчивость сообщества определяется тремя категориями: экономической, этнической и культурной устойчивостью. Наличие всех трех факторов способствует накоплению социального капитала. Падение социального капитала происходит, к примеру, 1) с утратой рабочих мест в районе, влекущей за собой снижение экономической устойчивости; 2) с развитием этнической гетерогенности в районе (ростом численности различных этнических групп, исторически не проживавших на данной территории); 3) увеличением культурного многообразия (например, в связи с появлением нового промышленного предприятия, привлекающего дешевую рабочую силу из других культур, мигрирующую в сельскую местность).

Социальный капитал облегчает коллективные действия, такой тип социального действия наиболее присущ локальным, нежели глобальным сообществам. Инвестирование в социальный капитал происходит с целью способствовать экономическому и социальному развитию. Деятельность по развитию, поддержанию и повышению социального капитала сообщества, по существу, – локальный феномен. Также как и сам социальный капитал – неотъемлемая черта сельского сообщества. Социальный капитал района отражает коллективное проявление образцов поведения, отношения, ценностей отдельных индивидов сообщества. Индивиды решают, какое количество социального капитала воспроизводить, и их выбор определяется как ценой возможности распределения времени и ресурсов на воспроизводство капитала, так и предельной пользой связанных с социальным капиталом единиц.

Социологическая традиция изучения села подчеркивает значимость данного типа поселения с позиции особенности сельского сообщества, характеризующегося тесными социальными сетями. Взаимодействие семьи с жителями своего села, администрацией, социальный статус семьи как единицы локальной социальной сети было выявлено в ходе изучения домохозяйств Пестречинского муниципального района – развитого социально-экономического муниципального района северо-западного региона Республики Татарстан (общая площадь района составляет 1361 кв.км.).

Исследуемый муниципальный район находится на 9-ом месте по численности населения среди муниципальных районов РТ с сельским населением после Высокогорского, Альметьевского, Тукаевского, Зеленодольского, Кукморского, Арского, Актанышского, Мамадышского муниципальных районов. По состоянию на начало 2012 года, по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики

ки по Республике Татарстан, численность населения Пестречинского муниципального района, постоянно проживающего в районе, составила 29234 человека¹. Особенность района заключается в его неурбанизированности: доля сельского населения составляет – 100%. В РТ всего 13 муниципальных районов с абсолютной долей сельского населения. Расселенческая структура района представлена 21 сельским поселением с райцентром в Пестречах и 74 населенными пунктами. За период 2006-2012 гг. отмечен положительный, хотя и несущественный рост численности населения района: за 7 рассмотренных лет оно увеличилось на 1203 человека. Смена поколений – важнейший показатель динамики развития села. Важным индикатором состояния сельского общества выступают перемены, происходящие с населением района (в нашем случае с членами одной семьи) во времени.

Социальный капитал района определяется не только социальными характеристиками самого населения, но и качеством его жизни. В опросе приняли участие трудоспособные жители Пестречинского муниципального района. Данный район этнически гетерогенен: преимущественно проживают 2 национальные группы – 57% татар, 38% русских; отдельно выделено сообщество крещеных татар, представленное 2%, и малочисленные группы чуваш, армян, грузин, марийцев, украинцев.

Развитие сети родственных личных связей – черта, типичная для сельского жителя. Это обусловлено, в том числе, ограниченными возможностями на селе иметь круг общения по интересам.

Установка на создание семьи в сельской местности сильна, что подкрепляется данными о семейном статусе жителей Пестречинского муниципального района. Три четверти опрошенных состоят в зарегистрированном браке; ставший нормой в современном российском обществе так называемый гражданский брак нашел своих последователей и на селе – их около 5%. Добровольное и вынужденное прекращение брачных отношений в равной мере затронуло состоявших ранее в браке людей. Если регулируемая причина распада семьи – развод – встречается в 5% случаев, то требующий еще более серьезных мер по стабилизации сохранения института семьи фактор – смерть одного из супругов – составляет 6%.

В сельском типе поселения не принято проживать в одиночку – таких жителей в Пестречинском муниципальном районе только 5%. Распространено проживание многопоколенной семьи в одном частном доме (который передается от поколения к поколению) – в совокупности от 5 до 7

¹ Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tatstat.ru/digital/region1/default.aspx> (дата обращения 03.07.2012).

человек в семье проживает у 20,8% опрошенных. Семья, представленная двумя-четырьмя членами, встречается в большинстве случаев – 69,4%.

Родственная сеть, представленная братьями и сестрами, живущими с опрошенными в одном селе или недалеко от него, составляет для 62% опрошенных от 1 до 3 человек. Семей, имеющих от 4 до 6 братьев и сестер – 23,3%, от 7 до 9 человек – 5,2%, от 10 и более – 9,5%. Число других родственников, проживающих в том же территориальном округе, что и респонденты, не очень велико. В большинстве случаев оно находится в промежутке от 1 до 9 человек – 50%. 29,1% опрошенных имеют от 10 до 19 родственников на небольшом расстоянии от места их проживания, 20,9% – от 20 и более.

В течение жизни жители Пестречинского муниципального района, как правило, меняют дом проживания дважды – от родительского дома до своего собственного. Велика доля населения, всю жизнь прожившего в одном доме (оставшемся в наследство от родителей). Как правило, в сельском районе девушка при вступлении в брак переезжает в дом родителей мужа, в то время как в городских районах наблюдается тенденция «покидания» отчего дома молодыми девушками и парнями задолго до вступления в брак.

Значимым другим человеком, к которому житель Пестречинского муниципального района чаще всего обращается за советом и помощью, в большинстве случаев выступает брачный партнер – 32%. В два раза реже в случае необходимости просят поддержки у родителей – 17,7%, помощи у своих детей просит – 13,6%, у брата или сестры – 13,2%. К жене или мужу обращаются для решения деловых и важных вопросов – 45%, по вопросам работы по дому и по хозяйству (участку) – 33,1%, а также при необходимости займа денег, взаимообмена, присмотра за домом. К отцу или матери в основном обращаются для займа денег (20,1%), при решении деловых вопросов (18,3%) и при обсуждении важных вопросов (17,5%). Для получения помощи в работе по дому и по хозяйству (участку) чаще всего обращаются к своим детям – 24,4% и 22,3% соответственно. К сестре или брату обращаются по всем предложенным вопросам в равной степени. Кровные родственники выступают в роли помощников при необходимости займа денег – 22,3%, взаимообмена – 20% и при решении деловых вопросов – 15,8%, с такими же проблемами обращаются и к некровным родственникам, только здесь первую позицию в списке просьб о помощи занимает взаимообмен – 24,8%. К соседям чаще всего обращаются с просьбой о присмотре за домом – 49,2%. При решении деловых вопросов – 24,6%, займа денег – 23,5% и взаимообмена – 20,2% респонденты обращаются к своим друзьям. Сослуживцы, члены формальной группы, работники сферы

обслуживания или социальной сферы помогают при решении деловых вопросов – 39,7%.

В основном семейной и родственной поддержкой пользуются достаточно умеренно – 51,4%, не злоупотребляют также соседской и дружеской поддержкой – 50,4%. Обращаются за помощью при сенокосе, для выполнения хозяйственных работ, для решения денежных вопросов, при необходимости присмотреть за хозяйством или живностью во время отсутствия владельца, а также с целью моральной поддержки.

Наиболее часто родственной, соседской и дружеской поддержкой пользуются семьи с одним или двумя детьми.

Люди, склонные к социальной изоляции, не имеют собственной семьи и ограничивают количество социальных контактов, не прибегая за помощью к своему ближайшему кровному окружению. Проживающие в своем доме в одиночестве стараются справляться с трудностями сами.

От внутренних социальных сетей сельских жителей перейдем к рассмотрению внешних.

У сельских жителей достаточно ярко выражена локальная идентичность – ощущение близости, единства с жителями своего населенного пункта возникает у 73% опрошенных. 40% жителей никогда не проживало на территории какого-либо другого населенного пункта своего района. В других селах, поселках Пестречинского муниципального района ранее проживало 7% опрошенных жителей; в других районах Республики Татарстан жили 3,9% сельчан. В соседних районах относительно Пестречинского муниципального района ранее проживало 3% населения, в Казани – 12,6% из всех опрошенных, в других городах – 2,6%. Длительно отсутствовали в районе на время службы в армии – 1,4%, имели опыт проживания за рубежом – 1,4% из числа всех опрошенных.

Каждый четвертый респондент (23,6%) проживает в населенном пункте Пестречинского муниципального района на протяжении 34–45 лет. 77,1% опрошенных живут в своем селе с самого рождения. Больше полувека – 60–69 лет в своем селе живут 2,5% опрошенных (из них 96,3% – это люди возрастом 60–69 лет, 3,7% – 70-летние и старше).

Повышение уровня образования сельской семьи влечет за собой миграционные настроения. Однако ситуация в Пестречинском муниципальном районе вполне положительная. Почти половина опрошенных старшеклассников (по результатам исследования «Образовательный потенциал сельской семьи», проведенного НИУ семьи и демографии) – 42% – заявили, что они планируют вернуться в село после окончания вуза или техникума. На наш взгляд, это позитивная тенденция для района, учитывая, что из 58% учащейся молодежи, мечтающей покинуть село, далеко не все воплотят это в реальность. Наибольшее количество уверенных в том, что их

ребенок предпочтет остаться в городе, оказалось среди прародителей – 64%. Расширенная постановка вопроса об ожидаемых жизненных траекториях ребенка после завершения его образования вскрыли дополнительно около 8% потенциальных мигрантов.

Установка на продолжение сельского образа жизни или смену его на городской социум с его особой культурой закладывается в семье. Так, кейс-стади по изучению семейных ферм в РТ как фактора стабилизации социально-демографической ситуации на селе продемонстрировали готовность родителей делать долгосрочные инвестиции в будущее своих детей на родной сельской земле в виде строительства нового дома, создания семейного бизнеса и т.д.

Отец троих детей, глава высокотехнологичной семейной фермы (юридически глава фермы – его жена), так характеризует роль фермы в жизни своей семьи и села в целом: «*Если говорить о том, что фермой занимается только семья – это неправильно, это просто нереальная работа. Только семьей вести фермерское хозяйство трудно. Мы много общаемся с людьми, советуемся. Уже прошло 2 года, как мы открылись. Уже дети подросли, старший сын заканчивает 9 класс, ему 16 лет, среднему сыну 13 лет, он учится в 6 классе, а младшая совсем маленькая еще.*

Интервьюер: – А взрослые дети Ваши помощники, значит?

Фермер: – Ну, как сказать уж. У них теперь, а именно у старшего – ГИА, им надо готовиться, тем более они занимаются спортом. Много времени проводят в спортзале, я их толком дома и не вижу. Его «помощь» состоит в его травмах или другое. Без подготовки тоже нельзя, их нужно готовить ко всему. Но уже дети со мной советуются, спрашивают: «Папа, а куда лучше поступить учиться? По какому направлению? Кем нам стать?». Я им говорю: «Давайте ребята... наш бизнес вас тоже касается, давайте лучше обучайтесь по сельскохозяйственному направлению».

Интервьюер: – Как Вы думаете, глядя на Вас, вашу работу, будет ли у них желание работать в этой сфере?

Фермер: – Мне кажется, желание у них должно быть, во всяком случае, мы должны заложить в них это.

Интервьюер: – А то многие фермеры говорят: «Работаем, работаем, а дети все равно в Казань уезжают».

Фермер: – Нет, нет, изначально я все это начал делать для них, открыл это дело. Я в 18 лет остался без отца, у меня ничего не было, было очень тяжело. Вот думал, дети уже подрастают, пусть все это останется им после меня. Если честно, кто их ждет в Казани? Никто не ждет. Так ведь?...

По результатам исследования общий денежный доход семьи в месяц для 27,7% опрошенных приблизился к сумме от 15000 до 19999 рублей,

для 15,6% – от 10000 до 14999 рублей. Примерно одинаковое количество опрошенных имеют доход в семье в промежутке от 20000 до 24999 рублей (13,7%) и от 25000 до 29999 рублей (13,8%). Это значительно меньше предполагаемой суммы всех денежных доходов семьи (денежный доход по РТ на одного человека на ноябрь 2012 года составляет 25546,60 рублей [Денежный доход на душу населения по РТ на ноябрь 2012 года.]).

На вопрос о том, какая сумма дохода приходится на каждого члена семьи, наши респонденты отвечают, что – 19% живут на сумму от 12000 рублей и более, 12% населения от 10000 до 11999 рублей, а оставшаяся часть – 69% живут на сумму, не превышающую 10000 рублей в месяц, как сумму, меньшую по отношению к минимальному потребительскому бюджету на члена типовой семьи в РТ [Минимальный потребительский бюджет на члена типовой семьи в РТ на ноябрь 2012 года составляет 10372 рубля.].

Однако сами респонденты в большинстве случаев относят свою семью к группе среднего достатка (64,8%). Бедными себя могут назвать – 20,3%, а очень бедными всего 3,4% опрошенных. Такой же показатель и у тех, кто относит себя к группе выше средней обеспеченности (3,4%).

Анализ распределения среднедушевого совокупного дохода по группам минимального потребительского бюджета на члена типовой семьи по РТ показывает, что при сопоставлении фактических уровней доходов и самооценок опрашиваемых последние значительно завышаются респондентами. Так, 59,3% опрошенных с доходом ниже минимального потребительского бюджета определяют уровень достатка семьи как средний, тогда как характеристика «очень бедная» звучала только в 4,8%. Ничего не меняется и у респондентов, чей доход находится на уровне минимального потребительского бюджета: самооценка – средний достаток. То есть 72,3% считают, что их доходы вполне адекватны и соответствуют их общим запросам. Только последняя группа не завышала оценок и определила средний уровень достатка в соответствии со своими доходами, превышающими минимальный потребительский бюджет (72,9%). Возможность хорошего заработка в районе была оценена как «плохая» и «очень плохая» – 33,6% и 29,3% соответственно.

Для прояснения ситуации, почему при таком низком уровне дохода жители Пестречинского муниципального района чувствуют себя вполне обеспеченными, мы задали вопрос об основных расходах, совершаемых в опрошенных семьях.

В основном в статьи расходов входят платежи за коммунальные услуги (15,1%), телефон и интернет (13,1%), так же общий семейный доход тратится на продукты питания (14%), покупку одежды и обуви (12,3%), лекарства и медицинское обслуживание (11,4%), налог на недвижимость –

транспортные средства (8%), налог на недвижимость – дом (7,5%), учеба и воспитание детей в детском саду (6,4%), различные услуги (5,5%); возврат долгов (2,1%), другие (2,1), сбережения (1,3%), финансовая помощь сельским администрациям (0,8%), плата за оказание услуг колхозу (0,4%).

Стоит также отметить, что 42,8% респондентов потребляют продукты питания из ЛПХ. У 22,4% из них доля потребления составляет больше половины к месячному доходу.

Для удовлетворения своих потребностей в отдельных услугах опрошенные жители Пестречинского муниципального района обращаются преимущественно в специализированные учреждения (37,1%): при необходимости медицинского обслуживания – 62,7%, посещение парикмахерской – 50,4%, с целью ремонта и пошива одежды и обуви – 34,4%, ремонта бытовой техники – 54,3% и ремонта транспортных средств – 39,2%. Предпочитают делать определенные работы самостоятельно, не обращаясь за помощью к другим лицам, 29,7%: транспортировка – 40%, ремонт хозяйственных построек – 59,3%, реализация сельскохозяйственной продукции домохозяйства – 53,6% и реализации лесной продукции – 36,6%. За плату у частных лиц пользуются такими услугами, как ремонт и пошив одежды и обуви – 17,9% и ремонт бытовой техники – 13,7%.

О поддержке, оказываемой населению администрацией Пестречинского муниципального района (выделение зерна и мяса, участка земли в аренду для строительства дома, жилой комнаты), говорит половина опрошенного населения. Это достаточно высокий показатель, характеризующий активность муниципальных структур в вопросе благоустройства всего района в целом, и отдельных семей, в частности.

По мнению респондентов, в повседневной жизни их односельчане помогают друг другу, только когда их попросят об этом (58,2%). Возможно, такое предположение связано с тем, что сами опрошенные (42,4%) за последние 12 месяцев ничего не делали совместно с другими односельчанами. Однако есть и другая довольно значимая часть населения – 36,5%, которая занимается общественно-полезными делами, направленными на улучшение условий жизни в Пестречинском муниципальном районе. В основном в них принимают участие женщины – 60,1%. Среди выполняемых работ были перечислены следующие виды деятельности: уборка территории и вывоз мусора – 42,3%, посадка деревьев – 22,5%, облагораживание кладбища – 9%, ремонт дороги – 5,5%, обкос травы – 4,9% и т. д.

Все, что было выполнено, делалось в большинстве случаев добровольно – 46,9%, и только в 17,6% – в рамках обязанностей. В общей совокупности не заняло и больше месяца от целого года – 85,9%, в редких случаях (10,5%) опрошенные работали на благо села более 3 месяцев.

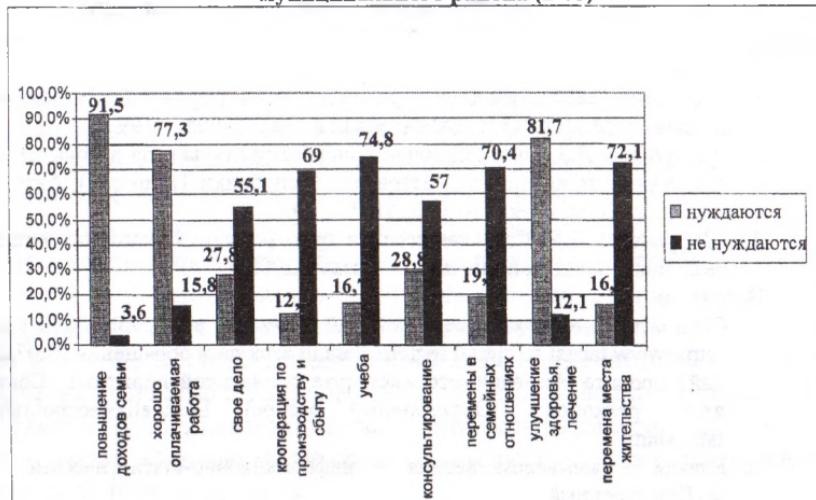
На вопрос осуждаются ли односельчанами люди, которые не участвуют в жизни села, 33,7% ответили, что осуждаются только некоторыми жителями. 17,4% считают, что совсем не осуждаются. Жизненная позиция жителей Пестречинского муниципального района далека от активной: 78,1% не участвуют ни в жизни деловых, профессиональных или общественных организаций, ни в группах по интересам, за исключением небольшого числа тех, кто состоит в политической партии «Единая Россия» (8%) и в профсоюзах (1,7%).

Также в ходе опроса был выявлен уровень удовлетворенности жителей Пестречинского муниципального района различными сторонами жизни. Полнотью удовлетворены своим семейным положением – 50,5% и отношениями в семье – 57,3%. Работа, уровень дохода семьи, здоровье, жизнь на селе, жизнь в целом и общая обстановка в стране большинству жителей приносит частичное удовлетворение (от 34,4% до 41,9%).

Уровень удовлетворенности жизнью среди жителей Пестречинского муниципального района довольно высокий; среди населения, давшего положительную оценку различным сторонам жизни в своем районе, 80,2%.

При благоприятном социально-психологическом климате в районе нереализованным резервом остается материальный и медицинский сектор. При этом не зафиксировано стремления населения сменить место жительства (всего 16% считают возможным и необходимым для своей семьи покинуть район).

Диаграмма 1. Иерархия потребностей населения Пестречинского муниципального района (в %)

В период с 2011 по 2012 год у 60% жителей Пестречинского муниципального района перемен в жизни не было. А у тех, кого затронули различные перемены, они в основном положительные: трудоустройство или смена работы (5,3%), рождение ребенка (2,4%) или孙 (5,5%), свадьба (3,1%), личное поступление в ВУЗ (1,9%) или ребенка (1,7%), а также покупка автомобиля, проведение ремонта дома, свадьба ребенка, получение квартиры, выход на пенсию, получение диплома о высшем образовании, повышение в должности и т. д.

Негативные перемены произошли всего у 5,6% опрошенных, среди них ухудшение здоровья (1,7%), потеря работы (1%), смерть родных и близких (0,5%). Так же респонденты говорят о том, что они стали больше тратить, что жизнь стала тяжелее, ухудшилось материальное положение, и в то же время увеличилась плата за ЖКХ.

Результаты анализа таких составляющих жизни населения Пестречинского муниципального района, как самооценка материального положения своей семьи, социальная активность, удовлетворенность экологической ситуацией в районе, взаимодействие с органами местной власти, миграционные настроения, жизненные притязания и т. д., вырисовывают стабильный психосоциальный климат в районе. Социальная пассивность жителей района, с одной стороны, выступает гарантом устойчивости имеющихся людских ресурсов, с другой стороны, препятствует повышению уровня социального капитала района в целом. Учитывая отсутствие массовой ориентации населения на покидание района как места жительства, администрация района имеет возможности по активизации социального поведения населения с перспективой наращения социального капитала района.

Литература:

1. Российское село в рыночных условиях: монография/Ф.Г. Зиятдинова, Е.И. Кучаева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2008. – 199 с.
2. Фатхуллина Л.З. Роль социальной инфраструктуры села в повышении качества жизни населения (на материалах Республики Татарстан): Автореф. дис. ...канд. социол. наук. – Казань, 2004. – 20 с.
3. Шафранская Ч.Я. Сельская семья в трансформирующемся обществе: Автореф. дис. ...канд. социол. наук. – Казань, 2005.

Источники:

4. Окончательные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года URL: <http://www.tatstat.ru/digital/region1/default.aspx> дата обращения 03.07.2012
5. Сайт проекта Независимого института социальной политики «Социальный атлас регионов». [Электронный ресурс]. <http://atlas.socpol.ru/portraits/tatar.shtml>
6. Единая межведомственная информационно-статистическая система.[Электронный ресурс]. <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=36711&refenterType=0&refenterId=1292868>

ГЛАВА 14

ПОДСОБНЫЕ ХОЗЯЙСТВА НАСЕЛЕНИЯ КАК РЕСУРС САМОРАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА

Одним из актуальных предметов исследования отечественных социальных наук являются современные процессы развития личных подсобных хозяйств населения (ЛПХ), образующих важный сегмент сельской экономики и сферу самореализации жителей села. В российском селе подсобное хозяйство в условиях кризиса, вызванного аграрной реформой 1990-х гг., стало ведущей сферой приложения трудовых ресурсов жителей деревни и средством адаптации к изменившимся условиям жизни, обеспечивающим домохозяйства продуктами питания и денежными средствами, необходимыми для выживания сельских семей. Помимо того, что сама данная форма аграрного производства является сложным объектом исследования ввиду тесного переплетения его социальных и экономических характеристик (что и позволяет говорить об ЛПХ как особом укладе), следует признать важное значение хозяйств населения в стабильном развитии сельского созиума.

В исторической ретроспективе ЛПХ является осколком крестьянского хозяйства, включавшего в себя «большой надел» и животноводческое производство (выступавшие основной сферой приложения трудовых ресурсов семьи и базой товарного производства), а также «приусадебный огород» (содержание которого было необходимо для самообеспечения домохозяйства продуктами питания). В период коллективизации «большой надел» перешел в собственность колхоза (совхоза), работа в котором по-прежнему выступала основной сферой приложения крестьянского труда и источником основных официальных доходов. Оставшийся в ведении сельской семьи «приусадебный огород» по-прежнему являлся вспомогательной формой производства, обеспечивающей хозяйство дополнительными продуктами питания. Животноводческое производство также было по большей части обобществлено, а частью оказалось включено в структуру «индивидуального хозяйства», т.е., по сути дела, в ЛПХ; при этом его масштабы контролировались властью, варьировались в соответствии с государственной аграрной политикой и имели незначительный характер. Таким образом, ЛПХ, являясь осколком крестьянского хозяйства, действительно имело подсобный характер, выполняя функцию дополнительного обеспечения домохозяйства продуктами питания. Товарные функции ЛПХ были развиты слабо; реализация части продукции самостоятельно или через закупочные, кооперативные организации выступала дополнительным к зарплате источником доходов.

В советский период развития ЛПХ сельского жителя по своей сущности и выполняемым функциям находится весьма близко к городской «даче» (огороду), хотя генезис этих двух форм различен. Городская «огородно-дачная» экономика возникла в СССР в 1950–1960-е гг. Садовые участки распределялись предприятиями среди своих работников и предназначались для выращивания на них овощей для личного потребления (исследователи объясняют это тем, что в голодные послевоенные годы люди хоть так могли пополнить свой рацион, однако, возможно, здесь сыграла роль и тоска бывших крестьян по «земле»)¹. В 1960-е гг. власти разрешили строить на таких участках маленькие, не стационарные домики. Так и сформировался феномен «дачи», имеющей большое сходство с сельским «огородом», поскольку «дача» также выступала сферой дополнительного приложения трудовых ресурсов домохозяйств и выполняла функцию дополнительного обеспечения продуктами питания: овощей, ягод. В отличие от сельского ЛПХ «дачная» экономика, как правило, была лишена животноводческого компонента. В начале 90-х гг. любые формы загородного строительства, огородничества, разведения животных горожанами в свободное от основной работы время стали называться дачами. Хотя можно было бы выделить различные типы загородной деятельности (личное подсобное хозяйство, приусадебный участок, участок в садоводстве, собственно дача, дом в деревне), однако понятие «дача» используется горожанами как универсальное².

Таким образом, перед реформами 90-х гг. и сельский «огород», и городская «дача» выполняли схожие функции, выступая сферой дополнительного приложения трудовых ресурсов домохозяйств и дополнительного обеспечения продуктами питания. В период постсоветской трансформации значение этих двух форм аграрного производства существенно возрастает, по мнению исследователей, российская провинция смогла «приспособиться и к новой экономической реальности, укрывшись грубым, но надежным покровом» натуральной экономики³, а сельскохозяйственная продукция, производимая населением, по существу спасла российскую глубинку от голода и социальных потрясений. При этом существенно меняется значение двух описанных выше форм.

В городе даже в самый разгар трансформационного кризиса 1990-х гг. огород не изменил своей сущности, оставаясь вспомогательным источником самообеспечения. В малых городах дача стала неотъемлемой ча-

¹ Чеховских И. Российская дача – субурбанизация или рурализация? [Электронный ресурс] URL: http://www.indepscres.spb.ru/sbornik9/9_chemh.htm

² Там же.

³ Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. – 1997. – № 4. – С. 55.

стью социально-экономической повседневности, иногда выступая в качестве элемента, компенсирующего возможности «городской занятости» (для неработающих членов семьи или домохозяйств, все члены которых потеряли работу). Однако даже в этом случае горожане, не потерявшие трудовой мотивации, как правило, совмещали работу на «даче» с поисками «нормальной работы». Функционирование «дачно-огородной» экономики имело малое рыночное значение, поскольку подавляющая часть продукции потреблялась внутри домохозяйства, а основным источником денежных средств выступали зарплаты работающих членов семьи, временные подработки, социальные пособия. Соответственно, городское домохозяйство, даже «живя с огорода», не переориентировалось на аграрное производство, что должно было найти свое отражение в соответствующей специализации всех членов семьи.

В российском селе подсобное хозяйство в условиях кризиса, вызванного реформами, стало ведущей сферой приложения трудовых ресурсов жителей деревни и средством адаптации к изменившимся условиям жизни, обеспечивающей домохозяйства необходимой для выживания продукцией сельского хозяйства и деньгами. В ряде случаев ЛПХ сельских жителей приобретают ярко выраженный товарный характер, хотя подобная практика характерна лишь для 15–20% семей¹. Таким образом, хозяйства населения в сельской местности представляют собой специфическую форму аграрного производства, значимую для рынка продовольствия и сельскохозяйственного сырья в национальных масштабах, вписываясь в качестве одного из важных элементов в структуру многоукладной сельской экономики. Государство, путем принятия федерального закона «О развитии сельского хозяйства» (2006 г.), подтвердило реальность такого положения дел, признав граждан, ведущих личное подсобное хозяйство в качестве одной из категорий сельскохозяйственных товаропроизводителей. Учитывая роль этого явления, которое нельзя в селе считать чем-то второстепенным («подсобным»), следует признать, что по сравнению с термином «личные подсобные хозяйства» сельского населения понятие «хозяйства населения» является более адекватным².

Вместе с тем уклад, представленный ЛПХ, имеет ярко выраженную специфику (по сравнению с другими формами сельхозпроизводства), связанную с факторами, предопределившими его развитие, поскольку он формируется в результате процессов адаптации жителей села к условиям аграрной реформы. В основу реформы была положена идея возвращения

¹ Лылова О.В. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социс. – 2003. – № 9. – С. 107–113.

² Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х — 90-е годы XX столетия / Под ред. Е. С. Строева. – М.: Колос, 2001. – С. 328.

российского села в русло пресеченного революцией развития капиталистического уклада в сельской экономике и «возрождения крестьянства» (в более модернизированной, фермерской форме). Важнейшей причиной низкой эффективности сельскохозяйственного производства считалось отсутствие у сельских тружеников собственности на землю и другие средства производства. Однако результаты реформы показали, что такая точка зрения была ошибочной: в массе своей селяне не реализовали свое право собственности на землю: 80% селян, имеющих земельный пай, оставили его в распоряжении предприятий, на которых они работали, или внесли в качестве вступительного взноса во вновь созданные акционерные общества, кооперативы, коллективные хозяйства, 10% использовали свой пай на расширение личного подсобного хозяйства и лишь 2% – на организацию самостоятельного хозяйства, а 5% передали свой пай по наследству своим родственникам или детям¹. Большинство жителей села так и не ощутило разницы между положением наемных работников и совладельцев средств производства, зачастую сохранив прежнее рабочее положение в реформированной организации.

Вместе с тем положение большинства вновь созданных или реформированных в акционерные общества бывших колхозов и совхозов в 1990-е гг. нельзя назвать благополучным, что нашло свое отражение, помимо прочего, в уровне зарплат работников-акционеров. Работники сельского хозяйства оказались одной из самой низкооплачиваемой категорией работающих. За период 1990-х – начала 2000-х гг. уровень зарплаты тружеников села по отношению к среднероссийскому упал с 90% до 40%, а отношение минимальной оплаты труда к средней в отрасли составило всего 28%². Кроме того, зарплату на предприятиях в сельской местности намного чаще, по сравнению с городом, задерживали, пользуясь безвыходным положением и низкой юридической грамотностью людей (таблица 1).

Устоявшейся тенденцией реформенных лет является то, что формирование бюджета сельской семьи происходило из нескольких источников («многоканальная модель» выживания). При этом зарплата стала играть примерно такую же роль, как и социальные пособия, доходы от продажи продукции ЛПХ. Уменьшение за годы реформ более чем вдвое доли зарплаты в семейном доходе привело к такому положению, когда она перестала выполнять стимулирующую, воспроизводственную, социально-защитную функции³, что стимулировало развитие альтернативных способов обеспечения сельских домохозяйств.

¹ Калугина З. И. Институциональные основы и социальная база развития сельского предпринимательства // Регион: экономика и социология. – 2001. – №3. – С. 75–98.

² Социально-экономическое положение России. Январь–февраль 2004. (II). – М.: РСА, 2005. – С. 53.

³ Елохова И.В. Уровень жизни сельского населения России // Сельская бедность: причины и пути преодоления. – М.: ВИАПИ. 2004. – С. 36.

Таблица 1

Характеристика уровня жизни сельского населения в сравнении со среднероссийскими данными¹

Показатели	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003
Соотношение среднемесячной заработной платы работников организаций в сельском хозяйстве к среднероссийскому уровню	0,5	0,5	0,4	0,6	0,4	0,4	0,4	0,5
Срок задержки зарплаты в среднем по отраслям, мес.	1,5	2,4	3,0	3,7	2,6	2,0	1,8	1,9
Срок задержки зарплаты в сельском хозяйстве, мес.	1,7	2,4	4,0	5,2	3,6	2,8	2,7	3,0

Более чем двукратное сокращение сельскохозяйственного производства привело к росту скрытой и зарегистрированной безработицы, которая стала одной из наиболее острых проблем в сельской местности. Официальный уровень безработицы в сельской местности довольно низкий по сравнению со средним уровнем по стране. (Официальный показатель сельской безработицы в последние годы балансирует на уровне 11% (против 7-8% в городе²). В то же время большинство исследователей отмечают, что сельские жители просто не регистрируются как безработные³. Действительно, реальное значение уровня безработицы намного превышает официальные показатели. Так, данные массовых опросов, проведенных в Маслянинском районе Новосибирской области (2001 г.), показали уровень безработицы в 19%; в Тяжинском районе Кемеровской области (2005 г.) – в 16%; в Чулымском и Ордынском районах Новосибирской области (2007 г.) – 24%, в Здвинском и Коченевском районах Новосибирской области (2011 г.) – 13%.

Безработица и низкие доходы от официальной занятости в сельской местности выступали главными факторами вытеснения трудовой активности жителей села в сферу подсобного хозяйства. Развитие ЛПХ является приспособительной реакцией и лежит в основе адаптационной стратегии социально-экономической натурализации, т.е. переориентации социальной жизни на воспроизводство натурализованного семейного хозяйства, служащего, прежде всего, целям простого воспроизводства и обеспечения минимально приемлемого уровня жизни. Исследования процессов социаль-

¹ Там же.

² Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социс. – 2005. – № 11. – С. 70.

³ Чеховских И. Российская дача — субурбанизация или рурализация? [Электронный ресурс]. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_chekh.htm; Овчинцева Л. А. Занятость жителей села: трудности измерения // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 34–35.

ной адаптации населения, осуществляемые в период конца 1990-х – 2010-х гг. в сельских сообществах Сибири, зафиксировали преобладание натурализованной домашней экономики хозяйств населения во всех обследованных регионах¹. Собственное хозяйство ведет подавляющее большинство сельского населения (около 90%), при этом лишь меньшая часть производимой в этом секторе продукции поступает в товарную экономику, подавляющая часть продуктов домашнего хозяйства присваивается в натуральной форме (таблица 2).

Таблица 2
Формы присвоения продукции личного хозяйства, %

Формы присвоения	Данные 2001 г.	Данные 2005 г.	Данные 2007 г.	Данные 2011 г.
Сдача в закупочные организации	5	5	0	4
Реализация через частных скупщиков	31	42	30	30
Самостоятельная реализация	1	2	13	8
Потребление в хозяйстве	80	91	80	87

Экономика личных хозяйств населения имеет преимущественно потребительско-натуральный характер, поскольку произведенная в них сельскохозяйственная продукция обладает малым коэффициентом товарности, используется в основном в целях воспроизводства сельской семьи, для удовлетворения личных нужд семьи (домохозяйства). Продажа части продукции хозяйства на рынке по существу имеет вынужденный характер, так как в продажу поступает зачастую не излишки, а часть необходимого для воспроизводства семьи и хозяйства продукта, по причине необходимости денежных средств для выполнения тех или иных жизненно важных семейных функций², т.е. полученный денежный доход, как правило, используется не для производительных, а для потребительских целей. Особая природа экономики ЛПХ нашла отражение в законодательстве. Федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве» №112-ФЗ от 7 июля 2003 г. определяет ЛПХ как форму непредпринимательской деятельности по производству и переработке сельскохозяйственной продукции (Ст.1).

Другая наиболее сущностная черта хозяйств населения после непредпринимательского типа производства заключается в том, что они выражают собой семейный тип хозяйства³. В личных подсобных хозяйствах ведение домашнего хозяйства и производство сельскохозяйственной про-

¹ Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции или инновации. – Новосибирск: Паралель, 2010.

² Прауст Р.Э. Развитие форм хозяйствования в аграрном секторе – М.: Изд-во «ЭРД», 1998. – С. 32

³ Пашенко А.И. Личные подсобные хозяйства в структуре многоукладной аграрной экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2004. Сер. 5. – Вып. 3 (№ 21). – С.69.

дукции представляют собой внутренне единый процесс жизнеобеспечения семьи. Таким образом, трудовые отношения членов семьи слиты с социально-ролевыми, а домашнее семейное хозяйство недифференцировано (необособленно) от хозяйства производительного¹. В этом проявляется родство современных личных подсобных хозяйств с традиционным крестьянским хозяйством. Характерным свойством крестьянского хозяйства А.В. Чаянов считал симбиоз экономики, демографии и культуры, подчеркивая, что в трудовом крестьянском хозяйстве стимулом к работе являются потребности семьи и степень их удовлетворения; в капиталистическом хозяйстве – уровень сдельной и поденной оплаты труда, а также «принуждение хозяйствующей воли», боязнь потерять работу, штрафы. Производственная деятельность, согласно ему, лишь одна сторона крестьянского хозяйства. Она неотделима от социально-демографических функций, а крестьянский двор непрерывно связан с жизнью всего деревенского социума и общества в целом².

Третья характерная черта ЛПХ как адаптационной укладной формы заключается в тесной, «симбиотической» связи с «крупхозом», т.е. прошедшим процессом рыночной реорганизации бывшим колхозом (совхозом), продолжающим выполнять определенные социальные функции. Для устойчивого развития сельской натуральной экономики важно наличие доступа к ресурсам высокотехнологичного производства, обеспечивающего низкотоварное хозяйство техникой, кормами, поддерживающего по мере сил социальную инфраструктуру и предоставляющего помощь, обеспечивающего воспроизводство сельского микросоциума. Ресурсы крупхоза доступны сети домохозяйств как на основе льготного пользования, так и в форме прямого присвоения (от неформальной «помощи» до прямых хищений), что дает исследователям возможность охарактеризовать подобные предприятия как «консенсусные, смешанные общинно-хозяйственные образования»³. На примере сел, где в настоящий момент ликвидировано крупное производство, отчетливо просматривается зависимость экономики ЛПХ от бывших коллективных предприятий. Как правило, после ликвидации крупного хозяйства начинается процесс деградации населенных пунктов вследствие процессов локальной миграции наиболее трудоспособных жителей из села, после чего здесь прослойки населения, не способные к самостоятельному хозяйствованию⁴.

¹ Емельянов А. Коллизии становления многоукладности аграрного сектора экономики // Российский экономический журнал. – 2001. – № 5–6. – С. 54.

² Егорова О.И., Полушкина Т.М. Трудовая активность работников сельского хозяйства: мотивы и стимулы // Studium. 2008. № 3 (8). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sarki.ru/studium/publ3/egorova.pdf>

³ Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991-2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003. – С. 85.

⁴ Фадеева О.П. Сельский труд: Симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 222–252.

В первые годы реформ взаимодействие крупхозов и ЛПХ населения носило преимущественно не эквивалентный с экономической точки зрения характер (вследствие чего подобное взаимодействие часто определялось как «паразитический симбиоз»). По мере сокращения ресурсной базы крупных сельхозпроизводителей и постепенного внедрения рыночных принципов в деятельность реформированных предприятий прямое присвоение и безвозмездное использование ресурсов уступает место кредитованию населения, льготному обеспечению потребностей домохозяйств, формализации снабжения кормами (в виде натуральной арендной платы за пользование земельным паем). Инновационные формы сельхозпредприятий, такие как агрохолдинги, зачастую вообще отказываются от социальных функций. Исследователи, отмечающие эту тенденцию, делают вывод о том, что «симбиоз семейного подсобного хозяйства, сельской общины и сельскохозяйственных предприятий новых организационно-правовых форм – АО, ТОО, СХПК – крупхозов практически распался, и началось формирование автономных стратегий выживания, центральным звеном которого стало семейное хозяйство»¹. Действительно, разрыв важнейших социальных и экономических связей хозяйств населения с предприятиями формального сектора приведет к существенной трансформации ЛПХ. Однако другим последствием этих процессов станет существенное снижение роли ЛПХ в жизни села, о чем можно говорить, исходя из отмеченного выше факта зависимости экономики ЛПХ от бывших коллективных предприятий. Можно предположить, что, с одной стороны, нерентабельное натуральное хозяйство без внешней подпитки вновь приобретет значение вспомогательного, «подсобного» элемента в жизни части домохозяйств. С другой стороны, ЛПХ, обладающие высокой степенью товарности, будут и далее развиваться в направлении к фермерскому укладу.

Исследования рубежа веков зафиксировали, что в подавляющем большинстве сельских сообществ сформировался парадоксальный тип социально-экономических отношений, сочетающий в себе черты натурального хозяйства и неформальной экономики и существенным образом зависящий от редистрибутивной политики государства, региональных и локальных акторов социальной политики, а сектор ЛПХ развелся до уровня специфической формы аграрного производства, значимой для рынка продовольствия в национальных масштабах и представляющей собой один из важных элементов структуры многоукладной сельской экономики.

В последние годы происходит постепенное, но неуклонное снижение значения хозяйств населения в структуре производства основных видов

¹ Великий П.П. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 59.

сельскохозяйственной продукции. По данным статистики, пик производства скота и птицы на убой в хозяйствах населения был достигнут в 2000 г., когда ЛПХ производили более половины товарного мяса, 58%. К 2009 г. доля ЛПХ в производстве мяса, постепенно сокращаясь, снизилась до 39,5%. За те же годы значительно снизилась роль ЛПХ также в производстве товарного картофеля и по ряду других позиций. Социологические исследования, проведенные в Новосибирской области, зафиксировали еще более значительное сокращение животноводческой специализации ЛПХ, в подавляющем большинстве обследованных поселений с 2003-2005 гг. произошло сокращение поголовья общественного стада в 2 раза и более. Сокращение экономического потенциала ЛПХ происходит в масштабах страны в тот момент, когда, казалось бы, объективные факторы должны, напротив, способствовать развитию данной формы самозанятости. Так, численность, занятых сельским хозяйством, охотой и лесным хозяйством, снизилась с 2000 по 2009 гг. почти на 2,4 млн. чел., в то время как численность трудоспособного сельского населения не уменьшилась, а даже возросла на 1,5 млн. человек по всей стране (по данным статистики).

В чем причины сокращения объема и значения ЛПХ?

Согласно одной из точек зрения, на современном этапе развития аграрной сферы в экономику села внедряются, действительно, инновационные уклады, представленные вертикально интегрированными рыночными структурами, которые перестают выполнять ряд функций по неформальной поддержке сельского социума, что наравне с деградацией производственного потенциала нерентабельных или малорентабельных коллективных хозяйств («старого», «адаптационного» типа), предоставлявших ранее ЛПХ свои ресурсы на льготной или даже безвозмездной основе, приводит к нарушению сложившихся механизмов адаптации. Безусловно, объективный фактор уменьшения доступной сектору хозяйств населения ресурсной базы имеет важное, первоочередное значение. Однако, как представляется, он не может полностью объяснить фиксируемый масштаб и скорость феномена отказа от ЛПХ – необходимо учитывать также факторы психологического, ценностного характера, а также последствия того курса социальной политики, который реализуется в последние годы.

Первую группу факторов можно условно охарактеризовать как «психологическую усталость» от десятилетий жизни в режиме выживания. Результаты многолетних исследований показывают, что ни стратегия экономической натурализации, ни многоканальная модель адаптации (совмещение трудовой активности домохозяйств в сфере ЛПХ и одновременная работа в «крупхозе») не дают удовлетворительных результатов в сфере материального благосостояния жителей села, прежде всего, в силу низкой экономической эффективности и высокой трудоемкости такой дея-

тельности. Успехи в социально-экономической адаптации достигаются домохозяйствами путем наращивания объемов тяжелого, неквалифицированного ручного труда зачастую специалистами не аграрного профиля с ограниченным использованием техники. Ретроспективный анализ результатов социологических исследований, проведенных в период с 2001 по 2012 гг., показывает, что к числу наиболее актуальных проблем респонденты относят безработицу, пьянство, распространение бедности и нищеты. Во всех обследованных ареалах денежные доходы населения крайне низки: подавляющая часть домохозяйств находится ниже официального порога бедности, причем сравнение данных различных лет не показывает положительной динамики этой проблемы. Доминирующее настроение жителей села определяется неуверенностью в своем будущем и повышенной тревожностью, происходит постепенное накопление социального негатива среди различных групп сельского населения

Вторая группа факторов связана с высоким уровнем сельской безработицы, «застойный», долговременный характер порождает депрофессионализацию и социальную исключенность, крайним проявлением которой является маргинализация значительных слоев сельского населения, обусловленная феноменом двойной эксклюзии (депривирующее влияние общего неравноправного положения всего сельского социума и безвыходной жизненной ситуации отдельных домохозяйств и индивидов).

Третья группа факторов имеет ценностно-нормативное измерение, она связана со сферой ценностных установок жителей села, влияние на которые оказывает весь процесс постсоветской трансформации и особенности социальной политики государства. Чтобы уяснить значимость ценностных факторов в динамике экономических структур сельского социума, необходимо осознать, что активность селян в собственном хозяйстве подчинена специфическим этическим, ценностным установкам, коренящимся в трудовом этосе крестьянства, а само подсобное хозяйство в некотором смысле наследует крестьянское хозяйство. Таким образом, подсобное хозяйство представляет собой некую ценность, понимание которой позволяет понять такие парадоксы, как, например, фактически бесплатный труд сельских жителей в первые годы реформ в упадочных коллективных хозяйствах, прекративших выплачивать зарплату. Интенсификация производства в подсобном хозяйстве жителями села, потерявшими работу, также во многом определяется ценностными установками «крестьянского характера». Современные социальные условия жизни способствуют ослаблению ценностных установок, лежащих в основании трудового этоса. В первую очередь оказывается влияние значительного статусно-ролевого и имущественного неравенства. Негативный характер имеет рефлексия не столько по поводу несправедливого распределения материальных благ, сколько – пер-

иональных условий стратификации. Это, в частности, выражается в том, что с годами число сторонников пересмотра приватизации 1990-х гг. не сокращается, а наоборот, возрастает, а представление о том, что добросовестный труд в наши дни не может стать причиной успеха и источником легитимного благосостояния, широко распространено среди населения. В последнее время очередным объектом широкой рефлексии несправедливых оснований социально-имущественной стратификации является коррупция, общественный интерес к которой обусловлен тем, что она ясно иллюстрирует несправедливый характер оснований социальной дифференциации.

В селе негативное влияние на ценностные установки, лежащие в основании трудовой активности, оказывают низкие доходы от сельскохозяйственной занятости и низкая рентабельность ЛПХ, обусловленная примитивной технической базой хозяйств. Помимо этого в последние годы, как и в городе, существенную роль в осознании некоей бесперспективности труда значительной частью жителей села играет ситуация социального неравенства, имеющая свою, сельскую специфику, в немалой степени связанную с особенностями социальной политики государства. Дело в том, что ставшая уже привычной и воспринимаемая как вполне справедливая дифференциация между предпринимателями, руководителями хозяйств, специалистами, с одной стороны, и основной массой селян, с другой, в наши дни дополнилась новыми статусными оппозициями, возникающими вследствие реализации федеральных социальных мероприятий, направленных на повышение пенсий и доходов отдельных категорий лиц, занятых в бюджетных организациях (милиция, учреждения образования и здравоохранения). В результате доходы пенсионеров зачастую существенно превышают доходы работающих, а разрыв в доходах между бюджетниками и остальными жителями села оказывается фактически непреодолим при любой степени интенсификации крестьянского, аграрного труда. С точки зрения экономико-социального потенциала ЛПХ, ситуацию осложняет тот факт, что новые «средне-зажиточные» слои пенсионеров и бюджетников, находясь в относительно комфортных условиях, гораздо в меньшей степени оказались заинтересованы в таком дополнительном источнике доходов, как малорентабельный и тяжелый труд в своем личном хозяйстве, которое вновь становится действительно «подсобным». Некоторые эксперты усматривают дополнительную проблему и в возросших в последние годы объемах социальной поддержки государством населения, проникающегося иждивенческими настроениями «социальных трутней».

Как и в предшествующие годы, ценность крестьянского труда объективно подрывается недостаточным уровнем его оплаты, в сравнении с трудом горожанина, что порождает существенные и необоснованные различия

в уровне жизни между городом и селом. Однако эта проблема имеет давнюю историю и, как представляется, ее решение связано с реализацией такого типа аграрной политики, которая отменяет необходимость в ЛПХ и как основной сферы приложения трудовых ресурсов, и как подсобной экономической формы: за счет создания принципиально новых комплексных подходов к социальному и экономическому развитию села, предпосылки которого можно видеть в декларировавшейся в советский период политики «слияния города и деревни» или в современных концепциях агрогородов.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00193)

Литература:

1. Бондаренко Л.В. Сельская Россия в начале XXI века (социальный аспект) // Социс. – 2005. – № 11. – С. 69–76.
2. Вагин В.В. Русский провинциальный город: ключевые элементы жизнеустройства // Мир России. – 1997. – № 4. – С. 53–88.
3. Великий П.П. Адаптивный потенциал сельского социума // Социологические исследования. – 2004. – № 12. – С. 55–74.
4. Егорова О.И., Полушкина Т.М. Трудовая активность работников сельского хозяйства: мотивы и стимулы // Studium. 2008. № 3 (8). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sarki.ru/studium/publ3/egorova.pdf>.
5. Елохова И.В. Уровень жизни сельского населения России // Сельская бедность: причины и пути преодоления. – М.: ВИАПИ, 2004.
6. Емельянов А. Коллизии становления многоукладности аграрного сектора экономики // Российский экономический журнал. – 2001. — № 5–6. – С. 47–59.
7. Калугина З. И. Институциональные основы и социальная база развития сельского предпринимательства // Регион: экономика и социология. – 2001. – №3. – С. 75–98
8. Кузнецов В.В., Тарасов Н.Н., Дунаев В. Л., Лысенко Е. Г. Личные подсобные хозяйства сельского населения: факторы развития и экономическое поведение в переходной экономике. – Ростов-на-Дону: Коралл-Микро, 1998.
9. Лылова О.В. Экономическая адаптация селян к рыночным условиям // Социс. – 2003. №9. – С. 107–113.
10. Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия / Под ред. Е. С. Строева. – М.: Колос, 2001. – 620 с.
11. Нечипоренко О.В. Сельские сообщества изменяющейся России: традиции или инновации. – Новосибирск: Параллель, 2010.
12. Овчинцева Л. А. Занятость жителей села: трудности измерения // Мир России. – 2000. – № 3. – С. 34–35.
13. Пациорковский В.В. Сельская Россия: 1991–2001 гг. – М.: Финансы и статистика, 2003.
14. Пашенко А.И. Личные подсобные хозяйства в структуре многоукладной аграрной экономики // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. Сер. 5. Вып. 3 (№ 21). – С. 61–72.

15. Прауст Р.Э. Развитие форм хозяйствования в аграрном секторе – М.: Издво «ЭРД», 1998.
16. Социально-экономическое положение России. Январь-февраль 2004. (II). – М.: РСА, 2005.
17. Фадеева О.П. Сельский труд: Симбиоз формального и неформального // Россия, которую мы обретаем. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 222–252.
18. Чеховских И. Российская дача – субурбанизация или рурализация? [Электронный ресурс]. URL: http://www.indepsocres.spb.ru/sbornik9/9_chekh.htm

ГЛАВА 15

«НЕПРИМЕТНОЕ» ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: К ВОПРОСУ О ФОРМАХ САМООРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

В последнее десятилетие XX века российская деревня прошла через коренную ломку, затронувшую социально-экономические и поселенческие системы¹. Начатый в 1992 г. демонтаж колхозного строя слегка сдерживался государственными и региональными программами товарного кредитования и финансового оздоровления, оттягивающими массовое банкротство финансово нестабильных сельхозпредприятий. Благодаря симбиотическим формам существования коллективных и семейных хозяйств, сельское население в это десятилетие имело ресурсы для выживания за счет доходов от ведения личных подсобных хозяйств и сохранения формальной занятости в бывших колхозах и совхозах². Однако уже в 2000-х годах усиление капитализации аграрной сферы обернулось, с одной стороны, «точечной» модернизацией отдельных хозяйств, сопровождаемой оптимизацией численности работников и структуры трудовых коллективов. С другой стороны, искусственное сдерживание банкротства хозяйствующих субъектов прекратилось. Не вписавшиеся в рынок сельхозпредприятия окончательно прекратили свою производственную деятельность, что спровоцировало рост числа сел, оставшихся без крупного работодателя (по нашим оценкам, в 2006 г. доля таких сел в Новосибирской области составляла примерно одну треть)³. Всё это привело к резкому сокращению занятости в сельском хозяйстве⁴ и появлению различных нестандартных форм трудовой активности сельского населения⁵.

В данной статье речь пойдет об особенностях сельского предпринимательства, возникшего в противовес разрушительным последствиям трансформации аграрной сферы и компенсирующего слабости формаль-

¹ Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012; Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013.

² Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2009; Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006.

³ Калугина З.И., Фадеева О.П. «Hard luck story» брошенных деревень // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3.

⁴ Если до 2005 г. численность занятых в сельском хозяйстве сокращалась более медленными темпами, чем падали объемы производства, то уже в следующее пятилетие процесс «выбытия» сельскохозяйственных работников резко ускорился. Всего же с начала 2000-х годов численность занятых в сельском хозяйстве сократилась на 2416 тыс. чел. или на 27% / Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // Социологические исследования. – 2010. – № 9.

⁵ Там же; Великий П.П. Неотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. – 2010. – № 9.

ных институтов¹. Мы не рассматриваем специально такой пласт неформального предпринимательства, как семейное хозяйство, полагая, что эта тема заслуживает отдельного внимания. В центре нашего анализа локальный рынок разнообразных услуг, заменивший собой систему «колхозного патернализма» и формальных учреждений. Неприметные, на первый взгляд, практики ведения малого бизнеса и разнообразные способы само занятости сельского населения, оказавшегося «один на один» со стихией кардинального и весьма болезненного переустройства России, стали одним из важных механизмов выживания самоорганизации сельских сообществ.

За годы реформ место торговых организаций, относящихся к системе потребительской кооперации, заняли небольшие частные продуктовые магазины и киоски, а также индивидуальные предприниматели-«челноки», организовавшие доставку малых партий товаров народного потребления сельским жителям (в т.ч. по их заявкам). Одновременно с этим из-за низкого покупательского спроса сельского населения была практически ликвидирована система мобильного обслуживания селян городскими предприятиями сферы услуг, а вместо нее возник неформальный внутрисельский рынок услуг.

По мере ослабления возможностей сельхозпредприятия оказывать помощь своим работникам по ведению ЛПХ и поддерживать объекты поселенческой инфраструктуры предложение соответствующих услуг возросло со стороны частных лиц и глав фермерских хозяйств, вооруженных приватизированной или же «списанной» техникой и необходимым оборудованием. После восстановительного ремонта владельцы технических средств занялись обслуживанием «безлошадных» семейных хозяйств. Если до реорганизации колхоз или совхоз обеспечивал доставку топлива и кормов в дома селян, а также предоставлял технику для хозяйственных нужд, осуществлял своими силами расчистку дорог и пр., то со временем эти услуги были «приватизированы»².

Однако на первых порах далеко не всегда подобные услуги оплачивались исключительно деньгами и в полной мере. Гибкость сельского рынка услуг основывалась на неформальных связях предпринимателей, делающих скидку на степень знакомства (родства) и уровень платежеспособности клиента. В некоторых сельских сообществах до сих пор не всегда уместно брать деньги за помочь в заготовке сена или дос-

¹ Статья базируется на материалах социологических исследований в селах Новосибирской и Белгородской областей и подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00193).

² Из интервью с работницей сельскохозяйственного кооператива: «Положено еще и сено выписывать в хозяйстве, но нам сено вообще не дают никогда. Раньше хоть как-то помогали с покосами – технику какую-то давали или погрести, или подкосить. А сейчас вообще для нас ничего не делают... В прошлом году мы ждали-ждали, когда нам притащат зарод сена. Сначала сказали, что не будут вообще эти зароды таскать – то солярки нет, то не на чем. Пришлось нам частника нанимать. Чтобы сгребать сено, мы опять частника нанимали, ему платили».

тавке дров. Более подходящий способ оплаты – это обмен трудом или же бартерные сделки, не всегда эквивалентные с точки зрения существующих тарифов и расценок: «В хозяйстве если технику дают, то деньгишибко вычитывают за это. Стараешься так, чтоб у кого техника есть, с ними вот договариваешься: им помог, они мне помогли»; «Вот один фермер нам покосил, за это попросил дров попилить ему»; «Там меня просили на уборке помочь – попахать. Поработали днем, а потом поехали мне за дровами».

Со временем сельский рынок услуг сегментировался. Первый сегмент объединил предпринимателей, предлагающих узкоспециализированные виды работ, имеющих проработанную схему бизнеса и стабильный «портфель заказов». К числу таких работ относится производство сельскохозяйственной продукции, торговля, строительство и ремонт домов, бань и хозяйственных построек, которые выполняются преимущественно в теплое время года, ветеринарные услуги, выпас и забота сельскохозяйственных животных, ремонт электропроводки, автомобилей и бытовой техники, транспортные и механизированные услуги, в том числе с выездом на дальние расстояния¹. Большое распространение в сельской местности получили неформальные строительные артели, действующие на принципах сезонного отходничества. Как правило, они укомплектованы небольшим числом универсальных строителей и планируют заказы на год вперед. Конкурентными преимуществами обладают работники, владеющие разнообразными профессиональными навыками, собственными техническими средствами и оборудованием, а также репутацией дисциплинированного, ответственного и квалификационного специалиста.

*Второй сегмент – это предложение универсального обслуживания без гарантированного спроса. Речь идет о людях, готовых браться за любые подработки «по вызову» («по случаю» – *ad hoc*)². Массовыми видами*

¹ Обследование 2006 г. в Новосибирской области позволило обнаружить группу сельских дальнобойщиков, которые выкупили подержанные большегрузные автомобили, модернизировали их и стали заключать срочные договоры по перевозкам с городскими и сельскими предприятиями.

² Примером может служить следующее поведение неформального сельского предпринимателя, который ушел в свободное плавание, когда в селе развалился колхоз: «Пилю дрова, занимаюсь сваркой, работаю трактористом на сенокосе, ставлю сено, вывозжу дрова, крышу крою. Меня все устраивает, сам себе хозяин, работы хватает». Из интервью с «профессиональным» поденщиком: «Кто-то дрова ходят колет, кто-то зимой управляется в коровнике. По осени, зимой скот забивают. Люди нас сами просят. На покос, бывает, зовут». Обследование 2011 г. в Новосибирской области позволило выявить особые инновации и технологические приемы в таких традиционных занятиях, как заготовка дров, вспашка огорода и сенокос. Причем инициаторами распространения новых по качеству услуг становятся сами сельские жители, не склоняющиеся на материальную поддержку творческого инженерного подхода: «У нас мода пошла дрова колоть специальным устройством к трактору «Беларусь». Уже бабушка не хочет, чтоб ей дрова топором кололи. Вот у нас умелец в селе живет, он нигде не работает. У него личный трактор есть, к нему есть рыхлитель. Весна начинается – он огороды рыхлителем пашет, сенокос начинается – он косит, сгребает то, что накосил. А цена везде примерна одна и та же: за сенокос – тысяча рублей, привозка – тысяча, колоть дрова – тоже одна тысяча. Он легко может машину дров расколоть: приехал, чурку поставил, рычаг стукнул – и машину всю расколол. Голь на выдумки горазда» (из интервью с главой администрации).

неформальной самозанятости, не требующими специальной квалификации, являются сезонные услуги населению, которые можно также совмещать с постоянным трудоустройством. Летом – это распил и рубка дров, обработка и уборка урожая из огородов и с картофельных наделов, сбор дикоросов (грибов, ягод) и ловля рыбы по заказу населения; зимой – уборка снега вокруг домов и с крыш. В силу изменения институциональных условий (например, правил заготовки дров для населения – замены «лесного билета» на право вырубки, распределяемого через аукционы, в соответствии с новой редакцией «Лесного кодекса») все большее количество работ, выполняемых ранее сельскими домохозяйствами самостоятельно, перешли в разряд «рыночных». Рыночные услуги стали все больше замещать, вытесняя тяжелый физический труд, выполняемый в рамках домашней экономики.

Этот сегмент локального рынка услуг хорошо освоен, здесь сложилась высокая конкуренция за клиента и стабильный прейскурант цен. При этом есть ниши и для подростков, и для представителей «социального дна» – лиц без постоянных источников доходов, не имеющих своего подворья и обеспечивающих себя продуктами с помощью отработки на огородах своих соседей¹. Даже копать могилы сейчас все чаще стали доверять людям без постоянных занятий. Эти люди могли быстро переключаться с одной работы на другую, у них многообразная сфера приложения труда, особенно летом, когда «работа их ищет» и заработать 500 рублей за короткий срок – не проблема. Плохо и голодно зимой, когда возможности подработок резко снижаются. Такой поденщик, как называли таких людей в 19 веке, как правило, работает эпизодически по мере возникновения потребности в средствах на текущее весьма скромное пропитание, уклоняясь от постоянного трудового контракта. Он склонен к некачественному выполнению своих обязательств, стараясь замаскировать результаты своего труда хотя бы до момента расплаты.

Спрос в этом сегменте в первую очередь предъявляют сельские пенсионеры, по-прежнему составляющие наиболее платежеспособную группу села. При этом можно выделить особые практики комплексного обслуживания престарелых и немощных людей, которые совмещают возможности основной занятости и неформального предпринимательства. Речь идет о назначенных Службой соцзащиты опекунах для одиноких стариков, получающих скромную зарплату за уход за ними, и за дополнительную оплату

¹ Из интервью с жительницей села, предпочитающей свободный труд: «Осенью будет уборка урожая. Можно себе картошку не садить, а где-то подработать: там мешок картошки заработал, там – мешок. Бывает, что соседи найдут – кто даст помидоры, кто даст огурцы».

в частном порядке обрабатывающих их огороды и выполняющих другие хозяйственные работы.

В селе существует стабильный спрос на парикмахерские услуги. Однако подобный бизнес при организации легального салона сложно сделать доходным, но он вполне окупаем при домашнем (неформальном) способе обслуживания клиентов. Нашли свою нишу на рынке услуг также не имеющие официального статуса автослесари, мастера по пошиву (перелицовки) одежды и ремонту бытовой техники, в первую очередь «советской»¹. Особый род бизнеса возник у тех, кто профессионально занялся сбором металлолома, укрываясь от регулярных милицейских рейдов, призванных остановить несанкционированный (нелицензионный) сбор вторсырья².

Покажем сильные и слабые стороны малого сельского предпринимательства на примере одной развивающейся семейной фермы, работающей в Белгородской области (обследование 2011 г.). Эту ферму организовали два брата, один из которых посменно работал электромонтером в районной энергетической компании, второй – возглавлял районную службу водоснабжения. Основная специализация фермы – прудовое хозяйство. Во взятом у муниципалитета в аренду пруду братья несколько лет разводили рыбу, здесь же содержалось поголовье гусей и уток, которые были встроены вместе с рыбой в единую пищевую цепочку. Кроме того, в хозяйстве имелись пасека, небольшое количество овец и свиней, пара бычков. На семи гектарах, сформированных единым массивом из земельных участков разных родственников, в том числе их огородов, выращивалась пшеница, ячмень, овес, картофель, севооборот поддерживался за счет посевов луговых трав. Однако собственной кормовой базы хозяйству обеспечить все равно не удавалось, на откорм рыбы и птицы в год требовалось порядка 60 тонн кормов. Зерно и комбикорма братья относительно дешево закупали в соседней Курской области, где цены традиционно ниже белгородских из-за преобладания небольших фермерских хозяйств. Помогала ферме и близость Украины, где можно было сэкономить средства на приобретении молодняка птицы. Мониторинг цен с помощью интернета позволял рационально планировать затраты на ведение хозяйства.

На первых порах размещенные на интернет-сайтах объявления помогли владельцам этого хозяйства обзавестись клиентской базой для опто-

¹ «Муж кому-то телевизор или магнитофон сделает – какая-то копейка появляется. Не дорого за это берет – всего 100-150 рублей... Людям не выгодно везти технику в райцентр, потому что очень дорого приходится платить, а муж за копейки все сделает».

² В 2006 г. один из наших респондентов выручал за одну «ходку» в район загруженной чугуном машины от 1,5 до 2 тысяч рублей. Это было эквивалентно месячному заработку его жены, которая работала дояркой на местном предприятии. Когда семья остро нуждалась в средствах, этот свободный предприниматель шел «кальмить» по дворам односельчан – кому-то помогал забить скотину, разгрузить уголь, наколоть дрова.

вого сбыта гусей и уток. Продажа гусей традиционно приурочена к Новому году, в село приезжают заготовители, в том числе издалека (даже из Ярославля), предварительно сделавшие заказы на определенные объемы закупки. Также была налажена поставка небольших партий птицы для продажи на центральном рынке Белгорода – их скупали сами торговцы в расчете 660-700 руб. за одного гуся и гарантированной выручкой почти в 500 рублей при реализации птицы конечному покупателю (по 1300 руб. за штуку). Рыбу удавалось продавать, не выезжая за пределы района. Важно было угадать с масштабом улова – не вылавливать рыбы слишком много, чтобы быстро реализовать 100-130 кг свежей продукции на территории нескольких соседних сел. Выручали хозяйство также заказы на вылов рыбы, которые поступали на ферму по неформальным каналам – через родственников, сослуживцев, знакомых. Поставку барабанины тоже заказывали постоянные клиенты. Конкуренция среди производителей меда в районе не очень высока, что также помогало сбывать мед достаточно оперативно. Владельцы ориентировались на модель «клиенто-ориентированного» бизнеса, стремясь сформировать обширный круг постоянных покупателей за счет гарантий высокого качества и отличного внешнего вида продукции.

На момент обследования данное семейное хозяйство находилось в стадии становления. Разводить рыбу здесь начали три года назад, и в первый же год ферма понесла серьезные убытки. Зимой из-за отсутствия в озере аэрации, которую нельзя было обеспечить, поскольку база не была электрифицирована, поголовье рыбы – 3 тонны – погибло. Пользуясь своим служебным положением и связями во властных структурах (нужно было получить разрешение на возведение трансформаторной будки с напряжением 10 тысяч вольт), братья смогли через год провести электричество непосредственно к пруду и снять эту угрозу. Реальные доходы хозяйство начало приносить только на второй год существования, и они были достаточно скромными (80 тысяч рублей на двух хозяев ежегодно). Бизнес спасло то, что в этом высоко диверсифицированном хозяйстве были заняты постоянно только члены семьи: в теплое время года дальние родственники жили непосредственно на базе рядом с прудом, сюда же приезжали на «трудовые отработки» дети. Для технической обработки земли и уборки урожая наемный труд не привлекался – обходились своими силами. Краткосрочный найм использовался только для прополки картофеля, а также для оципывания больших партий гусей и уток в преддверии новогодних праздников. Наличие незанятой и малоимущей прослойки сельских жителей, которые не нашли себе работу в крупных агрофирмах и с радостью откликались на возможность немного заработать, оказалось развитию малого бизнеса серьезную поддержку.

Другой фактор устойчивости бизнеса был связан с возможностью самостоятельной аккумуляции денежных ресурсов нескольких семей без привлечения дорогостоящих банковских кредитов. Хотя для ускорения процесса первичного накопления капитала внешние вливания ферме были бы не лишними (предприниматели очень переживали, что не смогли получить областной грант на поддержку малого бизнеса в размере 300 тыс. руб.). Из-за дефицита собственных средств владельцы фермы были не в состоянии приобрести дополнительное количество овцематок, чтобы за короткий срок получить приплод и быстро окупить часть вложений, заменить старый трактор новым и купить грузовой автомобиль, а также отремонтировать участок дороги через лесной массив. Плохая проходимость этого участка в период поздней осени, когда идет вывоз птицы, и ранней весной, когда начинается очередной производственный цикл, также остается серьезной угрозой остановки хозяйственной деятельности.

Можно сказать, что опора на собственные трудовые и финансовые ресурсы оградила этот малый бизнес от части рисков, но в то же время она и замедляла темпы его развития¹. Владельцам фермы приходилось экспериментальным путем определять выгодные направления производства, пробуя понемногу заниматься всем подряд, «на глазок» соизмерять затраты и результаты по каждому продукту и использовать схемы «перекрестного субсидирования», просчитывать способы роста продуктивности и снижения издержек, делать соответствующий выбор пород скота, птицы, рыбы. За счет текущих доходов нескольких семей осуществлялись инвестиции и пополнялись оборотные средства (в сумме – порядка 400 тыс. руб. за три года) в надежде на будущую прибыль. При этом братья не собирались бросать основную занятость и планировали полностью отиться своему бизнесу только при условии его самоокупаемости и достаточной доходности. Трехлетний опыт самостоятельного хозяйствования позволил им усомниться в необходимости сохранения профильной специализации – рыбоводства, в том числе из-за действующих институциональных ограничений (краткосрочность аренды – пруд отдается в аренду на 11 месяцев и нет стопроцентной уверенности в ее продлении, а за этот срок рыба не успевает набрать товарную форму), высокой арендной платы (3 тыс. руб. за 1 га водной поверхности), трудностей борьбы с браконьерством. У них

¹ Один из учредителей семейной фермы связывает успех малого бизнеса с подкреплением частной инициативы адресной, но не бесконтрольной государственной поддержкой, которая позволит ускорить старт нового дела и усилить его позиции: «Все получится – только надо быть упрямцем, а просто так рассчитывать на помощь не приходится. Рынок сбыта надо изучать, в интернет заглядывать почаще. В России много земель, много что можно делать. Давайте людям деньги на развитие дела, но только спрашивайте, куда они их потратили. Государство должно как-то помогать – хотя бы 100-200 тысяч рублей выдавать безвозмездно, чтобы на первых порах люди могли с чего-то начать. Мы вот так овцематок начали разводить – по 1-2 штуке, от семьи деньги отнимали» (Белгородская область, 2011).

возникли планы усилить развитие другого менее затратного и более подконтрольного направления – овцеводства.

Дальнейшие перспективы развития подобного бизнеса связаны не только и не столько с экономическими или организационными факторами. Немаловажное значение будет иметь социальный фактор – ресурс долготерпения и солидарности членов всех задействованных в бизнесе семей, готовых жертвовать своим временем и текущим материальным положением. Наличие наследников, готовых перенять эстафету самостоятельного хозяйствования, – еще один доминирующий мотив продолжения начатого дела.

На основе обобщения вышеупомянутых практик хозяйствования можно выделить следующие специфические характеристики сельского предпринимательства:

– возможность ведения бизнеса без образования юридического лица (в т.ч. намеренный отказ от легализации хозяйственной деятельности);

– неустойчивая производственная специализация, акцент на много-профильное производство или предложение комплекса разных (в том числе взаимосвязанных) услуг как фактор снижения риска изменчивости конъюнктуры и падения платежеспособного спроса;

– предельная осторожность ведения бизнеса, намеренная автономность хозяйствования с отказом от «закрепощающих» внешних заимствований и привлечения большого количества наемных работников, «самоограничение области ответственного действия»¹;

– ограниченное использование наемного труда, совмещение функций собственника и работника, неформальное трудовое кооперирование в рамках социальных (родственных, дружеских) сетей, «сетевой» принцип привлечения финансовых и других ресурсов;

– ориентация на построение клиента-ориентированного бизнеса и адресное обслуживание, возможность применения гибких расчетных схем.

Можно сказать, что опора на собственные трудовые и финансовые ресурсы ограждает малый бизнес от части рисков, но в то же время она и замедляет темпы его развития.

Катализатором масштабного роста самозанятости и индивидуального предпринимательства (в том числе неформального) на селе стали не только общие институциональные изменения, но и процессы реформирования аграрного сектора, вытеснившие массу людей из сферы стабильных трудовых отношений, наполнившие рынок доступными техническими средствами, создавшие ниши для предложения частных услуг. Нынешний этап

¹ Оберемко О. Почему даже кубанские личные подсобные хозяйства нельзя разом превратить в предприятия? // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения: – Т. XVI – М.: Университетская книга.

становления и развития высокотехнологичных сельхозпредприятий спровоцировал приток предпринимателей и самозанятых «нового призыва», в числе которых оказались люди, не желающие становиться «индустриальными» сельскохозяйственными работниками¹.

Потенциал развития сельского предпринимательства во многом связан со стремлением сельского населения к тому, чтобы жить лучше и использовать любые возможности для применения частной инициативы. В связи с этим особые преимущества имеют те регионы или локальные территории, где сохранился «культ семейного достатка» и потребность в подражании (копировании) образу жизни наиболее трудолюбивых и зажиточных членов сельских сообществ. Экономическая и социальная деградация отдельных территорий может уничтожить остатки этого культа и заставить большинство селян смириться с «недостойными» условиями жизни.

Множественные и гибкие формы малого бизнеса способны наполнить локальные потребительские рынки небольшими партиями местного продовольствия и другими «эксклюзивными» товарами и услугами, которые не способны произвести крупномасштабные предприятия с массовым производством и унифицированным ассортиментом, возродить или создать новый имидж сельской территории. Но для этого нужна особая, адаптированная к потенциалу конкретной местности государственная политика, направленная на адресную поддержку и стимулирование самодеятельного предпринимательства, исходя из условий его функционирования и времени выхода на точку окупаемости, а также возможностей создания локальных экономических кластеров – кооперации и интеграции разномасштабных производств, объединенных в единые технологические цепочки.

Очевидна необходимость разработки механизмов, увязывающих развитие сельской экономики с учетом интересов местного населения, а также преодоления ее моноотраслевой специфики за счет появления новых и возрождения забытых видов экономической деятельности. Здесь можно идти по пути наделения селян правами преимущественного доступа к природным ресурсам,озвучными с механизмами особых режимов хозяйствования для коренных малочисленных народов. Важно дифференцировать ставки налогов на землю и недвижимость для разных категорий жителей: тех, кто проживает в селе постоянно, и тех, кто приходит туда в роли сезонных дачников. От этого бы выиграл местный бюджет, получив дополнительные средства на развитие и благоустройство поселений.

Важно, чтобы помимо пришлых инвесторов поиском и освоением новых способов заработка активно занимались местные жители или выходцы из этих мест. Для этого людям с предпринимательской жилкой нужно обеспечить доступность первоначального капитала (в виде пособий,

¹ Фадеева О.П. Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. – 2013. – № 5.

субсидий, грантов) и льготные условия функционирования, которые бы помогли организовать доходное дело и перейти на принцип самоокупаемости и саморазвития. Можно идти по пути развитых европейских стран, которые борются с депопуляцией на отдельных территориях при помощи финансовой и организационной поддержки мест так называемого «сопротивления», где, невзирая на сложные природно-климатические условия или же отсутствие рыночной привлекательности, люди продолжают жить, следить за окружающим природным и культурным ландшафтом, получать доходы за счет привлечения и обслуживания туристов.

Уже сегодня на местах в разных уголках России возникают «очаги» разных форм сельского предпринимательства, которые успешно развиваются благодаря личностным лидерским качествам учредителей этих бизнесов, а также pragматичной политике представителей местной власти. Чрезвычайно важно обобщить этот удачный опыт с тем, чтобы разработать «жизнеспособные» институциональные условия для появления новых разнообразных и доходных видов хозяйственной деятельности на селе.

Литература:

1. Великий П.П. Российское село. Процессы постсоветской трансформации. – Саратов: Научная книга, 2012.
2. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. – М.: ЛЕНАНД, 2013.
3. Калугина З.И., Фадеева О.П. Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. – Новосибирск: ИЭОГП СО РАН, 2009.
4. Нефедова Т.Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? – М.: Новое издательство, 2006.
5. Калугина З.И., Фадеева О.П. «Hard luck story» брошенных деревень // Регион: экономика и социология. – 2006. – № 3.
6. Калугина З.И. Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион: экономика и социология. – 2012. – № 2.
7. Великий П.П. Неоотходничество, или лишние люди современной деревни // Социологические исследования. – 2010. – № 9.
8. Оберемко О. Почему даже кубанские личные подсобные хозяйства нельзя разом превратить в предприятия? // Пути России: современное интеллектуальное пространство: школы, направления, поколения: т. XVI. – М.: Университетская книга, 2009.
9. Фадеева О.П. Сибирское село: земля и труд в локальных контекстах // ЭКО. – 2013. – № 5.

ГЛАВА 16

ПРАКТИКИ САМООРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ ИЗМЕНЯЮЩЕЙСЯ РОССИИ

Одной из наиболее проблемных сфер современной России является социальное развитие села. Накопившиеся в социальной сфере села проблемы являются следствием противоречивых преобразований 90-х гг. ХХ века и недостатков аграрной политики советского государства. Стратегии социальной политики, реализовавшиеся с начала 1990-х гг., привели к тому, что «социальная ситуация на селе подошла к порогу терпимости и является тормозом формирования социально-экономических условий устойчивого развития сельских территорий»¹.

Исследования динамики социально-экономического развития сельских районов страны, осуществляемые исследовательским коллективом Института философии и права СО РАН, начиная с 1997 г., убедительно свидетельствуют о том, что у сельских жителей преобладают представления о том, что государство «бросило село на произвол судьбы»; однако село продолжает оставаться активным субъектом происходящих перемен². Население, принужденное к этому разрушительными последствиями проводимых реформ и сокращением государственной поддержки социальной и экономической сферы села, было вынуждено проявлять инициативу «снизу», формируя своеобразные адаптационные модели и интегративные структуры, не соответствующие общей направленности рыночных преобразований, но отвечающие условиям социальной среды, и поэтому достаточно устойчивые³. Именно слабость государственной аграрной политики и неэффективность комплекса мер социально-экономической поддержки сельского хозяйства и жителей села выдвигает на первый план проблемы самоорганизации сельского социума. Для выхода российского села из кризиса необходимо освободить гражданский, творческий и предпринимательский потенциалы «масс». Переход к устойчивому развитию сельских территорий предполагает постепенное обеспечение целенаправленной интеграции сельского социума в экономической, социальной и политической сферах.

При этом основной научной задачей выступает определение природы реально складывающихся форм интеграции сельского социума, механизма его самоорганизации, анализ трансформации не только как кризиса,

¹ Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года».

² Нечипоренко О.В., Шмаков В.С. Сибирское село в условиях реформ. – Новосибирск: Параллель, 2008. – 160 с.

³ Нечипоренко О.В. Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация // Социологические исследования. – 2009. – № 6. – С. 57-66.

но и как одного из условий формирования новых институтов развития. Применение теории самоорганизации к развитию сельского социума позволяет выявить две основные сферы интеграции села: социально-политическую и социально-экономическую.

Важнейшим элементом социально-политической организации жителей локальной территории является местное самоуправление. В рамках муниципальной реформы значительная часть ответственности за социально-экономическое развитие всей страны, отдельных регионов и локальных сообществ ложится на органы местного самоуправления. Опыт стран с цивилизованной рыночной экономикой показывает целесообразность управления социально-экономическим развитием на основе расширения числа активных субъектов социальной политики. Влияние, которое местное самоуправление оказывает на динамику качественных и количественных показателей социально-экономического развития в наше время, объясняется сущностью местного самоуправления. Местное самоуправление и его органы выступают в трех качествах: 1) как носитель властных и самоуправленческих полномочий; 2) как субъект муниципальной собственности и хозяйствования; 3) как субъект, координирующий выработку стратегии социальной политики на локальном уровне и ее осуществление (в тех аспектах, которые относятся к компетенции местной власти).

К основным задачам местного самоуправления относятся, прежде всего, решение населением вопросов местного значения путем реализации экономической власти государства в пределах предоставленных для этого полномочий; руководство социально-экономическими процессами, происходящими на территории муниципального образования; управление предприятиями, относящимися к муниципальной собственности; а также организация жизнедеятельности населения («локального сообщества») через мобилизацию собственных сил и территориальных ресурсов. Муниципальная организация локальных сельских социумов, по сути, совмещает в себе природные, общественные, антропо- и техногенные процессы человеческой жизнедеятельности, протекающие на сельских территориях. Муниципальная организация локальных сельских социумов является первоначальным элементарным уровнем всей вертикали власти и сложноорганизованной структуры всего общества. При этом реальное значение местной власти на практике в случае активного участия муниципальных органов в интегративных процессах, происходящих на локальном уровне, зачастую оказывается более весомым, чем предусмотрено нормативной моделью, определяющей сферу компетенции и ответственности самоуправления. Исследования социальных последствий муниципальной реформы, осуществляемые авторским коллективом на протяжении ряда лет в Сибири, Алтае и Поволжье, показывают, что уровень поддержки на-

селением органов самоуправления и социально-экономическое развитие конкретных населенных пунктов зависит, в конечном счете, от отношений, складывающихся между местной властью и бизнесом (крупных сельскохозяйственных предприятий, функционирующих на территории муниципальных образований).

Положительной социально-экономической динамике сельских сообществ способствует взаимодействие сельских администраций и представителей бизнеса, прежде всего в лице реформированных коллективных хозяйств (крупхозов), которые следует понимать как «квазилегитимные» элементы реальной системы власти на селе. Эти отношения либо носят преимущественно неформальный характер, либо возникают вне предписанных законом рамок действия субъектов и имеют скорее социальную, а не экономическую подоплеку.

Второе измерение самоорганизации российского села находит выражение в стихийной интеграции разнородных экономических и социальных субъектов сельского социума (социально-экономическое измерение самоорганизации). Наиболее очевидно этот феномен проявляется в стихийной интеграции на локальном уровне хозяйств населения и крупных сельхозпроизводителей. Можно выделить два основных фактора такой интеграции. Во-первых, в условиях перехода от административно-плановой экономики к рыночной крупные производители, как правило, осуществляют сельскохозяйственную деятельность на основе коллективно-долевой или частно-долевой собственности на землю, которая берется в аренду. Во-вторых, выполнение крупными хозяйствами некоторых производственных функций (например, заготовка кормов и их распределение между жителями села по льготным ценам или по себестоимости) обуславливает устойчивость мелкого производства и мелкой частной собственности на землю. Хозяйства населения, в свою очередь, выполняют важную функцию по стабилизации материального положения работников, которым крупхозы не могут обеспечить постоянный и достаточный для удовлетворения необходимых потребностей доход.

Такая интеграция – это необходимая, внутренне обусловленная спецификой природы аграрной сферы тенденция развития социально-экономических отношений, устанавливающихся между людьми по поводу производства, переработки сельскохозяйственной продукции, перераспределения материальных ценностей, и она представляет собой закономерно повторяющееся явление. Особенности аграрной специализации обуславливает разделение сельскохозяйственного и перерабатывающего производства и затем необходимость воссоединения отделившихся частей в целое. При этом суммарный эффект от интеграции превосходит результаты отдельно функционирующих частей. Так, интеграция крупхозов и хозяйств

населения приводит к более высокой эффективности последних, а также обеспечивает повышенную устойчивость локальных сообществ к воздействию природных и внешних коньюнктурных факторов, стабильное функционирование экономики села за счет сохранения трудовых ресурсов поселений и воспроизводства необходимого социального порядка. Взаимозависимость двух хозяйственных укладов в достаточной мере осознается практиками, хорошо знакомыми с реалиями жизни современного села. Так, по мнению одного из глав сельских администраций, «без крупхозов – не будет ЛПХ, без ЛПХ – не будет крупхозов». Необходимость интеграции сельского социума впервые была обоснована одним из наиболее известных отечественных теоретиков-аграрников, А.В. Чаяновым, разработавшим концепцию устойчивости семейно-трудового крестьянства в рыночной экономике через «применение к организации деревни кооперативных начал»¹.

Феномен локальной интеграции не исчерпывается связями между крупными сельхозпроизводителями и хозяйствами населения. Схожую природу имеют отношения между членами сельской семьи, родственниками, знакомыми, организующими горизонтально интегрированные структуры – сети социальной взаимопомощи, а также взаимосвязь между экономическими и властными субъектами современного российского села (теми же органами местной власти). Все эти взаимоотношения имеют преимущественно неформальный характер. Однако неформальность массовых взаимодействий на уровне локальных сообществ было бы неверно трактовать только в рамках экономических категорий, поскольку главное их назначение заключается в объединении индивидуумов, различных экономических и социальных субъектов сельской жизни, имеющих различающиеся интересы и занимающих различные позиции в социальном пространстве сельского социума. Одним из наиболее перспективных подходов к исследованию данного феномена является концепция эксполярности неформального сектора, выдвинутая Т. Шаниным², к эвристическим преимуществам которой можно отнести позитивный характер понятийного аппарата, сформированного на фиксации эмпирических характеристик различных неформальных институтов и практик, имеющих качественную общность: т.е. объединенных общими принципами функционирования, схожестью субъектного состава, особым типом нормативной регуляции. Взгляд на неформальные взаимодействия как способ интеграции сельских сообществ в условиях реформирования общества позволяет выйти за пределы одно-

¹ Чаянов А.В. Краткий курс кооперации: Томск: Томское книжное изд-во, 1988. – С. 7.

² Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир /Под ред. Теодора Шанина. – М.: Логос, 1999.

значного и стереотипного понимания современного российского сельского социума.

При этом социокультурные основания формирования современных неформальных структур российского сельского социума восходят к отечественной истории, где самым значимым социальным фактом, повлиявшим на специфику национальных традиций, представляется институт русской крестьянской общины. Сформировавшиеся в течение веков нормы социальной организации и взаимодействия такого института, как крестьянская община, представляют собой устойчивую социально-экологическую систему, основной функциональной целью которой являлась адаптация к геоклиматическим условиям. В современной России воспроизведение экспополярных структур и распространение неформальных практик, наследующих традиционные установки социального взаимодействия, следует рассматривать в контексте приспособления индивидуумов и социальных групп к кризисным явлениям в социально-экономической сфере в условиях ограниченности ресурсов и отсутствия образцов формальной инновационной адаптации.

Исследование наиболее распространенных практик адаптации российского сельского социума к изменениям, вызванным современной аграрной реформой, позволяет выделить следующие институциональные формы воспроизведения экспополярной модели взаимодействия: 1) Самообеспечивающиеся домохозяйства, представляющие собой «первичный элемент» неформальной сельской экономики и входящие в состав других экспополярных структур. 2) Родственные или дружеские сети социальной поддержки, которые образуют самообеспечивающиеся домохозяйства. В функционировании этих структур находят свое отражение все основные принципы экспополярного типа социального взаимодействия: персонифицированный характер взаимоотношений, реципрокный обмен (который, конечно же, дополняется рыночным), неформальные, нерыночные регулятивы деятельности. 3) Симбиотические структуры, главными элементами которых являются домохозяйства и крупхозы (впрочем, в отношения подобного рода могут быть включены и субъекты другого типа, например, органы самоуправления, бюджетные учреждения). 4) Неформальные предпринимательские структуры, включенные в теневые рыночные обмены и базирующиеся на экономике и социальном капитале домохозяйств.

Как представляется, предложенный подход позволяет выявить многообразие и сложность складывающихся в реальной жизни социальных практик самоорганизации сельского социума, открывает перспективу широкого сопоставления материала и дальнейшего анализа процессов интеграции, происходящих в российском обществе, особенностей отечествен-

ной социально-политической и экономической культуры и перспектив развития общества.

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-06-00193)

Литература:

1. Нечипоренко О.В., Шмаков В.С. Сибирское село в условиях реформ. – Новосибирск: Параллель, 2008. 160 с.
2. Нечипоренко О.В. Сельское население и реформы аграрной сферы: адаптация или деградация // Социологические исследования. – 2009. – № 6. – С. 57-66.
3. Федеральная целевая программа «Социальное развитие села до 2010 года».
4. Чаянов А.В. Краткий курс кооперации: Томск: Томское книжное изд-во, 1988. – С. 7.
5. Шанин Т. Эксполярные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир /Под ред. Теодора Шанина. – М.: Логос, 1999.

ГЛАВА 17

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО СЕЛА: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Сельские территории по площади занимают 2/3 территории Российской Федерации, здесь проживает каждый четвертый житель России, более 8,8% от занятых в экономике лиц трудятся в сельском хозяйстве. Россия лидирует по доле сельского населения в общей численности населения и по удельному весу занятых в сельском хозяйстве в общей численности занятых в экономике. Так, доля сельского населения Канады составляет – 13%, США – 18%, Японии – 13%, Великобритании – 10%, Российской Федерации – 26,3 % в общей численности населения; удельный вес занятых в сельском хозяйстве Канады – 2,5%, США – 1,4%, Японии – 4,2%, Великобритании – 1,4%, России – 9 % в общей численности занятых в экономике¹.

В настоящее время российское село характеризуется менее благоприятным социально-экономическим развитием по сравнению с городом. Причин сложившейся ситуации много:

- специфика расселения сельского населения (из-за обширности земельных ресурсов население проживает рассредоточенно, размеры сельских населенных пунктов относительно мелкие, зачастую территориально удалены как друг от друга, так и от объектов социальной инфраструктуры);
- недостаточное развитие инфраструктуры сельской экономики – энерго- и газоснабжения, транспортных и информационных сетей, социальной сферы;
- недостаток финансовых ресурсов в сельских муниципалитетах (ФЗ № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» к вопросам местного значения муниципальных районов и поселений относит ряд вопросов, непосредственно связанных с обеспечением жизнедеятельности населения. Как правило, решение этих вопросов должно обеспечиваться за счет собственных ресурсов, к которым относятся, прежде всего, собственные доходы, доля которых в настоящее время в бюджетах большинства сельских поселений составляет не более 5 процентов);
- слабое развитие малого предпринимательства (согласно статистике доля малых предприятий в сельском хозяйстве незначительна и составляет

¹ Бабкин К.А., Кузнецов А.В., Корчевой Е.А., Пронин В.В., Самохвалов В.А. Последствия присоединения России к Всемирной торговой организации // ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга» – М., 2012. – С. 13, 36.

и все лишь 4% от общей численности малых предприятий в экономике России и около 5% в экономике Башкортостана).

Обозначенные причины, безусловно, важны, но не являются определяющими. Следует отметить, что сельской местности присущ моноотраслевой характер экономики. Практически каждый житель села, так или иначе, связан с сельскохозяйственной деятельностью. Кто-то непосредственно трудится в сельхозорганизации, а тот, для кого сельское хозяйство не является основной сферой занятости (например, работники социальной сферы), связан с сельхозпроизводством опосредованно – через ведение личного подсобного хозяйства. В настоящее время сельскохозяйственное производство, которое является фундаментом социального развития и благополучия сельских граждан, находится в глубоком кризисе. В первые десять лет реформ в отрасли наблюдался устойчивый спад. И даже, несмотря на то, что после 2000-х годов в ряде подотраслей наметился некий рост, по ряду позиций уровень 1990-х годов еще не достигнут. Здесь наблюдаются и такие последствия: наличие значительного числа убыточных организаций (в 1990 г. – 3%, 2008г. – 22%); сокращение посевных площадей (за 1990–2009 гг. на 33,9%); снижение рентабельности производства (в 1990 г. – 37%; 2008г. – 15,3%); ухудшение материально-технической базы производства (по сравнению с 1990 г. в 2009 г. нагрузка возросла: на один трактор в 2,4 раза, один зерноуборочный комбайн в 2,3 раза, кукурузоуборочный комбайн в 9,1 раза) и мер по восстановлению почв (по сравнению с 1990 г. в 2009 г. внесение минеральных удобрений на 1 га площади сократилось в 2,4 раза; органических удобрений – в 3,5 раза); катастрофическое снижение численности занятых (число занятых в сельском хозяйстве лиц по сравнению с 1990 г. сократилось более чем на 3 млн. человек) на фоне перетока значительного числа занятых в сельском хозяйстве в сферу нестандартной занятости (так, на сельхозпредприятиях 2008 г. были заняты – 56,1% от числа занятых в сельском хозяйстве).

Создавшаяся ситуация предопределила необходимость разработки системы реанимационных мероприятий. Осенью 2005 года был принят национальный проект «Развитие агропромышленного комплекса», разработанный по поручению Президента Российской Федерации. Проект реализовывался по трем приоритетным направлениям: ускоренное развитие животноводства, стимулирование развития малых форм хозяйствования, обеспечение доступным жильем молодых специалистов на селе. В 2006 году принят ФЗ «О развитии сельского хозяйства», а с 2008 г. начала реализовываться Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008-2012 годы, утвержденная Постановлением Правительства РФ от 14.07.07. № 446. Реализация программы направлена на ус-

стойчивое развитие сельских территорий, повышение занятости и уровня жизни населения; повышение конкурентоспособности сельхозпродукции на основе финансовой устойчивости и модернизации сельского хозяйства, сохранение и воспроизведение используемых в этой отрасли природных ресурсов. Аналогичные нормативно-правовые акты и региональные программы приняты и на уровне других субъектов Федерации, одной из основных задач которых является увеличение объема производимой сельскохозяйственной продукции. Начало 2010 года ознаменовалось важным событием в жизни нашего государства. Президентом Российской Федерации был подписан Указ «Об утверждении доктрины продовольственной безопасности». Также принят и реализуется целый ряд ведомственных целевых программ (например, целевая программа «Развитие инфраструктуры и логистического обеспечения агропродовольственного рынка», предусматривающая расширение возможностей по хранению и сбыту сельскохозяйственной продукции, в том числе с использованием потенциала открытого акционерного общества «Объединенная зерновая компания» на 2010–2012 годы», целевая программа «Развитие птицеводства в Российской Федерации на 2010–2012 годы» и т.д.).

Анализ ряда программ, реализуемых в Российской Федерации, позволяет сделать вывод, что зачастую разработка, реализация и оценка результатов сосредотачиваются в руках одного ведомства. Серьезным, на наш взгляд, недостатком является отсутствие в большинстве программ методики оценки эффективности реализуемых мероприятий, что не позволяет дать объективную оценку проводимым мероприятиям. Кроме того, рассмотрение программных документов свидетельствует о том, что в процессе их принятия и реализации существует некая раздвоенность: с одной стороны, принимаются программы, направленные на развитие сельского хозяйства, с другой, программы, направленные на социальное развитие села. Очевидно, имея совершенно благие цели, однако без учета оторванности, закрытости российского села, ставя во главу угла, конечно, связанные, но все же разнородные цели – повышение производства и улучшение жизни на селе, мы практически забываем о человеке, который живет и трудится на этой земле. К сожалению, большинство программ рассматривают человека как объект и не нацелены на формирование самостоятельного, независимого, инициативного, трудового человека – субъекта, какую бы он функцию ни выполнял: работника, работодателя или собственника. Так, по данным новосибирских социологов, только 35,4% сельского населения ощущают близость по своим взглядам с теми, кто не ждет манны небесной, а сам делает свою судьбу и жизнь, 6,4% рассчитыва-

вают на везение и удачу, 54,3% убеждены, что в жизни многое зависит как от самого человека, так и внешних обстоятельств¹.

Проведенное исследование позволило сформулировать вывод о противоречивости результатов преобразований российского села. Налицо несоответствие целей реформирования и результатов, что проявилось:

– во-первых, в определении в государственных программах и официальной политике роли аграрного производства по обеспечению безопасности страны и отсутствию сложившихся механизмов повышения привлекательности сельскохозяйственного труда (по нашим исследованиям, доля работников, желающих, чтобы их дети работали в сельском хозяйстве, весьма незначительна и составляет 21,5%; треть 33,3% респондентов считают, что профориентационная работа, направленная на привлечение молодежи к труду в аграрной сфере, не проводится; контент-анализ материалов периодической печати свидетельствует о том, что информация о состоянии сельхозпроизводства не носит периодического характера, наибольшее сосредоточение наблюдается в период полевых работ);

– во-вторых, в декларировании официальной поддержки села при сохранении высокого уровня безработицы на селе (в 1992 г. – 3,6%; в 1995 г. – 8,2%; 2008 г. – 10,5%), потери жизненных перспектив на селе (по нашим исследованиям, только 30,2% работников сельского хозяйства желают, чтобы их дети жили на селе) и миграционной настроенности;

– в-третьих, в утверждении необходимости модернизации производственных процессов на фоне сохранения тенденции примитивизации труда, снижения уровня его механизации (по данным проведенного Институтом аграрной социологии мониторинга «Либеральная трансформация аграрной сферы», в 1991 году выполнялось механизированным способом 45-50% работ, ручным способом 15-20%, в 2007 году соответственно 25-28% и 53-58%)² и перераспределения значительной численности занятых в сферу производства сельхозпродукции в личном подсобном хозяйстве³;

– в-четвертых, в определении значимости сохранения земель сельскохозяйственного назначения и на фоне снижения интенсивности воспроизводства основного средства аграрного труда – земли (за годы реформ из сельскохозяйственного оборота в России выпало около 40 млн. га пашни, которая застает кустарниками, заболачивается, превращается в не контролируемые человеком пустоши. Из 112 млн. га мелиорированных земель большая часть утратила оросительные и дренажные системы. Внесение ор-

¹ Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. – Новосибирск, 2001. – С. 161-162.

² См. Долгушкин Н.К., Новиков В.Г., Староверов В.И. Проблемность современного сельского бытия и пути его оздоровления // Социс. – 2009. – № 2. – С.89

³ Скальная М. Доходы – главный источник роста социально-трудового потенциала села // АПК: экономика и управление. – М. 2009. – № 5. – С. 78-79.

ганических удобрений, важнейшего показателя агротехнической культуры земледелия, уменьшилось в семь раз, минеральных – в восемь раз. Плодородие 80 млн. га сельскохозяйственных угодий снизилось до уровня естественного фона¹) и сокращения ее доли в составе земель различных категорий (в 1990-2008 годах площадь сельхозугодий сократилась на 10,7%, посевных площадей – на 33,9%).

Во многом негативные последствия социально-экономических преобразований российского села смягчились за счет реализации страховой функции, адаптационных возможностей крестьянства. Это выражалось в увеличении доли лиц с нестандартной занятостью в структуре, занятых в сельском хозяйстве, что привело к возрастанию доли латентных отношений аграрной сферы, не регулируемых государством и обществом. Примечательно, что в последние годы наблюдается тенденция роста заработной платы в сельском хозяйстве. Однако следует иметь в виду, что сегодня заработную плату получает чуть более трети занятых производством сельскохозяйственной продукции, а большая часть формирует свои доходы за счет самозанятости в ЛПХ, фермерских хозяйствах, единицы – за счет предпринимательской деятельности². В 2008 г. в структуре валового дохода сельских семей Республики Башкортостан доля натурального дохода составила 12,1 % против 2,9% у горожан. Анализ динамики назначенной среднемесячной пенсии в разрезе «город–село» позволяет говорить и о более низком уровне пенсий на селе, так соотношение средней пенсии в селе и в городе в 2010 году составило – 83,2 %.

Остается актуальной проблема бедности жителей села, которая продолжает усугубляться. Так, в 2011 году при удельном весе сельского населения 26,1% проживали в селе 38,2% всех российских бедных³.

По данным Росстата о распределении домашних хозяйств по оценке своего финансового состояния в зависимости от места проживания, доля семей в 2010 году, относимых к числу бедных, на селе остается выше (29,9%), чем в городе (24,6%), при сохранении тенденции наличия более низкого уровня притязаний в области доходов, чем в городе, так в 2010 году стоимость очень хорошей жизни глазами горожан превышала представление об этом сельского населения в 1,7 раза.

¹ Староверов В.И. Результаты либеральной модернизации российской деревни //Социс. – 2004. – № 12. – С.66.

² В Республике Башкортостан занятых в крестьянских (фермерских) хозяйствах и индивидуальных предпринимателей – около 20 тыс. человек, по данным сельскохозяйственной переписи порядка 1,5 млн. человек занято в ЛПХ. Такая ситуация характерна и в целом для Российской Федерации. Исследования ученых показывают, что при включении работающих в ЛПХ в состав занятого населения уровень занятости в России возрастает до отметки 65-70 %

³ Состояние социально-трудовой сферы села и предложение по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – М.: ФГНУ «Росинформагротех». – Вып. 1-14-й.

Согласно исследованиям Центра социальной политики и мониторинга социального развития ВНИИЭСХ, доля населения, проживающего за чертой бедности, существенно ниже у пенсионеров (15,9%), чем у детей (51,7%), и населения в трудоспособном возрасте (40,8%). Среди лиц, занятых в аграрной сфере, за исключением лиц, занятых в КФХ (25,4%), доля лиц, проживающих за чертой бедности, несколько выше (сельхозорганизации – 38,6%, только в ЛПХ – 38,1%), чем среди лиц, работающих в городе (28,2%) и социальной сфере села (37,4%). Учитывая то обстоятельство, что в структуре валового дохода сельского домохозяйства в 2010 году значительную часть составляет заработка плата, включая натуральные выплаты, особую значимость приобретает исследования проблемы оплаты труда. Так, абсолютная разница между общероссийским и отраслевым показателями заработной платы в сельском хозяйстве составляет 50,9% и это на фоне сохранения лидирующего места по среднегодовой продолжительности труда и при последнем месте по уровню среднемесячной оплаты труда. Это обусловлено значительным межотраслевым разрывом в почасовой заработной плате (соотношение среднечасовой номинальной ставки в сельском хозяйстве по отношению к общеотраслевому уровню в 2009 году составило 47,9%).

Более того, по данным Росстата, в сельском хозяйстве по состоянию на апрель 2010 года удельный вес работников с заработной платы ниже минимального размера оплаты труда (МРОТ) и прожиточного минимума (ПМ) является самым высоким среди видов экономической деятельности и составляет 8,9% и 27,2% соответственно. Для современного сельского труженика одной из самых наболевших является проблема бедности и низких доходов (73,9%) наряду с такими проблемами, как ограниченность сферы приложения труда (28%) и нехваткой рабочих мест (41%), асоциальная среда и ограниченность приемлемых социальных контактов (28,5)¹.

Все вышеназванные проблемы создают предпосылки для сохранения миграционных настроений сельских жителей. Если в 2010 году намеревались уехать точно – 25,2%, то в 2011 году – 26,5%). Особенно остро данная проблема характерна для молодежи (уедут точно – 15,2%; задумываются об отъезде – 34,5%). Данные официальной статистики подтверждают факт миграционной убыли сельского населения, начиная с 2000 года.

Преобладание «выживальческого», в рамках одного поколения, настроя в крестьянских семьях становится практически преобладающим. По данным социологического обследования, проведенного Российской союзом сельской молодежи в девяти субъектах Российской Федерации, среди молодежи в возрасте 14-30 лет только 35,9% опрошенных респондентов

¹ Состояние социально-трудовой сферы села и предложение по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – М.: ФГНУ «Росинформагротех». – Вып. 13-й.

предполагают жить на селе, 15,3% – затруднялись в ответе, тогда как 48,8% не планируют связать свою жизнь с селом. Об этом свидетельствует и достаточно большой интерес к изучению проблем формирования жизнеспособной личности в условиях сельского социума (М.П. Гурьянова, Л.И. Руденко, В.Н. Иванов, В.К. Лифанов А.И. Шингарев, Г.П. Приходченко), адаптационных стратегий выживания крестьянских семей (О.В. Нечипоренко, Н.В. Голубцов, Е.В. Дудникова, И.В. Нечаева, М.А. Шабанова, В.Л. Шабанов, Г.М. Орлов).

Все вышесказанное свидетельствует, что российское село продолжает находиться в системном кризисе. В этих условиях особенно остро стоит вопрос: «Какое влияние на социально-экономическое развитие сельской местности окажет присоединение России к ВТО?». Среди представителей науки, органов управления, общественности нет единой точки зрения по данному вопросу. Одни предполагают, что условия ВТО будут способствовать привлечению в отрасль инвестиций, созданию новых производств, следствием чего станет увеличение занятости. Другие, наоборот, высказывают серьезные опасения по поводу того, что вступление России в ВТО, которое будет сопровождаться снижением таможенных пошлин, сокращением объемов государственной поддержки, может существенно повлиять на конкурентоспособность аграрного сектора, вызовет снижение объемов производства, рост импортной зависимости и обострение проблемы сельской занятости. С учетом того, что сельской местности присущ моноотраслевой характер экономики, основой которого является сельское хозяйство, возможные последствия для социального развития села в целом и социально-трудовой сферы, в частности, следует рассматривать через призму перспектив аграрного сектора экономики, его конкурентоспособности, гибкости и адаптивности государственной аграрной политики в современных условиях.

В связи с этим проанализируем основные обязательства, касающиеся функционирования аграрного сектора, которые взяла на себя Россия, вступив в ВТО.

Во-первых, это сокращение объемов государственной поддержки сельского хозяйства к 2018 г. в 2 раза, а также изменение ее направлений. Если сегодня основными направлениями аграрной политики являются меры так называемой «желтой корзины» (субсидирование процентных ставок по кредитам, компенсации затрат на горюче-смазочные материалы, удобрения, другие материально-технические ресурсы), то условия ВТО данные направления ограничивают. Государственная поддержка может оказываться в рамках «зеленой корзины», включающей, главным образом, инфраструктурные расходы.

Во-вторых, Россия вступила в ВТО на условиях полного запрета экспортных субсидий, это позволяет сделать вывод, что в ближайшей перспективе объемы экспорта российского продовольствия не увеличатся, оставшись на уровне 10 млрд. долл. (для сравнения: импорт продовольствия в Россию составляет 42 млрд. долл.). Также вызывает опасение то, что увеличивающиеся объемы производства мяса птицы и свинины в зарубежных странах могут быть переориентированы на российский рынок, что в купе со снижением импортных пошлин приведет к сжатию отечественного производства.

В-третьих, изменяется система таможенно-тарифного регулирования. В целом по тарифу на сельскохозяйственную продукцию и продовольствие средневзвешенная ставка будет снижена на треть от ее текущего уровня. А по отдельным позициям, например по свинине, произойдет еще более сильное снижение. Увеличение импорта в условиях низкой конкурентоспособности отечественной продукции, безусловно, приведет снижению прибыльности и разорению сельхозпредприятий, особенно мелких и средних сельхозпроизводителей.

По прогнозам ученых Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства, с принятием условий вступления России в ВТО объемы производства за 8 лет будут сокращены. Сокращение по мясу всех видов составит свыше 1 млн. т., молоку – около 1,5 млн. т., сахару – 1,3 млн. т. Все это, безусловно, отразится на занятости сельского населения, которая сократится, как минимум, на 250 тыс. рабочих мест, увеличение финансовых потерь сельхозтоваропроизводителей оценивается накопительным итогом за 8 лет свыше 800 млрд. рублей в текущих ценах соответствующих лет¹.

Встречаются и более пессимистичные прогнозы. Так, Бабкин К.А., Кузнецов А.В., суммируя все риски, спрогнозировали, что совокупные потери сельхозпроизводства составят более 3 трл. рублей. Данная цифра связана с увеличением импорта продуктов животноводства до 24–40%, сокращением спроса на фуражное зерно и разорением до 20-30% российских сельхозпроизводителей. В результате по прогнозным расчетам авторов будет потеряно до 1,7 млн. рабочих мест².

Подводя итог, можно сделать вывод, что главным риском при вступлении России в ВТО является усугубление системных проблем, существ

¹ Ушачев И., Серков А., Сиптиц, В. Чекалин, В. Тарасов Конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции и продовольствия России в условиях вступления в ВТО // АПК: экономика, управление. – 2012. – № 6. – С. 11.

² Бабкин К.А., Кузнецов А.В., Корчевой Е.А., Пронин В.В., Самохвалов В.А. Последствия присоединения России к Всемирной торговой организации // ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга». – М., 2012. – 42 с.

вующих в сельском хозяйстве, что ставит под сомнение перспективу сохранения значительной части российских сел. Более того, нельзя возлагать надежды на то, что российское крестьянство, лишившись источника доходов в сельской местности, найдет заработка в городах. В большинстве регионов (за исключением специализирующихся на добыче топливно-энергетических ресурсов) перерабатывающие отрасли в настоящее время переживают кризисное состояние, которое характеризуется износом основных производственных фондов, устаревшими технологиями, низкой конкурентоспособностью продукции, недостаточностью инвестиций, что не способствует созданию дополнительных рабочих мест и не позволит поглотить оставшееся без средств существования аграрное население. Не стоит забывать и то, что вступление в ВТО несет риски развития и самого промышленного производства.

Полагаем, что решение вышеобозначенных проблем невозможно без реализации следующих мер, направленных на социально-экономическое развитие села: разработки системы мероприятий в рамках «зеленой корзины», направленных на развитие аграрной науки, разработку новых технологий и внедрение их в производственную деятельность; восстановления и создания новых центров по селекционной работе; восстановления производственной и формирования рыночной инфраструктур (логистические, оптово-распределительные центры); формирования образовательных и консультационных центров, направленных на развитие и реализацию кадрового потенциала аграрного производства; мероприятий, направленных на сохранение в составе трудового потенциала села молодежи; поддержки и развития сети сельских кредитных кооперативов и обществ взаимного страхования.

Литература:

1. Бабкин К.А., Кузнецов А.В., Корчевой Е.А., Пронин В.В., Самохвалов В.А. Последствия присоединения России к Всемирной торговой организации // ООО «Центр полиграфических услуг «Радуга». – М., 2012. – 42 с.
2. Группа восьми в цифрах. Стат.сб. / Росстат.– М., 2009. – С.13–36.
3. Зиятдинова Ф.Г., Кучаева Е.И. Российское село в рыночных условиях: монография. – М.ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право. – 2008. – С. 63.
4. Российский статистический ежегодник. – М., 2011.
5. Состояние социально-трудовой сферы села и предложение по ее регулированию. Ежегодный доклад по результатам мониторинга. – М.: ФГНУ «Росинформагротех». – Вып. 1–13-й.
6. Ушачев И., Серков А., С. Сиптиц, В. Чекалин, В. Тараков. Конкурентоспособность сельскохозяйственной продукции и продовольствия России в условиях вступления в ВТО // АПК: экономика, управление. – 2012. – № 6. – С. 3–14.
7. Шутьев А. Аграрная политика: социально-экономические проблемы // АПК: экономика, управление. – 2012. – № 5. – С. 3–9.

ГЛАВА 18

СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

В современной России сельские территории составляют 80% всей территории страны, в них проживает четверть населения. В 19 веке, когда пропорции были обратными, сельское население составляло до 80% всего населения стран России и Европы, исследователи рассматривали сельские территории и их население как единственный источник трудовых ресурсов для развития промышленности и городов. Уже тогда в исследованиях был отражен переход общества от традиционного к индустриальному, сопровождающийся острыми социальными противоречиями. В современной России селу как специфической форме расселения присущи специфический образ и качество жизни, наибольший интерес представляет процесс урбанизации самого села и его социальные последствия¹. Этот аспект особенно важен для рассмотрения крестьянства – населения сельских территорий – в качестве субъекта, способного к модернизации и развитию своей среды жизнедеятельности. В последние годы внимание социологии села сосредоточено на изучении процессов модернизации сельского пространства. В этой связи и социологическое сопровождение общественно-государственного процесса управления сельскими территориями требует особой операционализации понятий. Термин *сельские территории* стал альтернативой устоявшемуся термину *сельское хозяйство*. В настоящее время проведение четких границ между понятиями «аграрное производство», «сельское хозяйство» и «сельские территории» стало принципиальным. В мировой практике имеется несколько подходов к решению этой задачи. Основными, на наш взгляд, являются параметры по плотности и численности населения, разработанные ОЭСР и Евростатом. В России к сельским территориям (к сельской местности) относится территория вне границ городских поселений, включающая территорию сельских поселений и межселенную территорию. Общепринято, что понятие «сельское хозяйство» является синонимом термина «аграрное производство» и означает сектор экономики государства, производящий сельскохозяйственную продукцию, обеспечивающий потребности в большинстве продуктов питания и в сырье для легкой и пищевой промышленности. В то же время этимология и смысловое значение словосочетания «сельское хозяйство» предполагают возможность его расширительного толкования как хозяйства села, т.с. сельской экономики во всей ее многоотраслевой совокупности. В словосочетании содержится территориальная составляющая «сельское» и

¹ По материалам работ авторов: О.М Вербицкая, Ю.В. Арутюнян, Т.И. Заславская, Р.В. Рывкина, П.И. Симуш, В.И. Староверов, И.Т. Левыкин, Г.Г. Силласте, Т. Шанин и др.

многоотраслевая – «хозяйство». При этом термин «сельское хозяйство» гораздо уже, чем термин «сельская сфера», который наиболее полно отражает все аспекты данной социальной общности: под сельской сферой понимают уклад жизни, многофункциональную деятельность людей, где присутствует социальная и экологическая сферы, гуманитарные и культурные аспекты, хозяйствственные и даже не сельскохозяйственные виды деятельности. Это требует расширения социальной платформы изучения ресурсов развития села.

В работах российских авторов (В. Ядов, Т. Заславская, В. Радаев, В. Ильин и др.) идея социального ресурса развивается через детализацию различий субъектов по их «ресурсоемкости». Первоосновой развития сельского сообщества можно считать, вслед за Э. Шилзом, общность центральной власти, территориальной целостности и согласие центра и периферии. Прикладные разработки в этом направлении ведутся В.Г. Глазычевым, Дж Иванцевичем, А.В. Дятловым, В.Л. Иноземцевым, в работах которых отмечается недостаточность исследования факторов развития села и самостоятельной социологической практики исследований сельских территорий в рамках социального государства, сельского образа жизни в соотношении с городским, сельской инфраструктуры и ее трансформации, социальной структуры сельского социума, субъектов социального развития сельской сферы и т.д. Современная теория рассматривает социальные ресурсы в нескольких ракурсах: как весь материальный и нематериальный потенциал всей совокупности общественных отношений в целом¹, так и некий индивидуальный потенциал повышения социального статуса или места в социальной иерархии индивида. Так, например, доход и богатство, являясь экономическим ресурсом общества, вместе с тем характеризуют и социальный статус, престиж и социальные возможности конкретного индивида (теория ресурсоемкости Т. Парсонс, П. Бурдье, П. Штомпка и т.д.). В контексте данной работы, где речь идет о специфической социальной форме жизнедеятельности – сельской, со своей особой социальной структурой, институтами, географией, экономикой и т.д. – в качестве базовых носителей социального ресурса развития сельских территорий мы считаем социальные структуры (сельское поселение и сельское домохозяйство); социальные субъекты, присутствующие в сельских территориях (органы самоуправления, общественные организации, коммерческие организации и сетевые бизнес-структуры, в том числе инвестиционные); социальные технологии (Интернет и медиа-пространство, стандартизация условий жизни, рейтинговые системы, программно-целевое управление). Возможности повышения эффективности материальных ресурсов в системе государственного управления сельскими территориями находятся в поле зрения между

¹ См.: К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, К. Манхейм, Ф. Теннис, Д. Белл, Э. Хаген и т.д.

проблемами дефицита материальных ресурсов и потенциалом социальных возможностей самого сельского сообщества и субъектов, имеющих интерес в развитии данной сферы, что шире, чем просто ресурсоемкость индивидов. Информационное общество XXI века выдвигает на первый план информационные ресурсы, которые являются экспликацией современных технологий в социальность и мощным фактором развития, поскольку несут в себе возможности построения новейших конгломератов связей и отношений, процессов, структур и институтов¹.

Проблемы недостаточного использования информационных ресурсов в отношении развития сельских территорий лежат в двух плоскостях. Главная – отсталость технологической базы сельских территорий в плане компьютеризации и доступности Интернет-сетей для частного пользователя. По аналогии с программой электрификации всей страны в условиях СССР, начатой в 20-е годы и продолжавшейся до 60-х годов XX в., электронные информационные системы становятся в современности условием технологического прорыва в жизни российского села. Они способны восстановить плотные связи и взаимообратные процессы в отношениях между городскими и сельскими территориями средствами виртуальной Интернет-среды, где первично деление на сферы интересов, а не по территории проживания. Информационные ресурсы, согласно международным требованиям, являются главным критерием инвестиционной привлекательности территории. Однако на сегодняшний день именно муниципальные образования сельских поселений России практически не имеют присутствия в Интернет-пространстве, а сельские жители не включены в электронную систему получения государственных и социальных услуг.

Компенсировать данный фактор сдерживания развития села можно одним из эффективных средств – институтами гражданского общества, которые уже formalизованы в рамках общественных организаций аграрной направленности и представлены в Интернет-среде. Ныне социальный ресурс институтов гражданского общества представлен такими крупными социальными субъектами, как Российское аграрное движение; Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России; Российский союз сельской молодежи; Движение сельских женщин России; Центральный союз сельскохозяйственных производителей и лесовладельцев и их филиалы; Международный клуб «Агробизнес-

¹ Однако в отчетах Росстата за 2011 г. (данные за 2010 г.) нет раздела, отражающего состояние электронной сельской России. Традиционно представлены данные о почтовой связи (снижение показателей распространения за 5 лет от 2 до 5%); телефонной связи, которая в последние годы активно переходит на цифровой формат (с 7,9% в начале столетия до 63% в настоящее время); телевещания (увеличение приема телеканалов с 2 до 8, однако сельским территориям практически полностью недоступны детские и юношеские каналы); радиовещания (представлено в сельских территориях только в формате «Радио Маяк» и «Радио России»; система FM-вещания в отчетах не представлена).

клуб» и т.д. Однако деятельность агентов сельского и аграрного сообщества сосредоточена на государственной и региональной аграрной политике. Присутствие данных структур обозначено только в городах (общественные приемные), акцент во взаимодействиях сделан на работу с крупными политическими силами и государственными структурами. Имея современную информационную платформу, данные субъекты используют ее для представления интересов конкретных сельских территорий. Дальнейшее развитие этих институтов должно лежать в плоскости тактического взаимодействия с собственно сельским сообществом и бизнесом (в том числе, с инвесторами). Только в этом случае этот ресурс общественных организаций станет основой повышения социальной и деловой активности в сельской сфере, ее привлекательности и перспективности. Формирование институтов, обеспечивающих взаимодействие сельских территорий с бизнес-сообществом городов, наиболее актуально. По определению смысл любой предпринимательской и иной активности – это извлечение прибыли с целью ее дальнейшего использования в развитии предприятия, улучшении качества жизни предпринимателя и социальной среды. При этом международная политическая практика (и российская в том числе) декларирует с самых высоких трибун «дотационный характер» агросферы. Подобная идеологема изначально отталкивает значительную часть предпринимателей или готовых ими стать граждан от организации какой-либо деятельности в сельских территориях или связанной с агрокомплексом. Институциализация обратного процесса возможна, поскольку имеется зафиксированный опыт¹. Однако системная диверсификация городского бизнеса в агросферу требует особых организационных форм (социальных привилегий) и политики.

Известно, что статистическая информация о сельском хозяйстве не ориентирована на отображение таких аспектов качественного характера, как потребности, ожидания, удовлетворенность, доступность, намерения, возможности населения сельских территорий. С точки зрения задач *развития* сельских территорий, статистический и социально-демографический подходы недостаточны. Необходимо подвергнуть социологической оценке «социальные ресурсы развития сельских территорий» как совокупность значений основных показателей их состояния, зафиксированных на какой-либо момент времени. В соответствии с целями прикладных исследований отдельных видов социальных ресурсов каждый из указанных может характеризоваться необходимым набором социальных показателей и индикаторов. Анализ их значений позволит характеризовать и оценивать какой-

¹ «ОАО «Мсннефтегазстройкомплект» инвестирует 2,8 млрд. рублей в свои агропромышленные предприятия в Курской области в 2012 г.); ОАО Сургутнефтегаз сохранил с составе дочернее предприятие – Открытое акционерное общество «Совхоз «Червицhevский», ЗАО «Трансформер» организовал эко-ферму, технологическое оснащение которой соответствует современным технологическим нормам.

либо один аспект состояния развития сельских территорий либо формировать при анализе многих аспектов комплексную оценку. Совокупность показателей социологической оценки социальных ресурсов развития сельских территорий, включающая в себя объективные и субъективные показатели, представлена в таблице 1.

Таблица 1

Демографический потенциал

общая численность населения, в том числе трудоспособного возраста;
соотношение численности населения трудоспособного и пенсионного возрастов;
соотношение численности населения в группах «молодежь» и «пенсионеры»;
доля нетрудоспособного населения;
образовательный уровень населения сельской территории (средний показатель);
плотность населения сельской территории в расчете на 1 кв. км.

Социальная защищенность, социальная и экономическая стабильность

уровень доступности ключевых социальных благ;
степень безопасности сельского населения;
характер социальных возможностей сельского населения
миграционные настроения сельского населения, в том числе трудовая миграция;
обеспеченность территории объектами социальной инфраструктуры (школы, больницы, объекты культуры, спорта и бытового обслуживания);
общий уровень жизни

Социальная активность

участие в деятельности общественных организаций, советов и других объединений граждан, включая кооперативные формы взаимодействия;
возможности использования ресурсов <i>открытого</i> правительства и систем электронных государственных услуг;
политическая активность
характер присутствия в социальных Интернет-сетях;
участие в социальных акциях, волонтерских движениях и т.п.

Развитость общественных форм управления

численность местных отделений общественных организаций, советов и других объединений граждан, включая кооперативные формы взаимодействия;
влиятельность общественных институтов на принятия решений в сфере управления сельской территорией и повышения уровня инвестиционной привлекательности;
присутствие отделений всероссийских общественных организаций и советов в сельской территории;
активность присутствия в СМИ, включая Интернет-пространство;
оценка роли общественных организаций и советов в развитии сельской территории.

Технологическая модернизация сельских территорий

численность крупных, средних и малых предприятий аграрной и иной направленности в границах сельских территорий
инвестиционная привлекательность сельской территории

качество рабочих мест (соответствие квалификации и современным требованиям технологичности и т.д.);
степени информатизации сельской территории
престижность работы на предприятиях данной сельской территории

Взаимодействие с властными структурами

оценка доступности представителей власти, характера бюрократизации
степень понимания проводимой администрацией политики
наличие или отсутствие у людей желания сотрудничать с органами власти
уровень общественного доверия к различным структурам власти и должностным лицам
соответствие действий властей интересам территории
оценка понимания смысла социального государства, доступности государственных, региональных и муниципальных услуг сельскому населению
осведомленность населения о существовании целевых программ и проектов в сфере развития сельских территорий
личная причастность населения и территорий к федеральным, региональным и муниципальным целевым программам и национальным проектам;
влияние государственных проектов и программ на повышение уровня жизни и развитие сельских территорий.

Процесс типологизации социальных ресурсов развития предлагается также проводить на основе субъективных показателей, таких как мнение жителей сельской территории о качестве своей жизни и соответствии ее современным стандартам.. Комиссия по замерам экономической деятельности и социального прогресса (Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress) ныне ведёт поиск методик замера факторов, которые обеспечивают ценность жизни в её деятельностных проявлениях. Во-первых, исследователи начали с поиска сложных составляющих качества жизни, таких как хорошее здоровье, должное образование, политические свободы, насилие, угнетение и т.д. Во-вторых, они исследовали, как люди проводят свободное время и насколько они счастливы от того, чем они занимаются каждый день. Надежность подхода заключается в том, чтобы запрашивать у людей более широкие, объёмные качественные суждения о жизни в целом. Таким образом, данный подход дает возможность определить не только средний уровень удовлетворенности жизнью, но и выявить значительные различия в уровне удовлетворенности жизнью в городских и сельских территориях. Кроме того, исследователи используют метод ранжирования таких показателей, как здоровье, безопасность, отдых и т.д., которые для большинства обследуемых имеют большее значение, чем доход. Все описанное выходит за рамки рыночного подхода в оценке социального прогресса, позволяя более широко замерить качество жизни. Нобелевские лауреаты Джозеф Стиглиц и Амартия Сен

убеждены, что новые оценочные инструменты объединяют более широкое понимание человеческого благосостояния, чем ВВП (GDP). Итак, европейскому сообществу уже в 2009 г. были предложены несколько новых путей замера национального прогресса:

Чистый индикатор прогресса (Genuine Progress Indicator), который предполагает расширение содержания такого показателя, как ВВП (GDP), путем прибавления к нему стоимости домохозяйствования и работ на добровольных началах, а также вычитания из полученного потерь, выраженных в неких коэффициентах стоимости, кроме коэффициентов преступности и загрязнения среды.

Замер межнационального счастья (Gross National Happiness), включающий субъективные и объективные индикаторы, такие как непрерывное развитие, поддержание культурных ценностей, сохранение естественной окружающей среды и эффективного управления.

Индекс счастья планеты, сочетающий в себе субъективное удовлетворение жизнью, основанное на ожиданиях от жизни, и экологический компонент, замеряемый с помощью экологических показателей, которые основываются на сложной формуле, относящейся к эмиссии CO₂ и использованию природных ресурсов¹.

В практике Евростата наблюдение за сельскими территориями ныне сконцентрировалось на данных о *качестве ведения сельского хозяйства*. В международной практике термин «sustainable agriculture» означает *продолжительное, стабильное ведение сельскохозяйственной деятельности без истощения природных ресурсов и без нанесения серьезного урона для окружающей среды*. Данный подход уже широко используется для оценки развития небольших фермерских хозяйств, для которых сельское хозяйство является основной деятельностью и образом жизни.

Основными объектами мониторинга качества жизни сельских территорий в таком случае являются: сельская семья; сельский населенный пункт; сельскохозяйственное производство. Сельское производство как объект данного исследования важно именно в плане оценки качества жизни сельских территорий РФ, поскольку является источником рабочих мест и их соответствия современным стандартам. Таким образом, формирование единой системы наблюдения за социальным развитием с учетом международного опыта лежит в плоскости решения следующих задач: мето-

¹ Ныне ООН издает ежегодный Отчет о развитии человечества (Human Development Report – HDR), который включает данные GDP (ВВП) по каждой стране – члену ООН, а также замеры по жизненным ожиданиям, образованию, здоровью, питанию, санитарии, доступности чистой воды, дискриминации по полу и распределению доходов. Целью Отчета о развитии человечества (HDR) является оценка того, каким образом это развитие влияет на ежедневную жизнь. Для замеров прогресса ООН часто обращается к Индексу развития человечества (Human Development Index – HDI), который сочетает GDP, жизненные ожидания и образовательный уровень.

дологической модернизации статистики в условиях социального государства; сочетания статистических и социологических методов исследования в соответствии с международными тенденциями в оценке социального прогресса и качества жизни.

В контексте императива качества жизни, защиты и улучшения параметров в условиях постиндустриального информационного общества необходимо формировать особую квадиметрию жизненного пространства человека, дифференцированного по регионам, уровням, типам поселений. Подобный анализ и внесение определенности в **стандарты сельской жизни** требует дополнительных исследований и утвержденных нормативов. Иными словами, по аналогии с «набором продуктов в потребительской корзине» необходим набор «условий жизни», при которых «жизнь» приобретала бы качество «достойной» в сельских территориях России. При оценке любого социального процесса ввод качественных измерителей обязателен, поскольку отношение к благам также представляет собой важный источник понимания вектора развития и внутренних противоречий. Несмотря на то, что данные показатели несут в себе субъективную оценку, на больших выборках вполне возможно охарактеризовать общественное мнение сельского населения, тогда как в частных случаях – ограничиться поиском социальных альтернатив привлекательности жизни в сельской местности (таблица 2).

Индикаторы качества жизни

Таблица 2

Качественные индикаторы уровня жизни	Высокий	Средний	Низкий
А. Удовлетворенность (статусом, местом проживания, уровнем жизни и т.д.)			
Б. Доступность благ (жилье, бытовая техника, автомобиль; образование, здравоохранение, социальная защита, информация и т.д.)			
В. Потребности (материальные, социальные, культурные)			
Г. Возможности (создания семьи, карьеры, повышения квалификации, отдыха и т.д.)			
Д. Социальные намерения (переезд, поиск работы, получение образования и т.д.)			

Выбор конкретного набора индикаторов развития сельских территорий обусловливается основными целями аграрной и сельской политики, задачами ФЦП и национальных проектов в сфере социального и экономического развития сельских территорий.

В ходе выполнения государственных программ в сфере развития сельских территорий представляется необходимым отследить выполнение целевых индикаторов реализации программы по направлению «Устойчивое развитие сельских территорий». Так, Приказом Минсельхоза от 15 апреля 2008 года № 205 «Об организации сбора, обработки и представления

отчетности о ходе реализации Государственной программы» предусмотрен только сбор количественных показателей, характеризующих освоение средств, выделяемых на реализацию госпрограммы (собирается информация о том, сколько жилья приобретено/построено в кв. м. и сколько на это запланировано, выделено и фактически потрачено средств из бюджетов разных уровней и внебюджетных средств). При этом качественная составляющая процесса, оценка сельским населением результатов в приказе не отражена. В этой связи актуально включение в число индикаторов следующих параметров: *оценка очередниками действий муниципальной власти в отношении обеспечения нуждающихся жильем; удовлетворенность качеством жилья, полученного очередниками; соответствие полученного жилья современным инженерным стандартам жилого здания.*

При всей многосторонности отраслевого подхода принятый учетный инструментарий освещает далеко не все аспекты развития сельских территорий, связанные с качеством жизни сельского населения. Реализация задач социального развития возможна только через институт социальных стандартов, обеспечивающих контролируемость со стороны государственных и общественных органов власти социальных гарантий. Действие механизма социальных стандартов многопланово. Они задают направление и условия развития социальной реальности; определяют не только стоимость, но и качество общественных благ для населения; позволяют определить точную потребность в ресурсах, необходимых для достижения утвержденного стандарта и сроки достижения.

Опыт институциализации стандартов жизни сельского населения и за счет нее повышение уровня и престижности сельской жизни наиболее полно представлен в Великобритании, в совместном документе Министерства сельского хозяйства, рыболовства и продовольствия (Ministry of Agriculture, Fishery and Food) и Министерства окружающей среды, транспорта и регионов (Ministry of Environment, Transport and Regions), который включает в себя полный спектр услуг, список ответственных ведомств, а также набор требований, индикаторов, стандартов или целей, которые должны быть достигнуты ведомствами *Стандарт обслуживания сельских жителей – 2003 – Великобритания* (приводится перевод оригинала):

Раздел «Общие услуги», определяет перечень всех правительственные услуг, который должен быть доступен сельским сообществам в электронном виде. Это означает, что к 2005 г. во всех местах проживания сельских жителей был обеспечен доступ к Интернету, для того чтобы они могли беспрепятственно читать правительственные сайты и осуществлять обратную связь, высказывая свои жалобы и предложения. Доступ был обеспечен через информационные киоски местной власти.

Раздел «Образование» делится на несколько блоков.

Доступ к начальному и среднему образованию включает в себя запрет на необоснованное закрытие сельских школ, обязательные консультации с представителями местного сообщества по поводу целесообразности закрытия сельской школы. МВО должны обеспечить ученика бесплатным транспортом до ближайшей подходящей школы, если школа находится от дома не в пределах разумной пешей доступности (2 мили – для детей до 8 лет, 3 мили – для детей старше 8 лет).

Доступ к использованию высоких технологий в школах (МВО).

В 2002 г. только 26% сельских школ Великобритании имели такой доступ. Задача: все школы должны иметь доступ к Интернету к 2006 г. через высокоскоростную сеть.

Доступ к дальнейшему образованию: образовательные учреждения последующих ступеней образования должны оказывать помощь в возмещении транспортных расходов. Гибкие подходы к финансированию поездок учащихся возможны из Фонда поддержки учащихся (Learner Support Fund).

Доступ к школам «расширенного набора услуг» (компетенция МВО/школ). К 2006 г. каждый сельский район имел хотя бы одну школу с расширенным набором услуг в области здравоохранения и социальной защиты, занятый с детьми, образования для взрослых и учёбы для семей, доступа к высоким технологиям, культурного и спортивного досуга.

Доступ к UK Online Centres (он-лайновым центрам): создание их всеми ведомствами должно способствовать объединению Великобритании в единую сеть к 2005 г., для того чтобы любой гражданин, особенно проживающий в отдалённом поселении, не чувствовал себя оторванным от жизни и обделённым вниманием.

Раздел «Почта» также включает несколько важных блоков.

Доступ к почтовым услугам (зона ответственности почтовых отделений) обеспечен запретом на закрытие существующих сельских почтовых отделений до 2006 г.

Доступ к банковским услугам обеспечен совместным проектом государства и главного почтового офиса, в рамках которого внедряют универсальную банковскую систему, расширяя доступ к финансовым услугам и банковской сети через почтовые отделения. Начиная с апреля 2003 г., сельские жители получают свои автоматически перечисляемые пенсии и прочие доходы в почтовом отделении по специальной кредитной карте.

Доступ к доставке почты регламентируется Актом о почтовых услугах и предписывает доставку почты в любую точку Великобритании шесть дней в неделю по единой цене доставки

Раздел «Транспорт» представлен разными ведомствами.

Доступ к регулярному автобусному сообщению обеспечивают местные власти, но регулирует их действия целевой показатель: доля сельского населения, живущего в 10-минутной пешей доступности от остановки автобуса, курсирующего с интервалом 1 час или менее, должна увеличиться с существующих 37% до 50% к 2010 г. С апреля 2003 г. пожилые сельские жители возраста свыше 60 лет платят половину автобусного тарифа в сельской местности.

Доступ к сельским железным дорогам обеспечивают железнодорожные компании страны, которые работают по стандартам, описанным в договоре со Стратегическим железнодорожным центром (Strategic Rail Authority).

Раздел «Библиотечные стандарты»

Доступ к библиотекам сельских жителей обеспечивают местные власти. Национальные библиотечные стандарты были приняты в апреле 2001 г. и касаются непосредственного и электронного доступа к библиотечным запасам, степени удовлетворённости пользователей, наличия выбора книг, числа квалифицированного персонала. Цели идентичны для сельского и городского сообщества.

Раздел «Здравоохранение»

Доступ к обслуживанию терапевта и других первичных специалистов обеспечивают представители Минздрава, группы первичной помощи, трасты первичной помощи (ТПП). Стандартом фиксируется гарантированный доступ к профессиональной первичной помощи в течение 24 часов и к доктору в течение 48 часов с 2004 г. (в 2004 г. 90% пациентов был оказан приём в течение 24 часов).

Доступ к стоматологическому обслуживанию (ТПП) для сельских пациентов производится по перечню услуг, гарантированному ТПП (через National Health Service (NHS)¹ Direct или местные поликлиники). *Доступ к консультациям* по поводу состояния здоровья обеспечивается представителями Минздрава: NHS Direct обеспечивает консультации по телефону (0845 4647) круглосуточно, 7 дней в неделю. Также вопрос можно задать на сайте (www.nhsdirect.nhs.uk), а с декабря 2004 г. пациенту достаточно позвонить в NHS Direct один раз, и служащие переведут телефонный звонок непосредственно в медицинский кооператив или врачу. Запись к врачу в 100% случаев осуществляется предварительно, в том числе по электронной почте.

Раздел «Социальная защита»

В национальном докладе «Лучше защита, выше стандарты» («Better Care, Higher Standards») записаны стандарты помощи нуждающимся в об-

¹ National Health Service (Национальная служба здравоохранения Великобритании) создана в 1948 г., предоставляет бесплатную помощь всем нуждающимся.

ласти жилья, здравоохранения и социальной защиты. Региональные органы социальной защиты выпускают собственные ежегодные доклады «Better Care, Higher Standards», где подробно расписывается, на что может претендовать сельский житель, проживающий в данной местности. В ноябре 2002 г. Департамент здравоохранения опубликовал 4-й доклад «Оценка достижения целевых показателей» (Performance Assessment Framework Indicators), в котором качество обслуживания прослеживается по 50 индикаторам предоставления социальных услуг. Более подробная информация размещена на сайте <http://www.doh.gov.uk/pssperform>. Особо здесь хотелось бы отметить программу National School Fruit Scheme (Национальная школьная фруктовая схема), которая реализуется через Департамент здравоохранения. С 2004 г. каждый ребёнок 4–6 лет в сельской местности получает фрукты каждый день пребывания в школе или дошкольном учреждении.

Раздел «Доступ к прочим благам»

Доступ обеспечивают Центры занятости и пенсионные фонды. Сельские жители могут требовать возмещения стоимости проезда на общественном транспорте, если их вызывали в центры занятости или пенсионные фонды не по их инициативе (например, для интервью). Отдельной линией предоставляется информация и помощь для людей с ограниченными способностями. Помощь также предоставляется безработным, людям с ограниченными возможностями и одиноким родителям сетью New Deal («Новое дело»).

Линия Pensions Direct (О Пенсиях) предоставляет информацию о государственных пенсиях по возрасту и потере кормильца (Retirement Pensions and Widow's Benefit), а также о пособиях по гарантии минимального дохода (Minimum Income Guarantee) и гарантии зимнего топлива (Winter Fuel Guarantee). Организация выплат производится также через центры занятости и пенсионные фонды. Получатели пенсий и пособий могут получать их на карточки или, как прежде, наличными через почтовые отделения связи.

Общая и техническая информация о благах может быть получена через Департамент занятости и пенсий (Department for Work and Pensions, DWP), центры занятости и пенсионный фонд на их сайтах.

Создание единого федерального пакета стандартов жизнеобеспечения сельского жителя должно стать одной из приоритетных задач социального государства России. Перспективным направлением исследований в сфере развития сельских территорий можно считать создание комплекса обследований открытой архитектуры, позволяющих включать специальные социологические блоки по проблемам качества жизни в состав стандартного статистического наблюдения.

Подобный подход был использован при подготовке к ВСХП: в ходе проведения специализированных фокус-групп, полевых пилотных опросов, глубинных интервью, блиц-опроса были получены следующие результаты, позволяющие расставить приоритеты в значимости факторов развития села на основе субъективных оценок. Респондентам была предложена к осмыслению проблема определения приоритетов: какие сферы жизни на селе самым прямым образом отражают ее качество и уровень и являются их индикаторами? Рейтинг оценок респондентов показал: на первом месте – инфраструктура: дороги, транспорт; энергетика и газификация; тепло-снабжение; водоснабжение; канализация; связь; на втором месте – социальная сфера: медицина; образование; социальная защита населения; на третьем месте – культурно-бытовая сфера: дома культуры и отдыха; спортивные сооружения; сфера услуг (магазины, парикмахерские, аптеки и т.п.); на четвертом месте – экономика сельской жизни: средства производства; с/х техника; природные ресурсы (пашни, леса, реки и т.д.).

При анализе критерия «*Социальная привлекательность жизни сельских территорий*» респондентам была предложена возможность дать личную оценку привлекательности жизни в городской и сельской местности. Респонденты в 100% случаев активно тяготеют в своих ценностях к жизни в городе (см. таблица 3)

Таблица 3
Рейтинг условий жизни в селе и городе (глазами сельчан)¹

Параметры привлекательности жизни в городе	Параметры привлекательности жизни на селе
<ul style="list-style-type: none"> • Возможность трудоустройства и достойная з/п, нормированный рабочий день, выходные • Наличие культурно-досуговых и спортивных объектов • Развитая инфраструктура • Полное качественное медобслуживание и образование • Развитая транспортная сеть • Возможность и перспективы лучшей жизни, карьеры 	<ul style="list-style-type: none"> • Экологически чистая среда • Возможность вести подсобное хозяйство • Отдых на природе • Сельский менталитет • Безопасность

В итоге сравнение данных подтвердило, что наиболее уязвимыми являются следующие параметры: качество рабочих мест на селе, трудоуст-

¹ По результатам открытых вопросов тематических фокус-групп численностью 10–12 человек каждая, в Орловской, Калужской, Московской областях. Состав фокус-групп экспертный: главы, заместители глав и специалисты администраций сельских поселений муниципальных образований (СП МО).

ройство, соответствие режима труда действующему законодательству (см. таблица 4)

Таблица 4
Рейтинг негативных условий жизни в селе и городе (глазами сельчан)

Параметры непривлекательности жизни в городе	Параметры непривлекательности жизни на селе
<ul style="list-style-type: none">ШумСуетаПлохая экологияМного машинСоседиМного соблазновПостоянная спешкаДороговизна жизни и коммунальных услугТехногенностьМало парковых зон	<ul style="list-style-type: none">Отсутствие приличной работы, ненормированный рабочий день, рабочие места не соответствуют современным требованиямТрудно дать детям хорошее образованиеТрудоемкий ручной, низкоквалифицированный трудОтсутствие дорогНедостаточно общественного транспортаДефицит товаров в магазинах и медикаментов, невозможность получить хорошее лечениеХуже условия жизниПлохие телетрансляцииМаленькие зарплаты и пенсииМало молодежи, низкая плотность населенияНет спортивных сооружений, плохо финансируется социальная сфера и культураБытовое обслуживание практически отсутствуетНедостаточно развит ИнтернетОграничено время движения общественного транспортаМало школ и д/садов

В части важных результатов стоит отметить оценку доступности современных инженерных коммуникаций в сельской местности, «инфраструктурную отсталость» жизни в сельских поселениях. Так, испытывают проблемы с питьевой водой – 64,5% респондентов; не имеют подключения к системам газоснабжения – 78,8%; имеют низкую выделенную мощность электроэнергии на дом – 69,2%; не имеют подключения к системам канализации – 95,4%; не имеют подключения к системам отопления (имеют печное отопление) – 85,2%. В итоге в оценках благоустроенности преобладают отрицательные ответы. Тревожен сам факт снижения уровня притязаний сельских жителей в отношении качества собственной жизни. Этому свидетельствуют ответы на вопрос о том, каким образом сельчане проводят отпуска. Наиболее заметен он в группе респондентов старше 50 лет (преобладают в ответах «отдых дома», «не могут себе позволить отдых»),

«не были в отпуске», «затруднились ответить»: (таблица 5)

Таблица 5
Традиции проведения ежегодных отпусков в сельской местности (%)

Выезжаем в курортные зоны отдыха, санатории в России	1,7
Выезжаем в курортные зоны отдыха, санатории за границу	0,9
Выезжаем в гости к родным и друзьям в город	12,8
Отдыхаем дома	58,8
Не можем позволить себе отдых во время отпуска	7,0
Не были в отпуске более 3 лет	1,7
Затрудняюсь ответить	8,1
Ответ не дан	9,0

В ответах о потребностях в объектах социальной инфраструктуры преобладают такие банальные для сознания горожанина объекты, как *детская площадка, детский сад, дом культуры, каток, клуб, магазин*, а 59,1% не устраивает качество медобслуживания полностью и частично. По отчетам интервьюеров, все крупные фермерские хозяйства принадлежат предпринимателям из городов, которые ранее к сельскохозяйственному труду не имели никакого отношения. Владея домохозяйством в селе, они не имеют там статуса постоянно проживающих, поэтому даже не были включены в опрос. В связи с чем, данный пласт респондентов был опрошен в ходе специальных глубинных интервью. Но с другой стороны, городские предприниматели являются важным ресурсом развития сельских территорий (Из интервью с фермером-горожанином).

Интервью с фермером-горожанином о перспективах сельской фермы

Открытый вопрос	Ответ
Если Вам придется выбирать между фирмой (заводом) и фермой и нужно будет выбрать одно, то на чем вы остановитесь?	Увы, пока этот выбор сделать невозможно. Одно без другого нежизнеспособно. Лет через 10 точно бы выбрали ферму.
Необходимы ли Вам юридические консультации по ведению хозяйства? Правам сельских жителей? Насколько вы знакомы с особенностями законов в отношении села и	Это самое больное место. Опыт работы в промышленном секторе практически не применим... Разобрались в структуре, бухотчетности и нормативной базе фермерского хозяйства, но экоферма и экотуризм как направление развития не вписывается ни одну из существующих моделей правовой и налоговой системы, т.е. двигаться дальше опасно, все время на грани нарушения каких-то законов и правил. Экотуризм нельзя приравнивать

города? Есть ли различия и чувствуете ли вы их в повседневной жизни?	просто к туризму. Он базируется и вырастает на основе экофермы, поскольку важным элементом является экологически чистое питание для туристов. А это вообще уже общепит. Поселить в доме на ферме туристов – это уже гостиница. А сельский гостевой дом и гостиницу сравнивать нельзя. Питание при ферме – это не столовая. Все мы помним, как летом ездили детьми в деревню к бабушкам и дедушкам. Сегодня, когда мы создаем новую сельскую экосреду, где уже нет наших бабушек и дедушек, но отдыха хочется именно такого, нужна узаконенная модель этого особого вида деятельности. И чем быстрее она появится, тем быстрее поднимутся наши экофермы, а значит, и жизнь с сельской местности получит новый толчок к развитию и новые рабочие места...
Удалось ли вам воспользоваться ресурсами ФЦП в сельской сфере?	Не слышали ни сами, ни от соседей фермеров. Это про национальные проекты, про программы. Знаем, что есть дотации, но наши масштабы производства пока малы, да и, если честно, не знаем, куда обращаться и как.

Эта картина позволяет сформулировать предположение, что существующие программы в сфере развития частной инициативы среди сельского населения утопичны по своей природе. Людей с предпринимательскими талантами и намерениями в селе намного меньше экономически необходимого минимума. Это требует особой политики в плане привлечения предпринимателей из городской местности, а этот аспект развития сельских территорий предполагает социологическую оценку намерений и готовности городского бизнеса.

Опрос домохозяйств показывает, что приверженность к жизни в селе и сохранение там молодежи – это, прежде всего, наличие там рабочих мест достаточной квалификации (это отметили около 45% респондентов). Параллельный опрос студентов аграрных вузов показывает, что они готовы ехать работать в село при наличии там рабочих мест, соответствующих их квалификации. На текущий момент именно неразвитый рынок труда является негативным фактором развития (см. таблица 6).

При этом среди работающих полностью соответствует квалификации рабочее место только у 13,6% опрошенных.

С точки зрения местной власти, рабочие места в сельских территориях появляются в незначительном количестве за счет крупных сельскохозяйственных организаций и предприятий не сельскохозяйственной направленности. В 2010 г. в зоне опроса не было создано ни одного рабочего места за счет развития фермерства и малого бизнеса в сельскохозяйственном секторе.

Трудоустройство членов сельских домохозяйств (%)¹

Все имеют официальную работу	25,2
Только некоторые члены семьи имеют официальную работу	26,7
Никто из членов семьи не имеет официальной работы	10,1
Все члены семьи нетрудоспособного возраста	34,8
Затрудняюсь ответить	2,3
Ответ не дан	0,9

Доступность современных информационных ресурсов для сельских территорий – это фактор, отражающий включенность данной группы населения в текущие социально-культурные, политические и экономические процессы в стране, а также механизм развития общественного сознания. Если телевизионные механизмы работают в полной мере, то Интернет-среда для села остается предметом роскоши: доступен в полном объеме только для 11,9% респондентов. В ходе опроса руководителей сельских поселений муниципальных образований было выявлено, что около половины населенных пунктов были отнесены к неперспективным. В некоторых сельских населенных пунктах до 50% домохозяйств и земельных участков принадлежат гражданам, проживающим в них сезонно. Данная устойчивая тенденция превращения сел и деревень в «дачные массивы» требует специального исследования. Разброс ответов о том, какая часть населения находится за чертой бедности, позволяет сделать вывод, что самыми незащищенными являются села и деревни, которые не являются районными центрами. Но даже в районном центре нет офиса какого-либо банка, юридической фирмы, туристического агентства, то есть структур, являющихся носителями косвенной финансовой, юридической, культурной квалификации граждан. Проведенный комплекс пилотных исследований позволяет констатировать необходимость регулярного мониторинга состояния сельских территорий с акцентом на субъективные оценки в ключевых группах респондентов (сельское население, главы сельских администраций, представители общественных организаций, сельского бизнеса). Только соотношение объективных показателей и субъективных оценок позволит дать объективную картину развития сельских территорий, необходимую для оптимизации процессов управления.

¹ По результатам пилотного социологического опроса сельских домохозяйств в Износковском районе Калужской области (2011 г.).

Литература:

1. Лаврухина Е.А. Современные ресурсы развития сельских территорий Российской Федерации. – М.: Илекса, 2012. – 332 с.
2. Корбут Л.С., Лаврухина Е.А. Организация статистического наблюдения за развитием сельских территорий в соответствии с международными стандартами/ Научные труды ВИАПИ им. А.А. Никонова / Под общей ред. А.В. Петрикова. – М.: ЭРД, 2011. – 272/138 с.
3. Корбут Л.С., Лаврухина Е.А. Устойчивое развитие сельских территорий: региональный аспект» (коллективная монография). – Москва: / Научные труды ВИАПИ им. А.А. Никонова / Под общей ред. А.В. Петрикова. – Вып. 25. – М.: ЭРД, 2009. – 92 с.
4. Петриков А.В., Корбут Л.С., Бойков В.Э., Лаврухина Е.А. и др. Всероссийская сельскохозяйственная перепись: проблемы, методология, рекомендации (коллективная монография). – Москва, ВНИАПИ им. А.А. Никонова: Энциклопедия российских деревень: В 2 т. – М.: 2005., в 2-х томах. – 18 с.
5. Лаврухина Е.А. Мнение жителей села о качестве своей жизни. – Москва// Социология власти. – 2012. – №3. 2012. – 8 с.
6. Лаврухина Е.А. Социологическое сопровождение статистических наблюдений в условиях социального государства. – Москва// Вопросы статистики. – 2012. – №6. 2012 г. – 8 с.
7. Лаврухина Е. А. Качество жизни сельского населения: подходы к измерению. – Москва// Вопросы статистики. – 2012. – №1. 2012 г. – 10 с.
8. Лаврухина Е.А., Ефанова О.А. Взаимодействие социологического и статистического подходов в исследовании проблем социального государства. – Москва // Социология власти. – 2012. – №2. – 10 с.

ГЛАВА 19

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРАКТИК В СЕЛЬСКОМ СОЦИУМЕ

В настоящее время невозможно представить повседневную жизнь без инновационных технологий, все более изменяющих уклад и определяющих качество жизни. Стремление к приобретению высокотехнологичных товаров отражает не только уровень доходов, но и свидетельствует о готовности к освоению чего-то нового, получению новых знаний и навыков.

Несмотря на сохраняющееся между городом и селом различие в технологической и экономической доступности современных возможностей и технологий, инновационные товары и практики все активнее осваиваются сельскими жителями, изменяя их повседневную жизнь. Перечень товаров длительного пользования, имеющихся в домашних хозяйствах, за последние пятнадцать лет существенно расширился. Персональные компьютеры, мобильные телефоны, микроволновые печи, кондиционеры, DVD-плееры, музыкальные центры, спутниковые телевизионные антенны сегодня стали привычными атрибутами жизни многих сельских семей. На основе внедрения новых технологий совершенствуются и потребительские свойства традиционных видов бытовой техники: холодильников, телевизоров, стиральных машин.

Примером новой технологии, за короткий срок прошедшей все стадии освоения нововведения от узнавания до общего распространения, является мобильная сотовая связь. В 2000 году мобильными телефонами пользовались лишь 2% россиян, а в настоящее время пользование сотовой связью стало обычной практикой как в городе, так и в селе. Разрыв между городом и селом по наличию сотовых телефонов у населения неуклонно сокращается. Если в 2004 году на 100 сельских домохозяйств приходилось 24 мобильных телефона, а в городе – 67, то в 2011 году – 222 и 242 соответственно (см. таблица 1).

Все большее распространение на селе получают Интернет и спутниковое телевидение. Использование данных технологий – один из основных путей решения проблемы информационного неравенства сельского населения, сохраняющей свою актуальность. Доступ к сети Интернет в 2011 году имели 40,9% сельских домохозяйств, в том числе с домашнего компьютера 33,4%. На 100 сельских домохозяйств в 2011 году приходилось 46 персональных компьютеров (в 2000 г. – 1). Из них 70,0% – стационарные и 30,0% – переносные (ноутбуки и лэптопы).

Под инновационными практиками обычно понимают типические действия людей, которые еще не слишком широко распространены, но уже

достаточно заметны, а с другой стороны, являются новыми способами действия, которые еще десятилетие назад отсутствовали вовсе или существовали в ограниченных масштабах¹. Источниками инновационных практик являются технические, технологические, социальные инновации. При этом для отнесения конкретных практик к инновационным важен факт распространенности данных практик в данном социуме. Даже если для других социумов они уже являются обычными.

Таблица 1

Наличие транспортных средств, современной бытовой техники, телевизоров и радиоаппаратуры в среднем на 100 домохозяйств, проживающих в сельской местности, штук

	2004г.	2007г.	2009г.	2010г.	2011г.	2011 г., в % к 2004 г.	Село, в % к городу	
							2004	2011
Телевизор цветной	101	120	130	143	149	147,5	77,7	85,6
DVD-плеер	2	23	38	58	58	в 29р.	40	96,7
Видеокамера	3	5	6	9	10	в 3,3р.	37,5	58,8
Морозильник	8	12	15	20	20	250	100	200
Стиральная машина	92	100	104	102	104	113	96,8	105,1
Микроволновая печь	6	24	35	52	56	в 9,3р.	27,3	82,4
Персональный компьютер	6	20	34	42	47	в 7,8р.	24	67,1
Мобильный телефон	24	142	191	215	222	в 9,3р.	35,8	91,7
Легковой автомобиль	32	39	47	51	51	159,4	94,1	102

Рассчитано автором на основе данных стат. сборников «Доходы, расходы и потребление в домашних хозяйствах» за 2004–2011 г.

¹ Радаев В.В. Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса/ В.В. Радаев // Мир России. – 2003. – № 4. – С.91.

Вопросам распространения обычных и инновационных практик и расслоения российского социума по уровню включенности в новые социальные реалии был посвящен ряд проектов российских социологов¹. Результаты этих проектов описаны в работах В.В. Радаева, С.В. Горюновой, социологов фонда «Общественное мнение». Однако цели и задачи данных проектов не предусматривали учета особенностей образа жизни сельского социума. Решение задач нашего исследования потребовало адаптации данного метода с учетом специфики уровня и качества жизни сельского населения. Прежде всего это коснулось набора инновационных практик. Многие из рассматриваемых коллегами практик не получили распространения в сельском социуме не в силу его косности, а по вполне объективным причинам (уровень жизни сельского населения, состояние социальной и информационной инфраструктуры). В то же время при исследовании инновационного потенциала сельских жителей необходимо учитывать специфику сельского образа жизни. Например, тот факт, что в настоящее время основной сферой реализации инновационной активности значительной части сельского населения является личное подворье. Таким образом, для села характерны свои инновационные практики, часто не попадающие в поле зрения городских жителей.

Данная статья основывается на результатах социологического исследования, проведенного в 2010-2011 годах в трех административных районах Саратовской области. Выборка стихийная, репрезентирует сельское население в трудоспособном возрасте. Всего было опрошено 332 респондента.

Отдельные блоки вопросов были посвящены вопросам освоения инновационных практик, культуре освоения высокотехнологичных товаров и услуг, информационным потребностям и самооценке готовности к участию в системе непрерывного образования.

Перечень инновационных практик, получивших распространения в современном сельском социуме, был уточнен в ходе пилотажного социологического исследования и на базе экспертного опроса, проведенного в селах Саратовской области в 2010 году (см. таблицу 2).

¹ «Средние классы в России: экономические и социальные стратегии». Руководитель – Т. Малеева. Московский центр Карнеги. 2001г. Выборка – 5 тыс. домохозяйств в 12 регионах России; «Городской средний класс в современной России». Руководитель – член-корреспондент РАН М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. Институт социологии РАН в сотрудничестве с представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. 2006 г. Выборка – 1765 человек по репрезентативной выборке в соответствии с данными Росстата в 19 регионах России; – «Люди – XXI: инновационный слой общества». Фонд «Общественное мнение». 2007г. Выборка – 34 038 респондентов. Общероссийский опрос населения 1972 населенных пункта, 68 субъектов РФ с репрезентативной выборкой в каждом регионе.

В ходе анкетного опроса были получены следующие данные о распространенности отдельных инновационных практик в локальных сельских социумах (см. таблица 3).

Таблица 2
Перечень повседневных инновационных практик, получивших распространение в современном сельском социуме

Использование новых технологий	Пользование мобильным телефоном, компьютером, Интернетом, спутниковым телевидением, вождение автомобиля. Наличие современной бытовой техники: микроволновая печь, видеокамера или цифровой фотоаппарат, автоматическая стиральная машина
Активное экономическое и финансовое поведение	Наличие опыта предпринимательской деятельности; покупка товаров в кредит; получение кредитов в банке; обращение с иностранной валютой
Участие в системе непрерывного образования	Получение дополнительного образования
Использование новых технологий и практик на личном подворье	Использование средств механизации, современных препаратов для повышения урожайности культур, защиты растений; приобретение семян новых сортов

Таблица 3
Освоение инновационных практик сельским населением трудоспособного возраста (в процентах к числу участников опроса)

Инновационные практики	
1.	Пользуются мобильным телефоном
2.	Имеют компьютер
3.	Пользуются Интернетом
4.	Водят автомобиль
5.	Имеют опыт предпринимательской деятельности
6.	Имеют опыт получения дополнительного образования
7.	Получали кредит
8.	Приобретали валюту
9.	Используют современные препараты для повышения урожайности культур, защиты растений
10.	Приобретают семена новых сортов
11.	Имеют средства малой механизации для работы на личном подворье
	Наличие современной бытовой техники
12.	Микроволновая печь
13.	Автоматическая стиральная машина
14.	Видеокамера или цифровой фотоаппарат
15.	Спутниковое телевидение

Полученные результаты свидетельствуют о том, что инновационные практики достаточно широко вошли в повседневную жизнь наиболее экономически активной части сельского населения.

По результатам анализа полученной эмпирической информации были выделены группы респондентов, дифференцированные в зависимости от количества освоенных инновационных практик. Удельный вес респондентов, освоивших одну инновационную практику, составил 10,8%; 2-3 инновационные практики – 24,3%; 4-5 – 32,3%; 6-7 – 20,7%; более 7 инновационных практик – 11,7%. Полученное распределение свидетельствует о том, что в сельском социуме имеется социальный слой, демонстрирующий высокую степень готовности к освоению новых социальных реальностей. Преобладание среди респондентов, освоивших наибольшее число инновационных практик, представителей социальных групп, имеющих значительный социальный вес в сельском социуме (специалисты с высшим образованием, предприниматели и квалифицированные рабочие), позволяет сделать вывод о том, что именно отношение представителей этого слоя к тому или иному новшеству во многом определяет его судьбу (прежде всего скорость инновационного цикла) в данном социуме.

Исследования отношения сельчан к так называемым «проблемным инновациям» показали, что сельские жители хорошо информированы о возможных негативных последствиях применения некоторых современных средств повышения урожайности и защиты растений, а также употребления в пищу продуктов, содержащих консерванты, красители или генномодифицированные объекты. Современные препараты для повышения урожайности культур, защиты растений используют лишь 34,2% респондентов. При этом необходимым условием использования данных средств для 63% респондентов, применяющих подобные препараты, является уверенность в их безопасности. А в целом по массиву каждый второй отметил, что предпочитает не рисковать и использует традиционные методы.

При выборе продуктов питания обязательно обращают внимание на наличие в их составе химических добавок и ГМО 35,7 % респондентов. Особенно внимательны к составу приобретаемых продуктов женщины (43,0% участниц опроса против 22,0% у мужчин). От случая к случаю следят за составом приобретаемых продуктов порядка 40% участников опроса. Никогда не обращают внимания на данную информацию только 16,7% женщин и 26,8% мужчин. Важнейшими факторами, определяющими отношение сельских жителей к присутствию в составе продуктов питания химических добавок, являются уровни образования и благосостояния. Для женщин важным фактом является также наличие маленьких детей в семье, а для мужчин – возраст (среди мужчин 40–50 лет каждый второй следит за составом потребляемых продуктов). Таким образом, реальное потреби-

тельское поведение в отношении данных инноваций определяется сочетанием таких факторов, как наличие материальных возможностей для выбора продуктов питания и ценность сохранения здоровья себя или своих близких

В связи с все более широким распространением сложной бытовой техники актуальным становится вопрос о культуре ее эксплуатации, в частности, отношении к прилагаемой инструкции. Ответ на него представляет интерес и с точки зрения оценки готовности сельских жителей к освоению новой техники, требующей четко установленного разработчиками режима эксплуатации не только в быту, но и на производстве. По результатам опроса четко выполняет все требования инструкции лишь каждый пятый участник опроса и столько же респондентов предпочитают осваивать все самостоятельно. Наиболее популярным стал вариант ответа «Инструкцию читаю, но выполняю те требования, которые считаю необходимыми» (27,7%). Способ освоения новой техники в наибольшей степени зависит от пола респондента, его возраста и уровня образования. Наибольшие различия в отношении к инструкции в зависимости от пола наблюдаются среди респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием. В данной группе полностью самостоятельно осваивают новую технику 44,2% мужчин и 13,4% женщин, полностью соблюдают все требования инструкции 27,4% женщин и только 11,1% мужчин. Чаще других полностью игнорируют прилагаемую инструкцию мужчины моложе 35 лет с высшим образованием, если они читают инструкцию, то выполняют только те требования, опасность нарушения которых четко описана в инструкции. Чем выше уровень образования у женщин, тем реже они пытаются освоить новую технику, не читая инструкции. Наиболее внимательны к требованиям разработчиков женщины с высшим образованием в возрасте 35–50 лет.

Развитие современных технологий само по себе не приводит к стиранию ранее существовавших различий, а, напротив, ведет к появлению новых видов дифференциации. Особое внимание в настоящее время уделяется проблеме «цифрового неравенства», под которым понимается неравенство населения в доступе к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ). Быстрое распространение и постоянное совершенствование информационных технологий ведет к расширению и углублению «цифрового неравенства» не только между городом и селом, но и между отдельными социальными группами внутри локальных сельских сообществ. Уровень доступности современных технологий определяется не только технологическими возможностями, но и такими факторами, как уровень благосостояния, уровень образования и активность участия в системе непрерывного образования, возраст.

По данным социологического исследования, мы попытались создать социальный портрет сельского Интернет-пользователя. В целом по массиву Интернет как важнейший источник информации указали 34,8%. При этом собственный компьютер имеют 71,7%, остальные используют возможность доступа в Интернет по месту работы. Основными факторами, определяющими степень активности в использовании Интернет-технологий, являются уровень дохода семьи, возраст, уровень образования, сфера занятости. По возрастным когортам наибольший процент Интернет-пользователей среди респондентов моложе 35 лет – 45,9%, в более старших группах порядка 30%. Уровень образования данной группы респондентов значительно выше, чем по массиву. Среди респондентов с высшим и незаконченным высшим образованием Интернетом пользуется 78%, средним профессиональным – 27% и начальным профессиональным – 9%, средним – 20 %. Если рассматривать отдельные социально-профессиональные группы, то чаще других Интернетом пользуются работники бюджетной сферы, руководители и специалисты сельскохозяйственных предприятий. Интересно, что в ходе исследования не выявилось зависимости от пола респондента. Среди женщин Интернетом пользуются – 36,6%, а среди мужчин – 32,8%, хотя большинство исследований отмечает, что сегодня Интернет является преимущественно мужской территорией. Полученный результат можно объяснить более высоким образованием сельских женщин и их преобладанием среди работников бюджетной сферы, среди которых Интернетом пользуются 65,5%. При этом 42,3% женщин, пользующихся Интернетом, не имеет собственного компьютера. Среди мужчин интернет-пользователей собственный компьютер не имеет лишь 10,0%.

Результаты исследования подтвердили и тот факт, что само наличие в доме компьютера не предполагает автоматически активное использование новых возможностей. Только 52% владельцев компьютеров ответили, что пользуются Интернетом при наличии технологической и экономической возможностей. При этом отсутствие интереса к освоению новых возможностей связано, прежде всего, не с возрастом, а уровнем образования респондента. Среди владельцев компьютера с высшим и незаконченным высшим образованием Интернетом не пользуются только 13,0%, со средним профессиональным – 64,1%, начальным профессиональным – 81,8%. Традиционное объяснение в данном случае – компьютер был приобретен для детей. Сам факт приобретения компьютера, в отличие от пользования Интернетом, в большей степени зависит от материального положения респондента. Владельцы компьютеров несколько отличаются от пользователей Интернетом и по другим социальным характеристикам: среди них больше представителей старших возрастных групп и шире представлены

различные социально-профессиональные группы, прежде всего квалифицированные рабочие. Нежелание освоить современные технологий при наличии экономической и технологической возможностей респонденты связывают: со своим возрастом – «учиться новому уже поздно»; с низким уровнем образования – «все эти премудрости мне не освоить»; либо с отсутствием возможности реализации новых знаний – «нам в деревне всё это ни к чему».

Интернет-пользователи являются наиболее активной социальной группой сельского населения с высоким уровнем профессионального образования и инновационной культуры. Они знают, как получать социальные и экономические выгоды от использования новых технологий, новых знаний, и демонстрируют высокую готовность к повышению квалификации, освоению новой профессии, заинтересованность в получении различных видов информации и потребность в получении различных видов информационных услуг.

Таблица 4

Частота выбора альтернативы ответа на вопрос анкеты, в зависимости от того, является ли для респондента Интернет одним из источников информации (в % по каждой группе)

	Интернет-пользователи	Не пользуются Интернетом	По массиву в целом
Хотели бы открыть собственное дело	45,7	25,6	32,6
Имеют опыт предпринимательской деятельности	28,3	12,8	18,2
Используют современные препараты повышения урожайности и защиты растений	50,0	29,1	35,3
Считают, что покупают новинки раньше остальных	22,3	11,6	15,3
Стремятся к карьерному росту	52,2	23,3	33,3
Считают, что успех в работе полностью зависит только от самого человека	60,5	37,2	44,8
Не нуждаются ни в каких информационно-консультационных услугах	6,7	47,7	34,1

Высокий уровень образования, стремление к профессиональному и карьерному росту определили уровень и характер их информационных запросов. Наиболее востребованы такие виды информации, как нормативно-

правовая документация (данную альтернативу ответили 41,3% интернет-пользователей при 27,3% по массиву в целом); обучающая и общеобразовательная информация (37,0% и 25,1% соответственно); рекламная информация (17,4% и 11,4%). Не нуждаются ни в какой информации лишь 4,3% интернет-пользователей при 19,7% среди всех участников опроса. Аналогичная ситуация и с потребностью в информационно-консультационных услугах. Только 8,7% интернет-пользователей отметили, что никакие информационно-консультационные услуги им не нужны, притом, что по массиву в целом эта альтернатива была самой популярной. Ее отметил каждый третий из всех участников опроса. К самым необходимым в их профессиональной деятельности информационным услугам респонденты, пользующиеся сетью, отнесли индивидуальное консультирование – 50,2% ответов, обучение – 28,3% и участие в семинарах – 26,1%.

Главный риск сегодня заключается в расслоении сельского социума, при котором только часть населения имеет доступ к современным технологиям, умеет их использовать и получает от этого социальные выгоды. Представители данной части сельского социума готовы к инновационным преобразованиям, при условии, что четко известны выгоды, которые они от этих изменений получат. Для остальных более важно постепенное улучшение существующего положения без каких-либо кардинальных изменений. Для преодоления сформировавшихся различий важно не только обеспечение технической и экономической доступности современных технологий. Необходимо обеспечить всем социальным группам и слоям населения равный доступ к получению новых умений и навыков, без которых возможности новых технологий для отдельных социальных групп останутся недоступными.

Литература

1. Оберемко О. Кого мы называем «Люди – XXI» / Оберемко О. // Социальная реальность. – 2008. – № 3. – С.42–65
2. Радаев В.В. Обычные и инновационные практики в деятельности российского среднего класса/ В.В. Радаев // Мир России. – 2003. – № 4. – С.89–119.
3. Традиции и инновации в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики/ Под редакцией А.Б. Гофмана – М., РОССПЭН, 2008. – 543 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводить итоги столь многовекторных мероприятий как фокусированное на единую тему обсуждение результатов исследований и дискурсивных аналитик, осуществленных преимущественно в специфических целях и ракурсах, довольно сложно. Ведь эти итоги, вопреки различиям, порою противоположным, в оценках авторов книги некоторых этапов и аспектов бытия села характеризуются богатством идей и постулатов, выходящих далеко за круг одной темы. Поэтому отметим лишь отдельные, наиболее важные, на наш взгляд, достижения авторского коллектива.

Во-первых, появление этой книги характеризует то отрадное обстоятельство, что российские аgro-сельские социологи, несмотря на разводившие их в разные стороны баррикад перестроечные процессы, не утратили качества относительно единого научного сообщества и потому способны к плодотворной совместной работе.

Во-вторых, отчасти в силу этого обстоятельства настоящая аналитика монографического типа стала логичным продолжением аналогичных аналитик, подготовленных на основе материалов заседаний в РГАЗУ (подмосковная Балашиха) аgro-сельской секции московского тура IV Конгресса социологов России. Однако вследствие авторства в ней объединенных сил она осветила аgro-сельскую проблематику более объемно и глубоко.

Что касается балашихинских аналитик, то их нацеленность была иная. Первая из них – «Состояние и перспективы аграрно-сельской России» – осветила актуальные вопросы и противоречия эволюции социально-экономического фундамента отечественной аgro-сельской социальной реальности. Вторая – «Социальное бытие российского села накануне вступления в ВТО» – рассмотрела наиболее острые проблемы функционирования этого фундамента, его потенциал и способность обеспечить эффективные ответы на вызовы, которыми чревато вхождение России в ВТО как организацию, являющуюся мощным инструментом управляемой Западом глобализации.

Подготовленная по итогам уфимских обсуждений аналитика многоаспектно осветила состояние российского села в первый год пребывания нашей страны в тенетах соглашений о вступлении ее в ВТО. За это время выявилось множество вызовов существованию не только российского села, в частности, но и суверенитета государства, а также цивилизационных устоев нашего общества в целом.

В-третьих, данная публикация отчетливо демонстрирует, что по отношению к российской аgro-сельской действительности окончательно уходит в прошлое нигилистическое небрежение ею радикальных либералов, объявивших, было, ее сельское хозяйство «черной дырой» отечест-

венной экономики, а социальную субъектность деревни синонимом консерватизма косной традиционности менталитета нашего населения. Безусловную вестернизацию же российского бытия – непременной и единственной альтернативой на путях его в будущее. В отличие от них эффективные ответы на вызовы глобализации авторы настоящей публикации видят в потенциале материальных, организационных, социальных, цивилизационных и т.д. ресурсов самой России, в способности ее населения оседлать мировые инновации технологий пятого поколения и войти в стадию постиндустриального состояния на гребне разработки и внедрения в практику технологий шестого уровня.

В-четвертых, идеи и постулаты, нашедшие отражение во многих разделах данной книги, свидетельствуют, что сегодня большинству российских аgro-сельских социологов чуждо то патерналистское, отдававшее снобизмом отношение к деревне, которое, так или иначе, характеризовало взгляды на нее обществоведов прошлых поколений, с возмущением зафиксированные известным деятелем XIX века А.И. Кошелевым, который писал об «интеллигентных людях», в том числе об ученых, присвоивших себе моральное право судить со своей колокольни о жизни деревни, не имея представления о потаенной ткани ее реального социального бытия.¹

Подход авторов данной монографической аналитики характеризуется взглядами их, так сказать, изнутри противоречий сельского бытия, носителями которых они отчасти являются сами. Хотя бы потому, что многие годы, разрабатывая его социальные проблемы, они, как и все прочие факторы субъектности деревни, на протяжении всей своей исследовательской деятельности лично прочувствовали весь ужас ее невостребованности политиками и прочими отечественными элитами, направляющими перестройку пореформенной России. И как основная масса сельских людей, они всеми своими усилиями, но в целом, сдается, малоуспешно пытаются доказать архиважность возрождения такой востребованности их деятельности для существования отечества.

¹ См.: Великая реформа. Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем. – М., 1911, – Т.6. – С.69.

Научное издание

РОССИЙСКОЕ СЕЛО В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Коллективная монография

Издается в авторской редакции

Подписано в печать 17.02.14
Усл. печ. л. 16,27. Формат 60x84 $\frac{1}{16}$
Тираж 200 экз. Заказ № 71

ГБОУ ВПО «БАГСУ»
450008, г. Уфа, ул. З. Валиди, 40

Отпечатано в соответствии
с представленным оригинал-макетом в издательство БАГСУ
450022, г. Уфа, ул. Менделеева, 134, кор. 2